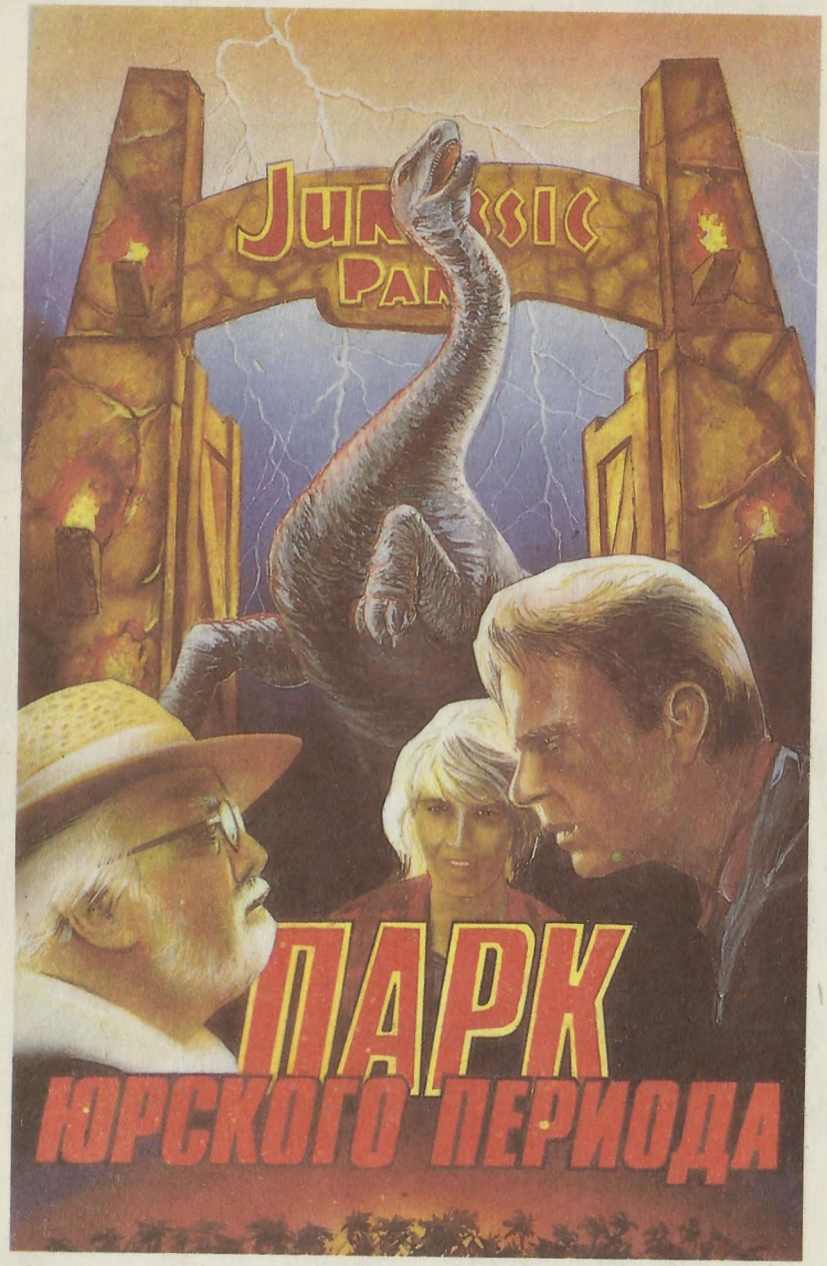
16

КИНГ КОНГ

ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА
МИЛЛИОНЫ ЛЕТ СПУСТЯ

БТ



БТ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

В книге два романа:

«ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА: МИЛЛИОНЫ ЛЕТ СПУСТЯ» Джона Беркли;

«КИНГ КОНГ» Эдгара Уоллеса и Мэриана Купера.

Ученый-генетик на одном из островов пытается организовать уникальный парк с вымершими миллионы лет назад рептилиями, которых он сумел воскресить к жизни. Однако природа берет свое — доисторические монстры, не без помощи людей преодолев все системы защиты, вырываются на свободу...

Геологическая экспедиция высаживается на затерянный в океане остров. Вместо нефти здесь обнаруживают огромную гориллу, в жертву которой, туземцы приносят прелестную блондинку, случайно оказавшуюся в составе экспедиции...

(Одноименный фильм удостоен премии «Оскар» Американской киноакадемии.)

ДЖОН БЕРКЛИ

ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА

МИЛЛИОНЫ ЛЕТ СПУСТЯ

☆☆☆

ЭДГАР УОЛЛЕС

МЭРИАН КУПЕР

КИНГ КОНГ

ЭРИКА · МОСКВА
1993

Эта книга из серии «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА», в которую вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой самых популярных кино- и видеофильмов.

По вопросам приобретения книг серии оптовых покупателей просим обращаться по адресу:
129090, г. Москва, ул. Гиляровского, 29
(проезд — метро «Проспект Мира»).
тел. (095) 288-39-77, 342-61-61.

Всемирные эксклюзивные права на перевод, издание и тиражирование в любом виде, а также распространение данной книги и входящих в нее произведений на русском языке, принадлежат издательству «ЭРИКА».

Перепечатка входящих в данную книгу произведений, полная или частичная, запрещена.
Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с разрешения издателя.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом.
Использование данного знака без согласования с издательством преследуется по закону.

ISBN 5-85775-022-9

© John Berkly, «Urasic Park: millions years later», 1993
(Джон Беркли, «Парк Юрского периода: миллионы лет спустя», 1993)
© Grosset & Dunlap, «King Kong», 1932
© «Эрика», издание на русском языке, 1993
© «Эрика», перевод, 1993
© «Эрика», оформление, 1993
© «Эрика», знак серии, 1993

ДЖОН БЕРКЛИ

ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА

МИЛЛИОНЫ ЛЕТ СПУСТЯ

John Berkly

«URASIC PARK: MILLIONS YEARS LATER»

«...— Вот, леди и джентльмены, откуда пошли те чудовищные ящеры, которые до сих пор вселяют в нас ужас, когда мы находим их скелеты в вельдских или золенгофенских сланцах. К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

— А это еще далеко не факт! — прогудел кто-то на эстраде...» «...Как страшно было в ту ночь в лесу!..»

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
«Затерянный мир».

Буря, вопреки ожиданиям, прошла стороной, зацепив остров лишь самым краем. Ливень был короток, однако, почва, там где не лежал асфальт, превратилась в зыбкое болото. Густой травяной покров несколько смягчал это неудобство, и все равно Джон Хаммонд — руководитель проекта — всерьез забеспокоился, удастся ли завершить намеченные на эту ночь работы. Стоя на смотровой вышке, он прислушивался к угрюмому урчанию ползущего через заросли мощного тягача-крана. Несколько раз машина увязала в топкой почве, и тогда рев двигателя становился болезненно-надсадным, кашляющим. Вездехода еще не было видно за густой стеной растительности, однако по силе звука можно было понять, что он уже достаточно близко.

Подняв голову, Джон взглянул вверх, в черное с золотистой россыпью звезд небо. Тучи ушли. Воздух, чистый и свежий, наполненный озоновой сыростью, вызывал дрожь. Пристроив поудобнее тонкую оправу очков на мясистом носу, Джон вдохнул полной грудью. Холодное течение ветра, как волны ленивой реки, охватило его плотное приземистое тело, остудило круглое лицо. Хаммонда мало беспокоила прохлада, хотя белая рубашка с короткими рукавами не могла защитить от ветра. Опершись пухлыми ладонями о стальной парапет вышки, он взглянул вниз. Слева, у главных ворот, в оранжево-белом тан-

це маячили вспышки сигнальных фальшфейеров. Сверху было отлично видно, как охрана выстраивается длинной цепью. В ярком свете прожекторов мелькали красные каски и такого же цвета куртки. Чуть дальше, сбившись в кучу, стояли рабочие парка, одетые в точности так же, как и охранники. Различие заключалось лишь в том, что первые держали в руках двенадцатимиллиметровые «мозберны».

Перед самыми воротами, тоже с ружьем в руках, светлым пятном застыл Сол Броуфстайн. Профессор усмехнулся. Его помощник и сейчас остался верен своему правилу: «одевайся практично». Шорты, свободная рубашка, сандалии и пробковый шлем придавали Броуфстайну вид тропического охотника, кем он, собственно, и являлся. Его умение выслеживать дичь в непролазных джунглях, где застревали даже вездеходы, ценилось Джоном высоко и соответственно высоко оплачивалось.

Неестественно белые, похожие на поваленные стволы исполинских деревьев колонны света, тянущиеся от прожекторов, упирались в зеленую шевелящуюся массу зарослей. Плотные листья пальм, сочнозеленые днем, сейчас, в свете не менее ярком, чем солнечный, теряли свою природную насыщенность и блекли, словно кто-то припорошил их пылью. Дождевые капли блестели на них, как огромные желто-голубые драгоценные камни. Пятна света медленно переползали с места на место. Они старались углубиться в джунгли, выпотрошить, раскрыть тайны, таящиеся в густом первозданном лесу, но тот не пускал их. Два-три ряда деревьев, а дальше — черная антрацитовая темнота.

Люди вглядывались в нее напряженно и настороженно. Из самой глубины их души, со дна, на котором почили забытые звериные инстинкты, поднимался иррациональный страх перед неведомым. Здесь, на острове, столкнулись вещи абсолютно несовместимые, лежащие на двух противоположных чашах эволюции. То, чего не могло случиться, случилось. Разум, логический, здоровый, был не в состоянии переварить это. Люди боялись. Рабочие — больше, охрана — меньше, но боялись все, кому, так или иначе, приходилось сталкиваться с творениями Джона Хаммонда и группы ученых Юрского парка. Это было вполне объяснимо, и Джон относился к проявлениям страха с пониманием, если они не влекли за собой ошибок, грозящих ущербом парку. Слишком многое было вложено в эту затею. Так считали все. И сам Джон, и инвесторы, деньги которых варились в этом первобытном котле. У них были разные цели, но достигались эти цели одним и тем же путем. Для Джона Юрский парк был мечтой всей жизни, которую он воплощал своими руками и умом. Для инвесторов же эта затея означала одно — баснословные деньги. Деньги, деньги и деньги, которые потекут в их карманы. Джон не смотрел на Юрский парк как на источник получения доходов, хотя подобное положение вещей его устраивало. В сущности, какая разница, как будет использоваться его детище? Главное, что оно *будет*. Джон создал его. Сделал то, что не удавалось до сих пор никому.

Подняв со столика бинокль, он приник к окулярам. Лица людей, собравшихся у ворот, приблизились, став резче и отчетливее. Конечно, они боялись. Каждый знал, что за работа предстоит через несколько минут. Даже максимальная степень защиты не могла удовлетворить их. И правильно, решил Джон. Правильно. Несомненно, они правильно оценивают степень существующей опасности. К этим животным — хотя они и созданы руками человека — нельзя относиться неуважительно. От этого они не становятся менее грозными и страшными. Некоторые из них без труда убили бы всех стоящих здесь людей.

Джон вздохнул и пробормотал себе под нос:

— Ну где же ты? Где же ты?

Ветер колыхнул верхушки исполинских деревьев, видневшихся в полукилометре от высоковольтного защитного ограждения. Черные шарообразные кроны шевельнулись, закачались под напором этой холодной силы, затряслись мелко и вновь замерли. Где-то далеко, в гудроновой темноте, протяжно и глухо заревел огромный зверь. Тоскливый полурык-полувой достиг ворот. Охранники повернулись на звук. В этот момент они, видимо, подумали о том же, о чем и Джон: «А вдруг?»

Казалось бы, надежность ограждений не вызывает со-

мнений. Несколько раз разбушевавшиеся животные пытались сломать его, прорвать, навалившись всем своим огромным весом на стальные тросы, но все эти попытки заканчивались неудачей, что должно было убедить людей в неуязвимости созданной ими системы безопасности. Однако, время от времени, в сознании каждого мелькала короткая пугающая мысль: *"А вдруг?"* Вдруг одному из них *удастся*, и тогда стаи этих жутких тварей хлынут в рабочую зону, сокрушая все, попадающееся на пути. И что станет с людьми? Посчастливится ли выжить хоть кому-нибудь? И буду ли среди них я?

ГРРООУНГ! — со стороны ворот раздался мощный гулкий удар.

Джон опустил бинокль и взял переговорное устройство.

— Деннис, это Джон. Что случилось?

— Ерунда, — ответил масляный одышливый голос в динамике. — Репторы снова пробовали пробить ограждение.

— Надеюсь, все нормально? — настороженно спросил Джон, поворачиваясь в ту сторону, где расположилась зона репторов.

— Да, все в порядке. Все в полном порядке. Этим тварям не вылезти, если, конечно, они не научатся летать.

Тот, кого называли Деннисом, визгливо засмеялся. Джон поморщился. Ему очень нравился Деннис Хоупер как работник. Никто лучше него не мог контролировать парк. Все, буквально все системы, начиная от внутренней телефонной связи и заканчивая общими системами безопасности, находились в ведении Денниса. Он был здесь вторым человеком после Джона. Если бы ему захотелось, он мог бы за минуту уничтожить парк, смешав или заблокировав данные в одном-единственном компьютере — своем. Хоупер управлял всем, заменяя, пожалуй, добрую дюжину программистов. В этом был огромный плюс, но и не менее огромный минус. Джон понял это слишком поздно. Деннис уже имел на него такое же влияние, как и любой из инвесторов, чем иногда был вовсе не прочь воспользоваться. Иногда. Не слишком часто, чтобы

вызвать вспышку гнева, но и не редко, чтобы оставаться недовольным.

Джон не любил Денниса-человека. И поэтому поморщился еще раз, поднимая бинокль к глазам.

Сол Броуфстайн медленно шел вдоль шеренги охранников, прислушиваясь к доносящемуся со стороны джунглей вою мотора. «Мозберн» он держал уверенно, мягко, как человек, привыкший к оружию. Ружье в его ладонях выглядело абсолютно естественно. Просто некое продолжение рук, возникшее в процессе эволюции этого человека. Суперохотник. Удивительный мужчина. В меру разговорчивый, не хвастливый, умный, к тому же обладающий великолепным чутьем на опасность. Именно он разрабатывал маршрут экскурсии по острову. Точнее, по парку. Причем Сол не только составил его, но и сумел доказать, что предложенный им маршрут самый лучший с точки зрения зрелищности. Джон согласился. Плюс к этому, Броуфстайн предложил лучшее деление парка на зоны для различных животных. Он учитывал огромное количество факторов, как естественного, так и искусственного происхождения. Окраска туристических автомобилей, оснащение для ночных экскурсий, местоположение гостиничного комплекса — все это и многое другое предложил Сол, и Джон был благодарен ему за то отношение, с которым Броуфстайн брался за дело. Он тоже любил парк. Правда, по-своему, как любит охотник свои угодья, пусть даже зная, что ему вряд ли когда-нибудь удастся поохотиться в них и украсить свой дом головой экзотической добычи. И тем не менее, Сол все-таки любил Юрский парк. И Джон любил тоже. Но иначе. Любовью создателя.

Отвлекшись от размышлений, он перевел бинокль на освещенный прожекторами участок зарослей. Рев мощного двигателя слышался уже совсем рядом. Вездеход почти преодолел часть джунглей, отделяющую научный комплекс от основной территории парка. Свет фар пробился сквозь черные стволы деревьев. К звериному рычанию мотора примешивался треск ветвей и хруст кустар-

ника, подминаемого колесами и траками широких резиновых гусениц.

Рабочие подались чуть назад. Охрана защелкала затворами винтовок. Массивные десятиметровые створки ворот разошлись, открывая расчищенную дорогу, по обеим сторонам которой возвышалась защитная изгородь. На белых столбах красовались таблички: «ОПАСНО! ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВОЛЬТ!». Такие надписи можно было увидеть по всему маршруту экскурсии. Точнее, будущему маршруту будущих экскурсий.

Спины охранников напряглись. Стволы «мозбернов» повернулись к зарослям.

— Так, так, так, — забормотал Джон. — Давай, покажись.

Хрупкий подлесок затрещал. Низкорослые молодые пальмы покачнулись. Густая стена зелени расступилась, выпуская из себя нечто напористо-шумное, механически бесчувственное и сильное. Единственный глаз-фара освещал размокшую полосу травы и вьюна, тянущегося от дороги до зарослей. Вездеход сбросил скорость, как только груз оказался в пятне слепящего света. На массивной стреле висела, покачиваясь, клетка-контейнер. Существо, заключенное внутри этой ловушки, ощутило жалящие уколы электрических лучей. Оно ненавидело белый, сводящий с ума свет. Прекрасно адаптируясь к любым условиям жизни, существо уже знало, что такое солнце и сравнительно тусклый свет люминесцентных ламп, когда вокруг ночь. Но этот свет, невыносимо жгучий, пробудил в нем природную ярость. Скрежещуще-скрипучий, фантастически громкий визг слух. Люди, затаив дыхание, наблюдали за клеткой.

Джон на своей вышке улыбнулся довольно. Ему нравилось то, что он видел. Это существо обладало колоссальной силой, злобой и отличной сообразительностью. Взяв в руки переговорное устройство, Хаммонд поднес микрофон ко рту.

— Сол, это Джон. Как дела?

— Все нормально, — спокойно ответил Броуфстайн. — Ребята держатся хорошо.

— А как тебе рептор?

— Дико орет. Ничего удивительного, если мы все оглохнем. Отличный экземпляр. Думаю, эта малышка приживется и будет наводить панику на твоих туристов.

— Это верно. Возможно, именно она будет самой лучшей особью в зоне репторов. Уже сейчас она крупнее самого крупного из них.

Существо вдруг резко и гулко ударилось о стену контейнера. Металл заскрежетал. По голубой поверхности, расколов на сотню частей эмблему парка, поползли черные трещины: лопнула краска.

— Джон? Это чертовски сильный зверь. Ты даже не представляешь насколько. Она прогнула стену контейнера. Подумай только! Даже Ти-рекс не смог этого сделать.

Голос Сола дрожал от возбуждения. Он уже видел существо на мушке тускло отливающего сизым «мозберна».

Джон засмеялся.

— У Ти-рекса не было такой свободы маневра.

— Черт возьми, но это... Это превзошло все мои ожидания. Отличный экземпляр. Просто великолепный. Потрясающе!

Джон воспринял сказанное, как справедливую похвалу. Он ощущал себя волшебником. Богом, перекраивающим мир на свой лад, делающим природу такой, какой ему хотелось бы видеть. Всесилен и всемогущ. Ему было подвластно бытие. Он создавал жизнь. Сам. Осознание этого поистине глобального факта переполнило его чувством гордости.

Джон еще продолжал улыбаться, когда вездеход медленно двинулся вперед, к воротам. Цепь охранников расступилась и вновь сомкнулась, образовав за приземистой кормой машины замкнутое полукольцо. Водитель старался держать вездеход ровно, не беспокоить заключенное в контейнере животное. Лучи прожекторов повторяли все маневры машины, удерживая ее в ярком белом потоке. Сол шагал рядом, отдавая необходимые команды.

— Всем быть предельно осторожными! — зычным голосом прокричал он. — Смотреть в оба!

Рабочие видели лопнувшую краску на боку контейнера, вздыбившуюся от страшного удара металлическую поверхность. Они могли представить себе силу и мощь заключенного внутри существа. Им не нужно было напоминать об осторожности лишний раз, однако Сол предпочел сделать это. Он мог бы рассказать им и о коварстве твари, называемой рептором, но сейчас это было бы лишним. Зачем? Оно заперто. Оно не охотится.

— Ближе к воротам! — обернувшись к маячащему за толстым стеклом триплекса напряженно-сосредоточенному лицу водителя, крикнул Сол. — Постарайся поставить контейнер поближе к воротам. Давай!

Вездеход дернулся, и существо в клетке вновь заорало. Пронзительный и скрипучий звук взмыл к темному небу, проплыл над джунглями. И был он ужасен. В нем слышалась ярость. Звериная, буйная, смешанная с дикой природной злобой и осознанием собственной беспомощности. В нем не было тоски, присущей зверям в зоопарке. Рептор понимал, что значит *несвобода*. Для него свобода существовала за стенками ловушки, тросами высоковольтного ограждения, за пределами зоны, в которую его загнали двуногие неуклюжие существа. Нужно было лишь преодолеть эти препятствия. Решить проблему, найти выход. Рептор ждал момента, когда удастся использовать данные ему самой жизнью ловкость и силу.

Машина качнулась и, осев на передние катки, остановилась. Контейнер, подвешенный на массивной стреле, едва не ударился о ворота.

— Отлично! — прокричал Сол. Он все время кричал. Не от боязни, что его не услышат. Просто так легче удержать внимание людей, заставить их собраться. — Опускайте его! Опускайте!

Барабан начал вращаться с утробным гулом, медленно, все больше стравливая трос, пока, наконец, клетка не коснулась земли. Рабочие сгрудились вокруг нее, отстегивая зажимы. Вездеход мягко откатился назад. Двигатель смолк. Тишина казалась неестественной. Привыкшие к реву мощного мотора люди поначалу не могли уловить в ней посторонних звуков. Через несколько секунд, словно кто-то постепенно поворачивал регулятор громкости, проявился природный фон. Шорох ветвей, хор древесных жаб, стоны ночных птиц и завывания каких-то животных. Далеко за деревьями вдруг родился новый звук. Трубный вдох. Одна протяжная басовая нота, вибрирующая в чьем-то огромном горле, огласила тесный мирок парка. Кричащее существо должно быть было настоящим гигантом. Оно звало кого-то, а может, плакало, выпуская терзающую его, такую же первобытную, как и оно само, тоску.

Желто-голубая большая луна висела над деревьями в серебристой дымке, пробуждая в обитателях островка древние, как жизнь, инстинкты, заставляя их вздрагивать во сне или реветь, задрав уродливые морды к фиолетово-черному небу.

Здесь все базировалось только на инстинктах.

Нота слышалась примерно полминуты. Сначала слабая, она быстро набрала силу, став выше и четче. В ней появились страшные переливы. Голос то становился тонким, то вновь опускался до низких регистров. Люди слушали молча. Даже привыкший ко всему Сол повернул голову в том направлении, откуда доносилось «пение». Лицо его, постоянно сохраняющее угрюмое выражение, на мгновение изменилось. В эту секунду он почувствовал странное волнение, которое, должно быть, ощущали далекие предки всего человеческого рода много миллионов лет назад, сидя у костра такой же чернильной ночью и слушая этот плач.

Голос оборвался внезапно, на очередной высокой ноте. Переливчатая рулада так и осталась незавершенной. Рептор заволновался в своей ловушке. Теперь, когда двигатель смолк, можно было отчетливо слышать его гортанный птичий клекот. К этому звуку добавлялся еще один: люди различали, как скребут по стали острые длинные когти на мускулистых, необычайно развитых задних лапах. Несколько раз рептор хлестнул хвостом по стене контейнера, вызвав низкий с хрипотцой гул. Словно ударили в треснувший колокол.

— О'кей, ребята, — громко сказал Сол, обращаясь к

рабочим. — Надо придвинуть эту штуку к воротам вплотную. Чем плотнее мы прижмем ее, тем лучше. Давайте, за работу.

Холодный ветер принес из глубины острова едкий запах асфальтовых болот, с примешивающимся к нему сладковатым ароматом экзотических цветов и туманным — мокрой древесной коры.

Сол вобрал эти запахи в широкую крепкую грудь, а затем вновь скомандовал:

— За работу, парни!

Он прошел к воротам, проверяя зазор между распахнутыми настежь створками и стальными боками контейнера.

— Двигайте его ближе!

Рабочие, упершись ладонями в ребристые бока ловушки, принялись толкать ее вперед. Рептор внутри завозился, затопал тяжело, пытаясь сохранить равновесие. Когти со скрежетом царапали проклепанный пол. Полоска желто-белого яркого света проникала сквозь узкую смотровую щель внутрь контейнера, и животное, наклонив голову, старалось выглянуть наружу. Оно ощущало холод, вползающий в душное тесное пространство клетки. Чувствовало запахи, причем гораздо тоньше, чем люди. Ноздри его трепетали, а клекот сменился угрожающим глухим рычанием.

Сол слышал этот зловещий звук, но не обращал на него внимания. Так, свирепо и яростно, хрипят все дикие животные, попавшие в капкан, когда чувствуют *человека*. Рептор не был исключением. Он, в сущности, ничем не отличался от других хищников. Может, был гораздо крупнее, умнее и опаснее. Однако последний фактор можно было не учитывать. Стенки ловушки служили вполне надежной защитой.

Контейнер, царапая размокшую землю, медленно, рывками, придвинулся к проему ворот и остановился. Один из рабочих — крепкий коренастый негр — заглянул в щель, за которой таилось ужасающее нечто, и тут же непроизвольно отпрянул назад. Что-то сидящее внутри него, сохранившееся в крови, шепнуло: «Держись от этой

штуки подальше, приятель. Держись подальше, если хочешь сохранить свою задницу в целости». То, что он увидел, поражало. Ничего особенно страшного там не было. Глаз — вот и все, что удалось ему рассмотреть. Большой, размером со сжатый кулак взрослого мужчины, водянистый глаз. Бесцветная вертикальная полоска зрачка пульсировала в зеленовато-желтом глазном яблоке. Тонкая дымчатая пленка нижнего века закрывала его почти полностью, когда чудовище моргало. Но было в нем кое-что, испугавшее рабочего куда больше, чем само существо. Разум. Злобное жутковатое коварство, наполненное непередаваемыми оттенками, светилось во взгляде рептора. Рабочий привык видеть туповато-инертные глаза собратьев этой рептилии, и, наверное, поэтому осмысленное выражение глаз рептора так удивило и напугало его. Он судорожно сглотнул, прошептав себе под нос замысловатое ругательство.

— Эй, что сказал тебе этот парень? — спросили сзади. — Кем из нас он собирается поужинать?

Негр не ответил. Вместо него это сделал кто-то другой.

— Не знаю, кого он выберет себе в компанию, но мне бы не хотелось, чтобы это был я.

— Думаю, никому бы этого не хотелось, — весело поделился первый, худощавый брюнет.

— Это уж точно, но мне в особенности, — тут же подхватил второй. — Держу пари, эта штука на самом деле даже опаснее, чем тебе представляется.

— Можешь смело ставить последний доллар и не прогадаешь, — подал голос кто-то с другой стороны, ничуть не сомневаясь в том, что говорит. — Один парень из обслуги рассказывал: парочка таких тварей за минуту может обглодать быка.

— Они пробовали?

— На кормежку вокруг их загона собирается целая толпа.

— И что? — с живым интересом осведомился голос.

— Рев стоит такой — уши затыкай. А от быка даже костей не остается, — охотно объяснил брюнет, скривившись в гримасе.

Разговор оборвался. Все переваривали рассказ приятe-

ля. Негр вздохнул. Его чуть отпустило, но разумный гипнотизирующий взгляд рептора посеял в нем крупицу страха. Недостаточную, чтобы перерасти в слепой ужас, но ее с лихвой хватило, чтобы человек почувствовал пугающую неуверенность. Мурашки покрыли его кожу мелкими пупырышками. На лбу под каской, у самой границы курчавых жестких волос, выступили бисеринки пота. Он просунул указательный палец под ремешок и размазал их, ощутив глубокую морщину, прорезавшую лоб. С видимым усилием негр расслабился и вздохнул.

«Это — дерьмо, — подумал он. — Дерьмо, потому что эти чертовы эксперименты противоестественны. Люди лезут не в свое дело. Бог разгневается, и тогда нам останется только молиться и просить о милости. Его. Но он не любит гордецов, а мы неуемны в своей гордыне. Это все — дерьмо».

Обернувшись, негр увидел обходящего контейнер Сола Броуфстайна и невесело усмехнулся.

«И ты. Док Джон надеется на свой гений, ты — на винтовку в руках. И то, и другое — ничто. Пыль. Он все видит. И когда придет час, ничто не спасет вас. Ни то, ни другое. Ни разум, ни ружья».

Ему стало тяжело. Взгляд ли рептора был виной тому, либо что-то другое, но рабочий почувствовал неестественную беспочвенную тоску. Захотелось лечь и смотреть в небо. Просто лечь и смотреть. Это был патологический страх, отличающийся от страха будничного, реального. Страх перед вечной неизвестностью. Его сердце, разум, его глубинное «я», древнее, пришедшее от предков, уже знало что-то, чего пока не знал он, реально сориентированный в пространстве и времени.

— Подвиньте-ка контейнер еще поближе к воротам. Вплотную.

Два десятка рук ухватились за стальные борта. Дружный выдох, и контейнер гулко ударился о массивные опоры ворот.

— Отлично, парни, — угрюмо, в своей обычной манере, объявил Сол. — Можно поднять наружнюю стенку и выпустить эту красавицу.

Полукольцо охранников придвинулось к рабочим почти вплотную. Даже они, держащие в руках сокрушительную силу двенадцатого калибра, напряглись. Обтянутые красными форменными куртками спины чуть сгорбились, люди подались вперед, локти оттопырились. Мгновение, и черные приклады прижмутся к плечам, а пальцы начнут жать курки, выпуская смертоносные плевки рыже-красного огня.

Негр увидел это так отчетливо, словно стрелки уже открыли пальбу по вырвавшемуся из клетки рептору. Но это, разумеется, было всего лишь видение. Над самой головой, в кроне кипариса, закричала ночная птица. Ее вопль напоминал человеческий плач, и рабочий непроизвольно повернул голову к темным, лениво шепчущимся зарослям. А повернувшись, он пропустил тот самый роковой момент, когда из пазов извлекли три крепких алюминиевых задвижки толщиной в человеческую руку. Створка клетки поднялась.

Рептор видел, что препятствие, отгораживающее его от *свободы*, исчезло. Путь вперед был открыт, и он мог идти... но *не двинулся* с места, потому что именно этого и хотели люди. Двуногие. Там, впереди, не было свободы. Хищник чувствовал это инстинктивно. Всем своим звериным нутром. Но от него ждали строго определенных действий, которых он совершать не собирался. Рептор оглядел. В том месте, где стальная стенка контейнера обрывалась пустотой, примерно на десять сантиметров торчала опора ворот, сделанная из тиссовых бревен. Рептор быстро сообразил, *что* ему нужно предпринять.

Удар был дьявольски силен. Никто не ожидал того, что случилось. Зверь перехитрил людей. Опора затрещала, но выдержала, однако сам контейнер отошел назад. Между ним и воротами образовалась щель не меньше двадцати сантиметров. Борт контейнера, резко пошедший в сторону, смел людей, разрушив цепочку, и повалил их на землю, легко, как игрушечных солдатиков.

— Контейнер!!! — заорал Сол. — Придвиньте контейнер! Быстрее!!! Быстрее же!!!

Он одним прыжком покрыл расстояние, отделявшее его от ловушки, и уперся мускулистым плечом в рифленую сталь. Ноги по щиколотку погрузились в мягкую почву. На шее Броуфстайна вздулись жилы. Ему на подмогу кинулись несколько рабочих, успевших подняться или чудом удержавшихся на ногах. Остальные все еще барахтались в траве, ища выпавшее из рук оружие и громко выкрикивая проклятия.

— Быстрее!!! Все!!! Не дайте ему вырваться наружу!!! — хрипел Сол, навалившись на клетку, тщетно пытаясь сдвинуть контейнер с места. — Быстрее!!!!

Охранники поспешили на помощь. Упираясь спинами в стенки ловушки, они объединили силы в одном мощном рывке.

Рептор страшно закричал. Он понимал, что уходит самое дорогое — время. Преимущество внезапности утекает, теряется с каждой секундой. Рептилия предприняла еще одну попытку. Удар получился более слабым, чем первый. Люди должны были благодарить Бога и Везение. Во время первой атаки рептор повредил плечо, и они выдержали натиск. Контейнер остался на месте. Он не сдвинулся назад, хотя и не приблизился к воротам.

На смотровой вышке Джон приник к окулярам бинокля. Сердце его билось учащенно. Горячий пот струился по шее, несмотря на холод ночи. Он напряженно наблюдал за борьбой внизу. Если бы рептилии удалось вырваться, пока еще просто неприятный инцидент превратился бы в кровавый кошмар.

Рептор попытался просунуть в щель морду и передние лапы, увенчанные острыми, как бритвы, когтями. Его зрение уловило движение, и, повинуясь инстинкту, он, лязгнув мощными челюстями, вцепился в бьющееся на земле существо. Двуногого.

Негр закричал, когда искривленные клыки сомкнулись на его предплечье, разорвав мышцы, жилы и вены, перекусив кость. Смрадное дыхание рептора горячим дуновением коснулось лица, обдав человека гнилостным запахом. Глаза рабочего выкатились из орбит, рот распахнулся в истошном вопле. Мышцы лица свело гримасой ужаса. Кровь хлынула по плечу, шее, упала дымящимися тяжелыми каплями на влажную землю.

— Помогите ему! Помогите!!!

Крик донесся до рабочего сквозь яростный рев чудовища. Он понял, что умирает. Зверь не выпустит его.

— Помогите же ему!!!

Рептора ослепил вкус крови. Ярость и животная злоба сводили с ума. Сейчас ему хотелось только одного: убивать. *Убивать*. Он еще плотнее сжал челюсти и рванул жертву внутрь контейнера. Клыки без труда взрезали человеческую плоть. Оторванная рука конвульсивно дернулась. Пальцы спазматически согнулись и тут же сжались. Мгновенным точным движением рептор вцепился в человека еще раз. Теперь его зубы раздробили ключицы.

— Отгоните ее! — заорал Сол. Он видел, что все рабочие успели подняться, и поспешил к распростертому, бьющемуся в уродливой пасти негру. — Оттесните ее от щели! Быстро!

Двое охранников с баграми в руках подскочили к контейнеру. Острия крючьев вонзились в серо-зеленое пупырчатое тело рептора, вырывая из него клочья мяса и кожи, но рептилия, похоже, даже не заметила этого. С еще большей яростью она принялась терзать тело жертвы.

— Отгоните ее! — страшно и хрипло завопил Сол.

Утробное рычание чудовища заглушало крики. Броуфстайн видел перекошенное лицо и раздувшееся горло умирающего. Негр уже не мог произнести ни звука. Он был в шоке. Оторванная, словно отсеченная острейшим лезвием рука валялась тут же, под ногами. Подошвы сапог втаптывали ее в землю.

«Как акула, — мелькнула мысль в голове Сола. — У этой твари акульи зубы».

Он понимал, что спасти человека уже не удастся. Но если это все же случится, парень останется изуродованным, калекой, полутрупом. Плечо и часть груди негра превратились в дряблую, киселеобразную кашу. Клыки рептора безжалостно перемалывали тело в мелкий фарш. Чудовище опьянело от крови. Оно предприняло еще одну

попытку втянуть свою добычу в ловушку. Сол никогда не думал, что человека можно протащить в такую узкую щель, но рептилии это удалось. Захрустели, ломаясь, кости, ребра. Тело рабочего до половины исчезло между накренившейся опорой и стеной контейнера. В свете прожекторов мелькнула красная, густо покрытая темно-алыми пятнами куртка и ошметки культи, оставшейся от левой руки. Черные брызги крови повисли на светлом боку клетки. На треснувшей краске, на эмблеме Юрского парка.

Последним, невероятным усилием рабочему удалось вцепиться ладонью правой руки в стальной борт, там, где была приварена скоба запора. Человек боролся за жизнь.

Подбежавший Сол схватил агонизирующего рабочего за ноги и попытался вытянуть наружу. Ему почти удалось это. Несколько секунд он и рептор боролись друг с другом. Броуфстайн с отчаянием понял, что рептилия побеждает. С каждым мгновением жертва все больше и больше исчезала в темном проеме. Разжались коричневые пальцы. Сол, с каким-то совершенно неуместным удивлением, заметил нежно-розовые ногти на руке умирающего — деталь, уже не имеющая ни малейшего значения. Никому не важная, не могущая ничем помочь несчастному парню, погибающему такой жуткой смертью, но почему-то запавшая в память Сола Броуфстайна. Последний рывок, и окровавленное, раздавленное тело поглотила темнота.

И тогда Сол заорал срывающимся от злости голосом:

— Стреляйте в нее!!! Стреляйте!!!

Из контейнера доносилось торжествующее рычание, перемежающееся влажным чавканьем и хрустом разрываемых тканей. Выхватив у одного из охранников «мозберн», Броуфстайн просунул ствол в смотровую щель и, мгновенно поймав на мушку желто-зеленый хищный глаз, нажал спуск.

* * *

Джереми Эль Спайзера недолюбливали все, с кем бы

ему ни приходилось иметь дело. Он прекрасно понимал это, знал причины такого отношения к себе, но ничего не предпринимал, чтобы изменить существующее положение вещей. Джереми Эль Спайзер, — а он настаивал, чтобы его называли именно так: «Джереми Эль Спайзер», — был младшим компаньоном крупной адвокатской фирмы «Питерс, Самуэльсон и Спайзер», располагающейся в Сан-Франциско и имеющей филиалы в Лос-Анджелесе и Санта-Барбаре, Калифорния. Виртуозно разбирающийся в юриспруденции, да и не только в ней, Джереми заслужил уважение клиентов и стойкую нелюбовь людей, с которыми ему приходилось контактировать по поручению первых. Будучи от природы человеком чрезвычайно дотошным и скрупулезным, он, ведя дела, умудрялся раскапывать такую информацию, которой вряд ли могло похвастать даже Федеральное Бюро. Острая наблюдательность и удивительная способность подмечать малейшие неточности и неполадки помогали ему в работе. Надо отдать должное этому человеку, он никогда ничего не говорил зря. Клиенты доверяли ему. Они знали: если Джереми Эль Спайзер что-то утверждает, то можно не сомневаться — так оно и есть.

По какому-то фатальному совпадению, фирмы и проекты, которые проверял Джереми, как правило, не вызывали его доверия, и он, выполняя свой долг, был вынужден представлять своим клиентам далеко не самые утешительные выводы. С точностью аналитической машины адвокат рассчитывал возможность грядущего разорения фирмы или краха проекта, а значит, и потери денег инвесторами, с которыми он чаще всего работал. Прогнозы его оправдывались. Джереми получал стабильно высокие гонорары, уверенно продвигался по служебной лестнице, одолевая ступеньку за ступенькой. В его возрасте, Эль Спайзеру только-только стукнуло тридцать восемь, он вполне мог рассчитывать отойти от дел в пятьдесят пять очень и очень обеспеченным человеком. Уже сейчас Джереми с оптимизмом смотрел в будущее, и это вовсе не было переоценкой собственных возможностей.

Его не смущала довольно заурядная внешность мелкого клерка. Высокий рост, невероятная худоба, осунувше-

еся, такое же худое, как и тело, рыбье лицо, острые, распирающие желтушную кожу скулы, запавшие бесцветные глаза, жидкие прилизанные темные волосы, сквозь которые проглядывала ранняя лысина, бледно-розовые губы и хрящеватый с горбинкой нос. Вот довольно поверхностное описание Джереми Эль Спайзера. При ходьбе он высоко поднимал ноги, становясь похожим на болотную цаплю, несмотря на изящный, очень дорогой костюм, шикарные туфли, золотые запонки и такие же часы. Добавьте к этому старательно-вкрадчивую манеру говорить, чуть-чуть нарочито вальяжные жесты, хотя и соответствующие положению, но выглядящие довольно смешно, и вполне сможете представить себе адвоката Джереми Эль Спайзера. Остается только добавить, что его не любили женщины — у слабого пола он вызывал прямо-таки стойкое отвращение, и от этого у адвоката развился комплекс неполноценности. К услугам проституток Джереми не прибегал, боясь, что его не станут любить даже за деньги. Свою постоянную неуверенность адвокат скрывал за высокомерно-холодным тоном, который постепенно вошел в привычку.

Сейчас Джереми Эль Спайзер задыхался от жары в своем сером вулмарковском костюме, — полторы тысячи долларов, чистая шерсть, — под палящим зноем бразильского солнца. Оно висело над головой белым раскаленным шаром. Джереми уже пожалел, что не надел костюм полегче и не захватил с собой шляпу. «Она пришлась бы как раз кстати, — подумал адвокат. — Так ведь вполне можно заработать тепловой удар, а если еще учесть, что плывешь на странной узкой лодочке по одному из рукавов Амазонки, то подобная перспектива представляется и вовсе малопривлекательной. Стоит упасть в воду, как полчища крокодилов поспешат закусить тобой. Уж они-то не станут разбираться, каков у тебя годовой доход и что за туфли на ногах. Этих тварей здесь полным-полно. По крайней мере, несколько штук показывал стоящий в лодке с шестом в руках, обгорелый, как головешка, бразилец». Стоило Джереми обернуться, как тот тут же растягивал шоколадные губы в белозубой ослепительной улыбке и, не понятно чему, кивал курчавой головой. Его

глаза искрились весельем, причины которого адвокат не мог понять и вовсе. Бразилец разговаривал только на испанском, которого Джереми не знал, и поэтому выяснить продолжительность путешествия не представлялось возможным, а значит, оставалось только одно: молчать и ждать, чем Эль Спайзер и занялся. Он ждал и молчал, оглядывая живописную природу.

Мутноватая река лениво несла свои воды, чуть покачивая шаткую, хотя и очень подвижную лодочку. Огромные деревья то и дело смыкались в зеленый туннель, — в такие моменты на голову Спайзера падала благославенная тень, остужая его пропеченную до самого черепа залысину, — и вновь расступались, открывая травам и тростникам тропическое расплавленное солнце. Хрустальные блики играли на зеленоватой воде, облака ила медленно плыли навстречу лодке, огибая ее. Иногда в них мелькали глянцево-темные спины каких-то рыб. Они всплывали к поверхности и вновь уходили на глубину, ударив по воде хвостом, оставляя после себя крохотные водовороты.

Бразилец с нудной монотонностью работал шестом. Джереми слышал за спиной равномерные всплески. Весь этот диковинный мир казался ему едва ли не другой планетой. Зная о существовании Бразилии вообще, но прожив всю свою сознательную жизнь в крупных городах, Эль Спайзер теперь наслаждался бы дикой необузданностью природных красок, если бы не проклятое душащее солнце и не дело, ради которого он, собственно, и оказался тут. Дело, касающееся, ни много ни мало, двадцати миллионов долларов, целой толпы рабочих, крупных инвестиций и, что немаловажно, его, Джереми Эль Спайзера, гонорара. По высшим ставкам, разумеется.

Река сделала плавный поворот. Ветви деревьев склонились до самой воды, и адвокату пришлось пригнуться. Выпрямившись же, он с некоторым удивлением обнаружил прямо перед собой крохотный досчатый причал, а на причале коренастого, коротко стриженного мужчину, одетого в легкую рубашку, брюки хаки, колени которых были изрядно запачканы пылью, и тяжелые армейские ботинки на каучуковой подошве. Широкоскулое лицо,

крупный нос, от которого к уголкам полных губ тянулись две глубокие морщины, тяжелый подбородок, под которым виднелась до красноты обожженная солнцем, шелушащаяся бычья шея. Глаза мужчины скрывали поларoидные солнцезащитные очки. Мускулистые руки уперлись в бока. Волосы, с изрядно проступившей сединой, топорщились щеточкой. Мужчина улыбался. Не дружески, скорее, язвительно, что, само собой, не могло понравиться адвокату. Мало того, что этот человек должен был встретить его в аэропорту и не встретил, но, судя по всему, он и не чувствовал за собой никакой вины. Джереми подавил растущее в груди раздражение, — хороший адвокат должен уметь обуздывать свои эмоции, — и даже нашел в себе силы улыбнуться, хотя и довольно сухо.

Мужчина, созерцая приближающуюся лодку, скользнул насмешливым взглядом по неуместному в такую жару тяжелому костюму Джереми и усмехнулся, теперь с явной, неприкрытой издевкой. Губы его шевельнулись, и адвокат скорее прочитал, чем услышал:

— Пожаловал, не запылился.

Мужчину звали Эбби Леннокс. Он работал у Джона Хаммонда, добывая для парка необходимые ископаемые материалы. Его не интересовало использование найденных им экспонатов. Эбби нравился сам процесс раскопок, и уж в этом мало бы нашлось людей, способных сравниться с ним по работоспособности и мастерству.

Адвокат назвал его про себя «Гробокопателем». Эбби, в свою очередь, окрестил Джереми «Торквемадой»[1], однако, когда борт лодки коснулся причала, оба улыбались друг другу. Неимоверно фальшиво.

— Добрый день, — первым протянул руку адвокат. — Как дела?

— Добрый, — равнодушно ответил Эбби, продолжая растягивать губы в резиновой улыбке. — Добро пожаловать. Как добрались?

Джереми быстро взглянул на собеседника: не издевается ли. Но тот казался абсолютно спокойным.

— Нормально. Спасибо.

[1] Торквемада — испанский инквизитор, прославившийся своей изощренной жестокостью.

Лодка отошла от причала и тронулась в обратный путь. Бразилец-рулевой так и не сказал ни слова. Эбби проследил за ним глазами, вздохнул, еще раз смерил гостя взглядом и кивнул на узенькую тропку, уходящую в заросли. Джереми знал: где-то впереди должны быть шахты, в которых и добывает «Гробокопатель» свои побрякушки.

Они медленно пошли к зарослям.

«Надеюсь, у них здесь есть душ», — подумал адвокат, стараясь отдуваться не слишком громко и открыто, чтобы лишний раз не дать Ленноксу повода позубоскалить.

— Почему меня не встретили в аэропорту? — спросил он.

— Не было возможности, — спокойно пожал плечами Эбби.

Тон, которым это было сказано, подразумевал: «У нас есть дела и поважнее, чем сломя голову мчаться встречать олухов, вроде тебя».

Джереми решил, что пора дать понять этому человеку, кто здесь чем занимается. У него своя работа, и если «Гробокопатель» думает, что на нем сошелся свет клином, то глубоко ошибается. Стоит только ему, Джереми Эль Спайзеру, сказать одно слово...

Адвокат криво ухмыльнулся.

— В нашем случае, когда речь идет об огромных деньгах, целой куче рабочих и, собственно, о прекращении финансирования работ по Юрскому парку, вы будете говорить это мне? — Джереми саркастически покачал головой, выражая недовольство. — Что, мистер Хаммонд не хочет меня видеть?

Эбби посмотрел на него с любопытством. Парень оказался не таким размазней, как показалось на первый взгляд. Хотя это, в сущности, ничего не меняет.

— Он не смог на выходные даже побыть со своей дочерью. Это при том, что его жена подает на развод.

Адвокат вздохнул.

— Мда. Я понимаю, это весомый фактор, но в настоящей ситуации серьезно пострадает его идея, работа. Инвесторы уже сомневаются в целесообразности дальнейшей финансовой поддержки всего проекта. Не скрою, что

соотношение голосов «за» и «против» примерно одинаковое. В Юрский парк много вложено, но, согласитесь, было бы глупо терять больше уже потерянного. Наши инвесторы приостанавливают выплаты до тех пор, пока не получат квалифицированного подтверждения способности нормального функционирования Юрского парка.

— Нормального функционирования? — озадаченно переспросил Эбби. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду только то, что необходимо установить функциональность парка. Получить компетентную оценку проделанной работы.

Джереми достал из кармана пиджака белоснежный платок и промокнул лоб. Эбби хмыкнул, пожал плечами и спокойно констатировал:

— Но ведь парк, насколько мне известно, уже прекрасно работает. Конечно, я не говорю о посетителях, но оставшиеся отделочные работы не потребуют много времени и средств.

— Вы там были? - заинтересованно спросил адвокат.

— Нет, но я вполне доверяю Хаммонду.

— Я тоже ему доверяю, — кивнул Джереми, — но это беспочвенный разговор. Боюсь, что инвесторы не могут полагаться только на слово Джона Хаммонда. По крайней мере, в сложившейся ситуации. Я думаю, вы понимаете: слишком многое поставлено на карту.

— С чего бы такое волнение?

— До сих пор субсидии на постройку и оснащение парка отпускались безоговорочно. Это, действительно, грандиозный проект, но... — Джереми поднял указательный палец к небу, словно проблема заключалась именно в нем. — Несчастный случай, закончившийся гибелью одного из рабочих и убийством экспоната, — а это, заметьте, колоссальные деньги — вызвал серьезные сомнения в надежности систем безопасности. Всем понятно: не имея стопроцентной гарантии того, что посетителям ничего не грозит, не стоит и думать об открытии парка.

— Но ведь эта история не просочилась в прессу.

— Слава богу, нет, — усмехнулся адвокат. — Иначе вся эта затея уже *полетела* бы коту под хвост. Печально, конечно, но инвесторы сочли необходимым прибегнуть к

серьезной проверке всего проекта и, в частности, систем безопасности. Тщательный осмотр Юрского парка — вот, что им нужно. Осмотр и заключение.

Несколько секунд Эбби шагал молча, обдумывая слова адвоката, затем покачал головой.

— Да нет, это — дерьмо собачье. Нонсенс. Мало того, что проверка задержит сроки открытия парка, но абсолютно непонятно, каким именно образом они собираются ее осуществлять. Гнать рептилий на защитную изгородь? Дерьмо! Осмотр людьми? Еще большее дерьмо! Объясните, как они собираются проверять систему безопасности?

Адвокат улыбнулся сухой бесцветной улыбкой. Эбби снял очки, сунул их в карман рубашки и, прищурившись, выжидательно посмотрел на собеседника. Несомненно, Джереми знал, *как* они собираются это сделать, и сейчас упивался этим знанием, ставя на место «Гробокопателя».

— Страховая политика требует...

Он не успел договорить. Из зарослей со стороны шахты вынырнул молодой парень в такой же, как у Эбби, одежде, только на голове у него сидел оранжевый строительный шлем, сдвинутый на затылок.

— Эбби! — парень быстро взглянул на Джереми и бегло заговорил по-испански.

Адвокат, не понимающий ни слова, почувствовал раздражение. Эти люди не доверяли ему и даже не считали нужным скрывать это. Улыбка на лице Эль Спайзера из сухой превратилась в застывше-мертвую. В блекло-голубых глазах плавали льдинки бешенства. Он не мог понять, *что* можно скрывать здесь и зачем, вообще, устраивать из раскопок тайну, а из рядового сообщения — балаган.

«Можно подумать, они роют подкоп под Первый Национальный Банк, — злобно подумал Джереми. — Какого дьявола! Нужно будет сказать Хаммонду. Что бы там ни было, они все равно не имеют права скрывать это. В конце концов, я здесь не на увеселительной прогулке и представляю людей, финансирующих, в частности, и эти раскопки, черт бы их побрал».

— В чем дело, Леннокс? — не скрывая неприязни, спросил он. — Чего хочет этот человек?

— Они обнаружили несколько интересных находок, — живо откликнулся тот. — Ценных. Очень ценных и интересных. Пойдемте, если вам любопытно.

Парень быстро зашагал по тропе, а адвокат и Эбби поспешили следом.

— Извините за то, что он говорил по-испански. Все эти рабочие — местные жители, и лишь некоторые из них говорят по-английски. Мы вынуждены общаться на испанском.

По его тону Джереми понял, что Эбби, в сущности, плевать на то, обиделся он или нет. Просто соблюдение необходимых приличий, и не более. Адвокат вздохнул.

Шахта оказалась низкой, но очень хорошо освещенной. Везде торчали деревянные стропила, удерживающие стены и своды туннеля, не давая им осыпаться. Кое где тонкие струйки песка все же просачивались между досок и устремлялись вниз желтыми пылевыми грязепадами. Один из них попал Джереми на плечо. Тот отшатнулся и едва не врезался головой в стропило.

— Осторожнее, — предупредил Эбби.

Сам он шагал легко. Чувствовалось, что шахта давно изучена им до мелочей. Даже пригибался Эбби автоматически, словно между делом.

Джереми же приходилось смотреть в оба. Через полминуты он с грустью отметил, что туфли его уже покрыл толстый слой красноватой пыли. Впрочем, брюки выглядели не лучше, а по плечу словно мазнули грязной пятерней. Респектабельный вид таял на глазах.

— Черт, — пробормотал адвокат.

Он ни на секунду не усомнился в том, что Эбби видит все и ухмыляется украдкой.

— Скоро, — будто сам себе сказал «Гробокопатель». — Мы почти у цели.

В эту секунду Джереми с изумлением понял: Эбби абсолютно забыл о нем. Ему нет дела до Джереми Эль Спайзера, он думает о чем-то другом, и это другое заставляет его голос дрожать от возбуждения. Адвокат почувствовал интерес. В нем проснулось любопытство. Обычное, присущее большинству людей и, в общем, не свойственное ему, Джереми Эль Спайзеру. Возбуждение,

охватившее Эбби, передалось всем присутствующим. Адвокат почувствовал необходимость что-то сказать, разрядить эту звеняще-сосредоточенную тишину. Возможно, эти люди привыкли к подобным минутам, но он — нет.

— Если два эксперта посетят Юрский парк, — задыхаясь, почти закричал Джереми, — посетят Юрск... — повторил он, закашлялся и продолжил, но уже тише: — Юрский парк и подпишут заключение, что парк функционален и безопасен, инвесторы возобновят финансирование.

Ответ Эбби был короток и жесток.

— Эксперты? Дерьмо!

— Эксперты по динозаврам! Палеонтологи! — пояснил Джереми. — С мировыми именами.

— Дерьмо! — вновь гаркнул Эбби. — Дерьмо!!! Вам не найти и одного, который согласился бы тащиться в такую даль, да еще и хранить после этого молчание! Дерьмо!

— Я уже нашел одного! — снова, помимо желания, повысил голос адвокат, стараясь попасть в унисон «Гробокопателю».

— И кто же этот псих? — безразлично поинтересовался Эбби. — Держу пари, он тоже дерьмо, раз согласился на такое!

— Что вы скажете о Малколме? — объявил адвокат.

— Малколм? Не шутите со мной. Я не принимаю такого юмора. А в целом...: — Эбби даже не замедлил шаг. — Дерьмо, Спайзер! Малколм никогда бы не пошел на такое.

— Эль Спайзер, — поправил Джереми. — Вовсе нет. Он уже пошел.

Его собеседник остановился.

— Малколм? Не могу поверить.

— Но это — факт, — пожал плечами адвокат. — Свершившийся факт.

— Вам удалось уговорить Яна Малколма... — Эбби был изумлен, но быстро пришел в себя. — Поздравляю, вы не зря получаете свои деньги, — он подумал и добавил еще раз: — Поздравляю.

— Спасибо. Однако со вторым экспертом дело обстоит посложнее.

— Не сомневаюсь, — тряхнул головой «Гробокопатель».

— Да. Они хотят, чтобы это был Элан Грант.

— Элан Грант? — Эбби засмеялся. — Ну это-то уж точно дерьмо, Спайзер. Вам никогда, — *никогда!* — не заполучить Гранта!

Оборвав разговор, он вновь зашагал в глубь шахты. Адвокат поспешил следом, оглядываясь на маячащее вдалеке белое пятно входа.

Вскоре они уже стояли в тупике, заваленном обломками породы, песком и пылью. Несколько переносных фонарей освещали широкий пятачок, в котором собрались рабочие. Оживленный разговор моментально смолк, как только Эбби и Джереми приблизились вплотную к завалу.

— Почему? — спросил адвокат, безрезультатно пытаясь возобновить обмен мнениями.

Эбби не ответил. Он опустился на корточки и принялся исследовать кучу обломков. Один из рабочих протянул ему на ладони какой-то светло-коричневый камень. Эбби взял его, посмотрел на просвет и восхищенно пробормотал:

— Вот это да! Отлично! Какой экземпляр! Потрясающая находка!

Скорее всего, он долго любовался бы камнем, если бы не Джереми. Причина всей этой гонки по извилистому лабиринту шахты, возбуждения, охватившего их, и даже вспышки его собственного любопытства, разочаровала адвоката. Кусочек слюды... Или янтаря... Ну, допустим, древний, очень древний, ну и что же? У Джереми появилось ощущение, что его просто-напросто обманули. Посмеялись, как над маленьким, бестолковым, ничего не понимающим ребенком. Обвели вокруг пальца и теперь хихикают про себя над его разочарованной физиономией.

— Так почему вы думаете, что нам не получить Гранта? — требовательно, с явно заметным раздражением спросил он.

Не отрывая взгляда от камня, Эбби пояснил:

— Потому что Грант вроде меня. Он — землекоп. Превосходный экземпляр, а?

На протянутой руке «Гробокопателя» лежал кусок янтаря. Джереми не ошибся. В свете фонарей его грани переливались красно-желтыми красками. Адвокат напряг зрение и вдруг заметил внутри нечто крохотное, темное. Прищурившись, он взял камень с руки Эбби и поднес к глазам. Минуту стояло полное молчание, а затем Джереми, непонимающе глядя на собеседника, с некоей долей растерянности, хмыкнув, произнес:

— Это же комар...

Эбби расплылся и утвердительно кивнул:

— Вот именно. *Это — комар!*

* * *

Улыбающийся Элан Грант смотрел, как у подножия высокого холма из глыб песка и пыли медленно, словно изображение на мгновенной фотографии, появляется окаменевший огромный скелет. Он, действительно, был землекопом. При этом, землекопом талантливым и, безусловно, удачливым, если не сказать больше — везучим. Люди, работающие с ним достаточно долго, любили и уважали Элана. На новичков же поначалу он производил довольно гнетущее, мрачноватое впечатление. Жесткий, волевой от природы, Грант привык, чтобы отданное им указание выполнялось очень четко и в минимальные сроки. Иногда это принимало чересчур категоричные формы, однако никого подобное не обижало. Раскопки стоили достаточно дорого, и время ценилось соответственно. Много ли найдется людей, готовых платить за то, что некто — кто бы он там ни был — ковыряется в земле? Грант никогда не думал, что такие ребята строятся в очередь, потрясая чековыми книжками. Раскопки — всегда риск. Вы можете найти что-то достаточно ценное, и фирма, — или человек, разумеется, — получит от этого фи-

нансовую выгоду либо не менее достойное паблисити. Но ведь можно и не найти вообще ничего. Вложенные в работы деньги вылетят в трубу. Что с того, что вам *кажется*, будто здесь целое реликтовое захоронение? Образцы почвы? Грунта? Чушь! Попробуйте-ка выбить под этим соусом субсидии на раскопки.

Грант смело мог бы заключить пари десять к одному, что попытка обречена на провал. Конечно, если какой-то парень, копая карьер или просто роя дренажный канал для стока весенних вод, наткнется на череп игуанодона, тиранозавра, любой другой твари мезозойской эры, тогда финансовые воротилы выложат денежки. Но только тогда, не раньше.

Грант терпеть не мог деловых переговоров, тем не менее в настоящее время приходилось заниматься совершенно не свойственным ему делом, а именно — администрированием. Но что поделать, если жизнь состоит не только из одних удовольствий и интересной работы? Элан благодарил бога, что в его жизни существуют моменты, подобные этому.

Полтора десятка человек тонкими кисточками, крохотными скребками, мягкими щеточками понемногу, миллиметр за миллиметром, снимали с костей стегозавра песок и комочки земли. Со стороны казалось, будто группа весельчаков решила создать скульптуру из мокрого песка на калифорнийском берегу. Только там, если что-то не получится, можно, смеясь, начать все с начала. Здесь — нет. Здесь нужно быть предельно осторожным. Они знали это. Скелет вырисовывался уже наполовину. Сломанные ребра, массивные берцовые кости, часть черепа и сколы каменных пластин — застывшего костяного гребня-воротника.

— Еще несколько часов, — сказал один из рабочих, обращаясь к Гранту, — и мы освободим его целиком.

— Прекрасно, — ответил тот. — Рядом ничего нет?

— Нет, — археолог покачал головой. — Похоже, он тут один. Это не кладбище и не асфальтовое болото.

— Да, наверное, — Грант прищурился, взглянул на клонящееся к горизонту оранжево-желтое с красными

тонкими прожилками солнце, затем на часы. — К вечеру успеваем?

— Думаю, да.

— Важно замерить и сфотографировать все до темноты. А если мы успеем еще и упаковать что-то в контейнеры, будет вообще великолепно.

— Да. Мы стараемся.

— Отлично, парни.

«Нам еще повезло, что нет ветра, — подумал Грант. — Тогда дело продвигалось бы гораздо медленнее».

Поправив широкополый с загнутыми полями «стетсон», загородившись таким образом от бьющих в лицо солнечных лучей, он посмотрел в сторону раскинувшегося неподалеку палаточного городка. Белый трайлер — их с Элли Сетлер дом на время раскопок — стоял чуть сбоку, у деревянного навеса, служащего столовой и кухней одновременно. По городку сновали люди, готовя герметичные контейнеры для транспортировки останков динозавра.

— Знаешь, дорогой, — раздался у него за спиной женский голос, — ты сейчас похож на Гаррисона Форда в этом сериале про Инди Джонса.

Грант обернулся. Только одна женщина могла это сказать. Элли Сетлер. Это и была Элли. Тонкая двадцатидевятилетняя высокая блондинка, с отличной фигурой, постоянно улыбающаяся, — Грант обожал ее спокойную и мягкую улыбку, — в мужской клетчатой рубашке, джинсах и армейской кепке с длинным козырьком. И рубашка, и штаны были перепачканы пылью, волосы забраны в свободный хвост, козырек кепки прикрывает карие глаза. Большие пальцы рук Элли засунула в карманы джинсов и стояла в позе ковбоя — завсегдатая салунов, отчаянного забияки, чуть склонив голову к плечу и — как всегда — улыбаясь.

— Только вот хлыста не хватает, — добавила она.

Грант пожал плечами:

— А еще я не умею скакать на коне, стрелять, драться, ездить на танке, вспарывать кинжалом крокодилов, вываливаться из самолетов и еще много чего.

— Я думаю, Форд этого тоже не умеет, — засмеялась Элли. — Но он к тому же не умеет проводить раскопки.

— Да, на этом поприще я его, пожалуй, одолел бы.

Грант улыбнулся. Он, и правда, выглядел достаточно мужественно и был похож на Гаррисона Форда. Спортивная фигура сделала бы честь любому мужчине. Ровный загар, покрывающий обветренную кожу, усиливал это впечатление. Правда, в последнее время у Элана вдруг обозначился кругленький животик, — что совсем ему не шло, и такого, уж точно, не было у Инди, — но он старательно втягивал его, когда разговаривал с кем-нибудь или, по крайней мере, старался, чтобы брюшко не нависало над поясным ремнем слишком явно. Зато природа наградила его красивыми сильными руками. В свое время родители прочили малышу Гранту карьеру рекламной звезды, однако склонность копаться в песке пересилила. Все же, несмотря на отдельные недостатки, для своих сорока четырех он выглядел вполне прилично.

— А может быть, и не только на этом? — Элли чмокнула его в заросшую щетиной щеку. — Опять отпускаешь бороду?

— Предприму последнюю попытку, — вздохнул Грант. — Может быть, выйдет что-нибудь толковое.

— Лучше предприми попытку сделать мне детей, — вновь засмеялась она. — Из этого, точно, должно что-нибудь получиться.

Грант вздохнул еще раз. Разговоры о детях повергали его в легкое замешательство. Он вовсе не был детоненавистником, но считал, что при их образе жизни новорожденный станет настоящей обузой. Ему казалось, что ребенок положит конец не только его карьере, но и карьере Элли. О том же, чтобы возить ребенка с собой, Элан не хотел даже слышать и с негодованием пресекал все попытки подруги убедить его в обратном. Поэтому сейчас он приподнял брови и протянул:

— О, нет. Это не одно и то же, дорогая. Далеко не одно и то же. И давай не будем говорить на эту тему сейчас.

— Почему? — лукаво улыбнулась Элли, беря его под руку. — Ты не готов?

— Я уже исчерпал все аргументы и собирался сегодня вечером поискать новые.

— Угу, — она кивнула. — Но они должны быть очень вескими.

— Не волнуйся.

На вершине холма раздался звонкий хлопок: сработала звуковая пушка. Грант некоторое время наблюдал, как несколько рабочих и программист, обычно колдующий над персональным компьютером, стоящим под брезентовым раскладным тентом, поспешили занять свои места. Рабочие перетащили звуковую пушку на несколько метров в сторону, а программист уставился на монитор.

— Меня сейчас больше интересует эта штука, — Грант кивнул в сторону холма. — Нужно сходить узнать, нет ли новостей.

— Пойдем, — охотно отозвалась Элли. — Хотя, честно говоря, я ничего не понимаю в этой их технике. Абсолютно.

— Ничего страшного, — утешил ее Элан. — Важно, что понимают эти парни.

Они обошли место раскопок и взобрались на холм. Программист все еще сидел, не отрывая взгляда от монитора. Рабочие кивнули Гранту, поздоровались с Элли. Их было шестеро. Шестеро взрослых и тринадцатилетний парень, пухлый подросток с хроническим насморком, настырными глазами и отвисшей нижней губой, сын семейной пары, работающей сейчас внизу, у подножия. Он с важно-пренебрежительным видом знатока археологии расхаживал по холму и лагерю, иногда приближаясь к месту раскопок, но никогда не задерживаясь там особенно долго. Откровенно-скучающее выражение почти не сходило с румянощекого лица. И в принципе Грант понимал это. В глубоком детстве, когда его мать, миссис Грант, работавшая учительницей музыки в небольшой провинциальной школе, вдруг решила, что ее сын обязательно должен выучиться играть на рояле, у него, вероятно, был точно такой же вид. Он не мог понять другого: почему этот пухлый бутуз, постоянно жующий жевательную резинку, не сидит в лагере, не смотрит телеви-

зор, не читает книг или, на худой конец, комиксов, а торчит именно там, где ему больше всего скучно. Первые несколько дней Грант ломал себе голову, видя его круглую фигуру, обтянутую пестрой футболкой и безразмерными цветастыми шортами, но потом плюнул на это бесполезное, в сущности, занятие, решив, что раз уж все равно ничего не понимает в детской психологии, то и нечего забивать себе мозги разной ерундой. Непонимание детей — чисто старческий симптом, а ему вовсе не хотелось ощущать себя таковым.

Скосившись на грызущего крекеры паренька, Грант осведомился у программиста, как дела. Тот спокойно объяснил, что они уже нащупали волной некое уплотнение в глубине холма, но, поскольку зацепили объект лишь самым краем, решили повторить опыт.

Звуковая пушка лязгнула еще раз, подняв багровое облако пыли, медленно осевшее на желтую, сухую и жесткую, как проволока, траву и одежду рабочих.

— Слушайте, а как она работает? — весело спросила Элли.

Программист тряхнул головой. На тему своей работы он мог разговаривать охотно и долго.

— Принцип эхолота. Все очень просто. Определенный объект на определенной глубине бомбардируется звуковыми волнами. Часть из них, более низкая, создает фон, другая возвращается, выстраивая на экране образ самого предмета. Правда, возникают помехи: камни, корни, разная мелочь, но машина создает достаточно точное изображение. Фильтры, высота звука, частота, ну и прочие вещи. Еще пару лет, — он улыбнулся, — и вам вообще не придется копать.

— Вот так даже? — засмеялась девушка.

— Ага, — программист снова тряхнул головой и ткнул ухоженным пальцем в экран. — Вот. Проявляется. Видите? Светлые пятнышки — это и есть искомый объект. Сейчас проступит четче.

Грант смотрел на сияющий голубым монитор. Сперва на нем показалась просто зеленая россыпь пятен, которую он, при всем старании, не мог представить в виде скелета хоть какой-нибудь знакомой рептилии. Постепенно, в течение минуты, пятна становились все больше и четче, складываясь в очертания определенной фигуры, еще не совсем узнаваемой, но уже вполне конкретной. А еще через минуту Элли возбужденно прошептала:

— Велосирептор?

Элан утвердительно кивнул, продолжая наблюдать, как фигура становится все более контрастной.

— Да. Рептор. И к тому же, довольно крупный. Посмотри, рост не меньше двух с половиной метров.

— Три десять, — быстро поправил программист, указывая на столбик цифр в правом углу экрана. — Больше трех метров высотой и четыре — длиной, включая хвост.

— Господи, ну и лапища должна быть у этого парня, — пробормотал один из рабочих.

— Посмотри-ка на строение позвоночника, — задумчиво сказал Грант Элли, — эти ребята, похоже, умели летать, — за спиной кто-то засмеялся. — Нет, я серьезно, — продолжал Грант. — Может быть, у динозавров было больше сходства с сегодняшними птицами, чем с рептилиями. Посмотрите на лобковый узел. Он раздвинут назад, как у птиц. Теперь позвонки. Сплошные отверстия. Тоже типично птичий признак. Даже слово «рептор» означает «птица-хищник».

Элан собрался было сказать еще что-то, но жующий розовощекий подросток посчитал своим долгом заметить устало-снисходительным тоном, густо сдобренным пренебрежительностью:

— Эта штука что-то не тянет на страшного хищника. Скорее, на трехметрового индюка.

Рабочие засмеялись, а Грант с холодным любопытством в упор принялся изучать парнишку. Он чувствовал нечто среднее между обычным раздражением и злостью. И не потому, что этот скучающий мальчуган его перебил, — в детстве он сам иногда делал вещи куда более бестактные, случалось, — а потому, что паренек затронул тему, которой бы ему касаться не стоило, и вдвойне не стоило при Гранте. В которой он ни черта не понимал, о которой ничего не знал, и, значит, слова его были обычной глупостью, но глупостью пренебрежительно-обидной и зацепившей Элана.

— Значит, индюка? — переспросил он, засовывая руку в карман и вынимая оттуда что-то черное, глянцево-блестящее, изогнутое. — Отлично. Представь, что сейчас мезозойская эра. Скажем, юрский период. Ты стоишь на поляне доисторического леса и видишь перед собой этого самого «индюка». Трехметрового здоровенного «индюка». Отличная погода, солнце, ветерок, рептор ведет себя, вероятно, как птица. Дергает головой, переступает с ноги на ногу, а ты стоишь. Стоишь неподвижно, потому что думаешь, что, возможно, его зрение, — подобно зрению тиранозавра, — зависит от движения.

Грант медленно пошел вокруг паренька. Тот даже перестал жевать от удивления. Над розовыми пухлыми щеками горели два темных настороженных глаза. Он никак не мог понять, что делает Грант, чего добивается, однако уловил в походке, движении взрослого некую хищную силу. Злую. Даже фордовские глаза под светлыми полями «стетсона» в какой-то момент показались пареньку жуткими, страшными. Бездонными. В них мелькнул присущий животным красный огонек. Скорее всего, это был солнечный блик, оптический эффект, но мальчуган почувствовал себя сначала неуютно, а затем просто испугался. У него появилось ощущение, будто этот человек сейчас бросится ему на грудь, подомнет под себя и с рычанием запустит зубы ему в шею.

Рабочие замерли. Они тоже почувствовали гипнотическую силу странной пошатывающейся походки Гранта. Тот словно плыл над землей, ровно и плавно, мерно качаясь из стороны в сторону, непрерывно глядя мальчишке в глаза. Паренек замер, приоткрыв рот. Белесая полоска слюны стекала с уголка губ на подбородок. Рука подвернулась, и крекеры светло-бежевыми прямоугольничками рассыпались по пыльной траве. Никто не обратил на это внимания. Даже почти не исчезающая улыбка Элли стала тревожной. Она заметила, *что* достал из кармана Элан. Коготь. Острый пятнадцатисантиметровый коготь рептора, найденный им при раскопках. Сейчас Грант зажал его между указательным и средним, сжатыми в кулак, пальцами. Девушка затаила дыхание. Даже программист, оторвавшись от мерцающего на экране, окончательно сформировавшегося скелета, как зачарованный смотрел на происходящее. Это было похоже на ритуальную магическую пляску шамана. Ровная монотонная речь текла, журчала, словно ручей, завораживая. Они, эти люди, молча внимали словам Элана.

— Ты стоишь, боясь пошевелиться, обнаружить себя. Ты надеешься на что-то. Все еще веришь и надеешься. Рептор не проявляет агрессивности. Может быть, он все-таки не видит тебя? Ты смотришь на него, а он просто смотрит в ответ. Глаза в глаза. И вдруг — бац! — нападение! — Грант резко выбросил вперед обе руки. Подросток икнул и попятился, рассыпая остатки крекеров. — Не этот, а два других рептора, о присутствии которых ты и не подозревал! Велосирептор охотится стаей. Он применяет скоординированную тактику атаки. И сейчас он в полной силе! И рептор полосует тебя вот этим! — рука с когтем повисла перед побледневшим круглым лицом парня. — Цепляющий коготь! По одному на каждой лапе! Острые, как бритвы! Ему не понадобится впиваться в тебя зубами, как это делает лев, нет. Нет! Он полоснет тебя здесь! — Грант провел когтем вдоль груди, почти касаясь желтой смешной рожицы мультипликационного Симпсона. — Или здесь! — коготь скользнул к паху мальчишки. — Или здесь! — острие проплыло перед животом, «полосуя» все того же Симпсона, но теперь уже ниже. — Поперек живота, чтобы выпустить внутренности.

Элли поморщилась.

— Элан! Перестань!

Грант усмехнулся. Он видел, что нужный эффект достигнут, но не удержался от финального, завершающего полноту картины штриха. Наклонившись к пареньку, Элан прохрипел ему в лицо, по которому узкими дорожками стекал пот:

— Все дело в том, что ты еще жив, когда они начнут тебя пожирать. Так что, постарайся оказывать им немного уважения. Ладно?

— Хорошо, — восковыми губами прошептал мальчишка. — Я... буду...

— Ну, вот и отлично, — широко улыбнулся Грант, выпрямляясь и убирая коготь в карман. — Пометьте место-

расположение этой находки и все данные занесите в компьютер, о'кей?

— Конечно, — кивнул программист, с облегчением переводя дух.

— Угу, — Грант хмыкнул и, обернувшись к Элли, беспечно произнес: — Пойдем, дорогая, надо посмотреть, как продвигаются раскопки.

— Да...

Они пошли вниз по узкой тропинке. Через несколько секунд, когда навес и рабочие скрылись из виду, Элли замедлила шаг и хмуро спросила:

— Зачем ты устроил этот спектакль?

— Небольшой урок для этого мальчугана. Пусть привыкает уважать то, с чем ни разу не имел дела.

— Мда. Не знаю, чего именно ты добивался... Но если хотел напугать парня, то тебе это удалось.

— Дети... — неопределенно протянул Грант. — Дети... Ты хочешь что-нибудь такое же?

— Ну, не конкретно такое же, разумеется, — улыбнулась Элли, — но какой-то выводок детей интригует. Быть окруженной детьми...

— Ой, послушай, Элли, они шумные, беспокойные, горластые, дорогие...

— Дешевые, дешевые. Ты сам завел этот разговор.

— И запах! — победно провозгласил Грант. — Представляешь? Запах!

— Да нет же! Они вовсе не пахнут!

— Нет, периодически дети все же издают определенные запахи. Особенно малыши! А еще...

Он не успел договорить, что же они умеют делать еще, как из-за гряды холмов вдали появился вертолет и быстро пошел к лагерю. «Джет-рейнджер» держался очень низко, поднимая лопастями пылевые вихри. Багровые песчаные смерчи, развязно извиваясь, словно танцовщицы в третьеразрядном кабаке, мчались прямо на холм, к тому месту, где стояли изумленные люди.

Грант первым сообразил, *что* произойдет через двадцать секунд, когда «рейнджер» пройдет над холмом, — наверняка, сорвав брезентовый навес над аппаратурой программиста и распугав рабочих, — и нырнет дальше, к

пятачку, на котором, почти очищенный от песка, лежал скелет стегозавра. Работа нескольких дней. Сквозь надвигающийся темный вертолетный триплекс Грант видел бесстрастное лицо пилота, а рядом с ним еще чью-то круглую улыбающуюся физиономию, окаймленную снизу седой аккуратной бородкой, а сверху — белой идиотской панамой. Приступ дикого, безумного гнева охватил его при виде этих счастливо-безмятежно растянутых губ. Бешенство требовало выхода, и на долю секунды у Гранта появилось иррациональное, но очень сильное желание схватить с земли камень и запустить в эту приближающуюся стальную стрекозу. Мгновением позже он уже летел вниз по склону гигантскими скачками, вопя во всю силу легких:

— Закройте скелет!!!! Закройте скелет!!!!!!!!

Вертолет с оглушительным стрекотом прошел над их головами. Оглянувшись, Грант заметил, что Элли, раскрасневшаяся и злая, бежит следом. Налетевшая пылевая волна забила ему в рот горсть песка. «Хорошо еще, — подумал он, — успел закрыть глаза». Придерживая рукой шляпу, Грант выскочил к месту раскопок и тут же увидел стоящий у лагеря «рейнджер», — этот кретин даже не удосужился остановить двигатель, — темное пятно брезента, укрывшее скелет, и выпрямившихся археологов, смотрящих то на него, то на вертолет.

— Все нормально? — крикнул Грант, обращаясь к ним. — Вы успели?

Они поняли.

— Да, слава богу, — прокричал кто-то в ответ. — Эти идиоты едва не погубили нам всю работу.

— Черт!

Кипя от бешенства, переполненный негодованием, Грант торопливо зашагал к лагерю. Он чувствовал себя бочкой с перебродившим пивом. Сейчас пробковая затычка вылетит и могучий поток злости выплеснется наружу, заливая все руганью. Не интеллигентным «что вы делаете?», а той, которую используют портовые грузчики. При желании, Грант умел неплохо пользоваться ею.

Пилот скучал. Винты вращались, создавая над бело-голубым корпусом серебристо-красный ореол. Грохот

стоял невообразимый. Элан, ненавидящий шум вообще, и шум вертолета в частности, подскочил к кабине и, шлепнув ладонью по стеклу, заорал, давясь горячим ветром и пылью:

— Проклятье! Остановите двигатель, мать вашу! Остановите немедленно двигатель, ублюдки!

Пилот, спокойно пожав плечами, указал на вагончик-трайлер и что-то беззвучно, по-рыбьи, прошелестел тонкими губами.

Гранта затрясло. Круто обернувшись, он шагнул к трайлеру, рванул изо всех сил дверцу и влетел внутрь. И конечно, он знал, кого увидит, — бородатого, счастливого, улыбающегося кретина, — но то, *что* он увидел, заставило Гранта замереть на месте, пережидая, пока невероятная по силе волна ярости спадет, и даже слегка застонать от жалости к самому себе. Вернее, к тому, что нельзя схватить бородача за шиворот и с наслаждением, как следует, ударить головой о пластиковую стену, а потом еще несколько раз стукнуть коленом под зад и вышвырнуть вон.

Бородач оказался маленьким круглым человечком, довольно пожилым — лет пятидесяти пяти—шестидесяти, — с неправдоподобно ровными искусственными белыми зубами, в белой рубашке и шортах, таких же белых носках и белых же летних туфлях. Панаму бородач снял, обнажив пушистые седые волосы, сквозь которые проглядывала розовая лысина. Улыбка все еще растягивала пухлые губы, на розовых же щеках играл здоровый глянцевый румянец. И вообще, от него так и веяло здоровьем и благодушием. Высокий умный лоб, на котором выделялись светлые брови и очки в золотой оправе, за стеклами которого сияли по-детски беззащитные глаза. Такие бывают на рождественских открытках у Санта-Клауса. Окруженные тонкой сеточкой морщин, наивно-добродушные глаза доброго сказочного гнома.

И сейчас этот добрый сказочный гном ловко вскрывал бутылку «Дом Периньон», которую Грант и Элли держали для торжественного вечера. Вечера окончания раскопок. Может быть, случая для посторонних не слишком торжественного, но, уж точно, куда более торжественного, чем этот. Бородач откупорил бутылку, забрызгав пеной ковровое покрытие, и, повернувшись к Гранту, весело поздоровался:

— Добрый день! — его явно не мучили угрызения совести.

— Черт! — снова мрачно и безысходно пробормотал Элан. Он чувствовал себя полным идиотом, над которым откровенно глумятся и даже не пытаются этого скрывать.
— Что вы здесь, черт побери, делаете, а? Мы берегли эту бутылку для торжественного случая!

— А сегодня и есть очень торжественный случай, — бодро пояснил бородач, улыбаясь и этим безумно раздражая Гранта. — Я просто *должен* ее открыть.

— Да кто вы такой?!

Слишком спокойным был бородач, слишком раскованно держал себя, будто имел на это полное право.

— Джон Хаммонд! — радостно представился «сказочный гном». — Я счастлив, наконец, лично познакомиться с доктором Грантом.

Грант растерялся. Тот, кого он назвал кретином, оказался финансистом. И не просто финансистом, а человеком, оплачивающим эти раскопки, стоящие пятьдесят тысяч долларов. Это, конечно, не оправдывало совершенной глупости, но, в конце концов, стегозавр остался цел, и не стоило ссориться с Хаммондом — платящим, причем платящим охотно. По крайней мере, так утверждал менеджер Хаммонда, с которым Грант имел одну беседу лично и две — по телефону. Сказать по-правде, менеджер не погрешил против истины. *Никто* не давал денег так быстро, как Хаммонд. Поэтому Грант выдохнул, усмиряя свои эмоции, и, сделав неопределенный жест руками, сообщил:

— Рад вас видеть.

— Судя по тону, не очень, а? — захохотал бородач и подмигнул. — Все-таки приятно видеть, что твои деньги тратятся надлежащим образом, да еще и столь энергичным и, главное, столь умным человеком, как вы, доктор Грант.

Грант улыбнулся. Не очень ярко, но радушнее, чем мог бы ожидать человек, прилетевший на вертолете, чуть

не испортивший экспонат и без стеснения открывший их бутылку шампанского. Он хотел выдавить из себя что-нибудь подобающее приличиям, но в эту самую секунду дверь с грохотом распахнулась и в трайлер ворвалась Элли. Элли, напоминающая дикую кошку, у которой собрались отнять детенышей. Она моментально оценила ситуацию:

— Чудесно! — и, повернувшись к Гранту, зло спросила, ткнув пальцем в сторону белого коротышки: — Кто этот идиот, мать его?

Грант смущенно кашлянул. Разведя руками, он объяснил Хаммонду:

— Это — палеоботаник доктор Сетлер, — а затем обратился Элли: — Элли, это — господин Хаммонд.

— Джон Хаммонд, — добавил «гном», улыбаясь. — Можно просто Джон.

— Мда, — растерянно хмыкнула девушка. Она явно не ожидала такого поворота событий. — Простите за столь драматическое вторжение.

Грант испытывал двоякое чувство. С одной стороны, они, конечно, обругали Хаммонда, но с другой, вторжение финансиста было не менее драматическим, чем появление Элли.

Джон махнул розовой, пухлой, как у младенца, рукой.

— Ну, что вы? Ерунда, — он посмотрел на бутылку «Дом Периньон» и радушно, по-хозяйски, предложил: — Выпить не хотите? Все время работаете, работаете. Давайте присядем.

«Интересно, — подумал Грант, — какого черта ему здесь надо? Не просто же так он летел в такую даль. И конечно, не ради того, чтобы увидеть, как тратятся его деньги. Но тогда, зачем? Да еще это шампанское...».

— Надо только взять стаканчики, — хмыкнула Элли. — Давайте, я...

— Нет, нет, — еще шире улыбнулся Хаммонд. — Я могу сам, — он полез в шкафчик и, вытащив три пластиковых стаканчика, наполнил их. — Я, знаете ли, на кухне, как дома. Обожаю хозяйничать, готовить... Прошу, — бородач раздал «бокалы», звучно отхлебнул из своего, весело крякнул и заявил: — Итак, перейду сразу к сути

дела. Вы мне нравитесь. Оба. Я сразу вижу одаренных людей, — Хаммонд отхлебнул еще раз и снова радостно крякнул.

«Ненормально-радостный тип, — с недоумением решил Грант. — Какой-то запредельный оптимист, в котором этот самый оптимизм граничит с шизофренией и поистине потрясающе-наивной бестактностью».

— Так вот, — весело продолжал бородач, то и дело отпивая шампанское. — У меня есть остров. Небольшой. Возле Коста-Рики, в восьми километрах. Последние пять лет, с разрешения правительства, я создаю... что-то, вроде биологического заповедника. Совершенно потрясающий парк. Не жалею никаких денег. Хочется сделать... ммм... нечто, вроде зоопарка, и я уверен, что наши экспонаты сведут детишек с ума. И не только детишек. Они поистине уникальны. Не редки, нет, уникальны.

— И каковы же ваши экспонаты? — спросил Грант, просто чтобы что-нибудь спросить.

— Какая-нибудь мелочь, — шепнула Элли.

— О-о-о, — бородач засмеялся. — Мы должны открываться в конце этого года, — он вздохнул и добавил: — Если, конечно, меня раньше не съедят адвокаты. Вас волнуют адвокаты?

Грант и Элли переглянулись.

— Да нет, мы едва имеем с ними дела.

— А я, к сожалению, очень часто. И могу вам сказать, что это очень скучные, очень нудные и зачастую очень неприятные люди. А в моем случае они еще и представляют инвесторов, так как те настаивают на независимом заключении по поводу моего парка. Вы понимаете?

— Боюсь, что не очень, — признался Грант.

— Я объясню, — быстро отозвался Хаммонд. — Им нужны заключения о моем парке. Это, как я уже говорил, уникальный, единственный в своем роде, заповедник, в который вложены громадные деньги. Инвесторы, в соответствии с вышесказанным, требуют, чтобы и заключения, точнее, люди, которые их дадут, были не совсем обычными...

— В каком смысле?

— Ну, скажем, это должны быть специалисты вашего

уровня. В этом все дело. То есть, — давайте смотреть правде в глаза, — вы — лучшие умы в археологии, палеонтологии и, — он слегка поклонился Элли, — палеоботанике. Если бы мне удалось уговорить вас дать заключение по этому парку, а точнее, получить ваше одобрение, инвесторы продолжали бы финансирование проекта.

— Ничего не понимаю, — Грант пожал плечами. — Вы чего-то не договариваете. Почему ваших инвесторов должно удовлетворить наше заключение? Почему их интересует мнение палеонтологов? Что это за парк такой?

— О-о, это замечательный парк.

«Вы произносите эту фразу уже в пятый раз», — захотел сказать Грант, но промолчал.

— Он специально для ваших глаз, — продолжал Хаммонд. — Послушайте, а почему бы вам обоим не съездить туда на уик-энд? У меня наготове реактивный самолет...

— Очень жаль, но мы вынуждены отказаться, — разочарованно вздохнул Грант. Он не думал, что разговор сведется к банальному приглашению на уик-энд. — Мы только что раскопали новый скелет и...

— Я мог бы полностью возместить все затраты на раскопки, — перебил Хаммонд, доливая в свой стаканчик шампанское.

— ... и это очень неподходящее время.

— ... в течение следующих трех лет, — просто закончил свое предложение бородач и обворожительно улыбнулся. — Ну что? Отдыхаем?

Стоит ли говорить, что они согласились.

* * *

Человек, появившийся в полдень на площадке летнего ресторанчика «Фламинго» на окраине Сан-Хосе, выглядел, как персонаж пародийной ленты о ЦРУ. Соломенная шляпа надвинута на самый лоб, черные пластмассовые очки скрывают глаза. Человек был одет в рубашку-гавайку кричащих цветов и бежевые «бермуды», заканчивающиеся на уровне острых костлявых коленок. Кожа — молочно-белая, выглядящая еще белее из-за обилия вокруг

загорелых тел и яркого тропического солнца, выдавала в нем иностранца. В руке он сжимал ручку объемного кожаного, судя по всему, очень тяжелого саквояжа.

Остановившись у крайних столиков, человек начал затравленно оглядывать посетителей. Очки дико ему мешали. И вообще, он ощущал неловкость от незнакомой обстановки.

— Доджсон!

Услышав голос, человек вздрогнул, затем снял очки и принялся отчаянно вертеть головой.

— Эй, Доджсон!

Из самой гущи столиков вынырнула объемная рука. Тот, кого назвали Доджсоном, вздохнул с облегчением и направился к обедающему.

Френк Доджсон был достаточно известен в определенных кругах Лос-Анджелеса. Одни знали его как отъявленного контрабандиста, другие — как посредника, принимающего участие за определенный процент в некоторых, весьма сомнительных сделках. Третьи знали его как мошенника высокого класса. К этим третьим, разумеется, относились полицейские и федеральные агенты. Именно поэтому у Френка Доджсона были очень веские причины сохранять инкогнито. Кроме того, в оттягивающем руку тяжеленном саквояже лежало семьсот пятьдесят тысяч долларов. Сумма вполне достаточная для того, чтобы первый же блюститель порядка доброжелательно поинтересовался, что же делает здесь янки с такой суммой денег наличными и заявлены ли они в таможенной декларации. А так же и тем, не значится ли уважаемый джентльмен в списках интерпола. Скорее всего, никакими крупными неприятностями это Френку не грозило бы, но кому, вообще, нужны неприятности, да еще и в чужой стране.

По прибытии в Коста-Рику Доджсон с ужасом понял, что одеяние, — ничем, по его мнению, не должное отличаться от одежды местных жителей, — выглядит аляповатым шутовским нарядом. Теперь Френк мечтал лишь об одном: быстрее сделать свое дело и очутиться в родном знакомом Лос-Анджелесе, в своей квартире, в обширной ванной, наполненной пахучей розовой искрящейся пе-

ной, с банкой ледяного пива в руках. Пока же от него воняло потом, его то и дело кусали какие-то мошки и, вообще, жизнь была отвратительна.

Обедавший так не считал. Напротив, он полагал, что жизнь удивительна и полна удовольствий. В основном, плотских, что его вполне устраивало. Обедавшего звали Деннис Хоупер. Невероятно худой от рождения, с годами, — а ему уже перевалило за тридцать, — он невероятно растолстел. Кроме того, Хоуперу приходилось усиленно питаться, дабы поддерживать жизнедеятельность своего стосемидесятикилограммового тела, и это отражалось на его фигуре далеко не самым положительным образом. По крайней мере, о том, что такое талия, он забыл уже давно. Шеи у Денниса практически не было. Ее заменили три жировые складки, плавно перетекающие в подбородок, затылок и уши. Отвисшие щеки совершенно скрывали нижнюю челюсть. Короткий, похожий на пуговку нос постоянно двигался, будто его хозяин старался уловить все запахи мира одновременно. Маленькие близорукие глазки под тяжелыми веками и еще более тяжелыми надбровными дугами смотрели либо выжидательно, либо враждебно. Все зависело от ситуации. На приплюснутой переносице сидели толстые очки, оправа которых утопала в плоти. Казалось, что стекла прилипли к широкому лицу и держатся сами по себе. Венчала это творение буйной фантазии природы жиденькая поросль ломких волос цвета пепла.

Сейчас Хоупер поглощал огромный, как Тихий океан, бифштекс с картофельным пюре, густо залитым пахучей мясной подливой с перцем чили. Запивал он все это пивом «Род Страйп» из большой керамической кружки, украшенной причудливым орнаментом. Стол был завален хлебными крошками, частью плавающими в жирных лужицах супа. Капельки соуса и горки пюре, упавшего с вилки, вычерчивали неровную дорожку от тарелки до третьей пуговицы на рубашке Денниса. Все это очень напоминало свинарник, но Хоупера, по-видимому, ничуть не беспокоило.

Френк поморщился. Он терпеть не мог нерях, а этот человек, несомненно, относился к таковым. Глядя, как

Деннис с торопливой жадностью пожирает бифштекс, Доджсон понял, что никогда не сможет испытывать к нему никакой симпатии. Напротив, он начинал тихо ненавидеть Денниса.

— Привет, Доджсон, — поздоровался тот, не прекращая жевать. — Присаживайся.

Ткнув вилкой в направлении плетеного стула по другую сторону стола, Деннис отправил в широкий, как пещера, рот еще один кусок говядины и усиленно заработал челюстями.

— Не стоит называть меня по имени, — буркнул Френк, оглядываясь.

Деннис прекратил жевать и вдруг трубно захохотал, хлопая по отполированной тысячами локтей поверхности стола объемистыми бесформенными ладонями. Он хрюкал и сопел, втягивая жаркий полуденный зной в легкие, а затем вновь заходился в приступе фыркающего хохота.

Френк неприязненно смотрел, как собеседник наваливается отвислой грудью на стол, едва не окуная рубашку в пюре. Морщился, когда при очередном ударе вилка, подскакивая, жалобно звякала, каждый раз отъезжая все ближе к краю. Пиво расплескалось темными пузырящимися лужицами, и Деннис, попав в одну из них ладонью, вытер руку о штаны.

— О, господи, — вздохнул, наконец, Френк.

— Что смешного я сказал, а?

Вместо ответа Деннис выпрямился и визгливо завопил на всю площадь:

— Доджсон! Доджсон!!! Гляньте, у нас тут Доджсон!!! — никто даже не обернулся. Тогда он вновь обратился к Френку. — Видишь? Здесь никого не волнует, кто ты такой. Они тут даже по-английски не разговаривают, — Деннис взял вилку, отрезал кусок бифштекса и принялся жевать, продолжая невнятно говорить с набитым ртом. — Симпатичная у тебя шляпка, Доджсон. Ты похож на тупого федерального агента из дерьмового комикса про Дика Трейси. Знаешь, из тех, что печатали в сороковых годах.

Френк вздохнул. Ему очень хотелось объяснить этой жирной свинье, что, собственно, он думает о некоем уб-

людке по имени Деннис Хоупер. Затем врезать той же свинье по морде, — лучше несколько раз, — и только потом уйти. Но он не мог этого сделать по одной простой причине: Деннис Хоупер — говнюк, сволочь, ублюдочный выродок — был единственным человеком, способным сделать то, что хотели клиенты Френка. И нравится ему или нет, а придется сидеть с этим уродом, слушать его дерьмовые разговорчики и даже улыбаться. Дело есть дело. А дела, подобные этому, попадаются не часто. Единственное, что мог предпринять Френк в данной ситуации, чтобы не чувствовать себя полным дерьмом, это перехватить инициативу.

— Ладно, — он снял шляпу и бросил ее на стол, за ней последовали дурацкие очки. Придвинув ногой саквояж к Деннису, Френк кивнул. — Здесь семьсот пятьдесят. Как договаривались. Аванс. И по сто пятьдесят ты получишь за каждый живой эмбрион. Всего их должно быть пять. Это полтора миллиона долларов, если тебе удастся вытащить образцы с острова.

— Да, я помню, помню, — Деннис на секунду оторвался от тарелки, выдавил жирный угорь на руке и вновь вернулся к еде.

Френк опять сморщился, как от зубной боли.

— Итак, пять эмбрионов с обеспечением выживания, и эти деньги у вас в кармане.

— Как я должен их транспортировать?

— Это достаточно просто.

Доджсон открыл саквояж и вынул из него большую банку взбитых сливок. Деннис мельком посмотрел на яркую жестянку.

— И что это?

— Контейнер, — ростки ненависти в груди Доджсона давали на редкость быстрые и буйные всходы. — Смотрите, как работает эта штука.

Отвернув днище банки, Френк слегка потянул его на себя. Что-то щелкнуло, и взору Денниса предстал стальной стержень, к которому в два ряда крепились десять колец-гнезд. По пять в каждом.

— Внутри контейнера — охлаждение.

— А таможня? — весело спросил Деннис.

— Таможенники могут даже проверить эту жестянку, если им очень захочется, — Френк быстро присоединил днище и протянул банку Хоуперу. — Попробуйте.

Тот захохотал, фыркнув в тарелку. Фонтанчик пюре брызнул вверх, заляпав стол еще больше. Захлебываясь булькающим смехом, толстяк взял жестянку и нажал клапан, предварительно подставив под раструб ладонь. На розовой гладкой коже вырос холмик кристально-белых сливок. Продолжая хохотать, Деннис слизнул его и одобрительно затряс головой.

— Отлично! Отлично! — сипел он, хрипло всхлипывая, брызгая слюной. — Великолепно! Кто придумал эту штуку, Доджсон, а? Клянусь, что не ты, а? А?

— Перестаньте, — зло буркнул Френк. — Какая вам, к черту, разница? Вы делайте свое дело.

— Да я делаю, делаю, — еще громче захохотал Деннис. — Я делаю! Но ты ведь тоже кое-что положишь себе в карман, а? Доджсон, а? И немало, немало. За то, что я буду рвать себе задницу, вытаскивая эти чертовы эмбрионы. А, Доджсон? Положишь?

Френк в упор посмотрел в смеющиеся поросячьи глазки и вдруг понял, что они вовсе не смеющиеся. Нет. Глазки, мечущиеся по его, Френка Доджсона, лицу, оказались холодными и острыми, как у змеи. Смеялась оболочка Денниса, толстая, обрюзгшая, расплывающаяся по стонущему, хрустящему плетеному стулу. Внутри же смеха не было. Было там ледяное любопытство хищного зверька, приготовившегося к бою с другим хищным зверьком, заведомо равным по силе.

И тогда Доджсон внезапно успокоился. Совсем. Ненависть ушла, уступив место брезгливости. Отвернувшись, разглядывая симпатичную молодую пару за соседним столиком, он спокойно сказал:

— Температура в контейнере минус тридцать шесть. В течение суток. За это время эмбрионы должны попасть сюда, в Сан-Хосе.

Деннис смолк, и Френк приятно удивился наступившей тишине.

— Значит, так, — голос толстяка стал деловитым и со-

бранным. — Меня должны встретить завтра в полдень у восточного причала.

— Тебе удастся обмануть систему безопасности?

— У меня есть восемнадцатиминутное окно, — вытирая губы салфеткой, объяснил Деннис. — Восемнадцать минут, стоящих полтора миллиона долларов и пяти лет напряженной работы у Хаммонда.

Рядом возник официант. Улыбчивый и мудрый, словно Будда, он протянул Деннису лист бумаги, заполненный аккуратным разборчивым почерком.

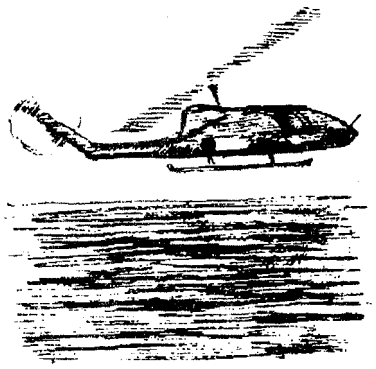
— Счет, сеньор.

Хоупер выразительно взглянул на счет, затем перевел взгляд на Доджсона.

Так они и смотрели друг на друга в течение, по меньшей мере, секунды.

— Не жмись со мной, Доджсон, — вдруг с неприкрытой враждебной злостью процедил Деннис. — Не жмись со мной. Это серьезное дело. Серьезный бизнес.

* * *



Доктор зоологии Ян Малколм оказался совсем не таким, как его представлял Грант. Говорливый, веселый, громкий, он начал свое знакомство с того что спросил, указав на Элли, у Элана:

— Это вы двое раскапываете динозавров?

— Пытаемся, по крайней мере, — улыбнулась девушка, и Малколм удовлетворенно кивнул.

Он больше походил на итальянца, чем на янки. Черные вьющиеся волосы обрамляли худое скуластое лицо и заканчивались на уровне плеч. Внимательные серые глаза изучали спутников с живым интересом. Ему было не

больше тридцати пяти, от него веяло силой, выражающейся в энергичных жестах. Малколм не мог и несколько секунд усидеть спокойно. Он постоянно находился в движении. Кожаная куртка с нашивкой «Мотли Крю» подчеркивала широкие плечи и борцовскую грудь; джинсы, немного мешковатые, обтягивали мускулистые ноги и узкие бедра. На ногах доктор Малколм носил высокие кроссовки «Рибок», что, в понимании, Элана уж совсем никак не вязалось с внешностью благопристойного уважаемого ученого. Хотя, вряд ли его собственное одеяние произвело на Малколма иное впечатление. Похоже, тот придерживался демократичных взглядов на право человека одеваться так, как ему вздумается. В целом же, доктор выглядел как студент университета средней руки перед рок-концертом.

Сидя в брюхе верткого вертолета, Грант изучал Малколма, а тот, в свою очередь, улыбаясь, изучал его.

— Вы любите путешествия на вертолетах? — последовал очередной вопрос.

— Мне не часто приходится совершать их, — пожал плечами Грант. — Собственно, правильнее было бы сказать, вообще не приходится.

— А я, знаете ли, терпеть их не могу, — засмеялся Малколм. — Меня укачивает. И потом, эти машинки имеют обыкновение проваливаться в воздушные ямы в тот самый момент, когда вам вздумается сглотнуть. Ощущение такое, будто у вас выдернули стул из-под задницы.

— В самом деле? — поинтересовался безо всякого интереса Грант.

— Ага, — Малколм тряхнул чернявой головой и опять засмеялся. Громко и заразительно.

«Сумасшедший дом, — подумал Грант. — Сборище улыбчиво-смешливых психопатов. Интересно, почему они все улыбаются? И Хаммонд, и Малколм, и... Ну, впрочем, Элли улыбается всегда. Не улыбается только мрачный тип в сером костюме. Как же его... Ах, да, Джереми Эль Спайзер, так, кажется, он представился. Интересно, что значит "Эль"? Лоуренс? Людвиг? Или... Ммм... Какие еще есть имена на "Эль"?»

Грант вновь перевел взгляд на Малколма. Тот по-прежнему улыбался.

«А ведь этот "черноволосый красавец" мне совсем не нравится, — вдруг подумал он. — Абсолютно. Я даже испытываю к нему антипатию. Почему? Слишком весел. Слишком обаятелен, слишком раскован, слишком общителен для первого знакомства. Да, слишком. Пожалуй, даже неуместно слишком. Странное чувство — антипатия. Ничего не можешь с собой поделать. Спроси, почему. Не знаю. Не нравится человек, и все. Подсознательно».

Словно прочитав его мысли, Хаммонд, сидящий справа от Элли, наклонился вперед и громко сказал:

— Вам надо привыкнуть к доктору Малколму. Он страдает прискорбно сильными расстройствами личности. Особенно, в состоянии статичности.

Черноволосый красавец весело захохотал, откинувшись на спинку кресла.

— Хаотичности, друг мой, — возвестил он. — Хаотичности! Джон не признает наличия хаоса, — обращаясь к Элли и Гранту, продолжил Малколм. — Особенно в науке. Хотя никак не может объяснить предмет своего беспокойства.

— Вот он, — Хаммонд ткнул в него пальцем, и Ян расхохотался снова. — Мы никогда не сидели наедине, лицом к лицу. Я доказал бы вам, что хаос — чушь. Его нельзя воспринимать, как факт, или как теорию, поскольку это — не более, чем выдумка.

— Это старомодный взгляд на проблему, — весело отмахнулся собеседник. — И он меня не интересует. Доктор Сетлер, доктор Грант, вы, надеюсь, слышали о новой теории хаотичности?

Элан не собирался вступать в научный спор, а уж в псевдонаучный — тем более. Если его оторвали от работы, то это вовсе не значит, что он намерен спорить до хрипоты о заведомо недоказуемых вещах. И уж подавно, его не интересует теория хаотичности, как сам факт, так и определение хаоса. Поэтому он коротко ответил:

— Нет.

— Нет? — еще веселее удивился Малколм. — А как же тогда с уравнением необъяснимой притягательности? Доктор Сетлер, я отказываюсь признавать, что вы не знаете о необычайной притягательности!

Элли улыбнулась, а Джон Хаммонд спокойно констатировал, обращаясь непосредственно к Джереми Эль Спайзеру:

— Я везу ученых, а ты везешь ненормального. Он сидит рядом с тобой, и зовут его Ян Малколм.

Малколм захохотал снова.

* * *

Сверху остров выглядел, как яркое зеленое пятно на лазурном фоне океанских волн. Белые барашки разбивались о прибрежные скалы, и брызги, сверкающие словно звезды, вздымались влажной стеной. Грант улыбнулся, рассматривая миниатюрную радугу, повисшую над серым берегом. По кронам деревьев пробегала дрожь, разрисовывая тропическую листву в более глубокие тона. Сквозь темную зелень проглядывали серые коробки административных строений, производящие довольно гнетущее впечатление и до неприличия не вписывающиеся в окружающий их пейзаж. Несколько раз мелькали длинные прямые лезвия причалов, вонзавшиеся в мягкую голубизну океанской глади. Покачивались на волнах катера, вокруг которых тоже висела туманная дымка микроскопических капель. Они ударялись цветными бортами о бетон пристаней, и их было не меньше десятка.

«Хью-Кобра» завалился набок и понесся в глубь острова, почти касаясь брюхом верхушек деревьев. Он то поднимался в небо, то вновь нырял вниз, надсадно взвывая двигателями. Дважды Грант замечал на горизонте огромные плешивые холмы, сплошь каменистые, светло-серые. Холмы эти портили вид. Они казались уродливо-чужими, непонятно как попавшими в сплошной растительный мир, поднимающийся от земли до самого неба. Скалы, увитые плющем, устремлялись вверх, расщелины прорезали равнины, ломая ровный фон джунглей. Пестрые пятна тропических цветов вносили приятное разнообра-

зие в богатейшую гамму зелени. Грант удивлялся богатству красок этого крохотного, возникшего посреди бескрайнего океана мира. Солнце освещало остров, придавая ему торжественно-праздничный вид.

«Должно быть, вот так Колумб рассматривал появившуюся на горизонте изломанную линию берегов Америки», — ни с того, ни с сего подумал Грант. Ему казалось, будто его забросили на миллионы лет назад, и он, будучи в безопасности, с изумлением и благоговением созерцает первобытную, не изуродованную грубым, беззастенчиво-нагловатым вмешательством цивилизации дикую природу. Иллюзия была удивительно реальной. Этот остров сохранил первозданную красоту.

— Вам нравится, доктор Грант? — мягко спросил Хаммонд.

У него сейчас был странный голос. Так мать спрашивает, понравился ли окружающим ее ребенок.

— Вид великолепный. Я рад, что природа острова сохранена.

— О, да, да. Я с самого начала решил: никакого асфальта, бетона и прочей тяжеловесной глупости, — кивнул бородач. — Кроме самого необходимого.

— Что вы понимаете под самым необходимым? — осведомилась Элли.

— Постройки. Часть из них выполнена из дерева, — в основном, это комплекс для посетителей, но административная часть собрана из блоков. Так же причалы и площадка для вертолетов. Но никаких дорог. Дороги уродуют, портят вид. Заметьте, собственно, разрушение и уничтожение лесов всегда начинается именно с этого. Приходит какой-нибудь болван в удивительнейший лес и говорит: «Здесь будет хайвей!» Все. Через полгода вы не узнаете этого места. Где лес? Его нет. Его вырубили. Кругом голая степь, бетон и машины. Армада машин и миллионы тонн бетона. Конец жизни. Пришел человек. Человек-гений. Но гений разрушения, при том, что мог бы созидать! Человечество делится на две части: созидателей и разрушителей. Причем, замечу с прискорбием, вторых все-таки гораздо больше.

— Довольно банальная истина, — заметил Малколм. — Знаете, Джон, человек, пожалуй, самое странное и страшное существо из всех, существующих в природе. Суперэгоист, пытающийся подчинить себе все. Все он хочет повернуть на благо, но на благо *себе*. Себе, другим людям, потенциальным потребителям, не важно. Людям! Вот что. Разговоры о созидании и разрушении вести с ним так же бесполезно, как с новорожденным о пользе диетического питания. Малышу нужна материнская грудь. Человек искренне считает, что не может обойтись без каких-то вещей, и берет их, разрушая все остальное с идиотской улыбкой. Даже если ему сказать: через год ты высосешь из земли всю нефть, газ, выкопаешь весь уголь, все ископаемые, и планета полетит в тартарары, думаете, его это остановит? Никогда в жизни. Человечество, действительно, делится на две части. Но не на разрушителей и созидателей, а на глупцов и слепых. И те, и другие опасны. Потенциально.

— И что же вы предлагаете? — спросила вдруг Элли. — Истребить и тех и других? Загнать в резервации, чтобы не топтали траву и не вырубали леса? Что?

— Ничего, доктор Сетлер, — Малколм улыбнулся. — Абсолютно ничего. Ни то, ни другое, ни третье, что бы вы ни предложили. Процесс необратим. Люди *привыкли* к своей жизни. И ничто не остановит их. *Ничто*.

— Мда, — хмыкнул Хаммонд. — А я смотрю, вы — неисправимый оптимист, Малколм. Глобальный оптимист.

— Еще бы, — захохотал тот. — Я признаю только большое.

— Я так и думал, — улыбнулся Хаммонд. — Я так и думал.

Грант посмотрел на него с интересом. В принципе, ему больше была близка позиция Джона, но и в словах Малколма заключалась определенная доля истины. Скажем: созидатель, балансирующий на узкой грани между благом и катастрофой. Человек странен, но далеко не однозначен и не прост. Нельзя говорить: это он делает во благо, а это — во зло. Жизнь куда сложнее рассуждений. Хотя бы тем, что всегда есть варианты. Всегда. Не полярные. И можно рассматривать ситуацию с нескольких точек зрения и находить аргументы для обеих сторон. Но в

одном-то Малколм прав безусловно: обязательно найдется идиот, слепец или еще кто-нибудь, кто по этой глупости, слепости, а может, и просто из гуманных побуждений вселенского масштаба перевернет самое хорошее дело так, что всем станет тошно. Сотворит нечто, достойное фильмов Хичкока, или романов Дина Р. Кунза, или еще чего-нибудь не менее жуткого. Такого, что земля застонет. Он вздохнул, возвращаясь к действительности, и вдруг понял, что Хаммонд уже несколько минут увлеченно рассказывает о чем-то, и все слушают его, причем слушают с интересом, и сам он, Элан Грант, тоже делает вид, что слушает, точнее, внимает, и даже качает головой иногда.

— ... на растительность это повлияло благотворно, — продолжал повествовать Хаммонд, оживленно жестикулируя пухленькими ручками, — но вызвало сильные воздушные потоки, к счастью, теплые. Тем не менее, нам пришлось отказаться от пассажирских перевозок на вертолетах. Для посетителей мы будем использовать катера. Это, наверное, даже к лучшему. С воды остров смотрится просто ошеломляюще.

(Гранта передернуло. «Ну, вот и появился созидатель», — подумал он.)

— А вы не боитесь, что ваши эксперименты приведут к нарушению природного баланса? — спросил вдруг Малколм.

— Землетрясения, наводнения, извержения вулканов? — лукаво улыбнулся Хаммонд. — Нет. Не боимся. Видите ли, доктор, в основе этого парка лежат жесткие расчеты, проверяемые годами. Тысячи экспериментов, тысячи опытов, целая команда ученых. Нет.

— Никогда не знаешь, что может произойти, — возразила Элли. — Эксперименты, расчеты, это, конечно, хорошо, но естественная природа отличается от лабораторного стола. Те результаты, что получались в лаборатории, могут не оправдаться в реальной обстановке.

— Меня окружают пессимисты, — грустно заключил Хаммонд. — Я думаю, мы возобновим этот спор после осмотра парка, когда вы увидите все собственными глазами. А пока, я думаю, будет лучше, если вы пристегнетесь. Когда геликоптер начнет снижаться, немного покидает. Горки. Так что, держитесь.

— Этого-то я и боялся, — с веселым отчаянием пробормотал Малколм. — Держитесь, ребята, у меня уже начинается приступ морской болезни.

Вертолет дрогнул. Двигатель вдруг завыл, пискливо и тонко. Налетевший порыв ветра заставил машину забиться в приступе механической агонии. Дребезжало все, начиная подвесными полками и заканчивая заклепками в борту. Мотор выбивался из сил. Когда «кобру» особенно трясло, у Гранта лязгали челюсти. До боли в скулах. Ветер, всемогущий, злобный, забавлялся с вертолетом с упоением капризного ребенка. Он выл в тон двигателю. Этакий тревожный дуэт, вселяющий мысль о неизбежной катастрофе, груде дымящихся обломков и малозначимости человеческой жизни. Геликоптер вдруг резко рухнул вниз, так же резко затормозил и мягко коснулся полозьями земли. Все вздохнули с облегчением. Хаммонд отстегнул ремень, улыбнулся и возвестил:

— Ну, вот мы и прибыли, джентльмены. Добро пожаловать в Юрский парк!

* * *

С земли остров выглядел еще более впечатляюще, чем с воздуха. Деревья-великаны обступили вертолетную площадку, расположившуюся на берегу небольшого озера, в перламутровую воду которого с ровным рокотом низвергался двенадцатиметровый водопад. В траве пестрели роскошные исполинские орхидеи нежнейших оттенков. В воздухе висел густой сочный аромат сладких тропических плодов. К нему примешивался запах хвои, свежей смолы и душистой мяты. Элли огляделась и засмеялась довольно.

— Здесь чудесно, правда, дорогой?

Грант улыбнулся:

— Да, здесь неплохо.

— Доктор Сетлер более откровенна в своих оценках, — заметил польщенный Хаммонд.

— Она всю жизнь смотрит на деревья, — возразил Грант, — я же ковыряюсь в земле.

— Но, тем не менее, вы можете убедиться, что доктор Сетлер не преувеличивает, — заметил бородач.

— Разумеется. У нее, вообще, тонкое чувство прекрасного.

Малколм засмеялся:

— У вас болит зуб, Элан?

— С чего вы взяли?

— Слишком уж вы мрачный, — он провел вокруг себя рукой. — Оглянитесь. Настоящий рай. «Гринпис» умер бы от восторга.

Грант пожал плечами:

— Я и не говорю, что здесь плохо.

— Но ваш *вид* говорит об этом.

— Вам показалось, — ответил Грант и предпринял попытку улыбнуться. Удалось.

— Хотите совет? — спросил Малколм. — Забудьте, что вы работаете. Расслабьтесь. Просто уик-энд. Думаю, вам сразу станет легче.

— Я постараюсь воспользоваться этим советом.

Из-за кустов вынырнули два открытых «лендровера». Выкрашенные в красный цвет, с разбегающимися по капоту желто-оранжевыми языками нарисованного пламени и странной эмблемой на дверцах: черный скелет тиранозавра, под которым белая, с черной же каймой, надпись: «Юрский парк».

Хаммонд широким жестом радушного хозяина пригласил гостей в машины.

— Для начала мы посетим лаборатории, затем — обед и, собственно, осмотр самого парка. Вот наша программа на сегодня.

Малколм опять хохотнул и первым залез на переднее сиденье «лендровера». За ним последовали Элли и Грант. Хаммонд и Эль Спайзер разместились во втором автомобиле.

Машины тронулись. Через полкилометра на пути выросло десятиметровое проволочное ограждение, на котором висела табличка: «ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВОЛЬТ! ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!». «Лендроверы» медленно миновали узкие пропускные ворота.

— Ого, — усмехнулся Малколм. — Эти ребята здорово охраняют свой парк от внешнего мира.

— Или внешний мир от парка, — предположила Элли.

— Возможно и такое, — согласился Малколм. — Но мне почему-то больше нравится первый вариант.

— Боитесь?

— Нет. Просто думаю о том, что же за экспонаты в этом парке. Такие заграждения, пожалуй, великоваты даже для слона. Разве что Хаммонд вывел новую породу китов... Сухопутный кит, как вам?

— Не очень, — честно призналась Элли.

— Мне тоже, — вздохнул зоолог. — Но это было бы, по крайней мере, интересно.

Во второй машине в это же время Хаммонд объяснял Эль Спайзеру, указывая на тянущиеся вдоль дороги стальные линии ограждений:

— Пятьсот километров электрифицированной ограды. Весь парк разбит на секторы, каждый сектор отделен от остальных таким вот ограждением. Система безопасности работает нормально. Успокойтесь, получайте удовольствие.

— Ваш несчастный случай говорит об обратном, — веско возразил адвокат.

— Ах, вот что вас беспокоит, — засмеялся Хаммонд. — Успокойтесь. Несчастный случай произошел из-за небрежности самих рабочих при транспортировке рептилии. Ограждения здесь не при чем. Ни разу за три года ни одна рептилия не смогла вырваться за пределы периметра своего сектора. Ни одна, ни разу. Вы преувеличиваете значение одного-единственного несчастного случая, произошедшего первый раз за всю историю Юрского парка. Зачем делать из мухи слона? Никто же не кричит, что надо отключить и выкинуть все газонокосилки только потому, что какой-то болван по собственной неосторожности сунул в одну из них руку. Если бы этот парень, рабочий, был более внимателен, с ним бы ничего не случилось.

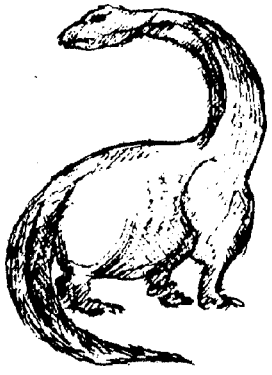
— Тем не менее, Джон, — холодно и спокойно подвел черту Эль Спайзер, — это не воскресная экскурсия, не

стоит заблуждаться по данному вопросу. И я, и люди, сидящие в другой машине, приехали сюда для того, чтобы серьезно — очень серьезно — исследовать надежность вашего парка. Инвесторы обеспокоены. Через сорок восемь часов я или убежден, что Юрский парк может приносить деньги, или нет. Запомните это, Джон. Имейте это в виду.

— Конечно, конечно, — согласился Хаммонд. — Но еще до того, как истекут восемнадцать часов, мне придется умерять ваши восторги.

— Очень на это надеюсь, — сухо усмехнулся Спайзер и отвернулся к окну.

* * *



Примерно через три километра «лендроверы» переползли через высокую гряду холмов и оказались на огромной равнине. Справа высились гигантские деревья, стоящие монолитной непроницаемой стеной. Увидев их, Элли подобралась. Гранту было знакомо это ее состояние. Такое случалось каждый раз, когда она сталкивалась с чем-либо неожиданным и интересным. Глаза Элли сузились, губы сжались в тонкую напряженную линию. Она подалась вперед, со все возрастающим интересом рассматривая буйную взъерошенную растительность.

Грант, зная, что в такие моменты ее лучше не трогать, вздохнул, повернулся к левому окну и застыл с отвисшей челюстью. Волнение, охватившее его, было настолько сильно, что он едва не задохнулся, мгновенно потеряв дар речи. Это был шок, подобных которому Элан не испытывал ни разу в жизни. Элли еще не видела того, что видел Грант, и продолжала бормотать:

— Велвитшия... Этого не может быть. Они растут только в пустыне юго-западной Африки... Откуда?.. Боже! Кордайтес, Вильямсония, Беннетитес, Волтзия, меловой период! Черт, этого просто не может быть, просто не может быть... Элан! Эти растения давно вымерли! То есть... Эта штука здесь...

— Элли...— Грант просто схватил девушку и развернул лицом к тому, что уже успел увидеть сам. В сотне метров от того места, где стояли «лендроверы», величественный и огромный, лениво-медлительный, едва переступая колоннообразными ногами, шагал диплодок. В нем было не меньше тридцати метров длины и почти десять высоты.

Элли зачарованно прошептала:

— Господи... Это... Это — динозавр...

— Ему удалось... — пробормотал одновременно и восхищенно и растерянно Малколм. — Сумасшедший сукин сын. Ему все-таки удалось сделать это...

Диплодок, покачивая длинной шеей, подошел к стоящей чуть поодаль тиссовой роще и принялся невозмутимо ощипывать зеленую крону, без труда обламывая сучья толщиной в человеческую руку. Его не интересовала возня внизу. Он всхрапывал, стараясь достать особенно понравившиеся ветви, фыркал, переступал ногами. Огромное тело, серое и шершавое, непрестанно двигалось. Могучие мышцы напрягались, выделяясь под толстой кожей гигантскими узлами, и опадали.

Грант выбрался из машины и торопливо пошел, а затем и побежал к динозавру, словно желая убедиться, что это не ловкий трюк, не потрясающе точная проекция, не механизм, а настоящий, реальный, существующий в действительности диплодок. Рептилия, последний экземпляр которой вымер примерно сто тридцать пять миллионов лет назад. Следом за ним побежала и Элли. Затем, вальяжно, с видом весьма довольным, пошел Хаммонд. Бородач, добрый сказочный гном, сделавший то, что не удавалось никому до него. Кроме Бога, конечно. Он и ощущал себя почти Богом. Лишь Малколм и Спайзер остались в машинах. Один все повторял: «Ему удалось...», второй пробормотал убежденно:

— На этом парке можно сделать целое состояние. Горы денег. Океаны денег. Потрясающе!

В деньгах адвокат разбираться умел.

Диплодок повернул маленькую пупырчатую голову, посмотрел куда-то вдаль, медленно ворочая челюстями, и вновь протяжно и звучно вздохнул.

Грант замедлил шаг, остановился. Хотя его рассудок отказывался верить тому, что видели глаза, но факт оставался фактом: перед ним стоял живой динозавр.

— Посмотри на него, — сказал он восхищенно подбежавшей девушке. — Посмотри. Настоящее древнее существо.

— Это что-то невероятное, — прошептала Элли. — Сколько он в высоту? Метров девять-десять?

— Не меньше. Не меньше. Господи, я не могу поверить. Настоящий динозавр. Настоящий! Динозавр! Ущипни меня.

— Пока мы тут разговариваем, — раздался у них за спиной довольномурлыкающий голос Хаммонда, — тирексы километрах в трех отсюда. Целое семейство.

— Чтоооооо? — от удивления у Гранта едва не полезли глаза на лоб. — Стоп. Подождите секунду. Дайте мне прийти в себя. Повторите еще раз. Я не ослышался? Вы сказали «тирексы»? Тиранозавры? Вы сказали, у вас имеются тиранозавры?

— Да, — довольный произведенным эффектом, скромно ответил Хаммонд. — Вы не ослышались. Я сказал: «У меня есть тиранозавры». Несколько отличных особей настоящих живых тиранозавров.

Грант почувствовал, как земля медленно поплыла у него из-под ног.

— Элан, спокойно, — пробормотала Элли. Хотя голос ее отнюдь не поражал невозмутимостью, но держалась она все же лучше. Возможно, причиной тому являлось то, что Элли была палеоботаником, специалистом по вымершим растениям, и не так остро воспринимала эту, ставшую возможной, невозможную истину.

— Доктор Сетлер, доктор Грант, — торжественно возвестил Хаммонд. — Вы в парке юрского периода. Это и есть чудо. Плод человеческого гения!

— Я раздавлен, — прошептал Грант. — Я просто раздавлен. Как вам это удалось?

Хаммонд с откровенно довольным видом кота, которому почесали за ухом, потеребил свою аккуратную седую бородку и промурлыкал:

— Я покажу и объясню вам все. Но чуть позже. Это тоже входит в нашу программу. А пока давайте вернемся в машину.

Диплодок ухватился зубами за острую верхушку высокого кипариса, изящно-плавным, лишенным даже намека на усилие движением переломил ее и принялся меланхолично жевать, поглядывая сверху вниз влажными темными глазами.

— И что вы думаете по этому поводу? — спросил Малколм, когда Элан и Элли забрались на свои места.

— А что думаете вы? — спросил в ответ Грант.

Он действительно не мог бы сейчас сказать, *что* он думает. Слишком велико было перенесенное две минуты назад потрясение. Его мозг, столкнувшись с заведомо невозможным фактом, сейчас медленно оправлялся от шока, усваивая информацию, умещая ее в рамки разумного, существующего мира.

Малколм, к немалому удивлению Гранта, не выглядел раздавленным. Обескураженным — да, но и только.

— Я? — он усмехнулся, однако в этом смешке не было обычной беззаботности. — Я думаю, что Джон — большой любитель эффектов.

— И только-то? — спросила Элли. — Это и все, что вы можете сказать?

— Конечно, — Малколм вздохнул и пояснил. — Видите ли, Элан... Вы не возражаете, если я буду называть вас «Элан»?

— Нет.

— Так вот, дело в том, что и вы, и Элли по роду работы привыкли иметь дело с давно вымершими животными. Ваш мозг *знает*, что динозавров не существует в природе. Для вас это — аксиома. Истина, не требующая доказательств.

— А ваш мозг знает что-то другое? — довольно резко спросил Грант.

— Нет, разумеется. Но для меня вымирание динозавров не является непреложным фактом. Я работаю с живыми организмами. И, честно говоря, иногда мне в голову приходила мысль: если живы вараны, змеи, крокодилы, если они умудрились переползти из века в век, из тысячелетия в тысячелетие, то почему бы того же не сделать и динозаврам? Я знаком с Джоном около десяти лет, и мне известна его идея относительно создания такого вот парка, хотя, откровенно говоря, я сильно сомневался в успехе, но, в любом случае, так или иначе, мой мозг был более подготовлен, чем ваш.

— По-моему, вы бравируете, — констатировал Грант.

Малколм пожал плечами:

— Можете расценивать это и таким образом. Однако, посудите сами, вы же не вопите от удивления, увидев промышленного робота? Так почему же вас повергают в шок динозавры?

— Да, но это разные вещи, — быстро возразила Элли.

— Абсолютно одинаковые, — усмехнулся Малколм. — Абсолютно, уверяю вас. И то, и другое — дело рук человеческих. Человеческого труда. Искусственно созданные животные. Поверьте мне, Элан, вы начнете скучать уже через три часа. Первый динозавр повергает вас в восторг, второй вызывает более умеренную реакцию, третий оставляет вас довольно спокойным, а четвертый не вызывает ничего, кроме скуки. Животное из пробирки, оно не знает этого мира, оно апатично, спокойно, в нем нет тех выработанных столетиями навыков, как у его предков. Настоящих предков, я имею в виду. Еду ему подносят на блюдечке, не нужно затрачивать усилий на охоту. Скука, скука.

Грант слушал Малколма с удивлением. Он не думал о подобной стороне дела. Разум протестовал против доводов, которые приводил зоолог. Грант верил собственным глазам, а они видели живого естественного динозавра. Не машину, а нормального диплодока.

— Думаю, что вы ошибаетесь, — наконец сказал он. — Это не механические рептилии.

— А я и не говорил, что они механические.

— Бросьте, Ян, вы прекрасно понимаете, что я имею в

виду. По-вашему, КАК Хаммонду удалось вывести этих животных?

— Вы подразумеваете сам процесс или материал?

— Материал.

— Нуууууу... — Малколм потер висок указательным пальцем. — Существует несколько способов, но мне кажется, Джон использовал цепочки ДНК настоящих, умерших когда-то динозавров. Только вот, ума не приложу, как он их раздобыл?

— Это не важно, — отмахнулся Грант. — В главном вы правы. ДНК! А значит, и генетическая память этих рептилий идеально повторяет заложенное в генах их предшественников. Копирует гены. Понимаете, инстинкты этой особи в точности соответствуют инстинктам подлинного динозавра юрской эпохи.

Малколм пожевал губами, задумчиво глядя на собеседника.

— Возможно, вы и правы. Очень возможно. Но я не думаю, что во всем. Зачатки инстинктов, может быть, и есть в этих тварях, точнее, были, но их, наверняка, уничтожила местная беззаботная жизнь.

— Посмотрим.

Разговор оборвался. Все вглядывались в буйную растительность за окном: не покажется ли в густых, плотных, непроницаемых зарослях черная спина тиранозавра, игуанодона или еще какой-нибудь рептилии.

Грант вдруг с удивлением осознал, что если бы такое произошло, его реакция была бы, действительно, более умеренной. От понимания этого факта у него почему-то испортилось настроение.

«Этот парень прав, — признался он сам себе. — Прав. Мне станет скучно, и, возможно, даже быстрее, чем ему кажется. Черт побери! Это зоолог, Малколм, учит меня — палеонтолога!» — Грант покачал головой и повторил мысленно: — «Черт побери!»

«Лендроверы» углубились в джунгли. Они довольно резво бежали по узкой дороге, защищенной с обеих сторон высоким заграждением. Синие сигнальные лампы показывали, что ток включен и оснований для беспокойства нет. Элли увлеченно крутила головой и восхищенно оха-

ла, когда замечала одно из многочисленных, давно вымерших растений. Грант с хмурым видом слушал ее восторги, недоумевая, почему она до сих пор удивляется. Чем *растения* отличаются от *животных*? Или, может быть, в случае с женщиной «правило Малколма» не действует?

Ему захотелось курить. С тех пор, как он оставил эту привычку, прошло уже почти пять лет, но сейчас чувство вернулось, сильное до сумасшествия. Грант даже ощутил привычный плотный цилиндр «Мальборо» в пальцах, на губах и языке появился давний забытый привкус табака, горло перехватило легким сладковатым дымом. Он опустил глаза, желая удостовериться, что сигареты нет. Иллюзия была на удивление реальной.

Ветви огромных папоротников, смело преодолевавших высоковольтное заграждение, с мягким шелестом скользили по дверцам и крыльям «лендроверов». Над головами людей, в зеркально-ледяной застывшей голубизне бездонного неба, на фоне невесомых, наполненных воздухом белесых облаков вычерчивали надуманные, но идеальные в этой надуманности узоры исполинские птицы. Джунгли за оградой были переполнены жизнью. Грант чувствовал ее. Она существовала, невидимая, напряженная, ворчащая хищно, боящаяся, подвижная. Запахи казались материальными, звуки могли рассказать обо всем, что происходило за бархатно-зеленой, цветасто-пестрой колышащейся портьерой листвы. Грант ощущал их кожей. Он проникал в саму суть этой дикой природы, как делал это миллионы лет назад первобытный человек, согнувшийся у костра, обмотанный в шкуры убитых им же животных. Токи ее обволакивали тело, и палеонтолог почувствовал возбуждение от этого странного всепроникающего понимания. Глубинного знания, так неожиданно проснувшегося в нем.

— Ага, похоже, мы приехали, — нарушил молчание Малколм. — Святая святых Юрского парка. Храм будды Хаммонда. В этом весь Джон.

Грант посмотрел вперед и увидел главное административное здание. Бетонный куб с идеально выверенными формами, выпадающий из пейзажа даже больше, чем казалось с воздуха. Неуместное, как рахит среди пышущих здоровьем атлетов, здание «вылуплялось» из толстого ковра травы и плюща, поднималось вверх, уродуя кроны деревьев, на два этажа и обрывалось. Серый, чахоточно-болезненный уродец, вторгшийся в чужую жизнь с бесцеремонностью, свойственной лишь людям.

Элли, похоже, испытывала те же чувства. Она наклонилась к уху Гранта и прошептала:

— Туристам этого не покажут. Через год его уже не будет видно. Плющ делает свое дело.

Действительно, тонкие, кажущиеся хрупкими нити плюща, сплетаясь в толстые и прочные канаты, тянулись вверх, взбирались по стенам, хороня под собой чуждое природе. Она затягивала раны. Пока их было слишком мало, но за год плющ, вьюн и лианы вполне могли бы скрыть здание от людских глаз.

Хаммонд прошагал мимо, обернулся и указал рукой на главный вход.

— Прошу! Мы почти на месте. Еще минута, и парк откроет вам свои тайны.

Первым прошел Эль Спайзер. За ним, счастливо увязая ногами в зеленом ковре, Элли. Грант зашагал следом. Догнавший его Малколм обронил, словно невзначай:

— А теперь подумаем: зачем бы Хаммонду устраивать весь этот спектакль с диплодоком?

Беспечно насвистывая, он миновал Гранта и присоединился к Спайзеру, сразу завязав с адвокатом оживленный разговор. Элан задумчиво смотрел в широкую кожаную спину и думал, чего же добивается этот странный человек? Что он знает? Или о чем догадывается?

Автоматически открылась массивная, непроницаемая стальная дверь, и Хаммонд ввел гостей в бетонный лабиринт.

— Основные помещения, — вещал он, — расположены под землей. Здесь, говоря образно, лишь вершина айсберга: вход и зал, в котором экспозиция наших находок. Что-то вроде музея нашего парка. Он, кстати, построен из дерева и почти совсем не виден. Мы решили, что большие строения портили бы вид. Полная естественность

пейзажа, вот чего добивались наши специалисты. Стопроцентная иллюзия дикой природы. Первобытный мир.

«Вот именно, *иллюзия*», — подумал Грант.

Они углублялись в здание, подобно термитам, ползущим в своей бесконечной норе.

Вскоре Грант перестал ориентироваться в проделанном ими пути. Если бы ему предложили самостоятельно найти дорогу к выходу, он, пожалуй, не смог бы сделать этого. Безликие ровные стены, одинаковые и хмурые, вытянулись в один длинный тоннель. Тоннель, не имеющий начала и конца. Все двери в нем были почти точной копией входной. Такие же незыблемые, огромные, давящие. Они будут стоять и стоять, веками, тысячелетиями, переживая и динозавров, и их создателя. И Гранта, и Малколма. Все, весь мир обратится в тлен, пыль, серую пустыню, посреди которой будут стоять эти ровные кубы со стальными метровыми дверями. Символ человека.

Грант вздохнул, стряхивая с себя им же самим придуманную мрачную картину.

— Портики, колонны, балконы, — пробормотал идущий впереди Малколм, — исключительное разнообразие.

Хаммонд услышал.

— Да, недостатки архитектуры оправдываются лишь тем, что мы стремились по возможности меньше нарушать слой почвы. Знаете, иногда становишься сентиментальным.

— Конечно, — совершенно серьезно кивнул зоолог.

— Итак, мы на месте!

Бородач открыл очередную дверь, и они вошли в небольшой зал. Семь рядов удобных, обтянутых коричневой кожей кресел застыли справа, словно в салоне самолета. Слева во всю стену матово белел панорамный экран.

— Собственный кинотеатр? — предположила Элли.

— Входите, входите, — Хаммонд широким жестом обвел рукой зал, — рассаживайтесь, где вам будет удобно.

Гости начали занимать места. Бородач, улыбаясь, забрался на небольшую эстрадку перед экраном и хорошо поставленным голосом сообщил:

— Мы создаем увеселительный парк для всего мира!

Тут собраны последние достижения техники, и не только техники. Юрский парк — настоящая вершина научной мысли. Венец человеческого творения.

— Скромность, — почти беззвучно прошептал Малколм, — вот что меня привлекает в этом человеке!

— Все применяют трюки, — продолжал тем временем бородач, — но мы создали и продолжаем создавать *живые* биологические экспонаты! Они захватят воображение всей планеты!

— Интересно, — вновь подал голос зоолог, — где он взял ДНК динозавра?

— А вот и я! — хлопнул в ладоши Хаммонд. — Я уже иду!

Сзади тихо застрекотал кинопроектор, и на экране вдруг появился Джон Хаммонд. Экранный Хаммонд вышел из-за кулис и весело поздоровался:

— Здравствуйте, дамы и господа. Здравствуй, Джон.

— Здравствуй, — откликнулся подлинный Хаммонд.

— Прости за любопытство, но... Как я сюда попал? — осведомился кино-Хаммонд.

— Сейчас объясню. В течение следующих тридцати минут собравшиеся выслушали целый доклад о ДНК, динозаврах и возрождении последних, благодаря всего лишь одной капле крови.

— Сотни лет назад, тысячи и миллионы лет назад существовали комары, — вещал из динамиков веселый голос бородача. — И так же, как и сегодня, они питались кровью животных, динозавров. Иногда после укуса динозавра комар садился на ветку дерева, и его заливало смолой. Спустя некоторое время дерево умирало и окаменевало, — как и динозавры, — сохраняя комара внутри. Эти окаменевшие остатки смолы, которые мы теперь называем янтарем, пролежали в земле миллионы лет.

На экране комар кусал гигантского бронтозавра, заливался смолой, раскапывался симпатичными бравыми парнями, лихо потрошился с помощью шприца и иглы, а капля крови помещалась в пробирку.

— Пока не пришли ученые Юрского парка, — победно повысил голос Хаммонд.

— Можно подумать, что здесь рекламируют «кока-колу», — ухмыльнулся зоолог.

— Используя сложнейшую технику, они извлекли комара, взяли образцы крови и получили ДНК динозавра!

Далее последовала еще более длительная лекция, в течение которой Малколм, Элан и Элли ерзали в своих креслах. Лишь Эль Спайзер оставался спокойным. Он ничего не понимал, но зато внимательно слушал, одобрительно покачивая головой. Адвокат чувствовал себя причастным к уникальному эксперименту. Контролером. Если не самого Господа Бога, то кого-то, очень на него похожего.

— Используя суперкомпьютер, наши ученые воссоздали ДНК динозавра, нашли разрывы в цепочке, воспользовались ДНК лягушки и получили... малютку динозавра! — закончил Хаммонд. — Это все, конечно, упрощенно, на самом деле все было гораздо драматичнее. И дороже.

Адвокат засмеялся. Один.

— Поехали дальше!

Бородач хлопнул в ладоши. В стенах с мерным гулом заработали мощные моторы, натягивая лебедки. Те, в свою очередь, натянули тросы. Экран быстро покатился в сторону и через десять секунд исчез в стене, открыв огромное окно. За толстым стеклом сновали люди в белых халатах, сосредоточенные, молчаливые, занятые своим очень важным делом.

Грант напрягся. Ему стало интересно. Действительно, очень интересно. Там, за стеклом, не разговаривали, там работали. Под плексигласовыми колпаками зарождалась жизнь. Там умирали, исчезали, превращались в ничто сотни зародышей. Но десятки выживали, проклевывались, выбирались на свет. Процесс сродни творчеству.

— Это все оглушительно, Джон, — сказал Грант. — Это... персонажи? Актеры?

— Нет, нет, — быстро и весело сообщил бородач. — Это не стереокино. Это живые люди, научные работники Юрского парка!

— А нельзя ли взглянуть на их работу поближе?

— Конечно. Пойдемте.

Стекло ушло в сторону следом за экраном. Гости поднялись по узеньким ступенькам, пересекли стену и спустились в лабораторию.

— Здравствуйте, — громко сказал Хаммонд.

— Здравствуйте, сэр, — раздалось со всех сторон.

— Вот, смотрите. Это наш инкубатор.

У дальней стены лаборатории Грант увидел обширный стол, над которым жарко горели яркие хирургические лампы. За высокими бортами золотился песок, в котором белели аккуратные бока крупных яиц. Механическая трехпалая рука зависла над инкубатором, бережно перевернула их и вновь пропала за границей светового пятна. Все это заняло не больше минуты. Малколм наблюдал, стоя неподвижно, сунув руки в карманы джинсов. Элли чуть приоткрыла рот от восторга. Глаза ее возбужденно блестели. Она теребила указательный палец правой руки. Эль Спайзер рассматривал оборудование, ряды компьютеров, автоклавы, в которых что-то вращалось, гудело и щелкало, электронные микроскопы, несколько инкубаторов поменьше, принтеры, с резковатым писком выводящие знаки, символы, формулы — информацию, тысячи, миллионы бит информации. И это только одна лаборатория!

Адвокат был практичным человеком. О научной стороне дела пусть думают Малколм, Грант и Сетлер, он же думает о финансах. И то, и другое одинаково важно. Молчаливые белые фигуры, словно призраки, бесшумно скользили по лаборатории.

«Не менее двадцати человек, — подумал Спайзер, — и только первоклассные умы. Есть чем гордиться. Этот парк пока качает деньги из инвесторов. И большие деньги. Но когда он начнет отдавать, о-о-о... Фантастика! Пожалуй, так и нужно доложить клиентам. Юрский парк — это настоящий Форт-Нокс[1]. В нем заложены тонны золота. Громадные деньги. Просто грандиозные!»

Сзади, из-за спин, вынырнул низкорослый лаборант-японец.

— Добрый день, сэр, — тихо, тщательно выговаривая

[1] Форт-Нокс — хранилище золотого запаса США.

каждую букву, поздоровался он. — Вы пришли в очень удачное время. Сейчас должно произойти вылупление.

— Почему меня не предупредили? — нахмурился Хаммонд. — Я настаиваю, чтобы меня каждый раз предупреждали! Я хочу присутствовать при этом!

— Конечно, сэр, — кивнул японец.

Он указал рукой на инкубатор. Гости подошли ближе, собрались вокруг стола, внимательно разглядывая яйца, стараясь угадать, какое же из них будет первым. Хаммонд согнулся так, что его седая бородка почти коснулась белой скорлупы. Несколько секунд он, как и все, смотрел на ровные ряды яиц, а затем почти шепотом спросил:

— Какое?

— Это.

Японец улыбнулся, указав на угловое, крупное с желтыми прожилками яйцо. Хаммонд бережно извлек его из песка и начал поворачивать перед глазами. Внезапно лицо бородача потеплело, расплылось в ласковой радостной улыбке. Он повернулся к гостям и продемонстрировал крохотную поклевку на острой стороне яйца.

— Вы видите? Он сейчас вылупится! Сейчас! Несколько минут, и вы станете свидетелями настоящего рождения настоящего динозавра!

Малколм внимательно смотрел, как по поверхности скорлупы разбежались мелкие трещинки, словно кто-то набросил на нее тонкую, едва заметную паутинку. На губах зоолога появилась улыбка, но не открытая и теплая, как у Хаммонда, а натянутая, неживая, похожая на застывшую улыбку манекена в витрине магазина.

Грант почти автоматически отметил это, а затем вернулся к наблюдению. Поклевка стала заметно больше. Существо, заключенное в скорлупе, настойчиво стремилось выбраться на волю. Оно тыкалось острой мордочкой в пятнышко света, расширяя отверстие. Слабые легкие издавали невнятный писк. Судорожно дергая маленькими лапками, рептилия ворочалась, взламывая стенки скорлупы.

Хаммонд наблюдал за этими попытками с умилением. Такое лицо бывает, когда смотрят на малыша, делающего первый шаг. Бородка его дергалась, губы шептали слова,

глаза сияли радостью за толстыми линзами очков. Лоб порозовел, брови вползли на него и изогнулись домиком, кожа собралась в морщины, как щеки у породистого бассета.

— Давай, давай, красавица, — шептал Хаммонд с непередаваемыми сюсюкающими интонациями. — Давай, выбирайся оттуда.

Его лицо лучилось радостью, когда он принялся осторожно вскрывать яйцо. Не прошло и минуты, как существо лежало у него на ладони, спазматически подергивая хвостом, крутя головой, разевая зубастую пасть.

— Видите, как это происходит? Так же появлялись первые создания миллионы лет назад.

«Конечно, так, — усмехнулся Грант. — Именно так. Только вот кто им всковыривал скорлупу?»

— А теперь рождение такого чудного существа происходит на нашей фирме.

— А вас не пугает их дальнейшее размножение в природных условиях? — вдруг спросил Малколм. — Я имею в виду угрозу перенаселения.

— Нет... — чуть помедлив, ответил Хаммонд. — В естественных условиях они не смогут дать потомства. Мы предприняли определенные меры предосторожности. Тут, в Юрском парке, не существует несанкционированного деторождения.

— Стерилизация?

— Хм... Любопытное предположение, но вынужден вас разочаровать, доктор Малколм. Мы поступаем несколько иначе. Дело в том, что в Юрском парке содержатся только особи женского пола.

— Ну, допустим, — глаза зоолога сузились. — А откуда вам известно, что данная особь — женская? Кто-нибудь ходит по парку и проверяет?

— Господи, конечно же, нет, — тоном, каким обычно выговаривают маленьким детям за прилюдно сказанную глупость, возразил бородач. — Конечно, нет. Мы просто контролируем их хромосомы, вот и все. Это не сложно. В любом случае, все особи — самки. Для того чтобы стать самцом, динозавру нужны определенные гормоны. Мы лишаем рептилий возможности получить их.

— Лишаете возможности? — недоверчиво переспросила Элли.

Малколм вдруг наклонился вперед, опершись руками на край инкубатора, и пристально посмотрел Хаммонду в глаза.

— Послушайте, Джон, не обманывайте себя. Контроль, о котором вы нам тут говорите, просто невозможен! Не-воз-мо-жен! История эволюции учит нас тому, что жизнь, природу нельзя запереть! Понимаете? Это — нонсенс! Самообман! Утешение для дурачков! Жизнь, в любом случае, вырвется на свободу, расширит территорию, просочится сквозь барьеры и заграждения. Они научатся добывать нужные им гормоны из окружающей среды! Может быть, это будет болезненно, а может быть, и опасно, но... — Малколм выпрямился и развел руками. — Ну, вот так.

— Вы хотите убедить меня и этих людей, — Хаммонд указал на стоящих вокруг гостей рукой, в которой все еще пищала новорожденная рептилия, — в том, что стая динозавров, состоящая исключительно из женских особей, начнет, рано или поздно, плодоносить?

— Нет, — покачал головой зоолог. — Я этого не говорил. Я сказал, что любая жизненная форма всегда найдет путь к воспроизведению себе подобных. Иначе говоря, жизнь все равно вырвется из-под контроля, — он помолчал и вдруг спросил, кивая на возящегося в ладони бородача малыша. — Что это за вид?

— Велосирептор, — ответил Хаммонд.

— Птица-хищник, — пробормотал Грант.

— Совершенно верно. Очень опасное существо, — Хаммонд передал детеныша японцу, и тот поспешно ретировался. — Доктор Грант, доктор Сетлер, мистер Спайзер, доктор Малколм, как я уже говорил, сегодня вы сможете осмотреть парк, но перед этим мне хотелось бы, чтобы вы пообедали. Для этого нам придется перейти в корпус для посетителей. Если ни у кого нет вопросов и возражений...

Вопросов и возражений не оказалось.

* * *

Солнце опутало джунгли сетью жары, и не было возможности из нее выбраться. Сгустившийся, прогретый до самой земли воздух казался материальным, плотным, вязким, как болотная жижа. Рубашки, моментально намокая от пота, становились темными. Деревья застыли в неестественном кукольном спокойствии. Изредка налетал вялый ленивый ветерок, не приносящий облегчения. Он натужно пытался разогнать раскаленное марево, но попытки эти каждый раз заканчивались неудачей и не вызывали у людей ничего, кроме раздражения. Впрочем, такого же вялого, как и сам ветер. Тем не менее, Грант был рад, что выбрался из бетонного склепа. Несмотря на жару, ему нравилось здесь, среди травы, лиан, пальм и кипарисов, лиственниц и гинко. Прохлада внутри здания была искусственной, стерильной, пахнущей разогретой изоляцией или не пахнущей ничем вовсе. Наверху же царила жизнь. Настоящая, естественная. Тут можно было ходить, разговаривать в полный голос, вдыхать запахи трав и древесной смолы, цветов и хвои, слушать щебетание невидимых пичуг и бормотание животных, скрытых зарослями.

Слева, за высокими, странного вида кустами, слышались отчетливые человеческие голоса, рев коровы и сухой гулкий клекот, очень похожий на птичий, только гораздо более громкий, происхождения которого Элан не знал. Он мог только догадываться, что издает его один из подопечных Хаммонда.

— Пойдемте, — словно прочитав его мысли, предложил бородач, — посмотрите. Это весьма занятное зрелище.

Они свернули с тропы, миновали кусты, осторожно раздвигая их руками, преодолели небольшой ручей, ступая по скользким, наполовину скрытым водорослями камням, и вышли на открытую поляну, окруженную саговниками, соснами Культера и громадными, в несколько метров, папоротниками. Грант отчаянно вертел головой, пытаясь понять, какие еще формы жизни можно встретить на этом острове. Несколько раз он замечал резвя-

щихся обезьян, которые быстро исчезали в ветвях, едва люди подходили достаточно близко. В какой-то момент ему показалось, что среди деревьев появилась бурая спина мегатерия[1], но тот исчез прежде, чем Грант сумел убедиться в точности своего определения.

— Сейчас мы подойдем к загону, в котором содержится наиболее опасный вид динозавров, — с гордостью заявил Хаммонд.

— Ти-рекс? — спросил Грант.

— Н-нет. Ти-рекса вы увидите позже, во время осмотра. Эта часть парка пока закрыта. Здесь разместились две довольно крупные особи велосирептора.

— Крупные?

— Да. Четыре метра в высоту.

— Ого, — Элли присвистнула. — Действительно, крупные.

— Мы стараемся, чтобы в парке присутствовали только... ммм... отборные особи. Самые выдающиеся.

Загон больше напоминал крепость. В одном углу торчала массивная смотровая вышка, от которой тянулся широкий парапет, проложенный по верхушке наружной бетонной стены, кое-где сменяющийся толстой решеткой. Внутри периметра высился еще один ряд заграждений — высоковольтный. Пространство загона — площадка примерно тридцать на двадцать метров — было густо засажено пальмами и саговниками. Сейчас по парапету сновали люди, одетые в форменные комбинезоны Юрского парка. Над загоном, в толстой, прочной сети билась корова. Она громко мычала, глядя на людей тоскливыми огромными глазами. Сеть крепилась к огромной стальной лебедке, управляемой хмурым человеком из смотровой башни.

— Чем это они занимаются? — спросил Грант Хаммонда.

— Сейчас время кормления, — ответил тот и предложил: — Давайте поднимемся на стену.

Они забрались по широкой лестнице на парапет и остановились, глядя в зеленую колышащуюся стену пальм.

[1] Мегатерий — гигантский травоядный ленивец. Обитал во времена Юрского периода (195 млн. лет — 135 млн. лет до н. эры.). *Здесь и далее примечания редактора.*

Перемежающийся глухим взревыванием клекот, который недавно слышал Грант, возобновился. Звуки доносились из самого загона. Теперь в них можно было разобрать гортанно-утробное рычание, тусклое, но достаточно сильное. Казалось, кто-то выпускал воздух из треснувшего парового котла.

Грант смотрел вниз. Рядом застыла Элли. Малколм привалился спиной к внешним поручням, скрестив руки на груди. Казалось, он потерял всякий интерес к происходящему. Эль Спайзер стоял чуть в стороне, подавшись вперед. На лице его блуждала довольная улыбка.

Внезапно рядом с ними показался человек. Высокий и крепкий, подтянутый, в легкой рубашке-сафари, шортах и сандалиях, он держал в руке армейскую кепку. Мускулистые загорелые руки, покрытые белыми нитями шрамов и царапин, спокойно свисали вдоль тела. Орлиный нос, когда-то перебитый, а потому и сейчас немного кривоватый, не только не украшал мужчину, но придавал угрюмому лицу хищное выражение. Глаза его были острыми, зоркими. Нижняя челюсть, пожалуй, чуть-чуть более тяжелая, чем полагалось от природы, усиливала ощущение свирепости. Волосы подстрижены коротко, на армейский манер. Гранту бросилось в глаза, что рубашка мужчины абсолютно суха, будто жара ему и вовсе нипочем. Не волнует его жара. Совершенно.

— Вам нужно быть очень осторожными, — пророкотал мужчина, довольно неприязненно изучая взглядом гостей. Голос у него был под стать внешности — низкий, вибрирующий. Говорил он с нажимом на «р», и сразу становилось понятно, что мужчина привык командовать. И не просто командовать, а выкрикивать, выталкивать легкими приказы из глотки, громко и властно.

— О-о-о, — засмеялся, явно обрадовавшись, Хаммонд. — Познакомьтесь!

Он представил гостей, а затем, с довольным видом указав на мужчину, произнес:

— Сол Броуфстайн. Будь его воля, он не подпустил бы нас к этому загону и на сто метров. Не так ли, Сол?

— Совершенно верно, мистер Хаммонд, — кивнул тот,

продолжая хмуро, исподлобья разглядывать посетителей.
— Эти ребята слишком опасны.

— Вот кто знает о репторах все. И даже больше.

Заработала лебедка, и корова, пронзительно мычащая до сих пор, завыла надсадно и жалобно, предчувствуя скорую смерть. Сеть дрогнула, пошла вверх, замерла снова и только после этого медленно начала опускаться. Люди видели, как она, с оплетенным пестрым коровьим телом, раздвинула пальмовые ветви. Затем листья с сухим шуршанием сомкнулись, только черный длинный, отливающий сизым трос тянулся вверх, будто змея индийского факира. Гулкий вой, раздававшийся из зарослей, сменило яростное нетерпеливое рычание.

Грант, не отрывая глаз от зеленого ковра листвы внизу, спросил:

— Как они охотятся?

Вопрос адресовался Броуфстайну. Тот дернул плечом.

— Это смертельный охотник. Жуткий. Очень опасный. Я сам охотился на многих опасных животных, но эта штука превосходит их. Бесспорно. Рептор — это скорость восемьдесят—девяносто километров в час! И, прошу заметить, это не на открытом пространстве! Потрясающий прыжок. Да, да. Поэтому-то мы и предпринимаем особые меры безопасности.

— Они демонстрируют сообразительность? — вступила Элли. — Как у них работает мозг?

— Хо! — угрюмое тяжелое лицо Сола тронула кривая ухмылка. Нижняя челюсть шевельнулась и подалась вперед, придавая ему внушительное сходство с питекантропом. Сдвинув двумя пальцами кепку на затылок, он навалился мускулистыми предплечьями на парапет, подставив солнцу широкую, как аэропорт Линкольна, спину, и с легким налетом восторга пояснил свое странное восклицание.

— Еще какую сообразительность! Еще какую! Они даже способны находить решение проблем. Особенно, сложных. Эти ребята все видят и учитывают любую мелочь. Любой фактор. Вы можете не заметить чего-то, репторы же заметят все. Раньше у нас здесь содержалось несколько особей, но затем появились эти двое. Они уби-

ли всех остальных. Поэтому-то мы и кормим их столь необычным образом. Они атакуют ограждение, когда сюда доставляют пищу. Точнее, раньше атаковали.

— А через ограждение пропущен электрический ток? — спросил Малколм.

— Вы боитесь? — удивился Хаммонд.

— А вы нет? — зоолог усмехнулся. — Хотел бы я посмотреть на человека, который абсолютно не боится подобной твари. Мне хочется чувствовать себя в безопасности.

— Вам ничто не угрожает. Поверьте мне, наши специалисты предусмотрели все. Любую случайность. Здесь ничто не происходит просто так, без нашего ведома. Не так ли, Сол?

— Да, — Броуфстайн кивнул тяжелой головой. — Двойная система защиты. Ток напряжением десять тысяч вольт. Но дело в том, что репторы никогда не атакуют одно и то же место дважды. Они систематически проверяют ограждение на прочность и все запоминают. Очень умные твари. Умные и опасные.

Он, словно нехотя, улыбнулся. Однако улыбка не производила впечатление дружеской или открытой, как, собственно, не производила впечатления улыбки вообще. Сол отдавал дань вежливости. Уголки губ поднялись вверх, подержались так секунду и опустились вновь, заняв привычное положение.

Внезапно рычание смолкло. Трос ослаб: корова коснулась копытами земли. «Или травы, — подумал почему-то Грант. — Что там внизу? Трава или земля? Наверное, трава, а в ней черные полоски — следы от острых серпообразных когтей. Они ходят и взрезают... нет, они вспарывают когтями и траву, и землю, как брюхо этой пестрой коровы».

Верхушки пальм пришли в движение, однако внизу по-прежнему оставалось тихо, лишь корова продолжала мычать, тоскливо и жалобно. Вот колыхнулась листва справа. Некто, огромный и поворотливый, ловкий и сильный, осторожный и внимательный, крался сквозь деревья. Бесшумно и страшно. Корова заревела тревожнее.

Она почувствовала присутствие рептиров и теперь просила вытащить ее из смертельной ловушки.

Грант не мог даже пошевелиться. Он слышал участившееся дыхание Элли за спиной, понимал, что нужно стряхнуть с себя это неприятное оцепенение и... стоял, смотрел, слушал. Его воображение расцвело в мозгу розовым цветком. Уже созданная им несколько дней назад картина охоты рептора ожила вновь, только теперь все происходило в действительности. Там, внизу, двое рептиров готовились убить стонущее надрывно, хрипящее от ужаса животное.

Корова начала биться. Ее копыта с приглушенным тупым звуком рыли землю, выворачивая ударами пучки травы. Она подалась назад, затрещали, ломаясь, кусты. Трос натянулся и зазвенел низко, как басовая струна виолончели, задетая ненароком. Сеть мешала ей убежать, лишала возможности маневра. Если бы у Гранта было ружье, он бы пристрелил ее. Или рептиров. Он бы палил вниз без разбору, на движение, и получил бы удовольствие, почувствовал бы радость, когда эти твари попадали бы замертво. Уникальные животные, свирепые хищники, Грант понимал это. Они должны охотиться, так нужно для них, и это он понимал тоже, но ничего не мог с собой поделать. Грант боялся и ненавидел. В нем проснулся атавистический страх перед смертельным кошмарным зверем, источником опасности. Зрачки его расширились.

Секундой позже над загоном взвился тонкий вибрирующий визг. Это было похоже на сигнал рожка, зовущий к бою. Визг нарастал, становясь громче и пронзительнее. Грант ни разу в жизни не видел ничего подобного, и мурашки побежали у него по спине от ужаса, а сердце внезапно заколотилось, насыщая кровь невероятным количеством адреналина. Он мгновенно покрылся липким потом с ног до головы. Легкие с присвистом втягивали воздух. Инстинкт говорил человеку: «Беги!», а организм заботился о том, чтобы его хозяин мог сделать это.

Теперь корова уже не мычала. Она кричала, вопила, почти как человек. Смерть предстала перед ней, неотвратимая и ужасная. Визг рептора сменился торжествующим рычанием. Секунда, и все было кончено. Пальмы ходили

ходуном. Внизу два хищника рвали еще бьющуюся в агонии плоть.

Элли сморщилась и отступила на шаг. В какой-то момент она разглядела внизу карий коровий глаз, залитую кровью морду над располосованной, развороченной шеей, и алые брызги, дымящиеся, горячие, на изумрудной траве.

— Да... — Малколм покачал головой..— Не знаю, как остальным, а мне эта сцена точно не прибавит аппетита.

Грант не мог не согласиться с ним.

Жизнерадостный весельчак Хаммонд потер розовые ладошки.

— Ну, теперь, думаю, мы можем идти.

— Конечно, — вновь подал голос зоолог. — Теперь-то самое время.

Они спустились по узким металлическим ступеням со стены и зашагали к гостиничному комплексу. На ходу Грант обернулся. Лебедка вытягивала из зеленых шершавых пальмовых листьев клочья сети. Окровавленные, больше похожие на обрывки ветоши.

* * *

Комплекс представлял собой вершину комфорта. Дворец, созданный для ублажения человека. Венец удобства и лености. Он абсолютно не был похож на бетонный административный куб, скорее, на уединенное местечко для особенно состоятельных бизнесменов на одном из курортов Калифорнии. Скажем, в Санта-Барбаре. Практически весь первый этаж трехэтажного здания занимал холл, зажатый в плотном кольце магазинчиков, почты, бара, ресторана и кегельбана. Все здесь сияло хромом и золотом. Уникальное, режущее глаз сочетание. Двери лифтов застыли в ожидании первых клиентов. Сквозь стеклянные створки небольших уютных трафиков[1] виднелись водопады футболок, бейсбольных кепочек, воздушных шаров, флажков и океан других сувениров, на каждом из которых красовалась эмблема, увековечиваю-

[1] Трафик — небольшой магазинчик.

щая Юрский парк. Пол, мраморный, отполированный до зеркального блеска, в черно-белые крупные квадраты, дышал прохладой, отбивал неровную дробь шагов. Высокие потолки сохраняли звуки, и те катились, догоняя людей навязчивым эхом. Из кухни доносились голоса поваров, энергичные, деловитые. Да и могло ли быть здесь что-нибудь не энергичным и не деловитым? Грант сомневался.

Вперед! — твердил ему внутренний голос. Вперед! Соберись, промчись по этому зданию, сооружению, лабиринту, бегом, выбиваясь из сил, проскочи по парку, испуганно озираясь, задыхаясь от переполняющей твой мозг тревоги, и вздохни с облегчением, когда вертолет вновь взмоет в воздух, унося вас от этого острова, сумасшедшего доктора Морро[1]. Грант слышал свои отчетливо-призрачные шаги, и они, действительно, вызывали у него, если не испуг, то чувство собственной ничтожности, незащищенности. Здесь, в парке. Здание ли было тому виной, или впечатление, оставшееся от сцены кормления рептилий, или и то и другое, трудно сказать. Но одно Грант понимал совершенно определенно: чем дольше он тут находится, тем меньше ему нравится это место. И даже более: тем сильнее он начинает ненавидеть этот парк. При одной мысли, что придется провести здесь два дня, его бросало в дрожь. Но другого выхода все равно не было. Хаммонд поступил мудро, *купив* их с Элли уик-энд. Они не могли уехать отсюда. Осознание собственного бессилия лишь подливало масло раздражения в огонь кипящей в нем злости. Гранту уже не хотелось осматривать парк и оценивать рептилий, не хотелось фальшиво восхищаться, — и вдвойне не хотелось восхищаться искренне, — ибо он ощущал опасность, исходящую от творения Хаммонда. Была в парке неестественность, искусственная заданность, которая не может сохраняться вечно, когда речь идет о живых существах. Контроль над природой — заблуждение, и бородач пребывает именно в таком заблуждении, розовом, слюнявом, а потому вдвойне опасном.

[1] Доктор Морро — герой повести Г. Уэллса, доктор, занимавшийся созданием человекообразных существ из животных.

Они прошли через бескрайний, как поле для гольфа, холл и вошли в ресторан, две стены которого, задрапированные брезентовыми портьерами, выходили на открытую веранду, а третья сверкала металлическими дверями, ведущими в кухню. На удачно подсвеченных занавесах пестрели нарисованные динозавры, пальмы, извергающиеся вулканы, диковинные птицы и яркое тропическое солнце.

Столики ресторана, заботливо покрытые накрахмаленными белоснежными скатертями, ломились под блестящими, начищенными до блеска подносами и блюдами со всевозможными сладостями и запотевшими бутылочками с различными напитками.

«А может быть, у меня клаустрофобия?» — подумал Грант, отодвигая стул и рассеянно созерцая ярко-красных, парящих, диковинно усатых громадных омаров, плавающих в кипящем масле, фаршированные мясом и специями яйца, телячье филе, еще что-то незнакомое, но одуряюще приятно пахнущее. Несмотря на аппетитные запахи, а может быть, как раз благодаря им, он понял, что ему совершенно не хочется есть. «А что? Этакая клаустрофобия местного масштаба на почве динозавров, тиранозавров, рептиров и бетонных склепов — признака очумевшей цивилизации».

Он автоматически, совершенно не чувствуя вкуса, принялся жевать фаршированное яйцо.

— Некоторые из наших экспонатов, — говорил тем временем Хаммонд, выедая белое сочное мясо омара, — уже готовы к осмотру, но парк откроется вместе с основным маршрутом, по которому вам и предстоит сегодня проехать. Еще нужно будет ввести кое-какие усовершенствования и некоторые, чисто оформительские, мелочи, но, можно не сомневаться зрелище получится просто фантастическое.

— Да-да, — поддержал бородача Эль Спайзер, — цены на билеты можно назначать любые. Две тысячи, пять, десять тысяч в день! Это никого не будет волновать. Потом, сопутствующие товары. Сувениры, наклейки, буклеты, прочая дребедень.

— Нет, — возразил Хаммонд. — Этот парк предназна-

чен не только для богачей. Нет. Каждый имеет право увидеть это своими глазами! Насладиться парком!

— Ммм, разумеется! — адвокат отпил «кока-колы». — У нас будут льготные дни, скидки для детей и прочее, в том же духе.

Хаммонд утвердительно закивал.

— Господи, поверить не могу, что вы говорите обо всем этом всерьез, — вдруг громко сказал Малколм. — Неужели не понятно? Природа не станет мириться с тем, что ее вот так продают.

— Спасибо, доктор Малколм, — язвительно заметил Спайзер, — но, я думаю, все пойдет как по маслу, если вы и я не будем вмешиваться в дела мистера Хаммонда!

— Да, — буркнул тот, — или, что более вероятно, гораздо хуже!

— Вы слишком высокого мнения о своей персоне! Делаете глобальные выводы, еще даже не увидев парка.

— Постойте, — улыбнулся Хаммонд. — Не нужно спорить. Право же, нет никакого повода...

— Послушайте, Джон, — резко перебил его зоолог, — когда вы занимаетесь такими вот экспериментами в области генетики, вы напоминаете ребенка, который нашел пистолет своего отца!

— Доктор Малколм, это едва ли подходящее сравнение. Мне кажется, что вы слишком далеко зашли. По-моему, нет смысла продолжать эту беседу.

— Тем не менее, я продолжу, — зоолог отодвинул тарелку и навалился на стол локтями, уставившись Хаммонду в глаза. — Какой научный подход вы использовали в своем эксперименте?

— Мы прочитали и проанализировали работы крупных ученых в области генетики и сделали следующий шаг.

— Я так и думал! Я так и думал!!! У вас, Джон, нет своего собственного знания! Вы не чувствуете никакой ответственности за то, что делаете! Ваша работа базируется на знаниях гениев, но сами вы просто лезете по их плечам и головам! Карабкаетесь так быстро, как можете! И еще не поняв, *что* вы получили, рассовываете это по

пластиковым мешкам и продаете, продаете, продаете! Слушайте, Джон, что вы делаете? А?

— Мне кажется, — медленно проговорил Хаммонд, — что вы несправедливы к нам. Наши ученые проделали такое, чего до них не смог проделать никто!

— Да, да, — отмахнулся Малколм. — Конечно. Они проделали, вывели, добились! Но понимают ли эти ваши ребята, чем может закончиться подобный эксперимент?

— Ладно, — Хаммонд прищурился. — А кондоры?

— Причем здесь кондоры?

— Очень просто! Кондоры на грани вымирания! Если бы я создал стаю кондоров на этом острове, вы бы не имели возражений?

Малколм вздохнул, покачал головой, снова вздохнул и ответил:

— Поймите, Джон, ваши динозавры — это не какие-то виды, пострадавшие от создания радарных станций или строительства гидросооружений. Они свою роль отыграли, и природа распорядилась так, чтобы эти виды рептилий исчезли. Вымерли!

— Это вы поймите! Такое отношение со стороны ученого... Как можно так говорить? Особенно, в свете нашего открытия?!

— Это не открытие, это — насилие! Опасное, могущее иметь болезненные последствия! То, что вы называете открытием, я называю насилием над миром природы!

— Я и раньше слышал, что вы — максималист, Ян, — с преувеличенным спокойствием заявил Хаммонд. — И, признаюсь, сегодня получил полное подтверждение этому мнению. Почему вы утверждаете свое и не желаете даже прислушаться к доводам собеседника?

— Потому, что прав, — быстро ответил Малколм.

— А вот я в этом не уверен, — улыбнулся бородач, не обращая внимания на резкий тон зоолога. — Вы думаете, что вам все известно об исчезнувшей экосистеме, в частности о вымерших динозаврах. Но ведь это вы только *думаете*. Субъективное мнение, не более. Однако вы, Ян, — как любой максималист, — смотрите на любую проблему однобоко, плоско, шаблонно. Вы не допускаете,

что ваше мнение может быть ошибочным, что динозавры, возможно, жили вовсе не так, как вам кажется!

— Хорошо. Допустим, мы ничего не знаем об этих тварях. Но с чего же тогда вы взяли, что сумеете удержать их под контролем? Джон, вы противоречите сами себе! У вас тут есть растения, которые ядовиты...

— Вы зоолог, доктор Малколм, — вступил в разговор Эль Спайзер, — зоолог, а не ботаник. И приглашены сюда в качестве зоолога! Ваше мнение относительно местной флоры вообще не может быть принято во внимание!

— А вы — ученый? — зло спросил Малколм адвоката.

— Я — адвокат!

— Тогда какого черта вы лезете в разговор, в котором ничего не понимаете? — зоолог вновь обернулся к Хаммонду. — Здесь *есть ядовитые растения,* — констатировал он. — Элли имеет отношение к ботанике и может подтвердить мою правоту.

— Да, думаю, что доктор Малколм прав, — кивнула девушка.

— Угу, — зоолог благодарно кивнул. — Вы, Джон, выбрали эти виды растений исключительно потому, что они красивы! Экзотичны! Вот, чем вы руководствовались. Разве не так?

— Ну, допустим.

— Я так и думал, — Малколм повысил голос. — Они, конечно, хорошо смотрятся, туристы будут млеть от восторга! Но вы, Джон, хоть раз задались вопросом, какова их функциональная нагрузка? Что произойдет, если одна из ваших рептилий слопает такой цветок? В лучшем случае, она сдохнет, а в худшем? Как повлияет съеденное растение на организм, скажем, тиранозавра, а? Вы знаете? Уверен, что нет! Даже не задумывались! Сознайтесь! — зоолог замолчал, но ответа не последовало. — То, что вы создали, — подвел итог Малколм, — это агрессивная живая среда, которая понятия не имеет, что сейчас за век. Она будет защищать себя жестоко, если возникнет необходимость. В полном соответствии со своей природой, инстинктами и генами.

— Доктор Грант, — улыбнулся, впрочем довольно неуверенно, Хаммонд, — найдется ли здесь хоть один человек, способный по достоинству оценить то, что я сделал!

Грант посмотрел ему в глаза. Самым отвратительным в данной ситуации было то, что он придерживался точки зрения Малколма, как ни надеялся на обратное человек, купивший его. Грант понимал: скажи он сейчас то, что хочет услышать Хаммонд, и стыд, сожаление о сделанном, будут идти за ним неотступно всю жизнь. И не дай бог, если когда-нибудь мрачное пророчество зоолога превратится в ужасную реальность. Грант будет ощущать себя убийцей. Настоящим убийцей, обрекшим кого-то на смерть ради возможности ковыряться в земле, выгребать из нее чье-то окаменевшее дерьмо, никого, по сути, не интересующее, — кроме, разве что, узкого круга ученых червей, включая его самого, — никого не волнующее. И уж тем более не касающееся тех, кто погибнет в этом парке, когда десяток разъяренных, вышедших из-под контроля рептилий, разрушив ограду, начнет жуткую охоту за двуногой дичью.

Грант вздохнул и медленно ответил:

— Все так быстро меняется... Нам нужно ко многому привыкать, многое переосмыслить. Я не хочу торопиться с выводами, — взгляд зоолога жег ему лицо. Неожиданно для самого себя Грант покраснел, совсем как нашкодивший, пойманный за руку мальчишка. — Послушайте... Динозавр и человек — два вида, разделенные сотней миллионов лет эволюции, ничего, в сущности, не знающих друг о друге. И вот их сталкивают нос к носу. Откуда у нас может быть хоть малейшее представление о том, чего ожидать?

Он поднял глаза.

Зоолог молча, с бесстрастным лицом ковырял вилкой мясо. Хаммонд, откинувшись на спинку стула, скрестив руки на плотной груди, удивленно изучал взглядом Гранта. Спайзер смотрел на бородача, а Элли, как и Малколм, спокойно катала по тарелке изогнутую горошину боба. Тишина, повисшая в обеденном зале, становилась невыносимой. Даже тупой стук вилки о фарфоровую тарелку, звучащий с мрачной монотонной равномерностью, не мог развеять напряженной атмосферы. Наоборот, он подчер-

кивал ее, насыщал. Гранту показалось: еще чуть-чуть, и над столом ударит гром и вспыхнет голубовато-белая молния.

Неожиданно Хаммонд захохотал. Все взглянули на него с недоумением, настолько странно прозвучал этот смех.

— Поверить не могу! — проговорил бородач сквозь всхлипы. — Не могу поверить! Я пригласил ученых, чтобы они приехали и защищали меня от этого парня, — толстенький палец ткнул в сторону улыбающегося Эль Спайзера, — но единственный, кто взял мою сторону — это кровопийца-адвокат. Ну, не весело ли?

Грант не мог не восхититься его мужеством. Не так просто, получив как следует по физиономии, встать и рассмеяться в лицо противнику. Совсем не просто.

— Ну ладно, — закончил разговор Хаммонд. — Я смотрю, наша беседа не способствует повышенному аппетиту. Может быть, это и к лучшему. По крайней мере, ужин вы сможете оценить по достоинству. Сейчас, я думаю, самое время перейти к основной части нашей программы — осмотру парка. Возможно, это заставит доктора Малколма и доктора Гранта изменить свою точку зрения.

Грант промолчал. Промолчал и Малколм, хотя пожал плечами, словно говоря: «Ну что же, каких чудес не бывает в жизни».

Хаммонд поднялся, с шумом отодвинув стул.

— Пойдемте, я познакомлю вас с небольшой компанией. Предполагаемая аудитория, которая будет сопровождать вас в этой увлекательной прогулке. Вы сами все увидите.

* * *

Под «предполагаемой аудиторией» Хаммонд, как выяснилось, подразумевал двух подростков — мальчика и девочку, — своих внуков, подвижных, веселых и шумных ребят девяти и двенадцати лет от роду. Мальчика звали Тим, девочку — Лекс. Увидев свою будущую компанию, Грант взвыл. Правда, сделал он это только внутренне, не желая обидеть Хаммонда, ибо бородач явно был без ума от детей.

Тим принадлежал к тому типу сорванцов, которых Грант боялся больше всего. Тощий, однако складный, вихрастый, с руками, покрытыми десятками царапин, он производил впечатление довольно сообразительного скаута, попавшего в ученую лабораторию. В худой руке Тим сжимал толстенный талмуд Амми Бейкера, в котором Грант с ужасом узнал «Палеонтологию. Теории и доказательства». Учитывая то, что мальчишка хитро косился на него озорными глазами, казнь казалась неизбежной и мучительной. Девочка, веснушчатая, такая же худая и вихрастая, как брат, внушала Гранту меньше опасений. Однако он и в этом случае поостерегся бы приближаться к ней ближе, чем на пять метров.

Элли, напротив, улыбалась обоим и даже перекинулась с ними несколькими фразами. Грант на это не отважился. Малколм поздоровался с Тимом за руку, спросил, что он читает, получил исчерпывающий ответ, — явно рассчитанный на то, что Элан услышит и заинтересуется, — кивнул понимающе и отошел в сторону. Улыбаясь, сочувственно поглядывая на Гранта.

Компания вновь преодолела бесконечный переход через холл — («Справа палеонтологическая экспозиция, но ее вы сможете осмотреть завтра») — и с облегчением вышла на улицу. Солнце еще давало достаточно света, однако тени уже заметно удлинились, а на островерхих ки-

парисах, соснах и раскидистых шапках пальм повисли бронзовые капли приближающегося заката. Воздух стал прохладнее. Дышалось легко, несмотря на поднимающиеся от земли слабые волны дневного тепла.

— Здесь чудесно, не правда ли? — мечтательно спросил Хаммонд, втягивая полной грудью сладковатый смолистый вечер. — Потрясающе.

— Да, изумительно, — поддержал его адвокат. — Великолепно.

В подтверждение своих слов он тоже вдохнул и прикрыл глаза. Малколм тут же воспользовался этим. Наклонившись к самому уху Спайзера, он прошептал, откровенно издеваясь:

— Не закрывайте глаза, проспите динозавра, приятель.

— Черт! — адвокат раздраженно взглянул на зоолога. — Что вы тут несете, а?

— Предупреждаю! — зловещим шепотом ответил Малколм. Пройдя по широкой, выложенной разноцветной плиткой дорожке, они вышли на небольшую площадку, посреди которой застыли два «шевроле-блейзера». Окраска их была столь же причудливой, что и у «лендроверов». Те же огненные языки, те же эмблемы на дверцах, тот же вызывающий цвет.

— Отлично, — обрадовался бородач. — Машины уже готовы. Это ваш транспорт на вторую половину дня.

Грант подошел ближе. Самым удивительным в «блейзерах» оказалось то, что за рулем не было людей. Заметив недоумевающие взгляды, которыми обменялись гости, Хаммонд рассмеялся и пояснил:

— Никаких водителей. Полная автоматика. Правда, здорово?

— По крайней мере, необычно, — согласился Малколм.

— Да. Они электрические. Идут по этому рельсу, — он указал на едва заметную темную полосу в густой траве. — В этом есть определенное удобство. Вы можете быть уверены, что не случится аварии, машина не потеряет управление, не врежется в ограждение. Все надежно контролируется с центрального пульта управления. При помощи мониторов и видеокамер, установленных в кабине каждой машины, мы постоянно можем поддерживать связь. Все проверено и учтено. Теперь вы можете занять свои места. Рассаживайтесь, где вам будет удобно.

Элли, не раздумывая, подошла ко второму «блейзеру» и забралась на заднее сиденье. Адвокат предпочел переднюю машину. Ему не очень хотелось продолжать осмотр в компании Малколма и Гранта. Зоолог, видимо, придерживался аналогичного мнения, поэтому, не говоря ни слова, разместился рядом с Элли, но на переднем сиденье.

— Я, пожалуй, поеду с доктором Сетлер, — сообщил Грант, провожая глазами Малколма.

Он испытывал двоякое чувство по отношению к этому человеку. С одной стороны, Малколм ему нравился своей прямотой и открытостью, с другой — вызывал постоянное раздражение удивительной способностью совершенно игнорировать очевидные вещи. Столь странная комбинация могла вывести из терпения кого угодно, а Грант, в общем-то, и не был особенно уравновешенным человеком.

Он едва успел сделать несколько шагов по направлению к машинам, как дорогу ему загородил Тим.

— Я читал вашу книгу, доктор Грант, — объявил мальчишка таким тоном, что Гранту тут же захотелось пожать ему руку и благоговейно прошелестеть: «Спасибо, что потратили свое драгоценное время, сэр». «Сэр» подразумевалось непременно. Однако он переборол в себе это и спокойно применил излюбленный прием, которым частенько пользовался, дабы избавиться от чересчур назойливых собеседников.

Глядя в сторону, Элан совершенно механически кивнул и буднично, безо всякого интереса, заметил:

— Это замечательно.

Тим либо намека не понял, либо удачно сымитировал это:

— Вы, действительно, считаете, что динозавры — предки птиц?

«Господи, — подумал Грант. — Этот скаут-палеонтолог сейчас сметет меня потоком аргументов. Или вопросов. Или и того, и другого. Они будут сокрушающе умны.

Они просто не могут не быть сокрушающе умны, ибо вырваны из тех же книг. Этот парнишка быстро начнет горячиться, и тогда остановить его будет вообще невозможно. А может быть, аргументы, — опять же, вырванные с кровью и мясом из контекста, — окажутся так же сокрушающе глупы. Элан мог поспорить на все сокровища мира, что именно так все и случится. Ему стало невообразимо скучно, ибо книги, из которых Тим мог надергать свои доводы, Грант прочел давным-давно, и ничего нового мальчишка ему сказать просто не мог. Только старое, читанное-перечитанное, думанное-передуманное, тщательно просеянное через его, Гранта, мозги, разложенное по полочкам з один ряд со всем остальным умным и ценным, что есть в этих книгах, через которые Тим, наверняка, еле-еле продрался. Вот в чем все дело-то. Скука».

— Так как? — вновь настырно спросил мальчишка. — Вы действительно так считаете?

— Знаешь... Ну, в общем, есть такая теория. Действительно, — вздохнул Грант.

— На мой взгляд, они на птиц совсем не похожи, — безапелляционно заявил Тим.

Элан вдруг сообразил, что происходит нечто гораздо более неприятное, чем то, о чем он только что думал. А именно: мальчишка, похоже, начал все-таки излагать *свои* взгляды.

— Я слышал, вы недавно занимались раскопками где-то в Мексике? — продолжал тем временем Тим.

Вместо ответа Грант сам задал вопрос:

— Скажи-ка, Тим, в какой машине ты собираешься ехать?

— Это уж вам решать, — быстро откликнулся тот и продолжил экзекуцию: — Скажите, доктор Грант, а вы читали работы Амми Бейкера?

«Сейчас он убедительно докажет мне, что я — полное дерьмо и что все, чем я занимался до сих пор, ничуть не лучше, — с тоской подумал Грант. — За что? Почему бы этому юному людоеду-палеонтологу не перекусить собственным дедушкой? Чем он заслужил покой?»

Элан обернулся и зашагал к первой машине под пулеметную трескотню Тима.

— Он тоже изучает останки динозавров.

— Да что ты говоришь? — вяло «удивился» Грант, даже не стараясь, чтобы вопрос прозвучал убедительно.

— Да. Так вот, он вовсе не считает, что динозавры — предки птиц. У него своя теория...

— Интересно...

— Да, кстати, мой учитель рассказывал мне еще об одной книге...

Грант предупредительно открыл дверцу «блейзера», пропустил Тима вперед и, убедившись, что тот забрался на сиденье, с грохотом захлопнул ее, упиваясь этой нелепой, жалкой, мелкой, но все-таки местью. Чувствуя, как улыбка растягивает его губы, он с невыразимым облегчением обернулся и... тихонько застонал.

Лекс, стоя перед ним, смотрела ему в глаза, серьезно и озабоченно. Она не могла не заметить, как вытянулось его лицо.

— Доктор Сетлер сказала мне, что я должна ехать с вами, — пояснила девочка, — потому что вы боитесь.

Уже не сдерживая страдальческую гримасу, наползающую на лицо, как волна на песок, Грант взглянул в сторону второй машины.

Элли, лукаво улыбаясь, наблюдала за ними. Она прямо-таки лучилась от удовольствия. Грант вздохнул и обреченно кивнул головой.

* * *

Джон Хаммонд вошел в главный операционный зал, толкнув дверь пухлой рукой изо всех сил, вымещая таким образом скопившееся в груди раздражение. Однако легче ему не стало и, прогрохотав по стальным ступеням, он спустился непосредственно к пульту контроля, за которым разместились Сол Броуфстайн, равнодушно созерцающий «блейзеры» на голубоватом мониторе, Арнольд Кеймен, плотный, крепко сбитый негр, в идеально отутюженном хрустящем халате, набирающий команды на

клавиатуре компьютера, и Деннис Хоупер, устроившийся чуть сбоку, жующий гамбургер, лениво-кошачьими жестами проверяющий файлы системы защиты парка.

— Что у вас? — спросил Хаммонд, стараясь, чтобы голос звучал выдержанно и ровно. — Какие-нибудь новости?

— Да, и не очень приятные, — Кеймен оторвался от работы и повернулся к боссу.

— Естественно, — вздохнул тот.

— Национальная служба погоды сообщила о тропической буре в девяноста километрах к западу от нас.

— Это серьезно?

— Они утверждают, что очень. Говорят, будет сильный шторм.

— Шторм меня не волнует. Я боюсь, как бы эта буря не помешала экскурсии.

— Очень возможно, — согласился Кеймен. — Очень возможно.

— Ладно. Будем надеяться, что она пройдет стороной, как в прошлый раз, — Хаммонд подошел к пульту, посмотрел на монитор, вздохнул и осведомился: — Они готовы?

— Да, все уже заняли места в машинах.

— Ну ладно, тогда начнем.

Сол спокойно откинулся на спинку кресла и скрестил могучие руки на груди.

Хаммонд повернулся к нему:

— С рептилиями все в порядке?

— Угу, — Броуфстайн кивнул. — Один из стегозавров опять заболел.

— То же самое?

— Да, обычное дело.

— Будем надеяться, что нам это не помешает.

На лице бородача появилось слабое подобие оживления.

— Ладно. Хорошо. Арни!

Арнольд вновь занял свое место у пульта. Пальцы его отплясывали на клавишах компьютера быстрый танец.

— Готово.

— Начинайте.

Деннис дожевал гамбургер, отпил пива из высокой банки, сыто рыгнул и покосился на них заплывшими свиными глазками. Улыбка тронула его пухлые губы. Смахнув с подбородка капельку соуса, он весело сообщил:

— Хоть сейчас.

— Всем приготовиться! Экскурсия началась!

Арнольд щелкнул тумблером, наклонил к себе микрофон, торчащий на гибкой суставчатой «ноге», и радушно объявил:

— Добрый день, дамы и господа. Наша экскурсия начинается!

* * *

Малколм осмотрел кабину. Лицо его выразило нечто, способное сойти как за удовлетворение, так и за разочарование.

— «Назад в будущее», часть вторая, — констатировал он. — Господи, помоги нам вырваться живыми из лап инженеров и компьютерщиков.

— Добрый день, дамы и господа, — проворковал вдруг крохотный динамик, спрятанный в мягкой обивке кабины. — Наша экскурсия начинается. Голос, который вы сейчас слышите, принадлежит Арнольду Кеймену. Я буду вашим гидом на протяжении всего маршрута. Интересующую вас информацию относительно парка вы можете прочесть на дисплее компьютера, размещенного на передней панели автомобиля. Она выводится автоматически. Итак, экскурсия начинается.

«Блейзеры» мягко тронулись и, набирая скорость, покатили от гостевого корпуса. Иногда машины вздрагивали на стыках. В такие моменты Малколм ухмылялся. Грант, сидящий между Элли и Лекс, смотрел в окно, откровенно наслаждаясь природой парка. Наступало время «последней волны», предсумеречный час, когда животные и птицы, бодрствующие днем, в порыве странного отчаяния начинают галдеть и резвиться, торопясь прожить оставшиеся крохи солнечного дня. В розово-оранжевых лучах, все больше заливающих этот причудливый

экзотический мир, они мелькали среди деревьев, кувыркались в ало-голубом небе, вспархивали с качающихся ветвей. Обезьяны перелетали с дерева на дерево над самыми крышами машин и высоко, у самых верхушек пальм. Сумрак мягким серым ковром уже начал стелиться по траве, но до настоящей темноты было еще довольно далеко, и это обстоятельство радовало Гранта. Он подумал о том, что адвокат и Хаммонд были правы: динозавры на фоне заката должны представлять футуристическое, удивительное зрелище. Они — часть природы, пусть даже искусственно созданной людьми, но от этого не ставшей менее прекрасной. Парк был великолепен в кровавокрасном величии заката.

«Блейзеры» сбавили ход, нырнули в живой тоннель, сплетенный ветвями огромных фикусов, и через минуту выползли к исполинским воротам. По обеим сторонам их украшали горящие желто-оранжевым огнем факелы, а сами они, благодаря последним солнечным лучам и гигантским бревнам, сбитым в десятиметровые створки, создавали ощущение тяжелой первобытной дикости. Грант вспомнил, где он видел точно такие же ворота. В фильме «Кинг Конг». Не хватало лишь толпы вопящих дикарей на вершине, размахивающих факелами и копьями.

Не одному ему пришла в голову эта мысль. Зоолог, пригнувшись, чтобы увидеть верхний край створок, изумленно выдавил:

— Господи, у них здесь Кинг Конг гуляет, что ли?

— Добро пожаловать в парк юрского периода, господа, — вновь ожил голос в динамике. — Сейчас перед вами главные ворота, с которых, собственно, начинается экскурсия как таковая.

Скрытые от человеческих глаз, заработали мощные моторы, и створки медленно, тяжело начали расходиться. Гранту даже показалось, будто он слышит, как натужно скрипят массивные, давно не смазываемые петли. Он знал, что это — чепуха. Конечно, петли смазаны и никакого скрипа нет, но сам вид этих ворот внушал мысль об обратном.

«Не просто первобытность, а дикая, несущая такую же дикую необузданную угрозу, — подумал Грант. — Давящая! Творение рук человеческих».

Створки наконец открылись, и «блейзеры» вползли в узкий коридор между двумя высоковольтными заградительными стенками. Красно-синие сигналы вспыхивали на опорных столбах веселыми пестрыми маячками. Сумерки подкрадывались все ближе, а закатная полоса поднималась к небу золотистым пологом, оставляя землю во власти тьмы. Серые мохнатые тени вползали на папоротники, стволы деревьев, туманом подбираясь к кронам, окутывая парк, словно ноздреватый монотонный лишайник. Черные бочки прожекторов еще не были включены и смотрелись неприятными наблюдателями-нелюдьми, одноглазыми циклопами, с прожорливой жадностью следящими за легкой добычей.

Лекс прилипла к стеклу носом и ладошками, вглядываясь в неподвижный абстрактный пейзаж, застывший, абсолютно безмолвный. Дневная волна жизни пошла на спад. Все солнцелюбивые твари расползались в свои норы, гнезда, пещеры. Просыпались ночные звери. Летучие мыши расправляли перепончатые пергаментные крылья, вопили птицы, предупреждая всех, что наступает их время. Зашлась, надрываясь в леденящей кровь истерике, гиена. Это еще не было ночью, но было ее преддверием. Знаком, кабаллистическим символом. На небе проклюнулись первые крохи звезд, золотые, как гвозди придворного башмачника.

Вспыхнули фары «блейзеров». Неожиданно, подсвечивая враз помертвевший мир, три белых полосы ножами разрезали прохладный вечерний воздух. Грант не сразу понял, что одна фара не работает, но когда понял, поморщился. Пустячный штрих — одна неработающая лампочка — начисто разрушал всю романтику этой экскурсии. Впереди, метрах в пяти, за лобовым стеклом маячил красный багажник переднего «блейзера», сверкая рубиновыми габаритными огоньками. Растаяла таинственная загадочность Юрского леса, пропали угрюмые стражи-деревья, исчезли карлики-кустарники. Просто лес, просто деревья, просто кусты. И все из-за одной-единственной негорящей лампочки.

— Дамы и господа, — вплелся в нить его вялых размышлений вкрадчивый бархатный голос, — если вы посмотрите налево, то увидите выводок дайлотозавров — первых рептилий нашей экскурсии.

— Дайлотозавр? — невольно вырвалось у Гранта. — Черт!

Он быстро наклонился к окну, всматриваясь в серый блеклый туманный вечер. Ни малейшего движения. Даже ветер не шелохнет невесомые листья, не колыхнет ковер травы, не поиграет с бутонами закрывшихся на ночь цветов. Тишина, доведенная до абсолюта. Вымерший мир. Окаменевший, объемный, словно барельеф на бетонной стене.

— Дайлотозавр, — возобновил пояснения невидимый экскурсовод, — одно из наиболее ранних существ юрского периода. Теперь мы знаем, что этот вид рептилий еще и очень опасен. Дайлотозавр плюет ядом, вызывающим слепоту, затем — полный паралич, а потом и смерть жертвы. Это делает дайлотозавра, хотя и ценным, но смертельно опасным экспонатом парка.

Элли, замершая, напряженная, переполненная восторгом, прошептала:

— Элан, где?

* * *

— Фара у второго автомобиля не в порядке, — констатировал Кеймен. — Что-то с аккумулятором, наверное.

— Не нравится мне это, — буркнул Сол. — Я уже поднимал этот вопрос. Подобные недоделки выйдут нам боком. Конечно, у нас у всех есть дела поважнее, чем фара машины, но все же...

Хаммонд обернулся к Деннису, щелкающему клавишами компьютера:

— Деннис!

Тот не отреагировал. То ли не слышал, увлекшись работой, то ли делал вид. Хаммонд почувствовал, как раздражение, накопившееся за долгий и довольно напряженный день, вновь возникло в груди гулкой неприятной

пустотой. Лицо его помрачнело и пошло красными пятнами. На мясистом носу показались капельки пота.

— Деннис! Наша жизнь зависит от твоих рук, а ты занимаешься ерундой!

Толстяк нехотя оторвался от экрана. Ему было, что сказать. Злоба — маленький хорек, — растущая годами, занимающая половину его мыслей, вторую половину занимали деньги, — подкатила к горлу. Он отчетливо осознавал, что этот вечер — последний. Ни завтра, ни послезавтра, никогда ему больше не сидеть на своем крутящемся стульчике, не ковыряться в дрянных файлах, не видеть порядком осточертевший парк. Никогда. От одной этой мысли ему стало чуть легче. Теперь он свободен. Завтра можно будет открыть свое дело, работать, вести *свой* бизнес. Сколько украденных идей, сколько интересных разработок было отобрано у него Хаммондом, какие планы остались нереализованными из-за узколобости этого дерьмового профана, вообразившего себя мировым ученым, способным облагодетельствовать человечество выводком динозавров. Кретин, не понимающий, что требуется потребителю. Не динозавры, а удобства, прогресс. Дешевые вещи, еда, комфорт. И дает это электроника. Его, Денниса, голова, которую Хаммонд абсолютно не ценит. Ладно, Джон поймет, что потерял, когда завтра обнаружит, что Денниса нет. Весь дерьмовый парк полетит в тартарары.

Откинувшись на спинку крутящегося стула, он развернулся вокруг оси, и, сделав глоток из стоящей на столике банки «Будвайзера», ухмыльнулся.

— Вот именно, вот именно. В *моих* руках! А кто ценит эти руки, и ценят ли их вообще? Да что руки. Время! Вам кажется, это так просто, сидя на стульчике, управлять всем парком. Даже не выходя из комнаты! — он сделал еще глоток, слизнув белую полоску пены с верхней губы. — Вам кажется, это такая простая автоматика! Или дешевая? Вы знаете еще кого-нибудь, кто смог бы соединить всю эту технику в одну систему? Зажечь одновременно два миллиона ламп? Манипулировать всеми коммуникационными системами!

— Я понимаю твои финансовые проблемы, Деннис.

Понимаю и даже сочувствую, но все это — твои проблемы.

— Конечно. Это мои проблемы, — еще шире по-кошачьи осклабился толстяк. — Тут ты прав, Джон. Абсолютно. Но есть одна маленькая заковыка...

— Я не собираюсь связываться с тобой и влезать в очередные финансовые дебаты, — перебил его Хаммонд. — Совершенно не собираюсь.

— Едва ли мы вообще когда-нибудь *дебатировали* на эту тему, — пожал плечами Деннис.

— Верно, я не укоряю людей за их ошибки, но настаиваю, чтобы за них платили.

Хаммонд отвернулся, давая понять, что разговор окончен, и тут же услышал за спиной.

— Спасибо.

— Фары! — коротко напомнил бородач. — Фары!

— Я перепрограммирую, когда они вернутся, — пообещал Деннис очень убедительным искренним тоном. — Ты ведь знаешь, Джон, с этими компьютерами просто с ума можно сойти. Работа колоссальная. Приходится крутиться...

— Тихо! — вдруг резко сказал Сол, подаваясь вперед. — Они приближаются к зоне тиранозавров.

* * *

Малколм созерцал свое отражение в оконном стекле. Неудача с дайлотозавром ничуть не расстроила его. Это было подтверждением его аргументов, и он рассчитывал, что Хаммонд, несмотря на свою фанатичную любовь к парку, — иначе ведь и быть не могло, — сообразит: провал — выходка природы. *Неуправляемой*, своенравной и непредсказуемой. Никакого контроля.

— Бог создал динозавров, — задумчиво, словно самому себе, сказал он. — Бог уничтожил динозавров. Бог создал человека. Человек уничтожил бога. Человек создал динозавров.

Цепочка, недосказанная, повисла в воздухе. Ее продолжение напрашивалось само собой. Элементарное и

страшное. Страшное в самом факте и страшное в простоте и обыденности.

Завершила ее Элли, тихо и убежденно:

— Динозавры уничтожают человека и наследуют Землю.

Она тоже смотрела в стекло, только, в отличие от зоолога, на джунгли, ожидая, когда из них, немых и чуждых, появится огромная зубастая тварь, именуемая тиранозавром. Последние розовые мазки опускали занавес на прошедшем, уплывающем в прошлое дне. Сумрак наполнил мир призрачными тенями, кажущимися опасными, вселяющими неуверенность от понимания близости реальной опасности. Мир-зазеркалье, отделяемый от мира настоящего, естественного, понятного, лишь тросами, звенящими от напряжения, насупился свинцовыми желтобрюхими облаками, лесом, выжидая, высматривая, карауля. Он был и его не было. Словно кто-то вырвал из времени клок и, смеясь, воткнул его сюда, в этот век, в чужую жизнь. И он прижился, хотя и остался прежним по сути.

Элли ждала. И ждал мир. И ничего не происходило. И удовлетворенно покачивал головой Малколм, и Лекс прижалась к стеклу, но уже не плотно, как раньше, а разочарованно. И Грант потирал шершавый подбородок, пощипывал кожу большим и указательным пальцами. И налетевший внезапно, непонятно откуда, ветер вдруг с силой хлестнул по стеклам, ударил в двери, влепил мокрую пощечину пальмам и принялся трепать их зеленые «вихры».

А тиранозавра все не было. Разочарованно заерзал в передней машине адвокат. Тим что-то сказал ему, и они заспорили. Темные силуэты их голов дергались, как черные фигурки в китайском театре теней.

Неожиданно, прямо посреди зеленого травяного покрова, возникла белая низенькая фигурка какого-то животного, светлым пятном выделяющаяся на фоне темного леса. Грант не сразу понял, откуда она взялась. Скорее всего, в земле существовал специальный люк, через который и подняли дичь.

— Кто это? Собака? — спросила Элли.

— Скорее всего, козленок, — спокойно ответил зоолог. — Эти ребята пытаются привлечь ти-рекса на живую приманку.

— Им это удастся?

— Может быть. Хотя, я не уверен.

— Мы пытаемся подозвать животное, — сообщил голос в динамике. — Продолжайте наблюдать.

— Интересно, — задумчиво спросил Малколм, — эти парни специально потчуют нас такими зрелищами перед едой? Как вы думаете? Я, конечно, не впечатлительный, но это начинает попахивать извращением. Определенной формой садизма.

Грант засмеялся:

— Да нет. Просто у них ничего не получается.

— А что случится с этой козой? — тревожно спросила Лекс, глядя на взрослых. — Ее съедят?

— Я думаю, сейчас самое время вспомнить о детях, — сказал, глядя в бездушный зрачок видеокамеры, Малколм. — Ау, Хаммонд, вы слышите меня? Здесь, между прочим, ваши внуки. Не думаю, чтобы им это понравилось.

— В чем дело, малышка? — вдруг спросил динамик незнакомым слащавым голосом. — Ты никогда не сидела за столом? Не ела бифштексов?

— Я — вегитарианка, — отрезала девочка.

Динамик смолк.

Прошло еще несколько долгих минут, но тиранозавр так и не появился.

— Ти-рекс не хочет, чтобы его *кормили*, — вкрадчиво пробормотал Грант. — Ти-рекс хочет *охотиться*.

— Мне кажется, он сегодня ужинает в другом месте, — хмыкнул зоолог. — Но, скорее всего, это даже и к лучшему. Однако доктор Грант, вынужден признать, вы были правы. Несмотря на прошедшие сто с лишним миллионов лет и вивисекцию этих ребят, инстинкты у рептилий, — как это ни парадоксально, — остались прежними.

«Блейзеры» наконец мягко поползли дальше, увозя своих пассажиров в глубину острова. Едва они тронулись, зоолог вновь повернулся к камере и, уже насмешливо осведомился:

— Ну, так мы увидим сегодня динозавров на вашем юрском динозавровом параде, а? Алло! А?

Не дождавшись ответа, он захохотал. Издевательски.

В зале управления Хаммонд вздохнул и тихо, для себя, констатировал:

— Они ненавидят мой парк.

В этот момент в двух шагах от него на своем компьютере Деннис Хоупер набирал и закладывал в память программу, с помощью которой рассчитывал получить полтора миллиона долларов. Рядом, на секретарском кресле, стояла небольшая коричневая сумка. В ней покоилась жестянка со взбитыми сливками — замечательное приспособление, контейнер, сохраняющий холод в течение двадцати четырех часов.

Заполняя строчку за строчкой, Деннис рисовал в уме картины своего будущего. Будущего, в котором не было места Хаммонду и Юрскому парку.

Он точно знал, что делает. Знал время, нужное ему для осуществления задуманного, знал свой маршрут. Знал все. Не мог он знать только одного — как поведет себя парк.

Но это волновало Денниса меньше всего. Точнее, он вообще не задумывался над тем, к чему могут привести случайности.

— Да, — вещал весело Малколм, обращаясь к Элли, в лице которой он имел благодарного слушателя. — Тиранозавр, не желающий действовать по свистку, жить в каких-то дурацких рамках, по закону парка, — написанному, опять же, людьми, — и есть сама суть хаоса.

— Природы, — возразил Грант.

— Природы? Ну уж нет! Хаоса, Элан! Именно хаоса!

— Постойте, — оборвала спор Элли. — Давайте для начала разберемся, что вы, Ян, подразумеваете под понятием «хаос».

— Предсказуемость, а точнее, непредсказуемость в сложных системах.

— Чепуха. Любое явление в природе можно предсказать с достаточной долей вероятности.

— Вы уверены? — хитро прищурился зоолог.

— Конечно.

— Отлично. Будьте любезны, доктор Сетлер, дайте мне бутылку воды, которая стоит за вашей спиной.

Элли обернулась. В багажном отделении «блейзера» в специальных зажимах стояли бутылочки содовой, одну из которых она и подала Малколму. Тот взял стекляшку, ловко сковырнул пробку брелком и объявил:

— Теперь протяните мне свою руку. Ладонью вверх. Наклоните-ка чуть-чуть. Вот так, — он осторожно взял Элли за кончики пальцев и поднес бутылку к ладони. Горлышко, подрагивая, зависло над бугром Венеры. — Проведем эксперимент. Правда, для этого нужно состояние покоя, а тут трясет, но ничего. Представьте себе, что эта вода — Ниагарский водопад, и постарайтесь угадать, куда она потечет. Ну?

— По запястью, — в один голос сказали Элли и Грант и засмеялись.

— Ага. По запястью. Ну что же, посмотрим.

Малколм наклонил бутылку, и шипящая пузырьками тонкая струйка, коснувшись ладони, скатилась... по запястью, предплечью, до самого локтя.

— Мы угадали, — констатировал Грант.

— Естественно, — кивнул в ответ зоолог и тут же предложил: — А теперь я сделаю то же самое, в той же точке еще раз. Попробуйте угадать снова. Итак?

— Скорее всего, опять по запястью, — предположила Элли. — Ну, может быть, не точно как в первый раз, но примерно в том же направлении.

— Попробуем.

Капли вновь упали на руку, задрожали, собираясь в кристальную лужицу, и скользнули в углубление между большим пальцем и ладонью.

— Изменилось, — доверительно сообщил зоолог. — Почему? По какой причине? Масса факторов, которые вы просто не в состоянии учесть. Крошечные вариации, а в результате абсолютно иной путь. Волоски на руке, бархатистость кожи, температура.

— Бархатистость? — улыбнулась Элли.

— Именно. Таким образом, мы открыли, что повторение одного и того же эффекта никогда не происходит. Он может быть похожим, но абсолютно идентичным — нет.

Это и есть непредсказуемость. Так называемый хаос. Именно на этой непредсказуемости и рождается естественная природа. Никто не может знать, что случится мгновением позже. Хаос.

Он улыбнулся и с довольным видом откинулся на спинку кресла.

— Не могу сказать, что ваши доводы меня убедили, — покачал головой Грант. — Этот эксперимент — не более, чем... — он пощелкал пальцами, подыскивая нужное слово, — зрелищная эффектная случайность, ничего не опровергающая и ничего не доказывающая. Руководствуясь определенным знанием, всегда можно предположить, что случится через определенный промежуток времени. Это — закон, написанный природой. Все подчиняется этому закону. Любое событие подчинено логике. Оно — лишь звено в целой цепочке.

Грант вдруг умолк и застыл, глядя на маячащую за стеклом могучую поросль странных шарообразных растений.

— Что случилось? — спросила, недоумевая, Элли. — Там что-то есть?

— Мне показалось...

Не докончив фразы, он распахнул дверцу и выскочил из машины. Двигались «блейзеры» достаточно медленно и, благодаря этому, Гранту удалось удержаться на ногах. Через секунду его фигура уже исчезла в зарослях. Был слышен лишь треск кустарника, гнущегося под натиском человеческого тела.

Малколм, Элли и Лекс мгновение удивленно глядели ему вслед, а затем зоолог звонко хлопнул в ладоши и расхохотался.

— Видите? Мои слова подтверждаются фактами! Никто не может предсказать поведение Элана Гранта! Он выскочил из движущегося автомобиля!

— Элан!

Элли распахнула дверцу со своей стороны и кинулась следом за Грантом в темно-серую колышащуюся стену.

— Ну, вот вам еще один пример, — сообщил Малколм видеокамере. — Теперь мы остались в тесной маленькой компании. Сидим тут, беседуем...

— Остановите программу! — завопил Хаммонд. — Остановите программу!!!

Кеймен встревоженно защелкал клавишами. На мониторе два «блейзера» сбавили скорость и постепенно остановились. Человек, вошедший в парк безоружным, вполне серьезно мог подумывать о завещании. Реликтам все равно, кто у них на пути. Одного неосторожного шага диплодока вполне было бы достаточно, чтобы от доктора Гранта осталось одно воспоминание. А два несчастных случая за месяц — это слишком. Ни один финансист, если он, конечно, не полный идиот или не впавший в маразм паралитик, не станет финансировать подобный проект. Парк можно будет перечеркнуть жирным черным крестом. Сейчас для Хаммонда это, и только это соображение являлось решающим. Возможно, позже он почувствовал бы угрызения совести от того, что не подумал о жизни Гранта — человеческой жизни, как о ценности гораздо большей, нежели парк, — но это — после. А сейчас бородача занимало лишь одно — сохранить свое детище. Хаммонд проклял тот момент, когда отправился в Калифорнию, чтобы уговорить Гранта на этот уик-энд. Он проклял и самого Гранта — сумасшедшего, кинувшегося в джунгли, кишащие первобытными рептилиями. И существо, которое заметил Элан в глухом вечернем занавесе листвы. И еще много чего припомнилось ему сейчас.

— Сколько раз я говорил, — вопил, брызгая слюной, Хаммонд, мгновенно потеряв всякое сходство с добрым гномом, — нужно установить специальные замки на дверцы! Сколько раз! Деннис!

Толстяк лениво покосился на разъяренного бородача. Он-то не волновался и не нервничал. Случившееся работало на него. Как раз то, что нужно. Если бы вся эта дерьмовая суматоха продлилась еще пять минут, ему вполне бы удалось завершить задуманное. Пять минут. Лишь бы Хаммонд — жирный индюк! — не догадался послать туда людей еще пару минуток!

— Деннис! Я же говорил! Замки на дверцы!!! Почему их нет, а? Это, между прочим, твоя обязанность!

«Конечно, — зло усмехнулся толстяк. — Моя обязанность! Хрена лысого. Нашел козла отпущения. Моя обязанность! Следить за всем этим говенным парком — моя обязанность, программировать работу агрегатов — тоже моя обязанность. И безопасность, и техника, и коммуникации. Весь этот парк — одна огромная моя обязанность! Черта с два! Пусть катится к такой-то матери! Похоже, этот урод возомнил, что я за его ср...е восемь тысяч долларов начну творить чудеса — ходить по воде и кормить пятью хлебами целую армию туристов! Ублюдок. Старый, толстый, вонючий, дерьмовый ублюдок!».

Деннис дернул безразмерным плечом, отчего складки жира на его груди заколыхались океанской волной.

— Завтра, — коротко отрубил он. — Я все сделаю завтра.

— Сегодня, черт тебя побери! — еще громче заорал Хаммонд, пунцовея. На шее у него, маленькой, почти отсутствующей, начала пульсировать голубая вена. — Сегодня! Я не хочу, чтобы любой кретин, как только ему взбредет в голову, выскакивал из этих дерьмовых машин и мчался в лес, словно ему мазнули скипидаром ниже спины! А если бы это случилось в зоне тиранозавра?!

— Брось, Джон, — угрюмо пробормотал Сол. — Этот парень не хуже нас с тобой понимает, куда можно лезть, а куда нет. Он — палеонтолог, и башка у него работает. А зона стегозавров безопасна, ты ведь знаешь. Им ничего не грозит. Все нормально. Отправь туда человека и успокойся.

Хаммонд несколько секунд тяжело смотрел на Броуфстайна, а затем вздохнул и покачал головой.

— Мне бы твою уверенность, Сол. Мне бы твою уверенность. Ну ладно. Арни, пошли туда человека. Пожалуй, Хадлинга. Он наблюдает за этой зоной.

— Хорошо, мистер Хаммонд.

Кеймен звонкой дробью выбил команду на клавиатуре главного компьютера. Где-то в недрах этого массивного бункера на мониторе загорелась нужная надпись, и человек, которого звали Хадлингом, заторопился наверх, к стоянке служебных машин.

А Деннис Хоупер вывел новый файл, раскрыл его и, отметив курсором нужный ему объект, принялся за оче-

редную команду. Объект этот был обозначен в банке данных как «Хранилище эмбрионов».

* * *

Элан прорывался сквозь шипастые кусты и густые заросли беннетитеса с редкой отвагой, которая овладевает солдатом, бросающимся на колючую проволоку. Он раздвигал их руками и нырял в образовавшиеся просветы, ругаясь сквозь зубы, когда на коже появлялись особенно болезненные ссадины и кровоточащие царапины. Длинный острый шип, зацепившись за рубашку, с хрустом порвал рукав на локте мелким треугольничком. В вязкой звенящей тишине Элан слышал громкие хрипы и торопился на звук, сам, в общем-то, еще не до конца понимая, зачем он это делает. Высохшая хвоя хрустела под подошвами его высоких ботинок, шуршали ветви папоротников. В обманчивом полумраке стоны животного, которое он заметил в свете фар перед поворотом, казались гортанными выдохами бродящего впотьмах призрака. Грант прибавлял шагу, подгоняемый жалостью и — чего скрывать — профессиональным любопытством. Сзади, за спиной, внезапно затрещало, захрустело, зашелестело на тысячи различных оттенков. Завопила, пронзительно и тошно, какая-то птица, и Грант вдруг отчетливо осознал, что он один, вечером, в *первобытном* лесу. В настоящих первобытных джунглях.

«Велосирептор, — почему-то подумалось ему. — Они охотятся стаями. А что, если где-нибудь сломалось заграждение и эти твари уже поджидают меня впереди? Стаей. Опасной, подвижной, этакой чертовски сообразительной стайкой, которая вовсе не прочь закусить раззявой-палеонтологом. Скромный ужин на две персоны».

По спине волной пробежали мурашки, но Грант тут же осадил себя. Он сказал себе, что все нормально, ограждение цело, а репторы спят преспокойно в своем уютном загончике, поужинав услужливо подсунутой Хаммондом коровенкой. Ему полегчало, но ненамного. Все равно было тревожно. Или даже страшно. Первобытный лес — это

не Диснейленд, что ни говори. Тут нет здоровенных Микки Маусов, Плуто и Дональдов, зато бродят вполне реальные ти-рексы, способные одним укусом оставить от человека лишь носки и ботинки.

Раздвинув очередную поросль, Грант выбрался на широкую лужайку, густо заросшую странной блеклой травой, ядовито-желтыми цветами, различимыми даже в этом сером, липком, уродливом вечернем свете. Он провалился ногой в глубокую, старательно-предательски скрытую травой канаву, едва не сломав себе лодыжку, выругался смачно, от всей души, и только после этого огляделся.

Стегозавр лежал на боку, метрах в двадцати от Гранта. Бронированные складчатые бока его тяжело вздымались и опадали с хриплым влажным бульканьем. Казалось, что в горле у животного клокочет небольшой вулкан. Стоны стали громче и гораздо отчетливее. Стегозавр был либо серьезно ранен, либо не менее серьезно болен. Даже с такого расстояния Грант смог разглядеть, что пасть рептилии полуоткрыта, а рогатая морда страдальчески задрана, будто ей не хватает воздуха.

Справа, из кустарника, доносились голоса, в одном из которых Элан без труда узнал Элли, а во втором — скаута-садиста-палеонтолога Тима. Мальчишку, похоже, абсолютно не трогала необычность ситуации. Джунгли он воспринимал с такой естественностью, словно прогуливался по Центральному парку в Нью-Йорке, а вовсе не по доисторическому лесу. Звонкий громкий голос подростка разносился удивительно далеко. Вполне можно было предположить, что несколько не очень приятных рептилий уже двигаются сюда, привлеченные не вполне обычным для этих мест звуком.

— Доктор Грант? — вопил Тим, проявляя недюжинную силу легких. — Доктор Грант, где вы? Вы живы?

«Милый вопросик, — подивился про себя Элан. — И главное, очень тактичный. С перспективой».

— Элан? — крикнула Элли. — Элан, все в порядке?

— Пока да, — ответил Грант тихо, скорее, себе, чем окликающим. — Но если вы не перестанете кричать, то я

не стал бы держать пари, что и дальше все пойдет так же гладко.

Он быстро зашагал к лежащей рептилии, то и дело оскальзываясь на невидимых в траве кочках, спотыкаясь и с трудом удерживая равновесие.

Остальные вынырнули из кустов, когда Грант едва успел преодолеть половину расстояния. Первым, конечно же, выступал Тим. Увидев прихрамывающего Элана, он необыкновенно оживился и заторопился навстречу, размахивая своим талмудом.

— Доктор Грант, я так рад, что с вами все в порядке! Мы ведь так и не закончили нашу дискуссию по поводу второй книги Бейкера!

«И я был бы очень признателен, если бы этого не случилось и впредь», — закончил мысленно Элан, мрачно глядя на приближающегося юного «монстра».

— Так вот, он утверждает, что динозавры...

Тим не успел договорить. Появившаяся следом за ним Элли встревоженно спросила:

— Элан, куда мы идем?

— Никто не думает, что нам не следовало бы здесь находиться? — весело поинтересовался Малколм, вырастая за спиной Элли. Он вовсе не нуждался в ответе, это было понятно по его виду. Но ему нравилась нестандартная ситуация, в которой они все оказались. Зоолог откровенно наслаждался приключением, следствием так любимого им хаоса.

— Так вот, его книга значительно толще вашей, — попытался вернуть разговор в прежнее русло Тим.

— Неужели? — рассеянно спросил Элан.

— Ага. Он — палеонтолог.

Мальчишка без труда поспевал за хромающим Грантом, слова вылетали из него с пулеметной скоростью, и он в упор не хотел замечать страданий собеседника.

Следом за Малколмом из папоротника появилась Лекс. Она молча пристроилась замыкающей и шагала за остальными, сосредоточенно глядя себе под ноги.

Стегозавр не обращал на людей внимания. Толстые лапы изредка конвульсивно подергивались, и тогда он начинал стонать громче, по телу пробегала дрожь, а кос-

тяной «капюшон» вырывал целые клочья травы и черные комья рыхлой земли. Ноздри его раздувались, изо рта текла белая пена пополам с пузырящейся слюной, образующей вокруг морды блестящую лужицу.

— Всем оставаться здесь, — скомандовал Грант.

Он медленно пошел вперед, наблюдая за животным. Внешне оно никак не реагировало на человека. Однако дыхание стегозавра стало более частым и хриплым.

Тим зашагал было за Грантом, но Лекс быстро ухватила его за запястье.

— Тииимммм!

Мальчишка выдернул руку и оглянулся: не видел ли «уважаемый доктор» этой выходки, ставящей его — почти ученого — на уровень обычного шестиклассника.

Тем временем Грант опустился рядом со стиранозавром на корточки, внимательно осмотрел глаза, ноздри, распахнутую пасть, выпрямился и махнул рукой:

— Не бойтесь, подходите. Она больна.

Элли, Малколм и дети приблизились. Зоолог с рассеянным видом принялся бродить вокруг. Тим и Лекс остановились за спиной Гранта. Элли же присела на корточки и тоже осмотрела рептилию.

— Боже мой, — вздохнула она.

— Это был мой любимый вид динозавра, когда я был еще мальчишкой, — сообщил Элан. — И вот теперь я вижу его живьем.

— Сказать, что у нее цветущий вид, было бы большим преувеличением, — констатировал зоолог. — Эта особь, действительно, больна.

Элли коснулась пальцами вывалившегося горячего языка стегозавра. Был он шершавым, мокрым и покрытым большими гнойниками.

— Она ничего не может есть, — размышляя вполголоса проговорила Элли. — Язвочки, обильное слюноотделение, учащенное дыхание — скорее всего, дисбаланс организма. Визикулу? Интересно.

— Это происходит каждые шесть недель, — раздался вдруг за ее спиной приятный мужской голос.

Все обернулись. Человек подошел удивительно тихо. По крайней мере, ни треска веток, ни шуршания листвы

слышно не было. Худощавый, стройный, в облегающем комбинезоне с эмблемой парка на груди, он смотрел на Элли умными темными глазами. На голове у него сидела форменная кепка с длинным жестким козырьком, из-под которой выбивались ломкие соломенного цвета волосы. Чуть впалые щеки подчеркивали его худобу, губы тонкие, упрямые изогнулись в легкой улыбке. Не насмешливой, не безликой, не пустой, а нормальной, дружеской, вполне деликатной.

— Добрый вечер, — поздоровался мужчина. — Я — доктор Хадлинг. Питер Хадлинг. Если вам удобно, можете называть меня просто Питер, или Пит. В мои обязанности входит наблюдение за данным сектором парка.

— Оперативно, — тихо и одобрительно хмыкнул Малколм. — Джон вообще расторопный малый.

Хадлинг услышал. Коротко взглянув на зоолога, он вновь обернулся к Элли:

— Итак, как я уже говорил, доктор Сетлер, это происходит каждые шесть недель. Мы не можем понять причины болезненного состояния рептилии. Пока не можем, хотя наши специалисты прилагают максимум усилий дабы разрешить эту проблему.

— Интересно, — сказала Элли. — Шесть недель?

— Совершенно верно, — подтвердил Хадлинг.

Грант приник ухом к необъятному шершавому боку животного, слушая работу мощных, как кузнечные меха, легких.

— Чисто, — сообщил он. — Скорее всего, это что-то фармакологическое.

— Я тоже так думаю, — согласилась Элли, поднимаясь. Повернувшись к Хадлингу, она поинтересовалась: — Они едят лалак?

— Да, — кивнул тот. — Мы знаем, что это растение ядовито, но организм рептилий нуждается в нем.

— Вы уверены?

— Вполне.

— В любом случае, нужно посмотреть растительность, — подвела итог Элли, а затем добавила: — И кал этого динозавра.

Она прошла мимо тяжело дышащего стиранозавра,

удивленно застывшего Малколма, мимо Гранта и побрела дальше, внимательно осматривая растения.

Хадлинг сделал брови домиком и тронулся следом, поправляя на ходу свою юрскую кепочку, за ним пошли Грант, Тим и Лекс.

Оставшись в одиночестве, зоолог посмотрел в спины уходящим и оторопело переспросил:

— Динозавра... что? Кал? Кал???

Деннис закончил приготовления. Оставалось лишь запустить созданную им самим программу и... действовать: Действовать собранно и четко, как действует компьютер. Его голова, его мозг — тоже компьютер, такой же быстрый и точный. Он все рассчитал, до минуты, до секунды, до шага. Своего последнего шага по земле Юрского парка. Нажатие одной кнопки, и время пошло. Побежали мгновения. Быстро, быстрее, чем ты можешь осознать, быстрее, чем ты можешь заметить, и нужно действовать, действовать, действовать, действовать. Быстро, но не спеша.

Деннис коснулся широченной спиной жалобно скрипнувшей спинки кресла, навалился на подлокотники, задержал дыхание, успокаивая колотящееся от волнения дряблое сердце, и прислушался к тусклым голосам, навязчиво лезущим в уши, подобно вялым осенним мухам.

— Что передает национальное бюро погоды?

«Озабоченный подсипший голос дурака Хаммонда. Старый кретин. Дерьмовый гений. В таком-то возрасте, да так орать. М-м-м, не советую, не советую. Сердчишко может и не выдержать. Годочки не те».

— Говорят, что буря немного изменила направление, но нас все равно заденет. И возможно, довольно сильно. Через сорок минут, максимум через час, здесь начнется настоящий водяной ад. Если, конечно, не произойдет счастливой случайности.

«А это Арнольд Кейни. Хороший, в сущности, парень. Да только до Денниса ему ой как далеко. Бедолага, завтра его ждет такой щелчок, после которого он не скоро оправится. Мда. Не очень приятный сюрпризец. Даже очень неприятный. Хаммонда не жаль. Он — вор, таскающий чужие идеи, живущий чужими мыслями, чужими мозгами, а вот Арни... Хотя какое, собственно, ему, Деннису, до этого дело? Бизнес, возведенный в степень. Ничего личного».

Он еще раз вздохнул полной грудью.

«Ты в отличной форме, старина. Готовься. Десять минут, и мир для тебя изменится к лучшему».

— ... надо прервать экскурсию...

«Снова Кеймен. Бедный, бедный Арни».

— ... можно закончить ее завтра.

— Вы убеждены, что это абсолютно необходимо? Вечерний осмотр — один из наиболее эффектных. Не хотелось бы прерывать его, если есть возможность продолжить поездку.

«Кретин, — усмехнулся Деннис. — Боже, какой кретин. Нет слов. И на этого человека я работал пять лет. Нет уж, хватит. Балаганщик. Ярмарочный напыщенный паяц. Ему нужно бы держать блошиный цирк. Или русскую потеху — тараканьи бега. Выше этого уровня он не поднимется. Хотя и ворочает миллионами».

— Сожалею, но это, действительно, необходимая мера. Попросите их возвращаться. У нас в запасе не больше получаса.

— Ну хорошо, — вздохнул явно разочарованно Хаммонд. — Я целиком полагаюсь на ваше мнение.

«О, да, — развеселился Деннис. — Бедолага. Ну, теперь держись, парень. Если буря все-таки, по счастливой случайности, пройдет стороной, этот старый мясистый педик от тебя даже косточки не оставит. Сожрет с потрохами. Ты, похоже, проиграл. Надо было навязать принятие окончательного решения этому сладкому ослу. А теперь ослом станешь ты».

Голубое мерцание на экране монитора вдруг сменилось размытой картинкой. Черная фигура в чёрном же, отсвечивающем влагой дождевике, на фоне стоящего вдали пирса. Волны с ревом накатывали на бетон, пытаясь снести упрямый волнорез, но разбивались на бессчетное количество белесых крупиц, пеной проползали по серой шершавой поверхности и разочарованно отступали, бормоча что-то злобное, ворчливо-тревожное.

Деннис загляделся, пораженный дикой мощью разбу-

шевавшегося океана. Вот на серой, качающейся, пенящейся бело-желтыми пузырями поверхности выросла гигантская мутная стена. Она была еще далеко, но быстро бежала к берегу, набирая силу и скорость, воя, словно мотор подбитого самолета-истребителя, на звериный манер, надсадно и страшно: «ууууУУУУУУ!» Громче и громче, вырастая, вбирая в себя новые тонны горьковато-соленой океанской воды. И дождевик, обернувшись, замер потрясенный. Волна достигла пирса и с грохотом обрушилась на него. Деннису на мгновение показалось, что стихия все-таки возьмет верх. Бетон не выдержит такого напора и с хрустом просядет, сгинет в серо-перламутровой неверной глади, скроется из глаз вместе с баркасами, челноками и этим типом в дождевике, удивленно хрипящим, пытающимся вытолкнуть воду из прокуренных легких. И вышка, на которой укреплена видеокамера, подломится с пушечным хлопком, покатится, увлекаемая титанической силой. И волна помчится дальше, вырывая с корнем тиссы, пальмы, ели, фикусы, затапливая бункеры, опрокидывая столбы ограждений и неуклюжих динозавров, ошалело орущих, непонимающих, как кегли в боулинге. И толстый говнюк Хаммонд мгновенно начнет визжать от ужаса. И он сам, Деннис Хоупер, тоже, наверное, начнет. И Арни. И Сол тоже. Нет, этот, наверное, не станет визжать. Слишком уж крепок в кости.

Ничего не произошло. Эта волна, как и тысячи предыдущих, взорвалась брызгами, расколовшись о тупой конец пирса. Дождевик обернулся к камере. Лицо его было испуганным. Да и есть отчего. Резкие порывы мокрого ветра развевали глянцевые полы плаща, трепали их, играли ими.

— Скажите всем, мистер Хоупер, что последний челнок уходит через пять минут. Пусть те, кто едет, заканчивают работу и быстро отправляются к пристани. У нас почти нет времени.

Деннис застыл в тонком поскрипывающем кресле. Этого он не учел. Буря, помогающая ему в осуществлении задуманного, теперь могла сорвать все его планы.

— Но... — он пытался найти какой-нибудь аргумент, способный задержать отплытие челнока, и не находил. —

Но... вы не можете уехать через пять минут. Мне нужно закончить работу с программой. Да и остальным не уложиться в такой срок. Слишком мало времени.

Дождевик вновь обернулся к пирсу, затем опять посмотрел в камеру.

— Я понимаю, мистер Хоупер, но капитан настаивает на немедленном отправлении. Похоже, через десять—двадцать минут мы уже вообще не сможем выйти в океан. Буря подойдет вплотную к острову.

— Но мне нужно как минимум... — Деннис быстро прикинул в уме, — двадцать семь минут. Дайте мне это время и получите тысячу долларов.

— Тысячу баков? Вот так вот, за здорово живешь? — недоверчиво прищурился дождевик.

— Тысячу! За двадцать семь минут ожидания, — едва не закричал толстяк, но вовремя понизил голос. — Ну, как?

— О'кей. Я попробую что-нибудь сделать, — решительно пробормотал человек на экране, но тут же быстро добавил. — Хотя, если капитан прикажет мне отправляться, я ничего не смогу поделать. Однако пятнадцать минут обещаю вам в любом случае.

— Ладно, — заторопился Деннис. — Но постарайтесь удержать челнок до моего появления. Хорошо?

— О'кей.

Дождевик отключился. Хоупер, набирая на экране команду, краем глаза следил за сгрудившимися у стола людьми. Вот Сол встал, хрустко потянулся, поиграл затекшими от долгого сидения мышцами и снова опустился в кресло. Толстые пальцы Денниса топили клавиши в панели кейборда. Он весь покрылся потом, даже на внутренней стороне толстых стекол его очков образовалась мутная испарина. Тем не менее, Деннис быстро закончил работу, нажал «ввод» и... программа пошла.

Удовлетворенно улыбнувшись, он подхватил сумку, забросил ремешок на плечо и, встав, обернулся к Хаммонду:

— Прошу прощения, могу я на секунду отвлечь вас?

* * *

Грант нервничал. Безотчетный страх перед первобытным таинственным лесом, лесом, полным опасностей, населенным смертью в самых разных ее формах, вновь овладел им. При этом Элан отчетливо осознавал, что это чувство — всего лишь порождение его воображения. Нет, ти-рексы, репторы, антродемусы и прочие рептилии не стали менее опасными. Однако сейчас они не могли причинить ему вреда, а значит, и повода для боязни не было. Тем не менее страх, серым комочком сжавшийся в самом темном уголке его мозга, жил своей, самостоятельной, жизнью. Он навевал Гранту странные призрачные видения, несерьезные, как детская боязнь брошенной на стуле одежды, но почему-то внушающие тревогу. Тени деревьев казались застывшими, изготовившимися к прыжку хищными тварями, кустарники — оскалившимися, изготовившимися для прыжка ти-рексами. Ветер, долетавший с океана, приводил фигуры в движение. Они делали несколько замысловатых «па» и растворялись в сумерках, оставляя после себя лишь те же деревья, кустарники, тени...

И все же Грант нервничал. Без причины, просто так. Его злил собственный страх, но он ничего не мог с собой поделать. «Мы все возвращаемся, — подумалось ему. — Все выносим оттуда. Страхи, волнения, отчаянную, сводящую с ума храбрость, инстинкты — все. Прошлое — вот что живет в нас. Мы не помним его, зато оно помнит. Помнит, приходя к нам в странных, непонятных, сказочных снах. Помнит, заставляя нас дрожать в темном, окутанном мглой лесу. Помнит, гоня нас к огню, ибо огонь — спасение, кров, тепло и пища. Вся эта информация хранится в прошлом, которое живет в наших генах. И иногда мы возвращаемся».

Он посмотрел на топающих мимо Тима и Лекс, с детским азартом спорящих о чем-то, уже непонятном ему, недостижимом, оставшемся за какой-то невидимой границей. На Элли и Малколма, оживленно обсуждавших какие-то растения и их возможное влияние на организм рептилий — тоже не очень понятная ему, палеонтологу,

тема — пропустил брезгливо морщившегося, молчащего, осторожно, по-журавлиному, вышагивающего Эль Спайзера и, подождав, пока замыкающий процессию Хадлинг приблизится, спросил спокойно, вполголоса, тщательно скрывая донимающую его тревогу:

— Скажите, доктор Хадлинг, а не может кто-либо из ваших более опасных питомцев сломать ограждения?

Тот улыбнулся. Лицо его не выражало и тени беспокойства, которое так мучило самого Гранта. Вполне расслабленный, если не сказать больше — беспечный, Хадлинг смотрел вслед Элли. Гранту это не понравилось. У него создалось ощущение, что собеседник не слушает, а думает о чем-то своем, да и улыбается исключительно своим потаенным мыслям.

— Вам нечего бояться, доктор Грант, — вдруг спокойно ответил он, чем привел Элана в некоторое замешательство. — Сохранность ограждения контролируется главным компьютером. Любая поломка сразу же отражается на экране. Даже самая незначительная. Для беспокойства нет ни малейшей причины, поверьте мне. Если бы хоть один из динозавров умудрился прорваться сквозь ограждение, — в чем я, лично, сильно сомневаюсь, — нам бы немедленно сообщили об этом.

— Каким образом?

Грант никак не мог отделаться от ощущения, что Хадлинг настырно разглядывает крепкую попку Элли, дразняще обтянутую джинсами, и отвечает только затем, чтобы хоть что-то сказать. Впрочем, он и сам, не раз и не два, поступал точно так же, норовя отделаться от псевдоученых, докучающих своими бредовыми разговорами.

Словно поняв его состояние, Хадлинг оторвал взгляд от Элли и вновь обратился к Гранту.

— Все очень просто. У каждого из сотрудников, имеющих непосредственное отношение к ухаживанию или контролю за местной фауной, есть рации, — он отодвинул клапан накладного кармана, продемонстрировав торчащий из него черный плоский пенал передатчика и успокаивающе повторил, улыбнувшись: — Вам, право же, не о чем беспокоиться.

— Да, наверное, — согласился Грант. — По крайней мере, мне очень хочется верить в это.

Он сунул руки в карманы брюк и пошел следом за порядком удалившимися друзьями. Хадлинг же несколько секунд стоял на месте, словно ожидая чего-то, но ничего выходящего из ряда вон не дождался, повернулся, сделал шаг и в этот момент, приглушенный плотной тканью, запищал зуммер передатчика.

Малколм задумчиво оглядел открывшуюся его глазам картину и с убийственным спокойствием констатировал:

— Действительно, огромная куча дерьма.

Элли кивнула удовлетворенно. Собственно, она нашла именно то, что искала. Никогда не впадающая в экстаз при виде умиротворенных лиц представителей «Гринписа», сейчас Элли жалела несчастное больное животное. Но наряду с этим в ней проснулся палеоботаник. Исследовательский интерес, подогреваемый возможностью перебирать не только окаменевшие листья да булыжники с рельефными отпечатками, а рассмотреть настоящие живые растения, произвел с ней удивительную метаморфозу. Щеки ее раскраснелись, в глазах вспыхнул азартный блеск, а в целом, она являла собой образ молодого ученого, стоящего на пороге великого открытия. Правда, последний шаг к достижению цели был довольно отталкивающим, если не сказать больше, откровенно неприятным.

Опустившись на корточки, Элли по локоть запустила руку в дурно пахнущую кучу, зачерпнула пригоршню, рассмотрела хорошенько и шлепнула лепешку обратно, страдальчески скривившись. Открытие не состоялось. Жертва оказалась напрасной.

— Мда, — разочарованно хмыкнула она. — Это не ягоды лалака. Точно. Тогда что? Уж очень сходные симптомы. А может быть, это... Каждые шесть недель, да? Хм...

Элли встала в полный рост и вновь побрела по поляне, задумчиво рассматривая траву и цветы, уже едва видимые в густых сумерках.

Эль Спайзер, скептически созерцавший процедуру осмотра, покосился на Малколма:

— Она упрямая?

— Понятия не имею.

— Господи, только бы ей не пришло в голову исследовать кал остальных динозавров на предмет выяснения причины болезни. Никогда не получал удовольствия, глядя, как кто-то роется в чужом дерьме.

Малколм удивленно посмотрел на него:

— Да? Странно. Честно говоря, я был уверен, что люди вашей профессии только этим и занимаются.

— Затеваете ссору?

Зоолог открыто обаятельно улыбнулся:

— И не думал.

Спайзер вздохнул и, заложив руки за спину, наигранно медленно побрел в том направлении, где остались стоять одинокие «блейзеры». Ему явно были не интересны научные изыскания Элли, он хотел в тепло, уют, комфорт, хотел выпить рюмочку согревающего, посмотреть вечерние новости по телевизору, принять душ, а затем и в постель. Сегодняшний день нельзя, конечно, назвать самым удачным, но кое-какие выводы адвокат сделал. Завтра будет новый день, новые впечатления и новые выводы. Сегодня же ничего нового ждать не приходилось, и его одолевала зевота.

— Господа доктора, — возвестил подошедший Хадлинг, — прошу прощения, но я вынужден настаивать на немедленном возвращении.

Элли обернулась. На ее лице читалось недоумение.

— Что-нибудь случилось?

Грант выжидающе смотрел на Хадлинга. Малколм тоже ждал ответа. Адвокат сдержанно улыбался.

— Надвигается буря, — пояснил Хадлинг. — К сожалению, скорость у электромобилей весьма низкая, а мы сейчас довольно далеко от комплекса для посетителей. Ливень может застать вас в пути.

— «Вас»? — переспросила Элли. — А вы, что, с нами не едете?

— Нет. У меня обычный автомобиль. Здесь их используют для передвижения персонала.

— Отлично, — вдруг решительно заявила девушка. — Мы поступим так. Я останусь тут и вернусь вместе с вами, в вашей машине, а остальные поедут в электромобилях.

Грант и Малколм переглянулись. Адвокат безразлично пожал плечами: «Хочет оставаться — пусть остается. Это, в конце концов, ее дело».

— Доктор Сетлер, — медленно, словно раздумывая, сказал Хадлинг. — Боюсь, что ничего не выйдет. У нас слишком мало времени.

— Мне нужно еще десять минут. Всего десять минут.

— Господа... — Хадлинг, не готовый к такому повороту событий, растерянно посмотрел на остальных гостей. Однако те молчали. — Хорошо, — наконец сказал он. — Но только десять минут. Если за это время вам не удастся закончить работу, мы все равно вынуждены будем вернуться в гостиничный комплекс.

— Спасибо, — улыбнулась Элли.

— Не за что, — Хадлинг повернулся к остальным. — Господа, прошу вас пройти в машины.

— Отлично, — пробормотал Эль Спайзер. — Там, по крайней мере, нет ветра и больных динозавров.

* * *

Они обернулись на звук его голоса. Лица при этом у них были такие, словно эти трое забыли о существовании Денниса, а он вдруг громко и дико заорал у них над самым ухом.

— Что случилось?

— Я тут занимаюсь кое-какими усовершенствованиями, — продолжил он. — С линиями внутренней связи и общего наблюдения.

— Черт возьми, Деннис, — хмуро ответил Хаммонд. — А ты не мог бы заняться этим в более подходящее время?

Деннис пожал плечами:

— Я только выполняю то, что вы мне приказали.

— Ну ладно. И что же ты хотел сказать нам насчет своей работы?

— Мне нужно кое-что подключить и... я подумал, надо заранее вас предупредить. Пока система будет заряжаться, какие-то цепи могут отключаться. Ненадолго. Минут десять—пятнадцать. Так что, не волнуйтесь, это не неполадки. Это из-за меня.

Хаммонд подозрительно посмотрел на него:

— Это необходимо?

Деннис усмехнулся и покачал головой. В глазах у него играли красноватые искры. А может быть, это был отсвет монитора...

— Боюсь, что без этого не обойтись. Нет, не получится.

— Ну хорошо, — бородач вздохнул. — Только постарайся закончить побыстрее. У нас и так возникли проблемы, не хотелось бы, чтобы их стало еще больше.

— Да, я очень постараюсь.

Хаммонд, сразу потеряв к Деннису всякий интерес, вновь вернулся к прерванной работе.

— Машины уже возвращаются, — сообщил Кеймен. — Хадлинг и доктор Сетлер, по-видимому, задержались, а остальные едут сюда.

Деннис не стал слушать. Он быстро пошел к двери, звонко стуча по бетонному полу набойками каблуков. Сол, неприязненно оглянувшись ему вслед, секунду наблюдал необъятную, желеобразно трясущуюся спину, облепленную потной гавайкой, заслонившую дверной проем, а затем сморщился и отвернулся. Охотник тоже не любил Денниса. Впрочем, его, вообще, мало кто любил.

— Все в порядке, — продолжал Кеймен. — Буря будет здесь через пятнадцать—двадцать минут. Они вполне успевают.

Хаммонд помял пальцами седую жесткую бородку и вздохнул.

— Слишком много неприятностей для одного дня. Буря, больной стегозавр, ти-рексы, так и не соизволившие вылезти из джунглей, дайлотозавры... Надо же...

— Успокойся, Джон, — посмотрел на него Сол. — Могло быть и хуже. Гораздо хуже.

Хаммонд так не думал. Он не понимал, что может быть хуже того, что случилось сегодня. Три эксперта настроены против его парка, его детища, его мечты. Все три. Хотя эту... Элли Сетлер можно не считать. Адвокат, конечно, имеет вес в среде финансистов, но если Мал-

колм и Грант дадут отрицательный отзыв — крах! Конец всему. Или нет? Или найдутся другие инвесторы, которые согласятся вложить деньги в его чудо, его сенсацию, способную сделать переворот в науке? Нет. Он знал это. Он это знал. Крах — это крах. Крушение, катастрофа. Лопающийся едкими брызгами радужный, красивый мыльный пузырь.

Вот что нес сегодняшний день.

Так думал Хаммонд. А Сол думал совершенно иначе. Он мог бы рассказать об этом «хуже», по сравнению с которым критические отзывы — детская забава. Но он промолчал. Его опасения остались невысказанными. Они существовали лишь в мыслях тропического охотника Сола Броуфстайна.

Деннис бежал, если, конечно, это можно было назвать бегом. Вот в такие моменты толстяк *действительно* жалел о том, что его тело настолько грузно, неповоротливо и тяжело. Он задыхался, ловил воздух ртом, широко, порыбьи, но сдавленным легким всё равно не хватало кислорода. Они выталкивали его со свистом, булькающим, сипло-астматическим. Раздражающим. Ожиревшее сердце качало кровь слабо, как плохой разбитый насос. Руки, согнутые в локтях, но расслабленные, вялые, помогали телу в выполнении этой непосильной задачи — бежать! — двигаясь вперед-назад, подобно поршням. Отвислый зад трясся, тряслось брюхо, и грудь, дряблая, наполненная жиром, тряслась тоже. Он весь трясся. Ноги-подпорки переступали, стремясь удержать стосемидесятикилограммовую громаду плоти, не дать ей упасть.

Словом, Деннис бежал, прижимая к боку коричневую кожаную сумку с заветной жестянкой, стоящей полтора миллиона. Вернее, она будет стоить полтора миллиона через...

Он быстро взглянул на циферблат наручных часов: 20:38:05.

... через две минуты. Ровно через две! Толстяк попробовал прибавить шагу, но ничего не вышло. В голове стоял тупой гул, а перед глазами плыли разноцветные пятна.

«Сейчас я сдохну, — подумал он. — Меня хватит удар.

У меня случится инфаркт, разрыв сердца. И я сдохну. Прямо тут. То-то будет сюрприз для Доджсона. В полдень, на пристани. А-ха».

Мысль о Доджсоне прибавила ему сил. Промчавшись по длинному коридору, он свернул направо, прогрохотал набойками по стальным ступенькам лестницы и посмотрел на часы еще раз. 20:39:02. Успел! Его охватило чувство, близкое к восторгу. Он все-таки успел!!! Задыхающийся, в полуобморочном состоянии, но добрался.

Прямо перед ним высился освещенный ярко-белым неприятным светом пятиметровый «стакан»-холодильник. Сделанный из толстого десятисантиметрового стекла и особопрочной стали, «стакан» хранил в себе самую большую ценность этого острова. Эмбрионы будущих динозавров. Окутанные ледяным холодом, рептилии ждали своего часа. Когда их извлекут из стеклянных колб и станут бережно растить, лелеять, кормить до тех пор, пока они не превратятся в настоящих динозавров. Это отделение охранялось особенно строго. Двойные коды на каждом из пяти электронных замков, три камеры наружного, четыре — внутреннего наблюдения, электронные запоры на каждом отсеке, и всем этим распоряжался он, Деннис Хоупер. Сейчас камеры не могли «видеть» его, а значит, ни один из этих раззяв, сидящих сейчас в главном зале, не сможет доказать, что эмбрионы похитил именно он.

Цифры на часах менялись с ужасающей быстротой. Жадно следя за ними, толстяк беззвучно шептал:

— Четыре, три, два, один...

Пискнув, погасли сигналы на камерах, отключились коды замков, даже мертвенно-белый свет вроде бы стал чуть мягче, приглушенней. Деннис быстро подошел к двери и принялся открывать запоры. Уж эту-то систему он знал. Сколько раз ему приходилось лично программировать защиту хранилища эмбрионов. Его великолепная память в нужный момент без задержек выдавала необходимую информацию, и Деннис, спокойно справившись с замками, вошел в помещение. Навстречу ему хлынул поток холодного воздуха. Мокрая гавайка обожгла спину, но толстяк не обратил на это внимания. Холодно не было, наоборот, Денниса прошибал горячий пот. Расстегнув

«молнию» на сумке, он достал контейнер, отделил днище. Теперь главным было — не ошибиться, взять то, что нужно. Толстяк принялся открывать отсеки с эмбрионами, выискивая необходимое: «Tyrannosaurus» — три колбы исчезли в контейнере; «Stegosaurus» — еще одна; «Velociraptor» — две; «Pterosaurus» — три; «Brontosaurus» — одна. Все, этого хватит. По крайней мере, пять из этих тварей будут живы к тому моменту, когда он отдаст контейнер Доджсону.

Еще один взгляд на часы: 20:40:38. У него двадцать две секунды. Деннис лихорадочно принялся запирать отсеки. Контейнер полетел в сумку. Быстро к выходу! Толстая дверь встала на место, щелкнули электронные замки.

20:40:57.

Толстяк опрометью бросился прочь от двери. За его спиной пискнули, включаясь, камеры. Все в порядке, все обошлось. *Прощай, парк Юрского периода!*

В главном операционном зале Арнольд Кеймен взволнованно защелкал клавишами компьютера. Он непонимающе читал данные, выводимые на монитор, непонимающе набирал все новые и новые команды и так же непонимающе хмурился.

— Здорово, — фраза прозвучала примерно, как «вот дьявол!»

— Что? — моментально среагировал Хаммонд. — Что случилось?

Сегодняшний день был настолько наполнен неприятными сюрпризами, что любая мелочь, хоть чуть-чуть не вписывающаяся в рамки привычного течения дел, воспринималась им либо как угроза, либо как знак фатального невезения.

— Система электронных запоров дверей отключилась.

— Где?

— По всему административному блоку.

Хаммонд с облегчением вздохнул:

— Все в порядке. Деннис предупреждал, что некоторые системы будут давать сбои. Ничего страшного.

— Конечно, — подал голос сидящий в стороне Сол. — Конечно, ничего страшного, если только не даст сбоя система контроля энергоподачи на защитное ограждение.

В зале повисло тяжелое молчание.

* * *

Теперь они могли оценить лилово-черную темноту за окном. Это еще не было ночью, — до настоящей ночной темноты оставалось не менее часа, — виной всему послужили тучи. Грозовые, рыхлые, отливающие свинцом, они затянули блеклое небо за несколько минут. Ровно столько времени понадобилось гостям, чтобы добраться до «блейзеров». Темнота не просто наступила, она обрушилась на землю, похоронив под собой все. Вечер стал заметно холоднее.

— Будет дождь.

В почти полной, нарушаемой лишь слабым уютным урчанием электромотора тишине голос Малколма прозвучал очень резко и громко, хотя зоолог говорил абсолютно спокойно, даже с ноткой тусклого безразличия. «Ну, будет и будет, что с того? Просто скомканный, неудавшийся уик-энд».

Он задумался, а потом тем же тоном добавил:

— Или ливень. Даже, скорее всего, ливень. С молниями и ужасным громом.

Грант посмотрел на него. Они сидели вдвоем в пестром «блейзере», и было много места, из-за чего возникало ощущение холодности, отчужденности. Тим, Лекс и Эль Спайзер предпочли передний пикап. Им с зоологом пришлось ехать во втором. Поначалу оба вяло пытались поддерживать какой-то пустой разговор, но тема быстро исчерпала себя, и беседа, скомкавшись, сама собой сошла на нет. Молчание, хотя и натянутое, было все же лучше этой ненатуральной болтовни ни о чем.

Так считал Грант. Точнее, он подумал так, исходя из собственных ощущений. А о чем можно говорить с человеком, которого знаешь-то всего полдня? Ему вдруг остро

захотелось чего-нибудь выпить. Лучше побольше. Не допьяна, но прилично, чтобы рассосалось чувство тревоги. Одиночества, несмотря на отсутствие Элли, он не испытывал. Только абстрактную тревогу. Была ли она навеяна рассуждениями Малколма о несовместимости людей и этого мира, или самой природой, томно-зловещей, особенно в этих чернильных сумерках?

Ветер становился все резче. Его порывы, напористые, упругие, били в лобовое стекло, тонко завывали в решетке радиатора. Люди в кабине физически чувствовали, как его сильная невидимая ладонь проходилась по крыльям, багажнику, стеклам. Он, как огромный великан, пытался остановить «блейзеры» — часть чужой жизни, так бесцеремонно вторгшейся в этот первобытный мир.

Деревья раскачивались, шелестели листьями, и это создавало иллюзию насыщенности. За каждым кустом, стволом, веткой папоротника пряталось живое опасное нечто. Оно следило за двумя странными коробками, мерцающими огоньками фар, настороженными глазами. Сквозь верхнее обзорное стекло, занимающее почти всю крышу, можно было увидеть, как черные облака, словно сорвавшиеся с нити причудливые воздушные змеи, быстро уплывают за неровную линию горизонта, проступающую над лесом узкой синей полоской.

Крупная дождевая капля со звонким шлепком разбилась о лобовое стекло. Еще одна — о верхнее. И еще, еще, еще, еще. Одиночные капли быстро сменились настоящим серебристым водопадом. Стекла стали мутными, лишь красные переливающиеся пятна стоп-сигналов переднего «блейзера», окаймленные искусственной электрической радугой, пробивались сквозь застилающую обзор амальгаму ливня.

— Ну вот, — вздохнув, констатировал зоолог и улыбнулся, но не так весело, как обычно, а с какой-то почти грустью. — Я же говорил. Ливень. Но это только начало. Настоящий еще впереди. Гром и молнии тоже.

— Очень радостный прогноз, — пробормотал Грант. — Вселенский потоп?

— Может быть. Что мы знаем об этом?

Зоолог указал пальцем в стеклянный купол, покрытый змеистыми извивающимися дорожками.

— Хаос? — догадался Грант.

— Совершенно верно. Это — тоже хаос. Непредсказуемость, — Малколм помолчал. — И пучина поглотила их.

Дождь был на удивление коротким. Он кончился внезапно. Мгновенно, как и начался. Будто кто-то просто завернул кран. Несколько капель еще шлепнулись на капот, но уже лениво, в полсилы.

Далеко за лесом, где-то над океаном, бело-желтые протуберанцы молнии врастали в бушующую пенящуюся воду, отплясывая на ней фантастический по красоте танец. Электрическое колдовство. Зачаровывающее, притягивающее взгляд. После ливневой барабанной дроби наступило затишье. Машины, все так же упорно и размеренно, ползли вперед. Три желтых пятна прыгали по мокрой траве, преломляясь в висящих на кончиках листьев алмазах дождя веселыми искрами.

— У вас есть дети? — вдруг, поддавшись безотчетному порыву, спросил Грант.

Малколм озадаченно посмотрел на него:

— У меня? Да, есть. Трое. Я люблю детей.

— А вы женаты?

— Время от времени. Думаю о будущем.

В кабине вновь воцарилось неловкое молчание. Первым заговорил зоолог:

— А доктор Сетлер... ведь она не свободна?

— В каком смысле? — не понял Грант.

— Я имею в виду, вы вместе?

Элан, с некоторым удивлением, осознал, что Малколм смущен.

— Да, — ответил он. — Мы двое.

— Понятно. Извините.

— Да нет, ничего.

И вновь молчание. На этот раз оно было недолгим. Грант как раз хотел поинтересоваться общим впечатлением Малколма о парке, но в этот момент фары «блейзеров» вдруг странно моргнули, электромоторы сбились с ровного монотонного ритма, а затем смолкли вовсе. А еще через секунду свет погас совсем, и собеседники ока-

зались почти в полной темноте. Поэтому-то Грант сказал вовсе не то, что собирался:

— Я ничего не касался.

— Да и не надо было ничего касаться, — совершенно спокойно ответил зоолог. — Просто кто-то отключил подачу энергии.

— Что за чертовщина? — Арнольд Кеймен растерялся окончательно. — Ничего не понимаю.

— Теперь что? — в голосе Хаммонда слышалась усталость. Он действительно устал. Все же к таким ударам судьбы его нервная система готова не была.

Кеймен кивнул на экран. Схема парка, подробная, со множеством светящихся огоньков, отмечающих местонахождение и перемещение всех рептилий, преобразилась. Линии, обозначающие защитное ограждение, электрорельс и подземные системы коммуникаций, окрашенные раньше в сочные яркие цвета, начали темнеть. Полминуты, и весь монитор оказался иссеченным черными полосами и приобрел уродливый вид.

— Электричество отключается по всему парку.

— Ограждение?

— Да. И ограждение тоже. Все коммуникации.

Хаммонд обернулся к Солу. Тот подался вперед, по-прежнему спокойный, невозмутимый, но тело его было напряженным. Теперь он стал прежним охотником, готовым в любой момент начать действовать. Им всем нужно *действовать*. Что-то предпринимать. Но главным здесь был Хаммонд. Только он мог отдавать приказы, только он мог сказать, кому и что следует делать.

— Сол, — голос Хаммонда стал решительным и собранным. В нем открылся какой-то внутренний резерв, энергия выплескивалась наружу. Та самая, которая копится для таких вот смертельно опасных случаев. — Найди электрика и быстро проверьте генератор. Главный рубильник, вводы на ограждение.

Кеймен вскочил и быстро подошел к рабочему месту Денниса. Стол, заваленный скомканной бумагой, жирными салфетками, крошками, кусочками салата из гамбургеров, соусом и пустыми банками, представлял собой весьма неприятное зрелище, особенно для такого любителя порядка, как Арнольд. Брезгливо сморщившись, он смахнул мусор в корзину для бумаг.

— Черт побери! И это — рабочее место! Бардак!

Опустившись на шаткий, жалобно пискнувший вращающийся стульчик, Кеймен быстро начал набирать команды, выводя данные на монитор. С каждой секундой лицо его становилось все более мрачным.

— Что? — резко осведомился Хаммонд. — Еще что-нибудь?

— Похоже, программа заблокирована, — Арнольд был похож на пианиста, исполняющего в одиночку пьесу, написанную для четырех рук. — Эта скотина Хоупер ввел какую-то программу и закрыл в нее доступ. И, похоже, проделано это специально.

— Можно что-то предпринять?

— Не знаю. Попробую, но не уверен.

Хаммонд думал всего секунду.

— Ограждение рептиров тоже отключено?

Кеймен набрал запрос. Картинка на экране поплыла вправо и вверх, открывая мерцающий салатовым сектор.

— Нет, слава богу. Оно работает. Единственное.

— Странно, — Хаммонд нахмурился и автоматическим движением потеребил бородку. — Зачем бы ему тогда отключать остальные?

Деннис точно знал, что и зачем он делает. В тот момент, когда Кеймен безуспешно пытался разобраться с его компьютером, он уже сидел в «лендровере», подъезжая к главным воротам парка. В сумке у него покоился контейнер, работа была выполнена, если не безукоризненно, то уж, точно, с блеском. У Доджсона не будет повода жаловаться.

«Джип» летел по наезженной дороге, выбрасывая из-под колес фонтаны воды и грязи, ловко лавируя среди кустарников и деревьев. Впрочем, сохранность растительности парка Денниса волновала меньше всего. Он думал только об одном: время! Вот, что занимало все его мысли. Отпущенные ему двадцать семь минут истекали, и никогда еще Деннис не чувствовал быстротечности времени так остро, как сейчас.

«Они не уйдут без меня, — думал он. — Они просто не могут этого сделать. Тысяча долларов — хорошие деньги! Эти ребята знают, что такое тысяча долларов! За пять... нет, десять минут — тысяча! Они не могут уйти без меня!»

Так думал Деннис, выворачивая руль, стремясь избежать столкновения с молодой пальмой, стоящей на самой обочине. «Джип» ударился о ствол правым крылом, дерево проскрежетало по металлу, треснуло со звонким хлопком. Пальма накренилась и с тягучим скрипом обрушилась на дорогу в полуметре от багажника «лендровера», едва не накрыв машину своими раскидистыми огромными листьями.

Деннис не смотрел назад. Он только плотнее вдавил в пол педаль акселератора. Рев мотора разносился по скованному тишиной парку.

* * *

— Все! Этот ублюдок закрыл программу.

Кеймен, в общем-то, был достаточно мягким человеком. Никто не слышал от него бранных слов, и то, что он все-таки воспользовался ими, могло означать только одно: Арнольд Кеймен доведен до белого каления. Ярость душила его. Он недолюбливал Денниса, и вовсе не за дурной характер, а за небрежность и выходящую за все мыслимые рамки неряшливость. Но то, что проделал Хоупер сегодня, ставило под угрозу не только существование парка, но и жизнь людей! Если это была небрежность, то слишком нелепая для такого работника, как Деннис. И почему заблокирован вход в программу? А если это сделано из расчета, то... Нет, Арнольд не хотел об этом думать. Программа выполняет строго определенные действия. Каким будет следующее? Отключится ограждение репторов? Испортится вся компьютерная сеть? Что? Чего ждать, к чему готовиться?

— Попробуйте еще раз!

Хаммонд мерял шагами зал. Седые волосы его были взлохмачены и торчали в разные стороны смешными

жидкими кустиками, пальцы постоянно теребили то короткую бородку, то мочку уха, которая уже стала пунцового цвета.

— Хорошо.

Сухая дробь клавиш, и на экране вспыхнула очередная надпись:

«ДОСТУП К СИСТЕМАМ БЕЗОПАСНОСТИ. ...ОТКАЗ».

— Сейчас, — пробормотал Арнольд. Новая порция, и новый, ставший уже предсказуемым ответ:

«ДОСТУП К ГЛАВНОЙ СИСТЕМЕ БЛОКИРОВКИ ЗАМКОВ. ... ОТКАЗ».

— Попробуем так...

Арнольд набрал команду остановки программы. И тут его ждал неприятный сюрприз. На мониторе появился... Деннис. Точнее, его карикатурное изображение. Невероятно толстое тело на дистрофичных ножках, с огромной же, в пол-экрана, знакомой хитро-ехидной физиономией. На оправе очков поблескивали белые блики. Деннис покачал пальцем и засмеялся.

« — Ты забыл набрать волшебное слово! — пропищал он. — Ха, ха, ха! Ты забыл набрать волшебное слово! Ха, ха, ха! Ты забыл набрать...».

И так далее. Программа зациклилась.

— Деннис, черт побери!!! — зло рявкнул Кеймен.

— Заткни этого ублюдка! — крикнул Хаммонд. — Выключи его!

— Не могу, — звенящим от ярости голосом ответил Кеймен. — Для этого придется выключить всю систему.

— Ну так выключи ее!

— Отключится последнее, что у нас есть, — электричество в этом здании. И ограждение репторов.

— Дерьмо!

Пожалуй, этим словом лучше всего определялось душевное состояние Хаммонда. Никогда еще он не чувствовал себя таким раздавленным, а уж его-то жизнь нельзя было назвать сладкой. Сколько разного довелось ему испытать, прежде чем он достиг того, что имеет сейчас. Точнее, имел. Бедность, голод... Как он карабкался вверх по шаткой лестнице благосостояния, как обхажи-

вал удачу, как умасливал ее, как лез из шкуры, чтобы заработать лишний цент. И все ради того, чтобы какой-то жирный гов...к в один прекрасный день разрушил возведенный им замок благополучия? Ну уж нет. Он, Джон Хаммонд, воспитанный на уличных драках рабочих кварталов, не сдастся просто так.

— Арни?!

— Да, мистер Хаммонд?

— Ты следишь за передвижениями машин?

— Да.

— Где они остановились?

Кеймен сверился с монитором.

— У зоны ти-рексов.

Хаммонд нахмурился. Зона ти-рексов? Черт, это было очень плохо. Ограждение отключено, а значит, любая из двенадцатиметровых плотоядных рептилий сможет выбраться наружу. Остается надеяться, что у них выработался рефлекс: касание ограждения — удар тока. О другом варианте ему думать не хотелось.

Кеймен вернулся к пассивному созерцанию экрана. А что еще он мог сделать!

Бородач прошелся от стены до стены, круто развернулся и засеменил обратно. Так легче думалось.

Ни Хаммонд, ни Кеймен не помнили об одной детали — козе, оставленной для приманки рядом с ограждением. Помнил Сол Броуфстайн, но его здесь не было, и некому было предупредить Джона Хаммонда о надвигающейся беде.

* * *

Прошло не меньше четверти часа с тех пор, как отключили электричество, а «блейзеры» и не думали двигаться с места. Более того, никто не приехал помочь им. Грант и Малколм сошлись на мнении, что вполне можно было бы проделать оставшуюся часть пути пешком, если бы не дети. И поскольку другой альтернативы у них не было, они остались сидеть в машине, прислушиваясь к доносящимся из джунглей звукам, разглядывая лес

сквозь вымытые ливнем стекла. Небо немного прояснилось, и в рваных дырах туч то и дело проглядывала молодая серебристая луна. Она, конечно, давала мало света, но все лучше, чем сидеть в полной темноте. По крайней мере, теперь джунгли не выглядели так враждебно и зловеще, как раньше. Свет оживил их. С правой стороны, за деревьями, слышалось кряхтение какого-то внушительных размеров зверя. Трещали ветки, громко шуршала листва, когда рептилия продиралась сквозь кустарник. Слева подняли гвалт обезьяны. Их визгливые голоса тоже придавали джунглям иной, более мирный оттенок. И даже летучие мыши повыползали из своих нор и кувыркались в холодном влажном воздухе, изредка пролетая над самыми крышами машин.

— Ребятишки в порядке, как вы думаете?

Грант поинтересовался не случайно. Его, действительно, волновал этот вопрос. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что беспокоится, все ли в порядке с Тимом и Лекс. Это открытие удивило его вдвойне, поскольку Элан никогда не был подвергнут приступам сентиментальности, а детей это касалось в первую очередь. Особенно таких, как Тим. Нет, он вовсе не радовался и не хлопал в ладоши, когда какой-нибудь бутуз с размаху тыкался носом в землю, но и не устраивал из этого целое представление со слезами, соплями и удивительно неприятным сюсюканьем. Сейчас Грант вглядывался в стекла стоящей метрах в пятнадцати первой машины. В эту секунду фары «джипов» вновь вспыхнули. Однако сами они так и остались стоять на месте, хотя от мощного потока электрического света людям стало полегче. Электричество было вещью, относящейся к двадцатому веку, а не к юрскому периоду.

— Как вы думаете? — вновь повторил Грант.

Зоолог тоже посмотрел в сторону «блейзера».

— Не знаю. Признаюсь честно, я не всегда берусь предсказывать реакцию даже своих детей, не говоря уж о чужих. Нынешняя молодежь непредсказуема сама по себе и, может быть, как раз этим-то и интересна. Но, по-моему так, скорее всего, загрустили немного, вот и все.

— Или испугались, — закончил Грант.

Малколм хмыкнул и взглянул на него с некоторым недоумением.

— А чего им пугаться? Ну, отключилось электричество. Для них это не пугающий, а, скорее, развлекающий фактор.

— Того же, что пугает меня.

Грант указал пальцем за окно, на темный, со светло-молочными лунными прожилками лес, а затем на погасшие лампы сигнализации ограждения.

— Вы напуганы?

Малколм был удивлен. Или казался удивленным.

Грант подозревал, что зоолог тоже боится, но только молча, про себя. Его характер не позволяет показать слабость. После высказываний о вставшей на дыбы природе, наверное, иначе и быть не могло. Зоолог ведь тоже понимал, с чем они имеют дело.

— Да.

— Хм, — Малколм качнул головой. — А по вашему виду я бы этого не сказал.

— А вы? Вы не напуганы?

— Я-то? Как вам сказать... — он вздохнул, посмотрел в окно и добавил: — Не знаю. Хотя есть в этом парке что-то зловещее. Это да.

— Вот поэтому-то я и думаю, что они могут испугаться, — заключил Грант. — Может быть, их не пробьешь книгами Стивена Кинга или фильмами Карпентера, но соседство с первобытным лесом...

— Сейчас, по крайней мере, в их понимании не слишком отличается от обычной компьютерной игры, кино и прочих развлечений. Вы думаете, они воспринимают тирекса как хищника? Ничего подобного. Для этих ребят любой из обитающих тут динозавров не более чем экспонат из палеонтологического музея. Вы *знаете*, на что способен тиранозавр, ваша фантазия рисует вам кровавые картинки. У них же эти знания слишком абстрактны. Или, может быть, вы думаете, что добрый дедушка Джон водил их смотреть, как кормят рептиров? Уверяю вас, любой рабочий этого парка рассмеется вам в лицо. Ни Тим, ни Лекс и близко не смогут подойти к вольеру, или как тут это называется. Держу пари, они сейчас сидят спокойно и рассказывают друг другу анекдоты. Или последнюю часть «Челюстей».

— Насчет Тима я бы не стал так утверждать.

— Аа-а-а... — протянул зоолог и засмеялся. — Тим! Слишком серьезен? Ерунда. Обычный парнишка, еще даже не выросший из своих детских штанишек. В нем играют здоровые амбиции. Он просто хочет выглядеть серьезней, чем на самом деле.

— Умнее.

— Не имеет значения. В его возрасте это одно и то же. Поместите-ка этого «палеонтолога-вундеркинда» в соответствующую среду, и он сразу станет обычным нормальным ребенком. Будет бегать, драться, сдирать коленки. Через пять минут от его серьезности не останется и следа. Он большую часть времени, — я имею в виду досуг, — проводит здесь, среди ученых, динозавров и прочего. Так чего же вы от него хотите?

— Наверное, вы правы, — согласился Грант. — Я абсолютно не знаю детей. Но все равно я волнуюсь.

— Ничего удивительного, — усмехнулся Малколм. — Нерастраченный отцовский потенциал время от времени дает о себе знать.

Грант только вздохнул.

Эль Спайзеру было не просто скучно, он ощущал скуку, сводящую с ума. Несколько раз адвокат украдкой зевал, деликатно прикрывая широко раскрытый рот тонкой холеной ладонью.

Осмотр парка, произведший поначалу хорошее впечатление, оборачивался весьма неприятной стороной. Собственно, и осмотра-то никакого не состоялось. Ни дайлотозавра, ни обещанных ти-рексов им не продемонстрировали, затем, какое-то больное животное, — это у самой тропы! Хорошенькое было бы зрелище для туристов! — и наконец, отключенная электроэнергия. Ему совершенно безразлично, *что и по чьей вине* произошло, какие доводы приведет в свое оправдание Хаммонд, какое наказание ждет виновного во всех этих неувязках. Это проблемы администрации. Адвокат сейчас играл роль обычного туриста. Случись подобное во время экскурсии, и толпа возмущенных посетителей заявится требовать

назад свои деньги. Какая им разница, что динозавры *не желают* выходить из джунглей! Они заплатили за то, чтобы *увидеть*, а значит, надо *заставить* рептилий выйти. Первобытный лес, это, конечно, очаровательно, чудесно, восхитительно. У страстных любителей ботаники, возможно, сохранятся неизгладимые воспоминания, но ведь большинство обычных людей не в состоянии отличить, скажем, пальму юрского периода от обычной финиковой или банановой. Лично он не может. Да им и ни к чему это. Они хотят динозавров, а не пальмы. И вопрос в том, может ли Джон Хаммонд дать им желаемое.

Эль Спайзер поерзал в удобном кресле «блейзера», устраиваясь поуютнее. И конечно, дети. Девочка вполне нормальная, но мальчишка... как его имя... а... Тим. Так вот, этот Тим совершенно невыносимый ребенок. Если бы Хаммонд хотел помешать ему как следует рассмотреть парк, то лучшего средства он бы найти не смог. За то время, что не было электричества, мальчишка облазил всю машину, хватал все, что попадалось под руку, постоянно «ухтыкал», а в промежутках приставал к нему со своими дурацкими разговорами, мешая думать. Словом, абсолютно несносный парень.

Адвокат невидяще вперился в окно, пытаясь вновь вернуться к своим размышлениям. В этот момент Тим переполз с переднего сиденья на заднее...

« За последние десять минут он проделал это, по меньшей мере, трижды», — с раздражением подумал Эль Спайзер.

... держа в руках странный прибор — широкий обруч с массивными — наподобие бинокля — окулярами. В кабине в очередной раз прозвучало восхищенное «Ух ты!!!»

— Эй, ты где это взял? — резче, чем хотелось бы, спросил адвокат.

— Было прикреплено к моему сиденью, — ответил Тим, пристраивая прибор на голове.

— Это настоящий?

— Ага.

— Значит, это очень дорогая вещь, — сделал незамысловатый вывод адвокат. — Положи на место. Немедленно.

Тим повернулся к нему. Сейчас, когда добрую половину его лица скрывали окуляры, он выглядел как настоящий киборг. Довольно жуткое впечатление, надо сказать.

— Ух ты! Класс! — протянул паренек, растягивая слова на ковбойский манер. — Ночное видение!

Он оживленно крутил головой, рассматривая джунгли, окрашенные в непривычную блекло-зеленую гамму.

— Коза, — наконец сообщил он. — Вон, справа. Видите? А я вижу!

Эль Спайзер с еще большим раздражением, граничащим с почти откровенной злостью, автоматически посмотрел в указанном направлении, но ничего не увидел из-за вновь подступившей темноты. Тучи опять скрыли луну, и лишь Тим упивался своим «электронным зрением».

— Класс!!! — снова выдохнул он. — Четко, как на картинке.

— Тихо, — вдруг сказала Лекс. — Слышите?

Она первый раз за последние полчаса заговорила.

Эль Спайзер настолько привык к молчащей Лекс, что поначалу даже испугался. Впрочем, это быстро прошло. Он чуть наклонил голову, напряг слух... и ничего не услышал.

— Нет, — сообщил адвокат, натянуто улыбаясь. — А что, собственно, мы должны были услышать?

Лекс замерла.

— Ну вот, опять, — вновь сказала она. — Теперь слышите?

Теперь услышали все. Это был странный тяжелый гул. Короткий, но сильный, он возник на секунду и тут же стих. Вибрация ощущалась даже несмотря на мощные рессоры «блейзера». Вода в бутылках подернулась рябью и заколыхалась.

В воображении адвоката возникла футуристическая картина:

«Огромный великан, достающий головой чуть ли не до туч, размахивал тяжеленным, огромным же молотом, с «хаканьем» опуская его на влажную землю. Он был

сплошь покрыт грязевыми брызгами и потом, лицо его, угрюмое, с тупым звериным выражением глаз, опущено к земле. Вот великан отыскивает место, куда ударит молот в следующий раз, громко крякает, замахиваясь, и...»

БУУУУУУУУУУ.... — тот же глухой тяжелый гул.

— Что это? — прошептала Лекс.

— Не знаю, — адвокат, помимо желания, тоже понизил голос до шепота. — Может быть, на подстанции что-то налаживают?

— Ты слышал? — спросил Малколм, заинтересованно наклоняясь к оконному стеклу. — Ты слышал это?

— Да. Похоже на шаги крупного динозавра.

— Угу, — зоолог, явно сжигаемый диким любопытством, кивнул. И ни тени страха не было на его лице. — И совсем рядом. Может быть, хоть одного из них мы увидим живьем. Живого и здорового. А, кстати, что это за место? Где мы находимся?

— Не знаю, — голос Лекс был едва слышен. Теперь он звучал, как шелест травы, сгибаемой ветром, или как шорох опадающих листьев. — Но... мне страшно. Я боюсь.

БУУУУУУУУУУ.... — вода в бутылках заколыхалась отчетливее, а сам гул длился дольше и, казалось, стал чуть сильнее.

БУУУУУУУУУУУУУУ... — машина задрожала, покачнулась, и Эль Спайзер судорожно вцепился в ручку двери.

— Черт, — прошептал он сипло. — Черт. Это где-то очень близко. Черт!

Тим ловко перебрался на переднее сиденье. Адвокат едва не заорал на него, но спазм перехватил горло, и изо рта у него вырвался только сип. Ему тоже стало страшно. Причем этот страх быстро приближался к черте, за которой начинается ужас, слепая паника, затмевающая разум. Он раньше других догадался, ЧТО это за великан, понимал и природу возникновения жуткого гула. Джереми Эл Спайзер замер в каком-то летаргическом оцепенении. Адвокат очень хотел пошевелиться, но не мог. Руки и ноги налились свинцовой тяжестью, сердце забилось

под горлом, а лоб и спину моментально окатило горячей волной пота.

«Зачем я поехал сюда? — проклинал он себя. — Зачем? Сидел бы во Фриско, ничего бы и не случилось. Зачем я поехал сюда...»

Его беззвучное бормотание было прервано громким удивленным криком Тима:

— Ух ты!!! Эй, а где коза-то? Коза-то куда подевалась?

Козленок исчез. Остался лишь поводок, ловко перерезанный острыми, как бритвы, клыками.

В этот момент Лекс и произнесла то, что так боялся услышать Эль Спайзер:

— Тиранозавр.

* * *

Деннис миновал главные ворота и поехал дальше, напряженно всматриваясь в мельтешащие на дороге желтые пятна света. Он знал, в каком направлении двигаться, но лишь до узкой развилки. Тропа, ведущая к восточному причалу, густо заросла травой и вьюном. Ей почти не пользовались. Обычно выбирали окружной путь — получше, тянущийся вдоль внешней стороны периметра ограждения, мимо пляжей, гостиничного комплекса, нескольких серых коробок наблюдательных строений, метеокомплекса и южной — самой маленькой — пристани. Но этот вариант не мог устроить Денниса. Слишком долго пришлось бы петлять, объезжая чуть ли не половину острова, а сейчас поджимало время.

Он выбрал наиболее короткий путь. Напрямик через парк. Предстояло проехать зону дайлотозавров, диплодоков, мимо вертолетной площадки, но в этом варианте Деннис экономил около двенадцати минут времени.

Огни на защитном ограждении были погашены, и приходилось смотреть в оба, чтобы не врезаться в тросы — но это полбеды — или, того хуже, в столб. Выручало лишь то, что ограждение, покрытое особым люминесцентным

составом, начинало светиться бело-голубым, едва на него падал хотя бы один тусклый луч света.

«Джип» попал передними колесами в размытую выбоину, его тряхнуло, и Деннис, звонко клацнув зубами, раздраженно выругался. Мышцы рук сводило от напряжения. Лицо пошло красными пятнами. Ему то и дело приходилось сдувать пот, оттопыривая нижнюю губу. От тряски очки сползли на нос, но поправить их у него не было возможности. Он просто боялся отпустить руль, понимая, что развилка с указателем уже где-то совсем рядом. Бело-черный полосатый столбик с красной фанерной стрелкой, на которой выделялся белый нарисованный силуэт пароходика и черные жирные буквы: «К ВОСТОЧНОМУ ПРИЧАЛУ». Деннис подслеповато щурился, глядя поверх золотой оправы на мелькающие по обеим сторонам машины размытые темно-зеленые полосы зарослей. Фонтаны грязевых брызг, вылетающие из-под колес, окрасили бока «джипа» в болотно-коричневый цвет. Ошметки травы повисли на дверных стеклах, жидкие бурые капли, сдуваемые ветром, оставляли на лобовике извилистые тонкие дорожки, которые, мгновенно высыхая, сплели густую «паутину», заслоняя обзор.

Указатель, как ни готовился к этому моменту Деннис, вынырнул из темноты пугающе неожиданно. Только что, мгновение назад, лучи мощных фар упирались лишь в густую пелену ночи, и вдруг прямо перед капотом возник столб. Толстяк, собственно, даже не понял, что это столб. Он лишь успел разглядеть красно-бело-черное вытянутое вертикальное пятно и ударить по тормозам. Изо всех сил, добротно и резко. Машину начало разворачивать. Просев на передние колеса, «джип» скользил боком, и Деннис вдруг с ужасом понял, что сейчас опрокинется. Воображение уже нарисовало жуткую картину: его тело — толстое, неуклюжее, но все-таки безумно любимое — раздавленное, перемолотое в кровавую кашу под перевернутым бортом машины. Сердце ухнуло в ледянящую черную пустоту, лицо обдало затхлым дыханием смерти. Деннис испуганно зажмурился. Толстое лицо собралось в страдальчески сморщенную маску. Он бы прочитал молитву, да не смог вспомнить ни одной. В голове не осталось ни единой мысли, кроме спазматического: «Я хочу жить!»

С хрустом обломился указатель, не выдержав яростного натиска взбесившегося железа, затрещали сминаемые кусты, «джип» просел, накренился, раздался гулкий удар, скрежет и... полная тишина. Деннис, еще не веря в то, что спасен, боязливо приоткрыл глаза. Автомобиль стоял, уткнувшись бампером в кусты. Целый, не перевернувшийся. И он, Деннис, был жив. Настоящее чудо. Следующим позывом было найти сумку. Толстяк пошарил на соседнем сиденье, но ее там не оказалось. Тогда он нервным, дерганым движением нагнулся. Сумка лежала на полу, и колба была на месте. И тоже целая. Дважды чудо.

Деннис вздохнул с облегчением и выбрался из машины. Указатель, расщепленный ударом надвое, валялся чуть в стороне. Фанерная стрелка откололась, но Деннис отыскал ее буквально в двух шагах.

— Ну, и куда тебе теперь ехать, приятель? — спросил он себя.

Примерив столб к обломанному основанию, толстяк все же выбрал направление. Возможно, оно было неверным, но он хотел надеяться, что это не так.

— Если бы здесь была нормальная дорога, — процедил Деннис сквозь зубы.

Однако дороги не было, а время шло. Хоупер отшвырнул сломанный указатель в сторону, забрался за руль и попытался запустить заглохший двигатель.

«Как в кино, — подумал он. — Сейчас все произойдет, как в этих дерьмовых фильмах. Мотор откажется заводиться или еще что-нибудь произойдет, нелепое, идиотически-ненастоящее, но реальное».

Вопреки ожиданиям, «лендровер» завелся без труда.

— Ненавижу кино, — пробормотал Деннис.

Машина отползла назад, втирая в грязь смятые кусты широкими ребристыми шинами, развернулась и вновь углубилась в джунгли, в зону дайлотозавров, в темноту, в ночь.

* * *

Лекс заметила хищника, как только его голова показалась из леса. Массивная, лобастая, темная. В лунном свете было видно, что из гигантской окровавленной пасти ти-рекса свисает тельце козленка. Точнее, задняя его часть. Белая шерсть, кое-где покрытая черными пятнами, выделялась на фоне джунглей и притягивала взгляд. Тиранозавр сделал шаг, выходя на свет. Он оказался даже больше, чем предполагал Эль Спайзер. Просто в этот момент рептилия наклонилась вперед. Когда же динозавр выпрямился, адвокат с ужасом прошептал:

— Господи...

Это была по-настоящему крупная особь. Рост ее достигал двенадцати метров, и несколько пальм, притулившихся одиноко возле самого ограждения, выглядели, по сравнению с ним, убогими карликами. Самая высокая не доставала даже до плеча хищника.

Ти-рекс поджал неразвитые передние лапы и тряхнул головой, заглатывая остатки козленка. На мгновение в болезненно-белом сиянии луны глянцево блеснули длинные клыки. Пасть захлопнулась. Рептилия глухо заворчала. Ноздри на уродливой жуткой морде раздувались, с шумом втягивая воздух. *Оно принюхивалось. Природа мудра. Недостаток зрения она компенсировала ти-рексу великолепным обонянием и тонким развитым слухом. В данный момент тиранозавр не улавливал каких-либо посторонних звуков, но чувствовал чужой запах. Неприятный, неестественный для той среды, в которой он жил. Это был запах разогретой электропроводки и машинного масла. Ти-рекс пытался определить его направление, но тяжелый влажный воздух прибивал запах к земле. К тому же мешала размазанная по морде, остро пахнущая кровь убитого недавно козленка.*

Хищник наклонился, опустив голову к самой траве, и вновь начал принюхиваться, поворачиваясь в разные стороны. Через несколько минут он сумел уловить направление, где запах казался чуть сильнее. Тиранозавр сделал шаг и остановился. Впереди находилось нечто, прикосновение к которому вызывало боль. Сработал инстинкт самосохранения, и рептилия замерла в нерешительности. Если бы удалось *увидеть* добычу, то ти-рекс, наверное, не раздумывая кинулся бы на нее. Однако движения не было. Да и запах, в общем-то, был слишком слабым. Добыча могла удалиться на значительное расстояние, а значит, и погоня бессмысленна.

На всякий случай, еще ниже пригнув оскаленную морду, ти-рекс сделал еще один шаг и с шумом втянул воздух.

Тут-то и не выдержали нервы адвоката. До этого момента его разум каким-то титаническим усилием еще контролировал чувства и инстинкты, но когда *тиранозавр уставился на них* и, оскалившись, шагнул к ограждению, страх смел в нем последний тщедушный барьер рассудка. Истошно заорав, выпучив глаза и размахивая руками, Джереми распахнул дверцу и помчался прочь, к белеющей чуть в стороне деревянной башенке под мокрой соломенной крышей — уборной для туристов. Ботинки, носки и брюки тотчас впитали увесистые капли с травы, но адвокат не думал об этом. Охваченный паникой, он проскочил дорогу, хлипкий подлесок, свернул влево и гигантскими прыжками, высоко задирая худые ноги, побежал. Эль Спайзер не соображал, что делает, полностью утратив над собой контроль.

Зубастая тварь грозно заорала у него за спиной. Этот хриплый вибрирующий звук, полный ярости и предвкушения новой добычи, словно подхлестнул адвоката. Ветер свистел в ушах, сердце норовило выскочить через рот, однако он не сбавлял скорости. Ему нужно было спрятаться, и туалет подходил для этого лучше всего. Эль Спайзер ничего не знал о динозаврах, и поэтому его мозг, просчитывая варианты спасения, не учел того, что, *убегая*, нельзя скрыться от ти-рекса. Адвокат надеялся,

хотел надеяться, что хищник все же не заметит его в темноте. И бежал.

А тиранозавр следил за ним черно-желтыми равнодушными глазами. Чем быстрее двигалась добыча, тем четче он мог ее видеть. А видимая, она быстро заглушала в рептилии все инстинкты, кроме одного желания: догнать и растерзать. Теперь не было нужды улавливать запах. Ти-рекс, выпрямившись, вновь пошел вперед. Приблизившись к ограждению вплотную, он опять остановился и недоуменно повернул голову. Слабого запаха озона, который *постоянно* присутствовал рядом с ограждения, *не было*. А именно запах ассоциировался в его мозгу с болью — электрическим ударом. И поняв это, ти-рекс сделал еще один шаг — маленький и осторожный,— коснувшись мордой стального троса. Коснулся и отпрянул сразу же, напрягшись в ожидании треска, голубых искр, легкого сладковатого дыма и, конечно же, боли.

Ветер принялся шуршать в верхушках деревьев, лениво и вяло. Захохотала ночная птица, тоже добыча, но далекая и недостижимая, но вспышки не было, как, впрочем, и боли. Это насторожило хищника. *Боль должна быть!* Он сделал шаг вперед, вновь коснувшись ограждения. Наказания не последовало и на сей раз. На ти-рекса нахлынула ярость. Всесокрушающая, необузданная, она выплеснулась из него долгим низким ревом.

Развернувшись боком, ти-рекс навалился на ограждение всем своим многотонным телом. Тросы и столбы выдержали первый натиск. Сталь зазвенела, как рояльная струна, натянутая до предела, дерево покосилось, захрустело, покрылось черными трещинами, но устояло. Ти-рекс завопил еще яростнее. Он даже забыл на время о добыче. В нем проснулось доселе неведомое чувство мести. Уничтожить источник боли — эта задача заслонила другие. Месть ослепила. Еще один удар и ограждение провисло. Тросы опустились до самой земли. Один из опорных столбов переломился с пушечным хлопком и повалился, скрывшись в упругой траве. Ти-рекс попятился, отступая, и последним могучим рывком снес то, что осталось от электрической стены. Путь был свободен. Настало время подумать и о добыче.

— Он бросил нас!!! — завопила Лекс, как только светлая спина Эль Спайзера растворилась в темноте. — Он бросил нас!!!

Тим молча, охваченный страхом, смотрел на бьющегося о заграждение тиранозавра. Конечно, долго тросам не выдержать, и тогда нужно будет действовать, защищаться, если они не хотят, чтобы жуткие изогнутые клыки впились в их тела. Но что может предпринять человек, безоружный, маленький, при встрече с *таким зверем?* Что? Единственным источником информации были прочитанные книги, сотни книг и сотни комиксов, и во всех герои выходили победителями из самых невероятных приключений. И во всех, или почти во всех, они были вооружены. И хорошо вооружены. Бластерами, пулеметами, на худой конец, автоматами или крупнокалиберными ружьями. А он? У него ничего не было. Даже самого жалкого копья. Или ножа. Или... чем там еще можно убить такую тварь? Хотя нож бы им вряд ли помог. Что же делать-то?

Тим был достаточно сообразительным мальчишкой. Лекс он не принимал в расчет — девчонка, что с нее взять, — и лихорадочно пытался найти какой-нибудь выход. Должно же быть что-нибудь, способное отпугнуть тиранозавра. Наверняка, *они* должны были предусмотреть какой-то похожий вариант. «Они» для него представлялись размытыми фигурами, безликими и неконкретными. Мальчишка и представить себе не мог, что *они* даже не допускали мыслей о подобных ситуациях. *Им* казалось, что парк идеально надежен. Кроме того, Тим, в силу возраста и недостатка знаний, недооценивал грозящей опасности. Ему тиранозавр пока казался неким персонажем из приключенческого фильма. Мысли о смерти еще не до конца просочились в его сознание. Он ерзал на сиденье, боялся, но тем не менее страх смерти не окончательно оформился в мозгу, не стал четким и реальным. Тим боялся *не смерти*, а уродливой, ужасной, хищной рептилии. Как иногда игрок вдруг начинает бояться дого-

няющего при игре в «салки». Ти-рекс был страшен сам по себе, а не действиями, которые может предпринять.

Лекс вдруг развернулась и полезла на заднее сиденье, к грузовому отсеку «блейзера». Она, в отличие от брата, мыслила не абстрактными понятиями и первой сообразила, чего должен бояться тиранозавр. Огня! Значит, нужно добыть огонь.

В багажнике, накрытые толстой полиэтиленовой пленкой, пристегнутые специальными брезентовыми ремешками к полу, разместились два серебристых чемодана, на боках которых темнела одинаковая красная надпись: «Аварийный запас!» Отшвырнув пленку, Лекс сорвала замки с одного из них и распахнула крышку. Предназначения большей части находящихся внутри предметов она понять не могла, зато обнаружила два прекрасных шестибатареечных электрических фонаря. Взяв один, девочка нащупала большим пальцем ребристый переключатель и двинула его вперед. Яркий белый свет брызнул из раструба фонаря и коснулся морды ти-рекса.

Грант и Малколм увидели чудовище, когда оно, оборвав тросы, выбралось на путевую тропу. Точнее, сначала-то они заметили несущегося к уборной адвоката, и Элан озадаченно осведомился, куда бы это направляться Эль Спайзеру, да еще с такой крейсерской скоростью, на что зоолог, со свойственной ему философской задумчивостью ответил, мол, идет, значит, идет. Мол, может быть, нужно человеку, а уж скорость объясняется, скорее всего, чисто физиологическими и совершенно естественными причинами. Они дружно проводили адвоката глазами, увидели, как тот с грохотом захлопнул за собой фанерную, полую внутри дверь, и отвернулись. В этот момент тиранозавр перешагнул через спутанные кольца серебристых змей-тросов и люминесцентные обломки столбов и предстал перед машиной, рычащий и разъяренный. Несколько секунд он принюхивался, а затем рваной механической походкой двинулся к джунглям.

Грант и Малколм застыли. При этом зоолог все же успел пробормотать что-то вроде: «Это он здорово придумал. Главное, вовремя».

Ти-рекс ступал массивными развитыми задними лапами, и земля содрогалась, машины покачивались, а вода в бутылках отплясывала искрящийся кружевной танец.

Чудовище гулко протопало мимо, едва не хлестнув по стеклу длинным пупырчатым хвостом.

— Главное, сидите неподвижно, — шепотом предупредил зоолога Грант. — Когда мы не двигаемся, он нас не видит.

— Угу, я понял, — так же тихо отозвался Малколм. — Мне интересно другое: сколько эта малышка будет здесь ошиваться? На который час у нее назначено свидание, а?

— Боюсь, что ей тут не найти подходящего кавалера, — замерев неподвижно, одними губами прошелестел Элан. — И бейсбол она, наверное, по ти-ви не смотрит. Так что торопиться ей, скорее всего, некуда.

От волнения в нем проснулось, скрытое доселе, довольно мрачное чувство юмора. Будь то Элли, она удивилась бы непередаваемо.

— Хочу верить, что и дети знают об этой особенности ти-рексов, — сказал Малколм. — О Спайзере можно не беспокоиться. Сортир — самое подходящее для него место. Там ему ничто не грозит.

Грант еле заметно качнул головой. Не движение, а только намек на него. И, словно в ответ на слова зоолога, резкий луч света прошил темноту, моросящую, промозглую сырость, и впился в окровавленную морду рычащего динозавра.

— О, нет, — простонал Грант. — Выключите свет! Выключите немедленно свет!!!

У Малколма челюсть поехала вниз, скулы заострились, и весь он подался вперед, забыв об осторожности. Точнее, наплевав на нее. Двенадцатиметровый исполин застыл, будто каменное изваяние. Луч, неожиданно коснувшийся глаз, ошеломил его, но не надолго. Всего на несколько секунд. Чудовище распахнуло бездонную, как пещера, усеянную острейшими клыками пасть и пронзительно закричало, поворачиваясь к «блейзеру». Неуклюже переступив мускулистыми лапами, тиранозавр подошел к машине.

Он не понимал, что это за дичь, да и запах, исходящий от нее, был слишком слаб, — пахло больше дождем и сы-

рой землей, — но его глаза видели движение луча. Поначалу ти-рекс пребывал в нерешительности: существо было незнакомым и неаппетитным на запах. К тому же, оно не издавало криков ярости или страха, не пыталось бежать и не кидалось навстречу. Это тоже было непонятно, однако динозавр решил рассмотреть странное существо поближе, принюхаться и, если оно окажется хоть маломальски удобоваримым, сожрать его. Тварь была низкой и молчаливой, не шевелилась, лишь следила за ним своим единственным глазом. При этом она оказалась прозрачной сбоку и сверху, и там, внутри, что-то двигалось. Копошилось, возилось, ползало.

Ти-рекс недовольно заворчал, вызывая ее на поединок или пытаясь обратить в бегство.

Сквозь оконное стекло Лекс увидела, как чудовище, переваливаясь, идет к ним. Остановившись в нескольких метрах от «блейзера», оно подалось вперед и, оскалившись, вновь завопило, оглушительно и яростно. В луче света была видна белесо-розовая вибрирующая гортань и острый шершавый язык, дергающийся вверх-вниз. И огромные, огромные кривые клыки.

Теперь Лекс перепугалась не на шутку. Она сообразила, что фонарь не только не отпугнул ти-рекса, но и привлек его внимание к машине. Вопль оборвался. Тиранозавр застыл, будто ожидая каких-то, одному ему понятных, действий, но их не последовало. Рептилия грозно выпрямилась. Она нависала над «блейзером» живой смертоносной горой, и в этот момент люди поняли, насколько ненадежна и хрупка их защита — стекло и несколько железных полос.

Ти-рекс обошел автомобиль, жадно всхрипывая. Лекс и Тим боялись даже пошевелиться. Задыхаясь, скосив глаза, они с ужасом ждали того, что последует через секунду. Два гулких шага, и морда тиранозавра оказалась перед боковым стеклом со стороны водителя. Желтый, с черным провалом зрачка радужный глаз бездумно и страшно уставился на детей. Это было непередаваемо жуткое ощущение. Глаз все смотрел на них, и в его инертности было что-то, повергающее в ужас. Какая-то жуткая пустота, без единой мысли, без всякого выражения.

Размером с футбольный мяч, обрамленный серо-зеленой мокрой, похожей на резину, кожей, глаз висел и висел за окном, сводя с ума, высасывая из детей жалкие крохи смелости и рассудка, подчиняя, лишая воли и способности к сопротивлению.

Лекс вдруг поняла, что, если он не исчезнет, она растеряет остатки самообладания и, подобно адвокату, кинется бежать в джунгли, лишь бы не видеть этого пустого бездонного глаза. Девочка вскинула фонарь, и свет в упор, как ружейная пуля, ударил прямо в черный зрачок ти-рекса. Тот сжался в темную точку. Тиранозавр резко выпрямился, и яростный вопль вновь огласил ночь.

— Погаси его! Погаси этот фонарь!!! — истошно закричал охваченный ужасом Тим. — Погаси его!!!

— Я не могу! Не могу!!!

Лекс, действительно, хотела это сделать, но не могла. Что-то заело. Палец лишь беспомощно скользил по клавише переключателя, луч света бестолково метался, вычерчивая панические узоры-зигзаги на стекле, крыше, ногам поднявшегося в полный рост ти-рекса.

— Не могуууууууу!!! — заорала, срывая голос, Лекс.

— Черт! — Грант понял, что через несколько минут дети погибнут. — Черт!!!

Он рванулся к багажнику. Полиэтиленовая пленка полетела в сторону, обнажая стандартное нутро: два чемодана. Элан уцепился за ручку одного из них и, что было сил, рванул. Безуспешно. Еще раз. Со звонким всхлипом лопнуло крепление одного из ремней. Тяжелый чемодан с аварийным запасом распахнул крышку. Грант вытаскивал из него ненужные вещи и отбрасывал на сиденье. Рация, — кому она нужна сейчас? — запасные батареи, — следом за рацией их! — пачка галет, консервы,— самое время подзаправиться, приятель! — сигнальный фальшфейер! То, что нужно! Фальшфейер! Ни секунды не раздумывая, Грант распахнул дверцу и выскочил на улицу. Рванув шнур и дождавшись, пока фальшфейер вспыхнет бело-желтым раскаленным пламенем, он набрал в грудь воздух и закричал:

— Эээээээээээээээйййййййй!!!!!

В голове крутилась идиотическая мысль: сунь эту штуку ему под хвост! То-то он попрыгает!

— Эээээээээээээээйййййййййййййй!!!!!!!!

Вопль ярости был ужасен. Сквозь выпуклый обзорный колпак, укрепленный в потолке, Тим увидел стремительно надвигающуюся распахнутую пасть. Она падала с неба. В какой-то момент мальчишке показалось, что ти-рекс способен заглотнуть «блейзер» целиком, одним движением. Тим смотрел вверх и не мог оторваться. В уши врезался чей-то пронзительный высокий крик. Ему почудилось, что машина въезжает крышей вперед в железнодорожный тоннель, заканчивающийся тупиком, без светлого пятна в конце. Пасть падала, и Тим вдруг понял, что это кричит он, охваченный ужасом, долго и протяжно.

Стекло с хрустом лопнуло. Резиновый уплотнитель черной змеей упал вниз. Тим вскинул руки и, словно со стороны, с удивлением увидел собственные белые растопыренные пальцы со свинцово-синими нашлепками ногтей, а рядом — такие же напряженные руки сестры.

Плексигласовый выпуклый колпак рухнул на них сверху. Именно он и спас их обоих. Клыки ти-рекса скользнули по стеклу, сомкнувшись с чавкающе-влажным звуком. Хлопья густой розоватой слюны разлетелись по салону. Тиранозавр разочарованно выпрямился и предпринял еще одну попытку. Его острая морда со стуком вонзилась в стекло. Конечно, детские руки не смогли выдержать удара такой силы. Колпак пошел вниз, опустившись на спинки кресел, обретая в них более-менее надежную опору. Крепления затрещали, но не поддались. Чудовище взревело, наклонилось и кинулось на машину живым тараном. Поддев «блейзер» мордой, оно без труда опрокинуло его набок, а затем — следующей атакой — на крышу. Стойки выгнулись. Крыша вмялась. Вместо окон остались лишь узкие щели. Крики внутри смолкли. Тим, похоже, потерял сознание, а Лекс немного успокоилась. Сейчас их защищало днище машины, разворотить которое будет не так просто даже гиганту, вроде этого тиранозавра.

«Если, конечно, он не додумается прыгнуть сверху, — подумала девочка. — В этом случае нас просто расплющит».

Рептилия наклонилась, сжав челюстями карданный вал, и одним рывком вывернула его. Помотав из стороны в сторону тяжелой головой, ти-рекс отбросил исковерканную железку, вновь нагнулся и впился зубами в правое заднее колесо. Оно лопнуло с оглушительным хлопком, и рептилия, без труда сорвав мягкую резину с обода, начала трепать ее, перемалывая клыками в черные крошки.

Лекс попробовала подобраться к узкой щели окна, но в этот момент тиранозавр гулко ударил по открытому днищу задней лапой. Стойки «блейзера» прогнулись еще больше, и щель сузилась настолько, что девочка испугалась, сумеют ли они выбраться, когда чудовище оставит их в покое. Если, конечно, оставит. Да нет, рано или поздно, но ти-рекс уйдет. Ему не удастся сожрать их. Не удастся ли? Она уцепилась за торчащую сверху изогнутую спинку кресла и протиснулась к окну. Свежий воздух, вползающий узким ручейком в изуродованную кабину, немного успокоил ее. Лекс даже решила попытаться выглянуть из машины, но в этот момент услышала со стороны соседнего «блейзера» протяжное «Эээййй...».

Голос был мужской. Девочка не сразу узнала его, но испытала невероятное облегчение, вдруг вспомнив, что они не одни, что там, во втором автомобиле, сидят Грант и этот, второй... Нет, имени его Лекс так и не смогла вспомнить. По крайней мере, сейчас. Но они были там и, судя по всему, спешили на помощь. Взрослые, которые могли что-то сделать с разъяренным чудовищем.

— Эээээээээйййййййййй!!!!!!

Рычание смолкло.

Грант махнул фальшфейером. Огонь, золотистый, с розовато-белым оттенком, прочертил в воздухе дугу, еще одну, еще, и динозавр, наконец, заметил его. Повернув оскаленную морду, он тупо уставился на плавающее пламя. Элан с удовлетворением заметил, что рептилия стала рычать тише.

«Конечно, конечно, у тебя маленький мозг, красави-

ца, — напряженно подумал он. — Ну, соображай, давай, иди сюда».

Ноздри ти-рекса раздулись и, подавшись вперед, чудовище испустило скрипучий переливчатый вопль. Сначала медленно, но затем учащая шаги, оно двинулось к человеку, не отрывая глаз от движущегося огня. Грант подпустил его совсем близко. Он даже заметил капли грязи на задних упругих лапах. Широко размахнувшись, он швырнул фальшфейер в сторону деревьев. Тиранозавр послушно, словно привязанный, изменил направление и, гулко топая, помчался за огнем. Туда, где исчезла дичь.

Грант так и замер с поднятой рукой. Застыл, словно восковая фигура. Шляпа съехала ему на глаза, и теперь он видел лишь мыски собственных сапог да узкую полоску расхлябанной дороги впереди, где ее исковеркали когти ти-рекса. Однако губы его растягивала довольная улыбка. И в самом деле, кто же мог подумать, что знания, полученные в университете, когда-нибудь спасут ему жизнь в реальной обстановке? Хотя пусть даже и не ему, а двум детям, все равно. Грант гордился собой вполне заслуженно.

Он не сразу осознал, что произошло дальше. Сперва Элан услышал характерный хлопок и подумал, что Малколм захлопнул оставленную открытой дверцу, но затем... Затем раздалось шипение занимающегося белым огнем фальшфейера. Видимо, зоолог решил, по примеру Гранта, отвлечь чудовище на себя. И совершенно безрассудно выпрыгнул из машины. Не сделай он этого, и, возможно, динозавр отвлекся бы на поиски факела, брошенного Эланом, а люди успели бы отойти к искусственному водопаду, шумящему за жидким рядком молодых пальм слева, не далее как в тридцати метрах от машин. Теперь ти-рекс остановился, взрыв когтями промокшую землю, развернулся и кинулся на зоолога.

— Брось его и замри! — заорал Грант, не поворачивая головы. — Брось и замри!!!

Но Малколм не слушал. Размахивая фальшфейером, спотыкаясь в густой траве, он бросился бежать к дощатому аккуратному домику.

Гранту показалось, что ти-рекс сейчас раздавит его

мощной лапой, словно несущийся на полном ходу экспресс. Огромная ступня, покрытая блестящей влажной коркой травы и глины, грохнула о землю в метре от машины. Тиранозавр промчался мимо, обдав Гранта затхлым холодным воздухом.

Элан оглянулся. Он уже не боялся, что рептилия заметит его. Сейчас все внимание ти-рекса было сосредоточено на бегущем перед ним человеке. Огонек факела метался из стороны в сторону, но все-таки довольно быстро перемещался к пальмам, подлеску и белому домику уборной. Скорее всего, зоолог рассчитывал, добежав до них, лишить гиганта свободы маневра, петляя между стволами деревьев, а потом затаиться неподвижно, сбив тем самым тиранозавра с толку.

Грант не стал досматривать, чем закончится погоня. Его очень волновала судьба Малколма, но не было времени на то, чтобы смотреть. Бездействие стоило слишком дорого. Он побежал к перевернутой машине.

Малколм почти успел. Ему помешала скользкая мокрая трава и факел в поднятой вверх руке. В последний момент зоолог понял, что в этом и была ошибка. Чудовище все равно видело его, и огонь, стесняющий движения, мешающий развить максимально возможную скорость, становился абсолютно лишним. Спасительные пальмы казались такими близкими, и все-таки ти-рекс настиг его раньше. Малколм как раз обогнул дощатую коробку уборной, как услышал за спиной страшный треск. Динозавр разнес в щепки туалет, смел его одним ударом исполинской лапы. Зоолог почувствовал, как что-то холодное и жесткое с дикой силой врезалось в его затылок, в глазах потемнело, и он, потеряв сознание, рухнул в траву. Последнее, что успел осознать Малколм, была страшная звенящая пустота, всасывающая мозг, как огромный пылесос, и оглушающее рычание ти-рекса над самой головой. Горячее зловонное дыхание окутало его, подобно смрадному толстому одеялу, а затем он провалился в черное небытие.

Грант встал на колени и просунул обе руки в сплющенное окно «блейзера», отчаянно гадая, сумеет ли он протащить детей в такую узкую щель. Положение ослож-

нялось тем, что у них оставалось катастрофически мало времени. Рычание и сотрясающий землю топот смолкли, и он решил, что погоня закончилась. Закономерно и жутко. Малколма больше нет. Его сожрал ти-рекс — творение рук Джона Хаммонда, порождение «великой идеи» Юрского парка.

«Славная прогулочка у нас получается, — с мрачной иронией подумал Элан. — Погода чудесная, воздух ничего и сколько милых зверюшек вокруг...»

То ли короткий промежуток времени, за который ему было нужно выполнить в общем-то довольно сложную задачу, был тому причиной, то ли — элементарный подсознательный страх, но Грант почувствовал себя бодрым и энергичным. Его организм мобилизовал какие-то внутренние резервы, собрался, накачивая мышцы силой и делая голову удивительно ясной, а мысли конкретными и четкими. Грант абсолютно точно знал, что они будут делать дальше: он вытащит детей из чертовой машины, они спрячутся в кустах, за изгородью, и будут лежать там неподвижно, пока ти-рекс не уйдет, а старый «шутник» Хаммонд не пригонит за ними машину.

ЕСТЬ ЖЕ У НИХ ЗДЕСЬ «ЛЕНДРОВЕРЫ» НА БЕНЗИНОВОМ ХОДУ. НУ ВОТ.

Они будут лежать здесь день, два, неделю, если понадобится. То, что здесь, в этой зоне, живут ти-рексы, имеет свой плюс. Ни одна посторонняя тварь не посмеет сунуться сюда. Значит, от дайлотозавра или рептора они будут защищены, а сами тиранозавры не сумеют увидеть их. Все довольно просто. У рептилий есть инстинкты, независимо от того, родились они в естественных условиях или выведены в пробирке.

— Эй! — крикнул он в смятый сумрак «блейзера». — Ребята, выбирайтесь. С вами все в порядке?

— Со мной — да, — послышался на удивление спокойный голос Лекс. — А вот Тим, по-моему, потерял сознание.

— Я застрял, — вдруг жалобно пробормотал за ее спиной мальчишка. — Меня зажало между спинкой кресла и крышей... И полом... Нет, крышей.

— Ладно, — быстро и решительно сказал Грант. — О'кей. Значит так, Лекс!

— Да, — тут же с готовностью отозвалась девочка.

— Ты выбираешься первой. Ты, Тим, попробуй осторожно освободиться. Лучше всего, ползи не вперед, а назад. Потом вылезешь в проем между креслами.

— Хорошо, — согласился тот.

— Вот и отлично, — не меняя тона, продолжил Грант. — Дай мне руку, Лекс, и ничего не бойся.

В тот же момент холодная и влажная рука девочки легла в его широкую ладонь. К удивлению Элана, Лекс довольно свободно подобралась к окну и начала протискиваться наружу. Однако в самой середине пути она за что-то зацепилась, и лицо ее вновь перекосил панический страх. Приступ клаустрофобии, которой в той или иной мере подвергнут каждый. Она испуганно открыла рот, и Грант понял, что сейчас услышит визг. Обычный девчоночий визг.

— Сейчас, не бойся! — стараясь казаться совершенно спокойным, сказал он, и Лекс закивала. Рот закрылся. — Ну-ка, попробуем потянуть посильнее.

Грант покрепче сжал ее запястья и дернул что было сил. Раздался хруст рвущейся материи, девочка ткнулась в грязь щекой, но зато теперь она оказалась на свободе. Шустро, как ящерица, Лекс окончательно выползла из автомобиля. Оставался мальчик.

— Тим? — позвал Элан. — Тим?

Ответом ему было сосредоточенное пыхтение.

— Тим?

И утробное:

— Сейчас. Я уже почти вылез. Сейчас.

— Давай. Главное, не нервничай. Сосредоточься.

— Никак, — наконец, жалобно сообщил мальчик.

— Ладно, попробуй по-другому. Набери полную грудь воздуха, затем резко выдохни и тут же ползи назад. Хорошо?

— Хорошо, — пискнул тот. — Я постараюсь.

— Давай, — кивнул Грант.

В этот момент стоящая рядом с ним Лекс истошно за-

визжала. И уже холодея от охватившего его ужаса, он обернулся.

Эль Спайзер трясся. Его бил жестокий озноб, желудок выворачивали жесточайшие спазмы. То, что он съел за ужином, уже давно ушло в унитаз, тем не менее легче не стало. Напротив, стало еще хуже. Адвокат сидел на стульчаке, зажимая руками живот, и прислушивался к доносящемуся из-за тонкой двери шуму. Он слышал крики Гранта, скрежет ломаемого «блейзера» и рев динозавра, и рисовал в воображении картины кровавой расправы чудовища над людьми.

Эль Спайзер морщился, а сердце его заходилось в бешеном беге. Он был рад тому, что убежал. Очень рад. Остальные ведь погибли все равно, с ним или без него... Все равно. Но он остался жив. Единственный. Его не мучали угрызения совести. Ему просто было страшно. Но он ни за что не вышел бы из этого, пусть и ненадежного, однако убежища. И унитаз под костлявыми ягодицами, как это ни смешно, сейчас казался адвокату тонкой цепочкой между фантасмагорией и трезвой обыденностью. Трясущимися пальцами он полез в карман пиджака, достал сигарету и сунул в рот. Вытащив зажигалку, Эль Спайзер совсем уж было решился прикурить, но вновь испугался, что животное заметит свет под дверью, или учует запах табака, или еще чего-нибудь. Зажигалка вновь исчезла в кармане, смятая сигарета полетела в угол. Он накурится потом, когда этот дерьмовый выродок уберется в свои дерьмовые заросли. Что-то заскрипело за спиной, адвокат подпрыгнул от неожиданности и обернулся. Что? Ветер. Всего лишь ветер. Эль Спайзер судорожно сглотнул и вновь почувствовал рвотный позыв. В желудке опять забурчало, жаркая волна поднялась по груди, шее, окатила голову. Его прошиб холодный липкий пот, он скрючился, обняв руками живот и бока.

«Господи, — подумал адвокат, — зачем я взялся за эту работу? Наверное, это сон. Я скоро проснусь дома, в постели».

Но он знал, что не проснется дома. Это всего лишь самообман. Вернее, самоуспокоение. Невнятно закричал

Грант. Слов Эль Спайзер не разобрал, тем не менее почувствовал вялое неживое удивление. «КАК, РАЗВЕ ГРАНТ ЕЩЕ ЖИВ? ЕГО ЕЩЕ НЕ СОЖРАЛИ?»

Земля дрогнула. Великан-тиранозавр снова ударил молотом. Широко, с размаху. Удары перешли в частую дробь, менее гулкую, но кошмарную уже от того, что приближалась она именно к уборной.

Буууууууууу... Буууууууу... Хлипкие стены начали покачиваться, зашуршала соломенная крыша... Буууууууу... Это был не просто сильный удар. Удар оказался чудовищным. Дощатая аккуратная коробка рассыпалась мелкими щепками, солома разлетелась. Сооружение, с грохотом и невыносимым, бьющим по нервам треском, просело, завалилось, рассыпалось. Остался лишь белый, замерший в немом ужасе фаянсовой статуей адвокат, восседающий на фаянсовом же постаменте унитаза. Этакий памятник обделавшемуся от страха человеку, глядящему на венец творения своих же рук, возвышающийся перед ним двенадцатиметровой громадой.

Острая щепка, пробившая щеку адвоката, торчала из лица, наподобие крохотного копья. Кровь, скатываясь по дереву, падала на брюки, но Спайзер ничего не замечал. Рассудок его начал меркнуть. Постепенно, хотя и достаточно быстро. Он понял, что произойдет через секунду. Не мог не понять, однако что-то, сидящее в глубине его души, орало: «Не верю! Это сон! Этого не может быть!»

Но это было.

Ти-рекс удивленно рассматривал мелко трясущуюся дичь. Адвокат тонко пискнул и нелепо выставил перед собой руки, словно пытался защититься от чудовища, загородиться, надеясь, что оно сейчас развернется и уйдет. Но оно не ушло. Резким движением тиранозавр рванулся вперед, и онемевший Спайзер, сходя в это мгновение с ума, понял, что вся его голова, плечи и торс погружаются в смрадные ворота динозавровой пасти. Клыки с хрустом переломили ему ребра и позвоночник, вонзаясь в живот и спину, а затем, жадно-торжествующе урча, ти-рекс принялся заглатывать уже мертвого адвоката, предварительно помотав головой из стороны в сторону.

НОЧЬ НАЧАЛАСЬ.

* * *

Деннис уже понял, что опоздал. Тем не менее, продолжая на что-то надеяться, он гнал «джип» на предельной скорости, едва успевая круто выворачивать руль, заметив на пути дерево. «Джип», визжа тормозными колодками, разворачивался боком, но толстяк даже не думал сбрасывать скорость. Он упорно вжимал в пол педаль газа. У него вдруг появилось странное, необъяснимое желание вцепиться зубами в руль, как в огромную черную баранку. «Типичный признак нервного расстройства, — подумал Деннис вскользь. — Ничего. Скоро он отдохнет. Скоро».

Деннис умел бороться. Даже если катер уже ушел, он будет ждать. Завтра утром должна прибыть смена. Деннис уговорит капитана отвезти его в Сан-Хосе. Тысячу, две, пять тысяч долларов. Никто не сможет отказаться, когда предлагают такие деньги за пару часов работы. Он снова замешкался и прозевал крутой поворот. Машина с разгона влетела в размытую дождем глину и завязла. Колеса бешено крутились, мотор выл, но «лендровер» не двигался с места, проваливаясь в грязь все больше и больше. Самое смешное: если бы автомобиль проскочил еще пару метров, то попал бы на широкий каменистый пятачок, где без труда можно было развернуться. Фонтаны брызг летели из-под колес, но все было бесполезно.

Чертыхаясь, Деннис открыл дверцу и выбрался на улицу. Машина застыла на самом верху длинной пологой горки, по которой бежали сточные дождевые воды. Ботинки толстяка погрузились в поток, зачерпнув голенищами ледяную грязную жижу.

— Вот дерьмо! — зло выдохнул толстяк и повторил еще раз с нескрываемым презрением: — Дерьмо!!!

Он огляделся. Чуть ниже, там, где поток журча выползал на камни, стоял раскидистый фикус. Примерно полтора метра в диаметре, дерево прочно вросло корнями в землю острова. Его мощи должно было хватить, чтобы вытащить «джип» из этого болота. Толстяк повернулся, делая шаг к машине. Подошва ботинка заскользила в топкой жиже, и он со всего размаху грохнулся в грязь и

поехал вниз по горке, захлебываясь водой, тщетно пытаясь удержаться за камни. Очки слетели с широкого гладкого лица и сразу же потерялись. Скорее всего, утонули. Деннису удалось остановиться только в самом низу. С трудом поднявшись на ноги, он протер глаза и, близоруко прищурившись, полез вверх, бормоча себе под нос:

— Черт! Как с горки! Прямо как на занятиях в туристическом классе!

Остаток пути толстяку пришлось проделать на четвереньках. Тем не менее он все же одолел подъем с первого раза и похвалил сам себя:

— Молодец, Деннис. Отлично. Давай, теперь обратно. Сейчас мы закрепим эту чертову лебедку... — Деннис схватил трос и медленно полез вниз, старательно балансируя раскинутыми в стороны руками — ... к этому чертову дереву, вылезем из этого чертова болота и поедем к чертову причалу...

В самом низу он все же не удержался на ногах и вновь плюхнулся на задницу, окатив самого себя с ног до головы. Хотя ноги у него и так были в воде, да и вообще это уже не имело значения, поскольку весь он промок до нитки еще во время первого «спуска». Карабин лебедки так и норовил выскользнуть из грязных пальцев, но Деннис упорно полз к цели, и в конце концов все-таки достиг ее, несмотря на яростное сопротивление природы.

— Господи, господи, — бормотал он, обматывая лебедку вокруг шершавого ствола. — Меня учили это делать, я смогу это сделать, я сумею добраться до пристани, я все могу, я все умею.

Замок защелкнулся, и толстяк совсем уже было собрался идти к машине, но в этот момент прямо перед ним в рассеянном свете фар, туманном и сыром сумраке, раздался странный переливчатый звук. Словно где-то рядом нажали кнопку музыкального звонка, только эта трель была пронзительнее и громче. Что-то зашуршало в листве. Деннис испуганно охнул. Не то чтобы он был трусом, просто вспомнил, *где* находится. «Тут, знай, не зевай», — пронеслось у него в голове.

Слева, за деревом, возникло движение. Что-то дернулось, мелькнуло, но едва толстяк повернул голову, быст-

ро исчезло в кустах. И тут же возникло с другой стороны, испустив еще одну трель, более долгую и переливчатую, чем первая.

— Что? — спросил Деннис, медленно обходя ствол, стараясь при этом держаться подальше. — Что ты хочешь? Кто ты такой, а?

Существо высунуло из-за фикуса остренькую хитрую мордочку на длинной костлявой, как у черепахи, шее. Голову его украшали два костяных крыла, и было оно зеленым и скользким, как жаба. И все же существо не выглядело враждебным, а «крылья» на голове смотрелись даже симпатично.

«Как у капитана Америка», — решил Деннис.

Ростом оно было чуть больше полутора метров и напоминало страуса, только немного припадало брюхом к земле. По крайней мере, так показалось Деннису. Существо вновь выглянуло из-за дерева, весело «прощебетало» что-то и застыло, уставившись на человека черными немигающими глазами.

— Упс... — сказал Деннис, отступая на шаг. — Вот весело-то... Знаешь, — обратился толстяк к динозавру, словно тот действительно мог что-то понять, — ты, конечно, хороший парень. Интересный. Но я все-таки лучше пойду. Дела, знаешь... То-сё... О'кей?

Динозавр недоуменно дернул головой.

— Вот и отлично, — слащаво улыбаясь, кивнул Деннис.

Он быстро зашагал к горке, еще больше щурясь от бьющих в глаза лучей фар, но не успел он сделать и десяти шагов, как услышал за спиной веселую трель. Не вдалеке, а совсем рядом, может быть, в метре. Толстяк круто развернулся на каблуках, отчего вновь едва не брякнулся в грязь.

Теперь животное стояло прямо перед ним. Длинный хвост вилял из стороны в сторону, как у собаки, приветствующей хозяина.

— Ну ладно, ладно, — раздраженно пробормотал толстяк, — хороший мальчик. Ладно. Прости, что хотел тебя бросить. Извини. Хороший. Просто замечательный, — существо «защебетало» явно удовлетворенно. — Не такой уж ты и страшный, приятель. Чего ты хочешь? Покушать? — Деннис развел руками, словно показывая, что безоружен и, вообще, у него ничего нет, и сам он, в сущности, хороший парень. — Посмотри на меня! Ну посмотри, посмотри! — динозавр склонил голову на бок, будто прислушиваясь к человеческому голосу. — Видишь? Я сорвался с места, по делу, неожиданно. У меня с собой ничего нет, — толстяк отчетливо выговаривал каждый звук. Так обычно разговаривают с глухими, умеющими читать по губам. — Ничего нет! Никакой еды! Абсолютно ничего, — он еще шире развел руки, выставляя напоказ безразмерный обвисший живот. — А вот зато есть палочка! — Деннис хитро прищурился, нагнулся, тяжело выдохнув, и поднял с земли тонкий длинный сучок. — Посмотри, посмотри, палочка! Па-а-лочка! Палочка — это птичка. Тебе нравятся птички?

Он широко размахнулся и зашвырнул деревяшку в кусты. Динозавр проводил ее взглядом и вновь обернулся к Деннису, склонив голову на другую сторону. Палка, шурша, исчезла в листве. Потревоженные капли осыпались на землю.

— Кретин, — от души сказал толстяк. — Не удивительно, что вы передохли все. Если, еще вернусь сюда, займусь вами!

Угроза прозвучала неубедительно, Деннис и сам заметил это. Да и вообще, чего это он стоит, как полный даун, треплется с какой-то зеленозадой ублюдочной тварью, которая и на страшилище-то не тянет. Кривая улыбка наползла на пухлые губы. Деннис развернулся и в третий раз начал забираться в гору, подумывая, а не шарахнуть ли ему этого урода машиной. Глядишь, не так бы запел небось. А то таращится в спину, мать его, словно сожрать хочет.

(Толстяк, и правда, чувствовал взгляд динозавра. Чуть выше лопаток, на уровне шестого позвонка.)

А росту-то в самом! Ха! Так и дал бы ему коленом под зад. Деннис, тяжело отдуваясь, вполз на ровную площадку, вытер вымазанные в глине руки о штаны, на всякий случай оглянулся через плечо и застыл, приоткрыв рот.

Динозавр стоял в двух метрах от него, только теперь

«крылья» на голове мелко и быстро дергались, словно рептилия собиралась взлететь. Деннис медленно повернулся. Динозавр изменился. Тело казалось напряженным и сильным, вытянувшимся, мышцы затвердели. Хвост уже не двигался, а торчал прямо, как палка.

Толстяк ощутил подступающую тревогу.

— И чего тебе надо от меня? — неуверенно спросил он. — Отвяжись, мать твою, понял? А не то я сверну твою цыплячью го...

Договорить он не успел. Из «крыльев» динозавра вдруг вырос тонкий кожаный «капюшон», опоясывающий шею. Существо распахнуло пасть и защипело, громко, угрожающе. В свете фар блеснули мелкие, но чрезвычайно острые сахарно-белые клыки.

Деннис попятился. Что-то с глухим шлепком ударило его в грудь. Он посмотрел вниз, тронул ЭТО пальцами. ОНО было липким и холодным, источающим неприятный запах. Странный, рыбий, ледяной запах. Деннис сделал еще шаг назад.

Второй плевок дайлотозавра угодил точно в цель. В лицо. Толстяк заорал. Боль была невыносимой, словно кто-то провел по векам, переносице, бровям раскаленным добела железным прутом. Он вцепился пальцами в лицо, размазывая яд по коже, пытаясь протереть глаза. Щеки жгло, Деннис будто придвигался все сильнее к горячим углям. Журчала под ногами вода, но ему было не до нее. Страх оказался сильнее разума, а толстяк захлебывался страхом, чувствуя на языке его кисло-медный привкус. Ощупью, не переставая орать — точнее, уже даже и не орать, а повизгивать, жалобно, как раненая собака — Деннис полез в кабину. Благо, дверь оказалась распахнутой, и он рванулся под защиту стекла и железа. В следующую секунду ребро крыши с хрустом сплющило его переносицу, и, потеряв сознание, Деннис рухнул навзничь, в дождевую воду.

Она быстро привела человека в чувства, более того, она частично смыла яд с кожи. С трудом приподнявшись, прищурившись так, что между веками осталась лишь узенькая щелка, Деннис опасливо огляделся.

Дайлотозавра не было. Нигде.

Испуская невольные стоны, но с удовлетворением заметив, что жжение в лице стало легче, он встал и быстро шагнул к машине. Дверца так и осталась открытой. Переносицу ломило, но кровь, к немалому удивлению, почти не шла.

— Ублюдок, — хрипло выдохнул толстяк и, облизнув губы, полез за руль.

Он понял, что не один, только тогда, когда сел на сиденье. Дайлотозавр стоял с другой стороны, просунув голову в открытое окно. Очередной плевок хлестнул Денниса по глазам, но сил на крик у толстяка уже не осталось.

Через минуту все было кончено. Денниса Хоупера не стало.

Сначала вернулся Сол и мрачно сообщил, что электрика нет, он, судя по всему, отбыл с последним челноком, и что проверка лично им, Солом Броуфстайном, систем подачи тока на ограждение ничего не дала. Они в порядке, но автоматически отключаются по неизвестной причине. Ничего утешительного.

Следом, минут через десять, приехали Элли и Хадлинг, весьма удивленные тем, что еще не вернулись остальные гости. Хаммонд, как сумел,успокоил Элли, — ничего страшного, просто сбой в системе энергоснабжения. Причина выясняется и, нет сомнений, источник неисправности будет устранен в ближайшее время. Пока же...

Арнольд Кеймен быстро затянулся сигаретой. Взгляд его блуждал по экрану, открывая все новые и все более неприятные вещи. Он уже знал причину неполадки. Точнее, их виновника. Человека, который сделал ЭТО. Но он ничего не сказал Хаммонду. И дело тут было вовсе не в благородстве или подобных этому человеческих качествах, вовсе нет. Просто он не хотел отвлекать внимание людей на уже не имеющие смысла факты. Какая разница, устроил все это Деннис или кто-нибудь другой? В любом случае, человек этот вне пределов их досягаемости, а значит, проклинать его, равно, как и пытаться догнать выяснить, кто он — пустая трата времени и энергии, ко-

торую лучше направить в нужное русло. Поэтому, затянувшись, жадно и глубоко, до самого дна легких, Арнольд вновь принялся объяснять сгрудившимся за его спиной:

— Смотрите, ограждения всех зон — основных и вспомогательных — отключены. Системы безопасности тоже не функционируют, — еще одна затяжка, и облако голубовато-серого, плавно меняющего очертания дыма поплыло к потолку. — Дальше, компьютерное обеспечение не действует. Честно говоря, я в полной растерянности относительно того, что здесь можно предпринять. Теперь, посмотрите вот сюда, — его палец ткнулся в мерцающую на экране желтую точку. — Что бы это ни было, но причина всему — именно оно. И чтобы понять, что же это такое, нужно последовательно перебрать все компьютерные коды, один за другим.

— Сколько для этого нужно времени? — спросил Хаммонд хмуро.

— Два месяца. Или даже больше.

— Два месяца! — пробормотал изумленно Сол. — Так много?

— Да, — подтвердил Арнольд. — И это, если не выходить из-за стола. Ни спать, ни есть, ни — простите, мисс — ходить в уборную. Только сидеть и работать.

— Мда.

Хаммонд сложил пухленькие руки на груди. В последнее время ему что-то уж очень везло. Вот и подошел момент платить по счетам. Только очень уж он большой, этот счет. Слишком высока оказалась цена. Но ему ли не знать об этом заранее? Гордыня, гордыня, людская самостоятельность. Супермены Вселенной, на деле оказавшиеся слабее детей, глупее детей. Они-то уж точно не суют руку в электропечку два раза. Только мы, взрослые, способны на такое. Этот мир вез нас на закорках, а теперь стряхнул и потребовал своего. Мы же только и можем, что разводить руками. Этого мы не умеем, то — не по силам, а сюда просто не суемся, потому что не знаем, чем это кончится. Или суемся, но почему-то выходит нечто даже более страшное, чем мы думали.

Парк живет своей жизнью. Всегда жил, с самого момента своего появления, только мы не желали замечать этого. Нам казалось, все под контролем, все хорошо, все прекрасно. А ему плевать на нас, а нам, в сущности, на него, и мы существуем независимо друг от друга, в разных измерениях, в разных плоскостях понимания. Только люди — и Джон Хаммонд в их числе — оказались лицемерами, упорно делая вид, что эти две разные плоскости все-таки стыкуются, соприкасаются гранями, понимая в душе, что это ложь и между ними огромная пропасть длиной в полторы сотни миллионов лет. Однако люди смело, гордо, слепо и глупо шагнули вперед, в эту пустоту. И вот результат. Вот, что получилось. Но теперь он знает, в чем заключалась ошибка. Теперь знает.

Мысли, вертящиеся в голове, были не очень приятными, и Хаммонд нервно поежился.

— Сол, нужно поехать, помочь... гостям. Отвезти их в гостиничный центр.

— Конечно, — кивнул тот.

Здоровяк повернулся и широко зашагал к дверям.

— Я пойду с ним, — категорически заявила Элли. — И не пытайтесь меня отговаривать.

— А я и не пытаюсь, — обескураженно развел руками бородач. — Только мне хотелось бы предупредить... будьте осторожны. Ограждение отключено и... кто знает, что может случиться...

— Конечно, — согласилась девушка. — Мы будем очень внимательны. И потом, ведь со мной мистер Броуфстайн. А он, по вашему утверждению, лучше других знает динозавров, — по угрюмому лицу охотника мимолетно проскользнуло слабое подобие улыбки. — Значит, нам нечего бояться, — заключила Элли.

— Мда, — мрачнея еще больше, кивнул Хаммонд. — Хотя я бы не стал утверждать этого категорически. Ну, ладно.

Элли вышла следом за Солом в тропическую, освещенную слабой луной ночь, а бородач, сунув руки в карманы брюк, уставился куда-то в сторону, думая свои, явно невеселые, мысли.

— Джон? — голос Кеймена прозвучал тихо, и в нем слышались извиняющиеся интонации, словно програм-

мист просил за что-то прощения. — Знаешь, Джон? Мне очень жаль, но... боюсь, что я не сумею вернуть Юрский парк к жизни без Денниса. Мне, действительно, очень жаль...

Хаммонд молча, с удивительным спокойствием, выслушал Арнольда, кивнул утвердительно и бесцветно произнес, чуть ли не по слогам:

— Черт по-бе-ри.

* * *

Лекс завизжала, и этот истошный, граничащий с ультразвуком визг заставил кровь Гранта застыть в жилах. Мороз прошел у него по коже. Волосы на макушке, под индиано-джонсовской шляпой, зашевелились от страха.

Он обернулся. Тиранозавр широко шагал к ним, и из залитой кровью пасти свисала голая человеческая нога в белом полосатом носке, тоже заляпанном бурым.

«Наверное, это был Малколм, — подумал Грант. — Бедняга».

Застывшие стеклянные глаза рептилии смотрели в их сторону, но чудовище то и дело слегка поворачивало голову, словно прислушиваясь.

Тело Элана среагировало раньше, чем его разум осознал, что делает. В одно мгновение оказавшись на ногах, Грант зажал рот девочки широкой ладонью.

— Не шевелись, — искаженным от волнения голосом прохрипел он. — Не двигайся. Если не двигаться, ти-рекс нас не сможет увидеть.

Лекс мелко-мелко затрясла головой. Косички хлестнули Гранта по лицу. Так они и стояли у задранного к небу покатого багажника «блейзера», когда тиранозавр гулко протопал мимо, наклонился и сорвал шину со второго заднего колеса.

Грант не мог видеть его, и от этого положение становилось еще более ужасным. Лопнул баллон, а сразу же вслед за этим раздался страшной силы удар. С треском посыпались лопнувшие стекла. Борт машины толкнул Элана в спину, и они с Лекс оказались распластанными на земле. Ти-рекс только быстро взглянул в их сторону, но движение не повторилось, и рептилия вновь вернулась к прерванному занятию. Запах, исходивший от днища машины, был резким, неприятным. Преобладал сладковатый аромат машинного масла, влажной грязи и резины, но теперь он не чувствовал вкусного, приятного запаха дичи — человеческого пота и плоти. Ти-рекс быстро связал это обстоятельство со своими действиями. Запах пропал после того, как он перевернул это странное существо. Нужно вернуть его в исходное положение. Чудовище нагнулось и попыталось подцепить «блейзер» мордой. Машина сдвинулась на метр в сторону, но так и осталась лежать на крыше, сплющенная и жалкая. Тиранозавр предпринял еще одну попытку, но и она не увенчалась успехом.

Грант едва успел оттолкнуть Лекс и подтянуть ноги. Если бы не его реакция, автомобиль попросту размазал бы их по траве, превратив в кровавую кашу. Стараясь держаться вне поля зрения рептилии, прячась за помятым, изувеченным боком «блейзера», он приподнялся на корточки и осторожно высунул голову. Ти-рекс начал злиться. Огромный хвост несколько раз судорожно хлестнул траву. Влажные брызги грязи разлетались в стороны, окатывая и чудовище, и машину, и сломанное заграждение.

После второго удара «блейзер» сдвинулся еще на метр, но теперь Элану удалось удержаться на ногах. Рептилия рассвирепела. Раз за разом она атаковала упрямую жертву, и если сначала это были попытки перевернуть врага, то постепенно удары стали бесцельным вымещением ярости. Ти-рекс злился. Кожа на его морде лопнула в нескольких местах, кровь падала на землю большими бесформенными кляксами, но чудовище с тупой настойчиво-

стью крушило автомобиль. Точнее, то, что от него осталось.

Перемазанные грязью с головы до ног, Грант и Лекс пытались не попасть под теперь уже двигающийся почти непрерывно «блейзер», но и не оказаться в поле зрения зубастой твари. Стоило им зазеваться, и тиранозавр в мгновение ока расправился бы с обоими. Несколько раз Грант все же не успевал избегать ударов, в основном из-за того, что приходилось контролировать Лекс. Спину ломило, а в боку словно поорудовали острой спицей. Боль казалась ужасающе сильной. «Скорее всего, сломаны ребра, — успел подумать Элан в короткий промежуток отдыха, пока ти-рекс готовился предпринять очередную попытку расправиться с врагом. — Сейчас, пожалуй, не помешал бы врач. Раз, два...»

Удар! — машина преодолела еще полтора метра, в третий раз опрокинув его на спину.

Перевернувшись на бок, Грант остолбенел. Дело обстояло даже хуже, чем он думал. «Блейзер» вплотную подобрался к тощим, как хребты скелета, пальмам, за которыми раскинулся сделанный людьми для стока дождевых вод бетонный каньон. Миниатюрная Ниагара, украшенная искусственными лианами и плющем. «Еще несколько атак, подобных этой, и мы все дружно рухнем с высоты тридцати метров на бетонное, с настоящими гранитными валунами, дно водопада. Сначала он и Лекс, а затем — «блейзер» с сидящим внутри Тимом. Правда, совсем рядом растет несколько здоровых тиссов, сосен и фикусов, но что-то сомнительно, чтобы им удалось перебраться на них, учитывая его сломанные ребра, малую физическую силу Лекс и грозную тварь, только и мечтающую, как бы подзаправиться всей их веселой компанией.

Задумавшись, Грант не заметил надвигающегося борта машины. Он врезался в железо спиной и затылком, — прямо в деформированную эмблему парка (как раз в черную морду нарисованного тиранозавра), — и ткнулся физиономией в грязь, на мгновение потеряв сознание. Ему потребовалась всего секунда, чтобы прийти в норму, однако в голове появился глухой тяжелый звон, а желудок свело рвотной судорогой.

«Кажется, у меня сотрясение мозга, — подумал Грант. — Но если я сейчас же не встану, то будет такое сотрясение всего организма, после которого вообще мало кому удается оклематься. Ну-ка, поднимай свою задницу, дружок!»

Он уперся ладонями в землю, оторвал от травы тело и, подставив под него колени, тяжело поднялся. Его шатало, во рту появился горьковато-металлический привкус крови. Бок заболел еще больше.

Бууууууууу... С жалобным скрипом оторвалась одна из дверей «блейзера». Ти-рекс наступил на нее, и железо, хрустнув, прогнулось под его весом. Края поднялись вверх, словно лепестки экзотического огненного цветка.

Грант успел отползти и избежать очередного удара. Самые худшие опасения, крутящиеся в голове мрачным роем, сбывались с фатальной неизбежностью волшебного предсказания. Не прошло и двух минут, как машина зависла над пропастью, заливая кроны деревьев белым светом. Луна с любопытством уставилась единственным, хитро прищуренным циклопьим глазом на балансирующих на краю обрыва людей. Мужчину и девочку, стоящих на четвереньках. Картина, наверное, выглядела бы довольно комично, если бы не беснующийся рядом громадный ящер. Люди знали: жить им осталось не больше нескольких минут, если, конечно, не прилетит супермен с пропеллером в заднице и не унесет их отсюда. Впрочем, надежды на подобный исход было довольно мало. А еще точнее, и вовсе не было. Едва ли чувство, охватившее людей, можно было назвать иначе, чем отчаяние. Выхода у них не было.

Эта мысль разозлила Гранта. Всерьез. И злость, закипающая в нем, была отличной, прекрасной злостью. Не ослепляющей, а прочищающей мозги, трезвой, расчетливой, расставляющей все по своим местам и заставляющей мысли бежать быстрее в поисках, пусть самых невероятных, но решений проблемы.

Они, люди, должны погибнуть только потому, что какому-то кретину-переростку вздумалось сожрать их? Черта с два! Вы давно вымерли, приятель! Вас нет! Вы —

творение рук человеческих, а потому тебе не сожрать нас! Мы умнее! И пошел ты к матери, заср...ц! Вот что!

Гранту даже стало немного весело. Чего, конечно, нельзя было сказать о Лекс. Подбородок у нее затрясся, по щекам потекли слезы, и через секунду первобытный лес услышал бы раскатистые рыдания, но Элан пресек эту попытку:

— А ну-ка забирайся мне на спину, живо! — приказал он. — Ну быстрее же! Забирайся и держись крепче!

Еще не понимая, что задумал Грант, Лекс обхватила его бока худыми ногами, — при этом стиснув так, что у Элана глаза полезли на лоб от боли в боку, — и впилась пальцами ему в плечи.

Грант подобрался к уползающим вниз, отдекорированным под лианы тросам, вцепился в один из них руками и соскользнул вниз, повиснув на руках. Спину вновь заломило, и он тихо застонал сквозь зубы. Внутренности раздирала пульсирующая острая боль, в голове возникла черная дымчатая карусель с мелькающими в ней золотистыми искрами беспамятства.

«Не хватало еще сейчас грохнуться вниз, — Элан попытался криво усмехнуться, но получилась какая-то звероподобная гримаса. — Хорошо еще, что девочка не видела твоего лица».

Тяжело отдуваясь, покраснев от натуги, он начал спуск, мысленно проклиная свое брюшко, лишавшее его половины отпущенной природой силы.

«В таком-то возрасте да такие упражнения? Будь здоров, приятель. Переходишь в категорию национальных чудаков. Ну-ка, представителей Гиннеса сюда, пусть посмотрят, как доктор Элан Грант брякнется задницей на гранитные валуны внизу, и зафиксируют рекордную скорость полета. Хотя, если не успеют, мы попробуем повторить. Круто, круто. И красиво».

Бормоча себе под нос эту бредовую тираду, он, сантиметр за сантиметром, лез вниз, упираясь ногами в шершавую бетонную стену.

Буууууууу... «Блейзер» неохотно рванулся вперед, накренился, но не упал, а застыл на краю, освещая камни и бегущую по ним серебристую воду, плещущую из

двухметровой чугунной трубы у подножия провала. «Хорошо еще, что дождь был не сильным и нам не льет на голову, — мрачно подумал Грант. — Иначе, мне бы не удержаться».

Вверху раздался дикий по силе, жуткий вопль ти-рекса. Грант посмотрел вниз. Оставалось не меньше двадцати шести метров. Ну, скажем, двадцать пять, потом можно прыгнуть. Даже двадцать четыре с половиной. Все равно слишком много. Через полминуты вся эта груда металлолома, именуемая «блейзером», обрушится нам на голову. Хорошо, если уцелеет хотя бы Тим.

Грант посмотрел налево. Метром ниже начинались толстые сучья тисса. Он прикинул расстояние на глаз.

«Нет, не допрыгнуть. Это только Рембо в боевике способен на такое. А он не Рембо, хотя самое время пожалеть об этом. А справа? — Грант повернул голову в противоположном направлении. Тоже пусто. Только тросы свисают зелеными гирляндами. — А что, если попробовать дотянуться до них? Нет, это тоже что-то из области киноподвигов. Но другого-то выхода все равно нет».

Буууууууууу... Машина неохотно проползла еще пару сантиметров и угрожающе нависла над самой головой болтающихся на «лиане» людей, напоминающих обезьянье семейство. Папа и детеныш.

Буууууууу... Буууууууууу... Буууууу... Машина с тоскливым скрипом покачнулась и начала медленно валиться вперед. Грант видел это отчетливо, словно смотрел цветное, отлично снятое кино.

— Хватайся за трос! — заорал он и, оттолкнувшись от стены ногами, отправил свое тело вправо, по дуге, к неподвижным, неестественно зеленым, даже в свете фар, «лианам».

Ему было дико тяжело. Вес Лекс тянул его вниз, — отправься в полет, приятель, — сведенные усталостью и напряжением мышцы ныли, вопя о пощаде, ладони болели немилосердно.

И, конечно, он не допрыгнул. Их поволокло назад, разворачивая в воздухе, ударяя о стену, и Лекс снова начала визжать ему в самое ухо. Грант вдруг ясно понял, что они *не смогут* дотянуться, как бы ни старались, пото-

му что сил уже не было. Хрустко ударившись коленом о бетон, да так, что искры посыпались из глаз, он в приступе вселенского отчаяния оттолкнулся еще, зная, что третьей попытки уже не будет... А «блейзер» уже падал черным пятном, огромным пауком с двумя яркими прямоугольными глазищами, сияющими слепящим светом. Растопыренные пальцы Лекс не достали до троса каких-нибудь десяти сантиметров. Грант дотянулся бы, а она — нет. И снова их потащило назад, но искореженная машина уже с грохотом пронеслась вниз, обдав их холодным воздухом, и вонзилась в крону тисса. Треск веток заглушил торжествующий вопль ти-рекса, оповещавшего парк, что он победил. Но удара, с которым «блейзер» должен был соприкоснуться с валунами, не последовало.

Элан осторожно покосился вниз. В зеленой шапке дерева появилась темная дыра. Искалеченные ветви, сломанные массой падающей машины, сиротливо и грустно висели на полосках коры, обнажая белое неровное нутро древесины, а еще чуть ниже, едва различимые за густой листвой, таинственно мерцали красные огоньки стоп-сигналов.

То ли тиранозавр слишком сильно толкнул машину, то ли она, ударившись о скалу, изменила направление падения, трудно сказать, но факт оставался фактом. Тиму повезло. Его не расплющило при ударе о землю. Он остался жив, хотя и висел в смятой железной коробке метрах в пятнадцати над землей. Сегодня Элану и Лекс случилось стать свидетелями того самого чуда, которое происходит раз в жизни.

«Хотя лично нам оно не может помочь, — подумал Грант. — Если через полминуты мы не окажемся на земле, нас придется собирать лопаткой. Или совочком. В ведро».

Силы, — а их и так оставалось не много, — стремительно утекали. Руки слабели, начали трястись, и, расслабив пальцы, Элан заскользил вниз, обдирая кожу с ладоней. Даже дух захватило, а девочка крепче впилась ему в плечи и сдавила бока, вызвав новый приступ забытой от волнения, уже начавшей стихать, боли.

Несколько секунд стремительного спуска, и его ноги

коснулись земли. Точнее, они провалились в воду, но это была слишком мелкая неприятность, чтобы уделять ей внимание. Пожалуй, самая мелкая за сегодня.

Девочка спрыгнула на землю и сразу же разрыдалась.

— Тим! — она приставила ладони ко рту. — Тиииии-им!

Молчание. Ее невнятные, приглушенные всхлипами, крики спугнули каких-то птиц, и они с резким хлопаньем снялись с веток и устроили настоящий базар над головой людей.

— Лекс! — серьезно сказал Грант. — Послушай меня, Лекс. Будь здесь, никуда не уходи. *Никуда.* Даже если очень понадобится. Я вернусь за тобой, но сейчас мне нужно вытащить из машины твоего брата. Поэтому я хочу, чтобы ты ждала меня здесь. Если уйдешь в джунгли — заблудишься и можешь пропасть. Стой тут. Что бы ни случилось, стой тут и жди нас.

Лицо девочки стало белым как снег. Глаза наполнились ужасом. Она прошептала с истеричной ноткой в дрожащем голосе:

— Он бросил нас... Он нас бросил...

Грант вовремя вспомнил об Эль Спайзере.

— Но я этого делать не собираюсь, — весомо ответил он, глядя девочке прямо в глаза. — Хорошо? — Лекс отчаянно затрясла головой. — О'кей. Будь здесь и никуда не уходи.

Он пошел к тиссу, раздумывая на ходу, чем может для него закончиться новое путешествие вверх-вниз. Элан не боялся, напротив, физически чувствовал себя довольно сносно. После того как Лекс слезла в его спины, он ощутил необычайную легкость и силу в мышцах. Однако ему было известно: это ощущение — иллюзорный самообман. Сил не прибавилось. Их по-прежнему мало, к тому же саднят ободранные ладони, а значит, — инстинктивно, — он будет хвататься слабее, чтобы лишний раз не причинять себе боль. Ее и так достаточно.

Дерево было просто необъятным. Оно тянулось вверх, и свет фар казался размытым и безумно далеким. Ствол, несокрушимый, способный выдержать любые удары распоясавшейся погоды, подсвеченный неярко, создавал

впечатление могучей колонны, поднимающейся до самых облаков и подпирающей темно-синий с лиловыми потеками тяжелый купол небосвода.

— Опа!... — восклицание вырвалось у Гранта непроизвольно, по-мальчишески, и он, непонятно почему, смутился. — О'кей. Ладно, я поднимаюсь. Тимми, я уже иду. Высокое дерево. Высокое.

Он подпрыгнул, ухватился за нижний сук, повисел, к своему стыду, беспомощно извиваясь, кое-как подтянулся и забрался на ветку. Вздохнул.

— Ничего, спускаться у меня обычно получается быстрее, — пробормотал Грант, скорее для того, чтобы себя ободрить, чем для констатации.

Начало подъема далось ему с большим трудом. Ветви были толстыми и находились на приличном расстоянии друг от друга. К тому моменту, когда очертания «блейзера» проступили среди веток, он чувствовал себя окончательно измотанным, а ведь еще предстоял обратный путь.

Машина висела вертикально, фарами вниз. Капот ее упирался в могучий сук, а голый обод заднего колеса застрял в небольшой развилке. Одного взгляда хватило, чтобы понять: опора эта ненадежна. Сплющенный обод мог в любой момент выскользнуть, и «блейзер», перевернувшись, продолжит свой грохочущий путь вниз.

— Тим! — позвал он. — Тимми!

Забравшись на следующую ветку, Грант оседлал ее и потянулся к изуродованному оконному проему.

— Тим! Ты в порядке? Ты цел, парень?

Ни звука в ответ. Тишину нарушало лишь журчание воды внизу да звонкие удары капель, срывающихся с широких листьев.

Грант медленно слез с облюбованного сука и перебрался поближе к машине.

— Тим!

Молчание. Элан осторожно взялся за ручку дверцы и еще более осторожно потянул ее на себя. К немалому удивлению, она открылась довольно легко, хотя Грант мог бы держать пари, что дверь заклинит.

Тим, абсолютно неподвижный, с зеленоватым лицом, сидел на полу, между передним пассажирским креслом и

отделением для перчаток. Его ноги, рубашка и баскетбольные кеды были покрыты рвотными массами. В салоне стоял кислый запах желудочного сока.

— Тим, — спокойно позвал Грант, — ты в порядке?

Мальчик совершенно автоматическим движением повернул голову, взглянул на него пустыми невидящими глазами и кивнул.

— Ну, вот и отлично. Отлично. Пойдем-ка вниз. Лекс нас ждет.

— Меня стошнило, — безо всякого выражения сказал вдруг Тим.

— Это ничего. Дай мне руку и полезли вниз. Чего сейчас говорить об этом, верно? Просто дай мне руку. — Мальчик продолжал смотреть на него. — Ну? Давай и пойдем. Эта машина — не самое лучшее место для уединения, правда? Пошли.

Тим словно очнулся от долгого сна. В глазах у него зажглась крупица сознания. Лицо, напоминающее каменную маску, ожило. На нем отразилось сомнение:

— А машина не перевернется, если я пошевелюсь?

— Думаю, нет. И потом, мы будем действовать очень осторожно, о'кей? Ну, давай, начали.

Тим протянул ему руку, и Грант сомкнул пальцы у него на запястье.

— Отлично, Тим, отлично. Теперь медленно, не торопясь, вылезай из машины. Постарайся не делать резких движений.

— Хорошо, — мальчик сказал это одними губами, и сразу стало видно, что он дико боится. Рука его стала мокрой и скользкой от пота.

Грант не тянул паренька. Просто поддерживал, давая опору, которая необходима человеку, чтобы смело пройти по узкой доске, перекинутой с крыши на крышу между высокими небоскребами. Пустяк, но помогает.

Едва Тим встал, «блейзер» покачнулся и с противным скрежетом начал ползти вниз. Лицо мальчика вновь стало белым, дыхание участилось, а пульс участился, как биение воробьиного сердца. Грант посмотрел вверх. Обод все-таки вышел из развилки, но машина пока стояла довольно устойчиво, хотя сук под ней сильно прогнулся.

— Тихо, — стараясь не допустить панической нотки в голосе сказал Грант. — Выходи *очень* медленно.

Тим еле заметно кивнул и сделал крохотный шажок. Даже — шажочек. Почти невидимый.

«А ведь если машина все же провалится, я полечу следом за ней», — подумал Грант, но пальцев не разжал.

— Давай, парень, осторожно.

Глаза мальчишки вылезали из орбит от напряжения. Тело его было похоже на гудящий электрический кабель, прямой и жесткий. Тронь, и посыпятся искры. Было даже странно, как это нервы не проступили сквозь плоть, взрезав кожу, будто стальная проволока.

«Блейзер» вновь покачнулся, но Тим, согнувшись пополам, уже выталкивал свое тело в изуродованный дверной проем. Секунда, и он выбрался из машины, облегченно вздохнув. Кровь снова прихлынула к лицу, отчего оно стало пунцово-красным как томат.

Грант улыбнулся.

— Молодец. Ты держался просто отлично. — Паренек слабо улыбнулся. — Теперь я тебя кое о чем спрошу.

— Да?

— Тебе когда-нибудь приходилось строить шалаши на деревьях? Ну, в школе скаутов или в походах?

— Нет, — Тим явно не понимал, куда он клонит.

— Так вот, — объяснил Элан, — когда ты строишь шалаш на дереве, самое главное — не смотреть вниз. Понимаешь?

— Это невозможно.

— Все возможно. Главное, заставить себя это сделать. Пересилить желание и смотреть только перед собой. Скажем, на руки.

— Н-нет, я не смогу.

— Сможешь. У тебя должно получиться, я уверен, — Грант улыбнулся, подбадривая мальчугана. — А теперь мы спокойно спустимся и уйдем. Пойдем к туристическому комплексу.

— Я все равно не смогу, — упрямо констатировал Тим. — Нет. У меня не получится.

— Получится, — в тон ему ответил Грант. — Я помогу. Давай, пошли.

— Угу, — Тим кивнул.

Они довольно ловко преодолели первую треть пути, но тут произошло непредвиденное. Наверху с треском обломилась ветка, и «блейзер» устремился за ними, словно огромная торпеда. Он с ходу сшиб несколько особенно огромных сучьев, но снова увяз над самой головой Гранта, в сплетении толстых лиан.

Элан поднял голову. Сверкающий хромом радиатор завис в десяти сантиметрах от его макушки. Обретенная вновь опора была еще более ненадежной, чем первая.

— О, нет! — пробормотал Грант. — Тим, лезем! Быстрее!!!

Признаться честно, он-то думал, что эпопея с машиной уже закончилась. Как выяснилось — ошибся.

Они шустро полезли вниз, цепляясь за лианы и сучья с отчаянием утопающего, хватающегося за круг. С ловкостью обезьян люди перебирались с ветки на ветку, спускаясь с рекордной скоростью.

Под тяжестью машины одна из лиан лопнула. Звук был такой, будто оборвалась толстая леска. «Блейзер» продолжил свой путь к земле. Он словно соревновался с людьми. С тупым упорством сокрушая все на пути, искореженный кусок железа догонял их.

Грант перестал понимать, что делает, положившись на инстинкты и реакцию. Руки его работали с точностью автомата, мышцы сами сокращались, подтягивая тело, толкая его, сохраняя ему жизнь. Самым краешком зрения Элан видел Тима. С чисто детской гибкостью мальчишка без труда поспевал за ним. И страх прибавлял им сил.

«Блейзер» настиг их в самом низу, когда до земли оставалось не больше четырех метров. Они как раз спрыгнули на огромную ветку, в основание которой, у самого ствола, и врезалась хромированная решетка радиатора. Несколько секунд машина стояла неподвижно, а затем рухнула прямо на людей, точно накрыв их проемом в крыше. Тем самым, в котором полчаса назад стояло обзорное стекло. Им опять повезло. Чудо произошло во второй раз.

— Ну, вот мы и снова в машине, — сказал Грант.

— Ага, — согласился Тим, — только на дереве.

* * *

До зоны ти-рексов оказалось гораздо дальше, чем думала Элли. Когда они ехали этой дорогой первый раз, их иссушало ожидание чудесного, встречи с миром, знакомым и далеким, древним и молодым, доброжелательным и опасным одновременно. Вглядываясь в джунгли, они не замечали течения минут, время просто перестало существовать. Теперь ситуация вышла из-под контроля, и парк навязал им свои правила, в том числе и быстрый бег времени. «Лендровер» быстро преодолевал метры, десятки, сотни метров пути, а впереди по-прежнему маячила лишь совершенно пустая тропа да мертвое ограждение, ухмыляющееся поникшими стальными тросами, лишенными пищи — электронапряжения.

Облака над их головой рассеялись окончательно. Небо стало чистым и глубоким, похожим на рождественскую открытку. Красивым. Даже воздух казался теплее, хотя, может быть, только казался. От земли, клубясь поднимались серые дымчатые испарения, пахнущие влажной почвой и прелой гниющей листвой. Ветер едва заметными порывами разметал их, но они вновь возникали, курясь над травой расплывчатыми призраками, стоило ему чуть утихнуть. Языческий праздник вершил в эту ночь парк Юрского периода. Все в нем было пропитано природным колдовством. Иногда между стволами деревьев девушка замечала горящие неживым голубоватым светом блуждающие огни Святого Эльма. Черный могильщик расхаживал по парку — своему парку — с фонарем в руке.

— Смотрите, — сказала Элли.

Сол спокойно на мгновение оторвал взгляд от дороги, покосился на мерцающие в темноте леса вспышки и равнодушно пожал плечами.

— Мы почти ничего не знаем о них, — ответил он.

Элли даже позавидовала этой непрошибаемости, безграничному спокойствию, встречающемуся лишь у редких людей. Как правило сильных и ловких, таких, как ее спутник.

Броуфстайн не напрягался. Он, похоже, вообще очень редко делал это, а если и делал, то лишь по крайней необходимости. Длинные, загорелые, покрытые бугристыми мускулами руки расслабленно лежали на баранке руля. И это при том, что скорость «лендровера» далеко превышала тот предел, который установила бы для себя Элли при езде по подобной дороге. Он не мурлыкал под нос навязчивые шлягеры, как это делают *расслабленные* люди, не подавался вперед, как люди *нервничающие*, нет. Сол просто вел машину. Достойно. И Элли посмотрела на него с уважением.

Пару раз они останавливались, Броуфстайн выходил из машины, разглядывал траву, деревья, озадаченно хмыкал и возвращался в кабину.

— Что-нибудь нашли? — спросила Элли.

— Угу, — кивнул он, но не стал углубляться в разговор.

Сол смотрел и делал выводы, чтобы потом рассказать все Хаммонду. Девушка мало интересовала его. Хотела поехать — едет. Не захотела бы — лично он ничего бы не потерял. А потому и относился к Элли, почти как к пустому месту. Почти. По крайней мере, если потом его мнение о ней и изменится, то все равно *потом*. А сейчас она — часть природы, деталь машины, ничего больше. Вопросы раздражали Сола, равно как и просто реплики и подсказки. Он любил одиночество, любил остаться наедине со своими мыслями, разложить все по полочкам, решить, что можно предпринять. Элли же бесцеремонно разрушала его замкнутое уединение, вторгалась в размышления. Однако Броуфстайн, кроме всего прочего, был еще и очень терпеливым человеком. Он ничем не выказал своего недовольства, умело скрывая чувства под маской угрюмого спокойствия.

Джунгли слева тянулись сплошной стеной. Лишь изредка в них проглядывали «тоннели» и просеки, но и они вели в никуда, в темноту, в ночь.

Через некоторое время «лендровер», наконец, миновал зону дайлотозавров и диплодоков и выехал к ограж-

дению, отгораживающему место обитания ти-рексов. Элли узнала знакомый поворот и доносящееся откуда-то неподалеку журчание воды.

Еще через несколько секунд они увидели стоящий на тропе одинокий электромобиль. Один из тех, на которых ехали гости. Сол плавно нажал на педаль тормоза, и «лендровер» остановился. Элли совсем уж было собралась выскочить их машины, но охотник удержал ее, кивнув куда-то в сторону. Девушка не могла увидеть то, что видел он из-за машины. К тому же встречный свет фар резал глаза. Элли загородила их ладошкой и встала. Теперь и ей было отлично видно поваленное ограждение и лунные блики на свернувшихся кольцами тросах.

— Что это? — тихо спросила она.

— Здесь побывал динозавр, — спокойно, не понижая голоса, ответил он. — Скорее всего, ти-рекс. Видите? Столбы ломали с той стороны. Изнутри.

— И эта... эта тварь все еще здесь?

— Нет. Если бы она была здесь, мы заметили бы ее еще издали, — Броуфстайн дернул мускулистым плечом. — В ней не меньше двенадцати метров роста.

— Откуда такая уверенность? — спросила настороженно Элли, чувствуя, как сердце замирает от страха.

— Иначе она не смогла бы оборвать тросы. Несколько особей уже пробовали.

— Когда было включено электричество?

— Да. Это значительный фактор, но у ти-рекса очень маленький мозг. Пока выработается нужный рефлекс, он будет кидаться на ограждение, не понимая причины боли. Эти громадины не умеют думать, анализировать.

— Динозавры, вообще, не умеют анализировать.

— Конечно. Все, кроме рептороов. Но сейчас важно не это. Ограждение порвано, а значит, все другие тираннозавры могут отправиться на прогулку по парку. Это очень опасно.

— Да, я понимаю.

— Поэтому смотрите в оба. И слушайте, — закончил, словно отрубил, Сол.

— А люди? Что стало с людьми? — спросила девушка, глядя, как Броуфстайн выбирается из-за руля и следуя его примеру.

— Откуда мне знать?

— Но вы же читаете следы...

— Читаю, — согласился он. — Но если здесь и были следы, то их затоптали, и потом, я не могу «читать», как вы говорите, человеческие следы, стоя ночью в двадцати метрах от них.

— Да, конечно, — пробормотала, смутившись, Элли. — Извините.

Сол кивнул, давая понять, что извинения приняты. Он не пошел, как ожидала девушка, а начал оглядываться, не торопясь, чтобы не пропустить ни малейшей детали, но и не задерживаясь лишний раз на пустяках.

Элли недоумевала, но постаралась не демонстрировать открыто свое удивление. Она прошла к электромобилю, обе дверцы которого так и остались распахнутыми, заглянула внутрь, но не увидела *ничего*.

— Тут никого нет! — крикнула девушка Броуфстайну. Тот обернулся, и она повторила, думая, что охотник не расслышал: — Никого нет!

— Конечно, — спокойно подтвердил он. — Естественно.

Подойдя к машине, Броуфстайн заглянул внутрь. Они рассматривали брошенный «блейзер» по-разному. Элли, как всякая волнующаяся женщина, искала следы крови или насилия, Сол, как охотник, подмечал мелочи, способные помочь ему восстановить течение произошедших здесь событий. Но вместе они преследовали одну и ту же цель — понять, что случилось с людьми. Правда, Сол умел это делать лучше.

— Элан! — девушка сложила руки рупором и закричала что было сил. — Элаааааааааан!!!!!!!

— Доктор Грант! — на всякий случай позвал Броуфстайн.

Никто не отозвался. Лишь пальмы возмущенно зашелестели листьями.

— Я так и думал, — наконец сказал охотник.

— *Что* вы думали? — встревоженно спросила Элли. — С ними что-то случилось? Они погибли?

Сол вздохнул. Он видел следы крови в траве, человеческой крови. У динозавров кровь темнее.

— Не стану ничего утверждать категорически, — сказал он, — но, возможно, кто-то из них серьезно ранен.

«Или, что более вероятно, убит», — это Сол добавил уже про себя, но Элли интуитивно почувствовала страшное окончание фразы.

— Смотрите, — Броуфстайн указал на пролом в ограждении. — Второй электромобиль стоял примерно там. Может быть, чуть подальше. Ваш... муж?..

— Да, — неожиданно для себя кивнула Элли.

— Ваш муж и доктор Малколм находились в этой машине, когда тиранозавр сломал ограждение и атаковал электромобиль, в котором были, как вы понимаете, Лекс, Тим и мистер Спайзер. Здесь что-то произошло. Не могу утверждать абсолютно точно, но по-моему, это выглядело следующим образом:

(Элли непроизвольно напряглась, жадно ловя каждое слово, сказанное охотником)

...доктор Грант и доктор Малколм решили отвлечь внимание чудовища на себя, воспользовавшись для этой цели фальшфейерами. Ти-рекс погнался за ними, но затем почему-то вернулся и попытался вскрыть машину. Видимо, у него ничего не вышло, он пришел в ярость и начал толкать автомобиль к искусственному водопаду. Вон туда! — Броуфстайн вытянул руку в указанном направлении. — Пойдемте, посмотрим. Видите?

У них на пути, в подсыхающей грязи, четко отпечатался след огромной трехпалой ступни.

— Не меньше двенадцати метров. А может быть, даже и больше.

Через несколько шагов, у обломков когда-то стоявшей здесь уборной, Сол нагнулся и поднял что-то с земли. При ближайшем рассмотрении это оказалась заляпанная каплями грязи мужская туфля фирмы «Гуччи».

— Это не Элана, — сказала девушка. — Он такие не носит.

— По внешнему виду Малколма, я бы сказал, что и он предпочитает другой фасон. Остается Эль Спайзер.

К своему стыду, Элли почувствовала облегчение и даже радость от того, что погиб не Элан, а другой — кстати, весьма неприятный — человек.

«Господи, может, он вовсе и не погиб, — одернула она себя. — Успокойся».

Броуфстайн, похоже, догадался, о чем думает девушка. В своей обычной, слегка апатичной манере, он заметил:

— Надо же, и не капли сожаления, верно?

Элли удивленно посмотрела на него:

— Вы что, кроме следов еще и мысли умеете читать?

— А мне не надо читать мысли. У вас на лице все написано. Признаюсь, этот тип мало кому пришелся по душе. И мне в том числе.

— Зато Хаммонду он очень понравился.

Сол неожиданно помрачнел.

— Джону все нравятся, — отрезал он. — Эль Спайзер — не исключение.

— Мда... — Элли вновь почувствовала себя неуверенно. Похоже, здоровяк очень хорошо относился к Хаммонду, по-своему даже любил его. Слова девушки вызвали у Сола неадекватную реакцию. Как у ребенка.

— Стоп! — вдруг тихо сказал Броуфстайн. — Слышите?

Элли мигом прошиб холодный пот. Неужели ЭТО возвращается?

— Что?

— Послушайте!

Девушка напряглась, но кроме лихорадочного биения собственного сердца ничего не услышала.

— Нет, ничего не слышу.

Сол постоял еще несколько секунд неподвижно, точно определяя направление услышанного им звука, затем быстро подошел к обломкам уборной, из которых торчал один-единственный уцелевший чудом унитаз, и принялся быстро разгребать щепки, отшвыривая их в сторону, сильно и далеко.

Сначала показалась туго обтянутая кожей широкая

грудь с нашлепкой «Мотли Крю» над левым карманом, затем — бедра, и наконец, Броуфстайн вытащил из кучи мусора Малколма. На лице зоолога виднелись несколько свежих кровоточащих царапин, рукав куртки висел на нескольких нитках, молния расползлась на животе, в курчавых волосах запутались щепки, но в целом он выглядел лучше, чем можно было ожидать от человека, нос к носу столкнувшегося с разъяренным динозавром.

Малколм с трудом открыл глаза и нахмурился, пытаясь привести в норму зрение. Это ему удалось только после определенных усилий. Повернув голову, он посмотрел на Элли, затем — на Сола, а затем слабо произнес:

— Если я в раю, то почему же валяюсь в таком дерьме и так отвратительно себя чувствую? Наверное, я все-таки жив, — зоолог опустил взгляд, удивленно оглядел свое тело и констатировал: — Этот парень даже не откусил у меня что-нибудь на память? Поверить не могу! Но... — он вновь посмотрел на Сола. — Раз уж вы все-таки здесь, передайте Джону мою благодарность за восхитительный уик-энд.

Где-то в лесу вдруг послышался длинный, протяжный, раскатистый вопль. Кричало очень сильное, огромное существо. Зоолог узнал этот крик.

— Ти-рекс, — вздохнул он.

— Ти-рекс? — Элли встревоженно повернулась к Броуфстайну, словно хотела, чтобы тот опроверг сказанное, но охотник лишь утвердительно кивнул.

— Господи, кажется, он где-то совсем рядом, — девушка посмотрела в сторону джунглей.

— Мне тоже так кажется, — согласился Малколм.

— Он может быть где угодно, — возразил Сол. — Даже бродить вокруг. Нужно помочь доктору Малколму перебраться в машину, осмотреть водопад и убираться отсюда. И чем скорее, тем лучше.

— Каковы наши шансы наткнуться на него? — спросила Элли.

Вяло пожав плечами, Малколм пробормотал:

— Шансы и шансы.

— Ладно, не будем терять времени, — сказал Сол. — Берите его.

Они подхватили зоолога под мышки, быстро оттащили в машину, усадив на заднее сиденье, а затем побежали к шумящему водопаду.

Оставшись один, зоолог огляделся. Он еще помнил тот ужас, который ему удалось пережить, и теперь недоумевал, почему же тиранозавр даже не прикоснулся к нему.

— Может быть, я неаппетитно выгляжу? — обращаясь к невидимому собеседнику, предположил Малколм. — Или ему не понравилось, как я пахну? А-а-а-а, понял. Он тоже любит «Мотли Крю».

Буууууууууу... Звук донесся слева и сзади, но был довольно слабым, далеким.

— Все слышали? — вдруг неожиданно серьезно, задумчиво спросил зоолог. — Это предупреждение о небольшой тревоге!

Они спустились вниз по специальным скобам, торчащим из стены, метрах в тридцати от места падения второго электромобиля. Сол тщательно и быстро осмотрел местность, пощупал землю, отошел чуть дальше по тропе, покачал головой, вернулся и принялся разглядывать машину. Изучив в ней все до мелочей, он отряхнул руки. Элли смотрела на него выжидающе.

— У них все нормально. Никто не ранен, по крайней мере, серьезно. Грант цел. У него, похоже, ушиблена нога, однако он ходит.

— А дети целы?

— Да, с ними тоже все в порядке.

— Мы сумеем их найти? — Элли в упор посмотрела на Броуфстайна.

Тот покачал головой:

— Только не ночью. Постараемся сделать это утром.

— Они что, *всю ночь* будут сидеть здесь, в лесу, среди динозавров?

— В той стороне, куда они ушли, опасных видов нет. Бронтозавры и диплодоки. Через пару часов доктор Грант выведет детей к ограждению периметра. Я думаю, им не составит труда перебраться на другую сторону. Еще час, и они окажутся прямо перед административным зданием.

— Если раньше их не сожрет один из вырвавшихся на волю тиранозавров, так?

— Нет, — Сол отрицательно покачал головой. — Ти-рексам не спуститься вниз. Если даже у них хватит ума переступить через заграждение, они все равно будут бродить там, наверху, но уж никак не здесь. Так что, доктор Грант, Тим и Лекс имеют все основания чувствовать себя едва ли не в большей безопасности, чем мы с вами.

— Как я хотела бы в это верить, — вздохнула девушка.

— А теперь, я думаю, нам лучше побыстрее убраться отсюда. Ти-рекс уже совсем рядом.

— Откуда вы знаете? — встревожилась Элли.

— Слышу, — просто ответил Броуфстайн. — У меня хороший слух.

Они быстро забрались по холодным ступенькам наверх и сразу же увидели Малколма. Сидя в «лендровере», тот размахивал руками, как семафор, и кричал громко, насколько мог:

— Быстрее!!! Быстрее!!!!

Буууууууу... Теперь и Элли услышала тяжелые гудящие шаги чудовища. Ее фантазия моментально нарисовала ужасное существо, достающее головой до облаков, клацающее метровыми клыками и сокрушающее деревья одним ударом длинного мускулистого хвоста.

«Спокойно, — сказала она себе. — Не бойся. Это всего лишь твоя выдумка. Плод разыгравшегося воображения. Главное, не бойся».

Броуфстайн побежал к машине. Девушка торопливо последовала за ним. Они покрыли эти тридцать метров в рекордный срок и рухнули на сиденья, тяжело дыша.

Слева послышался треск ломающихся ветвей и сминаемых кустов. Над деревьями, как по волшебству, появился черный силуэт. Казалось, он сошел с эмблемы Юрского парка.Серебристая луна, висящая над головой тиранозавра подобно нимбу, делала зрелище мистически зловещим. Ти-рекс точно вышел из ада, чтобы покарать людей.

— Быстрее! — закричала девушка. — Быстрее же! Поехали, пока он не схватил нас!

Сол резким движением вдавил педаль газа. Мотор взвыл, колеса с бешеной скоростью начали сначала проворачиваться на месте, а затем, «лендровер» длинным броском рванул с места.

Ти-рекс тут же заметил машину. Сокрушая пальмы, он выбрался на тропу и завопил вслед людям, широко распахнув пасть.

Малколм, враз побледневший, обернулся. Ти-рекс сделал шаг, еще один и еще, все чаще и чаще, и побежал, тяжело переступая задними лапами. Зоолог расширившимися глазами наблюдал за этой жуткой гонкой. Он даже почувствовал фальшфейер в руке и со страхом взглянул на свою ладонь. Она была пуста.

Чудовище неслось огромными прыжками, каждый раз приседая перед тем, как оттолкнуться от земли. Малколм не мог не заметить, что оно медленно, но верно нагоняет машину.

Элли и Сол тоже видели это. Лицо Броуфстайна почти не изменилось. Возможно, стало еще суровее.

— Быстрее же!!! — крикнула Элли. — Быстрее!!!

Сол не ответил. Он следил за дорогой. Да и вряд ли девушка нуждалась в его ответах.

Монстр почти поравнялся с машиной. Его лобастая голова нависла над задним сиденьем. Густая слюна хлопьями стекала по массивной нижней челюсти и падала вниз, попадая то на дорогу, то на кожаную куртку Малколма. Горячее дыхание рептилии коснулось людей. Пасть распахнулась, готовая моментально схватить первое, что подвернется. Гортанный хриплый рык оглушил зоолога.

Спереди вдруг быстро надвинулась черная стена. Блеснули серо-голубым тугие штрихи тросов.

— Поворот!!! — взвизгнула Элли.

Сол продолжал выжимать из двигателя все, на что он был способен, даже не думая тормозить. Он круто вывернул руль, «лендровер» вильнул, вписываясь в зигзагообразный поворот, и понесся дальше, оставив за собой сизое облако выхлопа.

Чудовище на какое-то время скрылось из виду, а когда появилось вновь, машина была уже слишком далеко.

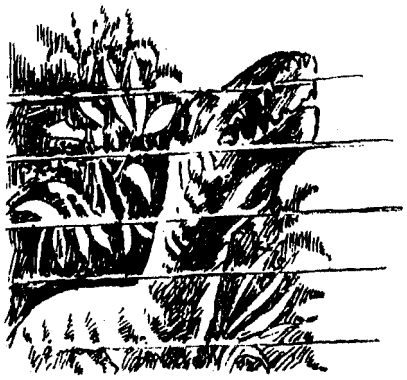
Ти-рекс остановился и еще раз визгливо заорал.

Несколько секунд, и его грозная фигура растворилась в чахоточно-серых сумерках.

— Ну, кажется, этот круг мы прошли лучше всех, — пробормотал, поворачиваясь и занимая нормальное положение, Малколм. Увидев в зеркальце смотрящие на него глаза Броуфстайна, он наклонился вперед и прокричал, силясь перекрыть вой ветра: — Могу поклясться, именно этого парня я видел на вашей эмблеме! Вы его натурщиком нанимали или как?

Элли улыбнулась, увидев на лице охотника настоящее обнаженное удивление.

* * *



— Вы слышите? — спросил Грант на ходу, поворачиваясь к торопливо шагающим рядом детям.

Рев ти-рекса настиг их. Ночью было трудно определить, на каком расстоянии находится хищник, и они невольно ускорили шаг. Минут через пять где-то впереди, совсем недалеко, возник новый звук. Он абсолютно отличался от вопля тиранозавра и был очень красивым. Мелодичный и глубокий, ровный, словно кто-то протрубил в огромный рог. Ночь придавала ему чарующие оттенки. Он не нес зла или агрессии, которой была пропитана окружающая их природа. Мягкий, обволакивающе-уютный, звук казался преисполненным спокойствия, умиротворенной безграничной силы. Сигнал ко сну, отдыху, заставляющий забыть об опасностях и тревогах.

Лекс почувствовала, как веки ее отяжелели, ноги стали ватными, а голова начала сама собой склоняться к груди.

— Я устала, — сказала она. — Нельзя ли нам идти чуть медленнее?

Грант посмотрел на ее красные припухшие глаза, вялые движения и кивнул.

— О'кей. Немного отдыха всем нам не помешает.

— Я могу идти дальше, — поставил их в известность Тим и протяжно зевнул.

«Обычная реакция на сильное нервное напряжение, — подумал Элан. — Апатия. Хочется лечь и уснуть. Мне и самому хочется лечь. Сон — лучшее лекарство. Для восстановления сил этим ребятам нужно как следует выспаться. Спорим, что они уснут, как только их головы коснутся травы? Стоп. Какой травы? Нам нельзя спать внизу. Лучше выбрать дерево повыше и устроиться на ветвях. Так безопаснее, пожалуй. И все равно они уснут, как только лягут. Спорим? Спорим!»

Заключив сам с собой это нелепое пари, Элан огляделся и, выбрав подходящее дерево, кивнул.

— На нем-то мы и устроим лагерь.

— На дереве? — озадаченно спросил Тим.

— Угу, — подтвердил Грант. — Именно, на дереве. А что, у тебя есть серьезные причины не делать этого?

— Да нет, просто я терпеть не могу деревьев.

— Да ты, наверное, ни разу не сидел на таком, — с деланным весельем заметил Элан.

— А вы? — прищурился мальчишка.

— Сто раз, — легко соврал он, удивляясь, как запросто ему дается ложь.

— Да ну? Вы, доктор Грант, лазаете по деревьям?

— Конечно. Я же не всегда был доктором.

— Тим просто боится высоты, — сообщила Лекс.

— А ты — мышей и крыс, — тут же отозвался паренек. — Спорим, что я заберусь на это дерево раньше, чем ты досчитаешь до пяти?

— Эй, эй, эй, — влез в перепалку Грант. — Я думаю, что будет гораздо лучше, если мы полезем все вместе.

— О'кей, — бодро согласился Тим.

Они подошли к величественному, покрытому серовато-зеленым мхом фикусу. Гигантские корни свисали с нижних ветвей и могли служить прекрасной опорой.

Грант помог забраться детям, тяжело отдуваясь — вновь прокляв годы и живот — забрался сам. На высоте примерно восьми метров обнаружилась довольно широкая площадка, состоящая из нескольких, сплетенных между собой и таким образом сросшихся ветвей. Они были узловатыми, не очень удобными, однако о лучшем месте для ночлега думать не приходилось. Грант сел, свесив ноги вниз, Лекс тут же пристроилась слева, положив голову ему на колени. Тим присел справа, оперевшись спиной о шершавый бугристый ствол.

Отсюда открывалась величественная панорама. Сквозь широкий коридор, образованный ветвями и дающий густую тень, проглядывала отливающая ртутью спокойная гладь озера. Оно было небольшим, но, видимо, очень глубоким. Над идеально ровной зеркальной поверхностью медленно покачивались тонкие змеиные шеи, увенчанные плоскими головами.

— Эй, булоболозавры, — сказал в их сторону Тим. — То есть, бронтозавры.

— Они поют, — спокойно сообщил Элан, улыбаясь в темноте, зная, что улыбку его все равно никто не увидит.

Один из бронтозавров задрал голову, распахнул пасть и... запел. Тот самый, трубный, бархатисто-глубокий мелодичный звук поплыл над засыпающим миром. Грант слушал его и ощущал то, что называют *слиянием*. Он знал парк и понимал его. И, несмотря ни на что, парк ему нравился. Не как творение человека, а как самостоятельная часть мироздания, естественная и удивительная. Она вобрала Гранта, как океан вбирает дождь, дала ему возможность почувствовать себя здесь своим.

Повинуясь глубинным инстинктам, внезапно вспыхнувшим в нем с поистине нечеловеческой силой, Грант вдруг сложил ладони обеих рук в некое подобие шара, поднес его ко рту и сильно дунул внутрь. Получившийся звук очень напоминал «пение» бронтозавра, хотя и был более примитивным в своих оттенках. Тем не менее голова рептилии повернулась в сторону леса. *Они слушали.* Грант нутром понимал их.

«Ну, вот и ты становишься одним из них, — усмехнулся он. — Этот парк, действительно, уникален, только Хаммонд понимает это не в том смысле».

— Не надо, — вдруг сказала дрожащим голосом Лекс. — Не подзывайте этих чудовищ сюда.

Грант удивленно взглянул на нее. Лицо девчушки было бледным, и даже в темноте были ясно видны крупные капли пота на лбу и переносице. Он взял Лекс за руку и слегка пожал, успокаивая. Она не чувствовала того, что чувствовал он. Просто напуганный до смерти ребенок. Ей-то, конечно, не до философии и не до любований местной флорой-фауной.

— Не волнуйся, — сказал Грант. — Они не опасны и не страшны. Бронтозавры вовсе не чудовища. Это не плотоядные животные.

— Это значит, — подхватил Тим, — что они едят только зелень. Но для тебя, я думаю, сделают исключение.

— Все равно... все равно... не выношу таких.

— Успокойся, — улыбнулся Элан. — Все нормально. Они не придут сюда.

— А если придет тиранозавр? — В голосе Лекс слышалась тревога.

«Да, она не скоро забудет эту экскурсию, — вновь вернулся к своим мыслям Грант. — Дедушке Хаммонду придется разориться на психоаналитиков».

— Тиранозавры — слепы. Даже если ему удастся преодолеть препятствие в виде водопада и все-таки добраться сюда, главное не шевелиться. Они видят только движущиеся объекты.

— А что вы называете «слепым динозавром»? — вмешался в разговор со свойственным ему тактом и необычайной любознательностью Тим.

Грант пожал плечами:

— А что называешь этим словом ты?

— Я просто спросил. Но вы же не думаете, что он видел, как мы выбрались из машины, и сейчас преследует нас?

— Нет, не думаю. Хотя своим вопросом ты загнал меня в тупик.

Элан, действительно, не знал, видел ли их ти-рекс, а если видел, то что он делает сейчас. Тиранозавры мсти-

тельны и упорны, несмотря на некоторую ограниченность. Вполне возможно, что чудовище *попытается* преследовать людей, и ему очень хотелось надеяться на счастливую звезду. Скажем, ти-рекс, прыгая с водопада, свернул бы себе шею. Именно в подобных вещах и заключалось везение. На взгляд Гранта, разумеется.

— Элан, — успокоившаяся было Лекс снова приподнялась на локте. — А что, если динозавры придут, когда мы будем спать?

— Я не буду спать, — ответил он.

— Всю ночь? — недоверчиво переспросила она.

— Всю ночь, — подтвердил Грант и добавил: — Спи.

— Устали?

Голос Хаммонда был мягок и доброжелателен, однако Элли ощутила прилив раздражения. Малколм остался жив только чудом. У него оказалась довольно глубокая рана на ноге, сломано ребро, а кожа на затылке рассечена мощным ударом. Слава богу, что нашлась аптечка. Элли, как сумела, забинтовала зоолога, продезинфицировав раны, но ему требовался врач. Серьезный врач в серьезной больнице. В том, что произошло, девушка была склонна винить Хаммонда, и только его. Какая разница, *что и по чьей неосмотрительности* случилось с компьютером, почему ти-рексу удалось вырваться из-за ограждения, почему рептилии до сих пор свободно разгуливают по парку. Если виноваты *люди*, то их набирал Хаммонд, если — техника, то ее тоже обслуживали *люди*, которых *он* нанял на работу. Слишком крупное и опасное дело — парк Юрского периода. Слишком. Хаммонд не имел права ошибаться. Просто *не имел права.*

Элли отодвинула стул и присела, глядя на бородача.

Она старалась взять себя в руки. Сейчас не время проявлять эмоции. Хаммонд уже наказан. Его внуки, как и Элан, подвергаются серьезнейшей опасности. Такие уроки запоминаются надолго. На всю жизнь. Девушка подавила в себе раздражение, уже готовое выплеснуться наружу. Не до конца, правда, но вполне достаточно, чтобы разговаривать спокойно.

— Да, — кивнула она. — С Малколмом все в порядке.

Я сделала укол морфина, хотя, его нужно доставить в больницу. И чем скорее мы это сделаем, тем лучше.

— С ним все будет хорошо, — улыбка тоже была мягкой и масленой. — Утром прибудет вертолет, и доктор Малколм отправится в Коста-Рику, а оттуда — прямиком в Штаты. Следовательно, волноваться за его здоровье причин нет.

— Возможно, — Элли задумчиво посмотрела в сторону. — Возможно. Но волноваться всегда есть причины. Это не зависит от наших желаний.

— Конечно, — подтвердил бородач, — вы правы. Но, я уверен, все закончится благополучно. Кто еще сможет так позаботиться о детях в Юрском парке, как ни специалист по динозаврам.

Девушка посмотрела на него удивленно. Он заботится о детях! *Кто лучше позаботится о детях!* А кто позаботится о самом Элане? Ти-рексу ведь не станешь объяснять, что, мол, это — дети, а вот это — человек, который за ними приглядывает, и поэтому есть нельзя ни тех, ни других. Тиранозавр сожрет их всех, не поинтересовавшись ни возрастом, ни полом, ни общественными заслугами.

Она ничего не сказала. Тишина была удивительно неприятной. В ней витали невысказанные мысли, слова, фразы. Казалось, все пропитано напряженным ожиданием взрыва. Когда оно достигло высшей точки, став непередаваемо тягостным, Хаммонд отчетливо и очень спокойно сказал:

— А знаете, какой был самый первый аттракцион, созданный мною, когда я приехал в эту страну из Шотландии? Блошиный цирк!

В глазах его неожиданно появилась какая-то мечтательная глубина, и улыбка, из масленой и отчасти неприятной, превратилась в нормальную, человеческую, без удушливого неуместного участия. Он даже внешне изменился.

И Элли улыбнулась. Помимо желания.

— Правда? Просто сказочно.

— Да. У нас там работали разные крохотные приспособления, хитрости. Горки, качели, прочие фокусы.

Очень забавно. Все это, конечно, было механическим, но люди могли сказать, что они, действительно, видели блох. Мы давали им такую возможность. Как вы думаете, многие ли могут похвастаться тем, что наблюдали колонну марширующих блох? Да, — еще раз добавил он и вздохнул, — там было, на что посмотреть.

— А парк? Зачем вам понадобилось создавать Юрский парк? — интерес Элли был вполне искренним. — Можно ведь создать нечто другое. Электронных зверей, например. Это не менее интересно.

Хаммонд как-то странно взглянул на нее и поморщился. Едва заметно, но Элли увидела.

— Всегда один и тот же вопрос. Всю жизнь! Почему не сделать механизмы? Господи, это же так просто. Я хотел создать нечто, существующее реально. Понимаете? Реаль-но! Живые существа. Механизмы, даже самые совершенные, никогда не смогут заменить их. Механизм слишком примитивен, — он покачал головой. — Вот лично вам, доктор Сетлер, интересно было бы наблюдать в театре игру механических актеров, а? Скажите мне!

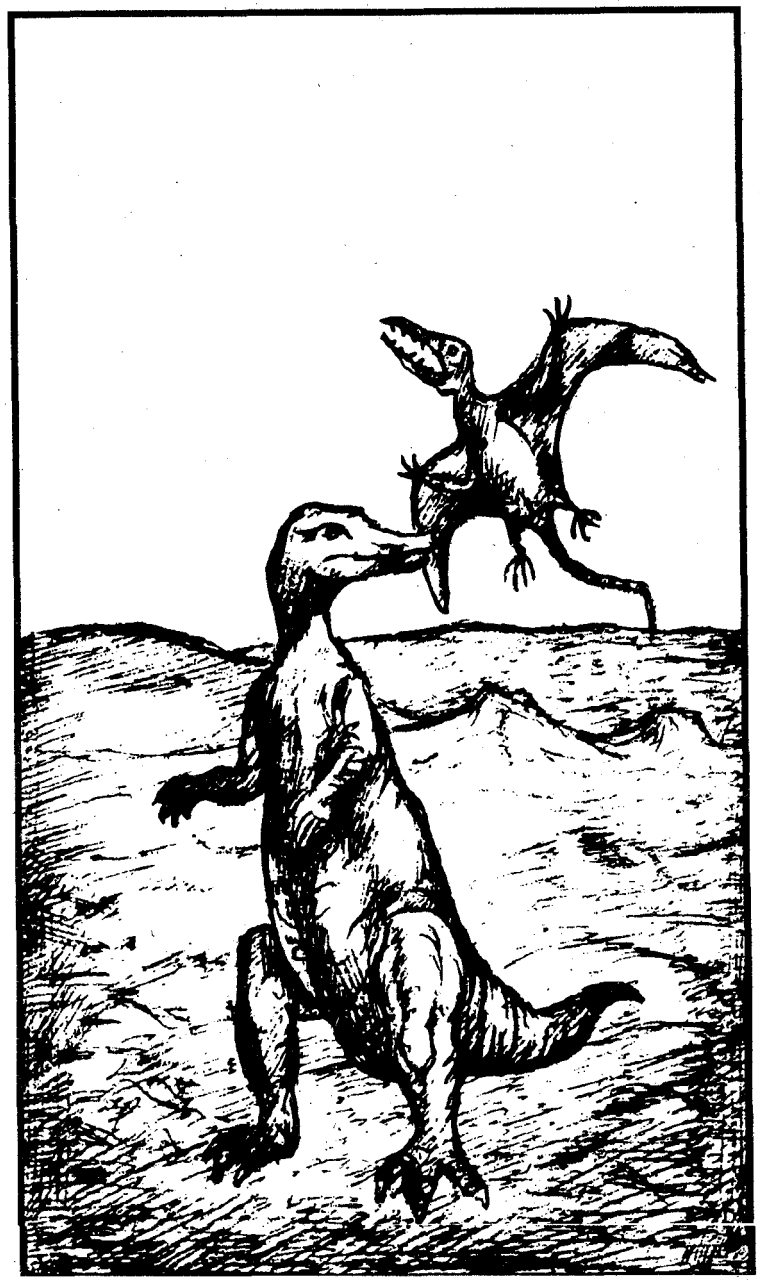
— Конечно, нет, — не колеблясь, ответила девушка. — Но это другая область. Эмоции невозможно передать искусственным способом. Человеческая психика слишком сложна.

— Вот именно, — обрадовался Хаммонд. — Вот именно! Но ведь и у динозавров есть эмоции и своя психика! Так чем же отличается механический диплодок от механического, скажем, Джека Николсона или Дастина Хоффмана, а? Я вам отвечу. Ничем! И то, и другое — фальшивка, чушь, нонсенс! А я хотел сделать живых динозавров! Таких, к которым можно было бы прикоснуться, рядом с которыми вы не будете чувствовать себя отделенным от этого парка, от его сути.

— Это уж точно, — само собой вырвалось у Элли.

— Доктор Сетлер, я не говорю о том, что произошло сегодня. Это не более чем трагическая случайность. Но в целом, в масштабе мирового открытия.

— Ну хорошо. Но опять же, для рядового туриста, ощутима ли будет эта разница? И чем, говоря вашими словами, отличается механический динозавр от того, что



мы видим здесь? Животные, бродящие за ограждением, принимающие пищу в положенное время и выходящие к туристам по звонку!

— Да, вы правы, — неожиданно легко согласился Хаммонд. — Вы абсолютно правы! Наши мечты разнятся с реальностью, причем не в лучшую сторону, теперь это стало очевидным. Мы зависим от автоматики. Слишком зависим, сейчас я отчетливо осознаю это. Но в следующий раз все будет иначе. Мы не повторим своих ошибок. Произведения, созданные чистой волей, желанием, будут безупречны.

— Но ведь это по-прежнему блошиный цирк, — сказала Элли. — Иллюзия свободной жизни! Вы, Джон, упорно не хотите понять, что вам только *кажется*, будто парк свободен, когда им пытаются повелевать. Ян говорил об этом! Парк свободен внутри себя, но не для вас и не для меня! Когда же ему надоест наше вмешательство, он восстанет!

— Вы заблуждаетесь, — Хаммонд покачал головой. — Как, впрочем, и остальные. Когда мы будем управлять парком...

— Господи, Джон, да осознайте же, наконец, простую вещь! Ни вы, никто другой, *никогда* не будете *управлять*! Никогда!

Ее понесло. Она повышала голос с каждым высказанным словом. Отчаяние, волнение, съедающие, точащие ее разум, обрели форму конкретных фраз. И может быть, это оказалось к лучшему.

Хаммонд вдруг подался назад и каким-то жалким импульсивным жестом заслонился рукой, будто хотел спасти от разрушений то, что терпеливо, по кирпичику, строил всю жизнь. То, в чем состоял весь смысл его существования и что спасти было уже невозможно. Лицо бородача изменилось. На нем ясно проступил если не страх, то его зачатки. Он выглядел раздавленным. Убитым.

— Ваше управление — иллюзия. Я была готова превозносить Юрский парк, но в этом-то и заключалась ошибка! Мы все превозносили труд ваших ученых и относились к парку, как к забаве, развлечению, игрушке! Мы недостаточно *уважали* его! Силу и мощь этого места! И

вот оно вырвалось из-под контроля! Вам придется смириться с этим. Сейчас имеет смысл только одно: люди, которых мы любим. Элан, Тим, Лекс. Они где-то там. Поэтому... поэтому...

Ее речь захлебнулась. Эмоции были выпущены. Элли не добивала поверженных. Тем более, если они, как говорил Малколм, слепы.

* * *

Элан сдержал слово. Он действительно не спал всю ночь, хотя это стоило ему огромного труда. Веки смыкались, измотанный организм молил об отдыхе. Несколько раз Элан проваливался в мутную дрему и опускался к самому дну, ненадежному, зыбкому, за которым начинался настоящий глубокий сон, черный, без привычных видений. Каким-то крохотным участком сознания, еще подконтрольным разуму, Грант понимал: там, во сне, его ждет что-то страшное. Оно оскалилось, ожидая, когда он пересечет невидимую границу, и набросится, едва разум окончательно померкнет. Поэтому, опустившись вниз, Грант тут же встряхивался, вздрагивал, сбрасывая с себя липкую паутину сонливости.

Ночь была тиха и прозрачна. Она рождалась в темно-синем небе, в звездах, в белых рогах луны, и окутывала мир своим прохладным дыханием. Она блуждала в верхушках деревьев ленивым ветром, скользила по поверхности озера легкой рябью, разбивая ртутную амальгаму серого зеркала воды. Отражающиеся в ней бронтозавры сонно ворочались и что-то глухо ворчали.

Но зато Грант видел рассвет, первые, нежно-розовые, лучи солнца и висящую у самого горизонта радугу. Видел, как влажный туман полз к воде, видел, как заблестели капли росы на траве и как белые паруса облаков быстро плыли по ставшему вдруг удивительно голубым небу.

А потом он вновь задремал и проснулся от истошного визга Лекс:

— Уходи! Уходи!!!

В ее голосе было столько панического безотчетного

ужаса, что Грант, еще не до конца проснувшись, резко подавшись вперед, едва не свалился с дерева. Он открыл глаза и увидел прямо перед собой, метрах в трех, ноздристую плоскую голову. Большие влажные глаза рептилии с любопытством разглядывали людей.

— Все нормально! — крикнул Грант, хватая Лекс за плечо. — Успокойся!

— Уходи!!! — продолжала визжать та. Страх был сильнее ее. — У-хо-ди-и!!!

— Тихо! Все в порядке! Это бронтозавр! Динозавр, питающийся зеленью!

Лекс притихла, хотя ее трясло, как в лихорадке. Грант отломил качающуюся над их головами ветку и протянул бронтозавру.

— Ну, давай! Иди сюда! Давай!

Бронтозавр втянул воздух широкими, чуть сплющенными ноздрями, медленно сделал шаг и осторожно взял еду из руки человека. Пожевал и вздохнул.

— Это детеныш, — спокойно продолжал говорить Грант. — Он абсолютно безопасен. Не бойтесь.

— А я и не боюсь, — быстро сказал Тим. — Ни капельки.

— Ну и хорошо.

— Он простужен, — вдруг добавил мальчишка.

Грант озадаченно посмотрел на него:

— Откуда ты знаешь?

— А у него из носа течет, — спокойно и рассудительно объяснил Тим. — Посмотрите.

Элан вгляделся в морду динозавра.

— Да, действительно, — вынужден был сказать он.

Голова рептилии покачивалась в каком-нибудь метре от развилки.

— А можно его погладить?

Такое проявление нежности несколько обескуражило Элана. «Ты ничего не понимаешь в детской психологии, — сказал он сам себе. — Совершенно ничего. Только что, полминуты назад, эта девочка пищала от страха, а теперь спрашивает, можно ли ей погладить динозавра. Ведь, по логике вещей, ее должно колотить от ужаса, а она... Нет, ты ничего не смыслишь в детях. Кто-то другой, наверняка, разобрался бы в этом. Скажем, тот же Малколм ,наверняка, все разложит по полочкам за десять секунд, но ты — нет. Кто угодно, только не ты».

— Конечно, — кивнул Грант. — Ничего страшного. Это вроде большой коровы.

— Да, — Лекс серьезно кивнула. — Я люблю коров, — девочка протянула рептилии руку, и Элан заметил, как дрожат ее пальцы.

«А-а-а, она все-таки боится, — констатировал он. — А то я уже подумал, что совсем безнадежен».

— Ну-ка, иди сюда, — фальшиво пропела Лекс. — Иди сюда, давай.

Бронтозавр доверчиво ткнулся ей в ладонь. Не обнаружив ничего вкусного, он удивленно отпрянул и с почти открытой обидой посмотрел на человека.

Грант чуть не рассмеялся, настолько узнаваемы и подетски непосредственны были реакции динозавра. Тим же не выдержал и прыснул в ладонь. Лекс довольно улыбнулась.

В этот момент бронтозавр судорожно набрал воздуха и... оглушительно чихнул, забрызгав девочку прозрачной слизью. Теперь уж Тим хохотал во все горло, не таясь. Он веселился до тех пор, пока бронтозавр не чихнул еще раз. Только теперь «мишенью» послужил сам мальчик. Лицо паренька вытянулось, и он принялся счищать с себя липкую слизь.

Лекс улыбнулась и прошептала:

— Благославит тебя Бог.

Со стороны озера донесся протяжный трубный зов. Динозавр сразу встрепенулся и принялся неуклюже топтаться на месте, пытаясь развернуться среди деревьев. Справившись наконец с этой, в общем-то, нелегкой задачей, он беспокойно потрусил к озеру, то и дело оглядываясь на людей.

— Ну, ребята, — сказал Грант, когда динозавр скрылся из виду, — пора собираться.

Арнольд Кеймен задремал прямо в кресле, перед экраном компьютера. Он сидел, склонив голову на грудь, посапывая, и ему не снились кошмары. Напротив, сны его

были приятными, пестрыми, как колода игральных карт. Негр даже улыбался и изредка причмокивал губами. Крепкий здоровый сон уставшего человека.

Арнольд не слышал, как пискнул компьютер, и ограждение зоны рептиров погасло. Еще через полчаса отключилась программа блокировки системы безопасности. Компьютерный Деннис растаял. Он исчез с монитора, уходя в небытие, как ушел Деннис настоящий. Смолкло сладковатое: «Вы забыли...» и «Ха-ха-ха...» Наступила тишина. Лишь мерное гудение вентиляторов нарушало ее, но оно, скорее, убаюкивало, чем тревожило.

Проснулся Арнольд от того, что кто-то прикоснулся к его плечу. Касание было слабым, но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы программист вздрогнул и открыл глаза. Обернувшись, он увидел Хадлинга. Соломенные волосы того, и так не очень послушные, были в полном беспорядке, глаза, красные после утомительной ночи, тем не менее смотрели осмысленно и трезво.

— Сморило? — спросил Хадлинг.

— Да, устал, — объяснил Кеймен собеседнику.

— Оно и понятно, — заметил тот. — Все эти неприятности не способствуют улучшению самочувствия.

— Это верно.

— Угу. Ты чертовски неважно выглядишь, — Хадлинг вздохнул. — Скорее бы наладили ограждение.

— Я только об этом и думаю, — Кеймен вдруг сообразил, что не слышит ставшей уже привычной насмешки Денниса. Программист круто развернулся в кресле. — Погоди-ка...

Хадлинга не оживил энтузиазм в его голосе. Несколько апатично сунув руки в карманы халата, он наблюдал за энергичными действиями Арнольда. Тот суетливо набрал на клавиатуре команду и... компьютер отозвался. Картинка ожила.

— Приятель, твоя мечта сбывается, — пробормотал Кеймен Питеру. — Похоже, эта штука заработала.

— Да ну? — Хадлинг чуть-чуть воспрял духом. Усталость, сковывавшая мозг тяжелой цепью, несколько развеялась приятной новостью. — Там, действительно, можно что-то сделать?

— Пробую, — пальцы Кеймена сплясали джигу на клавиатуре. — Господи, не могу поверить.

— Что-то не так? — встревожился Хадлинг.

— Наоборот. Осталось только включить главный рубильник, и все оборудование парка придет в норму.

— Да ты кудесник, старина, — Хадлинг устало улыбнулся. — Дело за малым: пойти и нажать несколько кнопок.

— Угу, — Кеймен кивнул. — Ты случайно не знаешь двух симпатичных парней, готовых осуществить эту героическую миссию?

— По-моему, ты и сам их прекрасно знаешь.

— Так сделаем это!

Они засмеялись, вполне довольные собой.

Арнольд набрал на клавиатуре текст, включил режим печати, и принтер, тихо попискивая, начал выводить на бумаге слова.

Было шесть часов утра.

Они шли уже больше часа, а джунгли и не думали заканчиваться. Куда бы ни взглянул Грант, везде колыхались тропические деревья, лианы, цвели орхидеи, не было только яркого солнечного света, свободно струящегося с белого раскаленного неба. С одной стороны, это радовало. Прохладная тень несла успокоение уставшему телу, но, с другой стороны Элан уже начал всерьез сомневаться, в том ли направлении они двигаются. Возможно, он ошибся в своих рассчетах, тогда эта прогулка закончится для них трагически. В пасти одной из обитающих здесь хищных рептилий. Дети, похоже, не разделяли тревоги Гранта. Им было достаточно того, что с ними взрослый. И если в начале пути они молчали, то минут через двадцать завели вполне нормальную оживленную беседу о самом парке и его «экспонатах».

Грант недоумевал.

— Круто! — восхищался Тим, перелезая через очередной древесный завал на пути, обращаясь к сестре. — Ты, играя на компьютере, из такой переделки никогда не выберешься.

— Я просто еще учусь, — возразила девочка.

— Вот я и говорю. У тебя с компьютером слабо.

— У меня не слабо. Я просто еще учусь.

— Ты в «Терминаторе» даже второй уровень пройти не можешь.

— А вот и нет. Я доходила до четвертого.

— А я — до шестого! — похвастался Тим.

Элан почувствовал, что голова у него от этих разговоров пошла кругом. Он перебрался через завал, едва не порвав брюки, и вдруг встал как вкопанный.

Дети даже не заметили этого. Их слишком увлекла собственная болтовня.

— Стоп! — сказал Элан и удивился необычным интонациям своего голоса. Крайняя степень изумления.

Дети остановились мгновенно. Личико Лекс вытянулось. Тим принялся озираться вокруг, отыскивая причину беспокойства. Для него она могла заключаться только в одном: рядом динозавр. Мальчишка даже присел, готовясь отскочить, прыгнуть в кусты или спрятаться за стволом дерева. Однако он не заметил ни малейшего повода для волнения.

— Что случилось? — спросила Лекс.

— Динозавр, да? — подхватил Тим. — Вы видели динозавра?

Грант покачал головой:

— Нет. Идите сюда.

Они опасливо приблизились. Растерянность, смешанная с ожиданием внезапной беды, ясно читалась на их лицах.

Элан опустился на корточки и указал на что-то, лежащее под самым стволом старой корявой сосны, служащей остовом для всего завала.

— Видите?

Тим пригляделся. На черно-коричневом ковре засохшей хвои выделялись какие-то белые обломки. Они были совсем маленькими — не больше нескольких квадратных сантиметров — и имели неправильную форму. Мальчик сперва принял их за осколки пластика, но, последовав примеру Элана и опустившись на корточки, увидел, что это...

— Скорлупа? — озадаченно спросил он.

— Точно, — подтвердил Грант. — Яйцо динозавра. Они размножаются.

— Они не могут размножаться, — вдруг с вызовом, почти враждебно, заявила Лекс. — ОНИ НЕ МОГУТ РАЗМНОЖАТЬСЯ. Дедушка говорил, что здесь только девчонки. То есть динозавры женского пола.

— Это все — ДНК, — задумчиво продолжал Грант.

— А это еще что за дерьмо? — независимо спросил Тим.

— Перестань ругаться, — одернула брата Лекс. — Сколько раз тебе мама говорила?

— Да ладно, — буркнул тот.

«Мальчик хочет казаться взрослее, — решил Элан, — а она понимает убогость подобных попыток. Достичь солидности подобным образом невозможно. Хотя, само по себе, это — вполне естественно».

— Перед экскурсией нам показывали фильм, — сообщил он. — В нем говорилось, что ученые Юрского парка использовали ДНК лягушки, чтобы восстановить пробелы в цепочках динозавров. Новый генетический код выведенных здесь рептилий включает свойства лягушки.

— Ну и что? — живо поинтересовался Тим.

— А то, что некоторые виды африканских лягушек обладают способностью спонтанно менять пол с мужского на женский и наоборот. Все зависит от демографического перевеса в данный момент. Малколм был прав. Смотрите.

Грант указал на узенькую полоску песка, тянущуюся вдоль трухлявого тела сосны. Не успевший просохнуть после вчерашнего дождя, он отлично сохранил крохотные следы.

— Дайлотозавр, — сказал Элан. — Смотрите, ребята, и запоминайте. Сегодня здесь вы видите следы зарождения новой юрской жизни.

Арнольд и Питер прошли по тропе к спрятавшемуся в тени ветвей приземистому серо-зеленому бетонному бункеру. Как и подавляющее большинство строений острова, энергетический блок, в основном, располагался под землей. Стальная дверь, толщиной не менее полуметра, надежно защищала вход от посторонних. Арнольд отомкнул

сетчатую калитку, и они попали в небольшой тесный дворик ; сплошь заросший кустарниками и диковинного вида тропическими цветами. Только узкая дорожка, ведущая от калитки к бункеру, была очищена от растительности и засыпана гравием. Люди, энергично втаптывая мелкие камешки в землю, достигли мрачного строения, повернули рукоятки трех механических замков и начали набирать код на электронных.

— Сработает? — Питер подозрительно посмотрел на замок.

— Надеюсь, — ответил Кеймен. — Иначе этот парк можно хоронить.

— Веселая перспектива, — хмыкнул Хадлинг.

Код сработал. Щелкнули, отходя, тяжелые запорные скобы. Вход был свободен.

— О'кей, — Арнольд одобрительно усмехнулся и хлопнул ладонью по двери. — Ты отличный парень.

Они спустились по крутой бетонной лестнице, которая, казалось, выходила прямо из стены. Весь этот бункер являлся одним организмом, цельным, крепким, несокрушимым. Он был вечен.

Арнольд и Питер погрузились в его прохладное нутро. Длинные извилистые коридоры со вздымающимися по обеим сторонам, отталкивающе холодными глыбами стен, производили давящее впечатление.

Программист оглянулся и пробормотал в ответ на вопросительное движение бровей Хадлинга:

— Не люблю я это место. Ощущение такое, будто за тобой кто-то идет.

Он сухо и неестественно засмеялся.

— Это уж точно, — поддержал коллегу Хадлинг. — Неприятное местечко. Не будь тебя, я бы, наверное, и шагу сюда не сделал добровольно.

Арнольд тряхнул головой, поправил сползающие на нос очки и пошел вперед, освещая себе путь электрофонариком.

— А самое поганое тут — темнота! Того и гляди, подвернешь себе ногу на какой-нибудь ступеньке!

— Да уж. Все боятся темноты, — констатировал Питер. — Одни — больше, другие — меньше, но все. Это в природе человека. Животные боятся огня, человек — темноты. Так устроен наш разум. Тут ничего не поделаешь.

Они говорили не потому, что им так уж хотелось что-то сказать друг другу. Просто звук собственного голоса вселял в них уверенность, точнее, поддерживал ее слабый огонек, придавал отваги, столь необходимой при путешествии в темноте по таким вот бесконечным путанным лабиринтам.

Арнольд даже вспомнил старую — слышанную или прочитанную? — греческую притчу о лабиринте минотавра. Только, в отличие от главного героя этой притчи, у них не было путеводной нити.

— Тут недалеко, — подхватил слова примолкшего приятеля программист. — Запустим главный рубильник, и тогда света будет хоть отбавляй.

— Скорее бы, — мечтательно откликнулся из темноты невидимый Хадлинг. — А то, и правда, что-то не по себе.

— Главное, не потерять друг друга.

— Ты найди рубильник, а уж я не потеряюсь, будь уверен.

Он хмыкнул. Что-то коснулось лица Кеймена. Оно было легким, почти невесомым. Возникло и тут же пропало.

— Ты чувствуешь? — Арнольд резко остановился, и Питер едва не налетел на него. — Чувствуешь?

— Что?

— Похоже, сквозняк...

— Сквозняк? Откуда бы ему здесь взяться?

Арнольд застыл, повернувшись в сторону выхода. Он явно ощущал слабый поток прохладного воздуха. Не могильно-сырого, присущего всем бункерам, а свежего, насыщенного запахом травы и утра.

— Точно. Мы, наверное, забыли закрыть дверь...

— Ну да, конечно! — Питер вздохнул с явным облегчением. — Я и не стал закрывать ее плотно. Оставил приоткрытой, чтобы хоть что-нибудь разглядеть на чертовой лестнице. Боялся свернуть себе шею.

— Ну понятно.

Арнольд осветил фонарем коридор за спиной, скользнул лучом по черным гладким змеям кабелей, переплета-

ющихся под потолком, лишний раз убедился, что коридор пуст, и вновь зашагал вперед, невольно прислушиваясь к стуку каблуков Питера.

Через несколько минут программисту показалось, что он ощущает странный запах. Смесь сырой земли и слабого раствора мыла. Арнольд втянул воздух в легкие. Кожа покрылась мелкими пупырышками. Волосы на шее зашевелились. А может быть, это сквозняк вновь достал его своей невесомой пятерней?

Он ничего не сказал, относя свой страх на измотанные вчерашним днем нервы.

«Интересно, — подумал Арнольд, — а Хадлинг чувствует *это*?»

Программист не знал, в чем заключается его ЭТО. Что оно из себя представляет. Он просто чувствовал присутствие чего-то злого и безжалостного. Казалось, воздух, сырой воздух подземелья, сгустился вокруг него грозовой тучей.

Арнольд почти механически переставлял ставшие вдруг ватными ноги, думая о том, стоит ли ему спросить Питера о его ощущениях, и почти уже собрался сделать это, но в этот момент впереди показался поворот, ведущий к главному рубильнику.

Под ногами гулко задрожали стальные ребристые ступеньки. Программист сделал шаг, оступился внезапно и судорожным импульсивным движением попытался схватиться за гладкие холодные перила. Луч фонаря метнулся в сторону, рассекая темноту широкой дугой.

— Черт! — в сердцах выругался Арнольд. — Совсем забыл про них.

Хадлинг молчал. Слышно было лишь его странное сопение, доносящееся из темноты. Оно, прерывистое и какое-то булькающее, напугало Арнольда еще сильнее. Чернота сгустилась еще больше. Она, по мере того, как глаза программиста привыкали к мрачным сумеркам, обретала очертания. Раструб фонаря, направленный вниз, не давал достаточно света, чтобы разглядеть ЭТО, а поднять его программист почему-то никак не решался.

В круг света попали носки туфель Хадлинга, смотрящие почему-то друг на друга.

И вдруг тишина взорвалась агонизирующим хрипом. Туфли задергались, отбивая дробь по стальным ступеням. Они даже отрывались от пола, зависая в воздухе.

Арнольд с ужасом смотрел на этот дьявольский танец, тупо пытаясь понять, почему же они не падают.

Туфли дернулись последний раз и застыли. Страшные, неестественно вывернутые.

И тогда Арнольд вытянул руку с зажатым в ней фонарем перед собой.

Желтый свет выхватил из темноты искаженное лицо Питера Хадлинга, залитое кровью, сжатое громадными челюстями. Клыки глубоко вошли в череп и раздавили его, превратив в неправильной формы овал, истекающий мозговой жидкостью и розовой пеной, состоящей из крови и слюны рептилии.

Луч переполз чуть выше. Глаза существа мгновенно спрятались за дымчатой пленкой век.

Арнольд Кеймен закричал. Он кричал, и кричал монотонно, с надрывом, пока окончательно не опустошил легкие. А потом развернулся и бросился бежать. Паника охватила его. Человек перестал соображать. Слишком велик был этот вытесняющий разум ужас.

Арнольд бежал, задыхаясь, еле слышно скуля, но куда бы он ни свернул, его везде настигал жуткий скрежещущий звук. Звук царапающих бетонный пол когтей велосирептора.

К восьми часам они наконец вышли на равнину. Грант заметил ее признаки чуть раньше и внутренне был готов к тому, что сейчас увидит, но зрелище все-таки поразило его.

Густая трава, светло-салатовая под ногами, лежала бесконечным ковром, постепенно меняя свой цвет до насыщенно-зеленого, а еще дальше — до сочного темного. На этой, похожей на поверхность моря, глади выделялись свои «волны» — холмы. Подобно мачтам старинных кораблей, торчали невысокие деревья, кое-где пестрыми всплесками проступали яркие пятна исполинских цветов. Темная полоска джунглей темнела на горизонте причудливым неровным узором.

Справа лес подступал совсем близко. Он изогнулся полукольцом, извивающийся коричневыми лианами, обжигающий огненными вспышками орхидей, манящий периной сплетенного вьюна. Неуловимые тени оживляли его, придавали деревьям вид живых существ. Утреннее солнце, еще не палящее, но ласкающее нежной теплотой мягких золотистых лучей, придавало и равнине, и лесу волшебно-загадочный вид.

— Ух ты!

Тим не смог сдержать восхищения. Оно выплеснулось привычной, заезженной, будничной фразой, но в устах ребенка прозвучало, как высшая похвала.

Лекс тоже остановилась, пораженная великолепием вида, открывшегося их взору.

— Круто, — вновь подал голос Тим.

Он изо всех сил старался подыскать какие-нибудь искренние, но в то же время поэтические слова, достойные этого места, способные передать его красоту, но их не было. Да, собственно, им и неоткуда было взяться. По крайней мере, пока.

— Я знаю это место, — вдруг сказала Лекс.

— Откуда? — поинтересовался Грант.

— Видела на схеме. И мистер Броуфстайн возил меня сюда однажды.

— Вот так вот, да? — обиженным тоном спросил Тим.

Ни Грант, ни Лекс не придали этому большого значения.

— Далеко до главного ограждения периметра? — спросил Элан девочку.

Лекс огляделась:

— Нет. Не больше километра. В той стороне, — она указала рукой на лес справа. — Совсем рядом.

— Отлично, ребята, — улыбнулся Грант. — Мы почти пришли. Оркестра, наверняка, не будет, но теплые дружеские объятия — обязательно.

Тим улыбнулся. Видимо, ему пришлось по вкусу то, что сказал Грант. Даже Лекс просветлела.

Слева из-за холма вынырнула горсть светлых пятнышек. Они походили на фигурки игрушечных зверей из детского набора. Но только эти существа были живыми и

неслись во всю прыть по каким-то своим, рептильим, делам.

— Тим? — спросил Элан. — Можешь сказать, кто это?

— Это арни... орни... Орнитомимус!

— Они... — Лекс замялась, вспоминая нужное слово, — ...мясоедящие?

— Ага, — кивнул мальчишка. — Как тиранозавры.

Орнитомимусы продолжали свой бег. Они напоминали четырехметровых страусов, только вместо крыльев тело украшали короткие, прижатые к груди, лапы. При каждом шаге рептилии чуть приседали и вновь взмывали вверх, помогая себе мускулистым длинным хвостом. Движения их были полны неуловимой плавной грацией. Орнитомимусы будто плыли в утреннем, звенящем чистотой воздухе.

— Как красиво, — выдохнула Лекс.

— Да, они — как стая птиц, — поддержал ее Грант.

— И эта стая, похоже, направляется прямо на нас, — не очень радостно вставил свое слово Тим.

Их было не меньше тридцати особей. С гулким топотом стая совершила плавный поворот и понеслась прямо на людей, со скоростью хорошо разогнавшегося легкового автомобиля.

— Бежим!!!

Окрик Гранта вывел детей из оцепенения. Они полетели прочь, прислушиваясь к нагоняющей с каждой секундой дробной поступи динозавров.

Хрипло дыша, выбиваясь из сил, люди пробежали примерно двести метров, когда стая настигла их. Мимо замелькали светло-коричневые размытые пятна тел. Орнитомимусы легко огибали фигуры людей и мчались дальше, к лесу.

Еще метров через сто, Грант заметил немного в стороне ствол поваленной старой акации. Высохшие, почерневшие от дождей и солнца ветви торчали из травы, как ребра скелета.

— Туда, — сипло выдохнул Грант.

Они добежали до укрытия, нырнули за спасительный ствол и перевели дух.

Стая приняла вправо, затем развернулась и побежала в противоположную сторону. Причина столь неожиданной смены направления стала понятна секундой позже. Из зарослей появился дитеныш тиранозавра. Он значительно уступал ночному чудовищу, и все-таки его вид вызвал у людей нервную дрожь.

— Они добрались сюда, — с ужасом прошептала Лекс. — Они все-таки добрались. О, господи...

Она попыталась вскочить, но Грант удержал ее:

— Не шевелись.

— Я хочу уйти!!! — закричала девочка.

— Не двигайся, пожалуйста.

— Да уж, таких птиц ты больше никогда не увидишь, — попробовал сострить побледневший Тим.

Ти-рекс в два прыжка настиг мечущихся орнитомимусов и, сбив одного с ног, с хрустом вцепился клыками ему в хребет. Жертва начала бить задними лапами по воздуху и судорожно поворачивать голову, пытаясь схватить противника. Тиранозавр одним рывком вырвал у нее позвоночник. На траву хлынула кровь.

— Меня сейчас стошнит... — прошептала Лекс.

Ти-рекс впился клыками в мертвое тело и начал рвать его на части, глотая огромные дымящиеся куски.

— Смотрите, кровь, — растерянно пробормотал Тим.

— Уходим, — скомандовал Грант.

Воспользовавшись тем, что хищник увлечен добычей, они быстро перелезли через ствол и, пригибаясь, побежали налево, к темнеющему лесу. Утро уже не казалось им беспечным и радостным, но знай они, что их ждет дальше, возможно, люди не стали бы торопиться навстречу куда более большей и худшей опасности, чем полуслепой ти-рекс.

* * *

В операционном зале собрались все, кого еще можно было собрать: Сол, Хаммонд, Элли и Малколм.

Тревогу подняла Элли, после того как прочла торчащую из принтера записку: «Системы разблокированы. Ушли включать главный рубильник». Чуть ниже стояло время: 06:04.

Сейчас было четверть девятого, а на мониторах главного компьютера ограждение зон по-прежнему выделялось зловещим черным цветом. Электричества не было.

Самым плохим оказалось то, что никто из собравшихся, в сущности, не умел обращаться с компьютером. Точнее, не умел делать этого на том уровне, которого требовал парк.

Хаммонд по привычке принялся расхаживать по залу, задумчиво теребя седую бородку.

Броуфстайн просто стоял, но лицо его с каждой уходящей минутой становилось все мрачнее.

Малколм, абсолютно серьезный, бледный из-за постоянной головной боли, наблюдал за остальными. Он тоже пытался найти какой-нибудь реальный выход из сложившейся ситуации, но не находил его. В голове образовалась сосущая пустота, в которой не было ни одной мысли. Совсем. Похоже, все они сейчас сконцентрировались на боли.

— С ними что-то случилось, — нервничая не на шутку, чуть громче, чем ей хотелось бы, сказала Элли. — Сколько нужно времени, чтобы включить электричество?

— Арнольд был там всего несколько раз, — задумчиво протянул угрюмый Броуфстайн, — но, я думаю, в любом случае, не больше часа.

— А их нет уже больше двух. Что-то не так, — она вздохнула и повторила: — Что-то не так.

Хаммонд посмотрел на нее с отеческой укоризной:

— Не нужно поднимать панику заранее, доктор Сетлер. Вы все еще находитесь под впечатлением вчерашнего происшествия...

Сидящий, а точнее, полулежащий в кресле, забинтованный Малколм принялся с интересом разглядывать бородача, словно решая, до каких же высот самоутешения может дойти один конкретный индивидуум. Человек.

— Когда открывали Диснейленд, — продолжал тем временем Хаммонд, — в 1965 году, там вообще ничего не работало.

— Но, Джон, — возразил зоолог, — когда портятся манекены Микки Маусов, они не едят туристов.

— Я не могу больше ждать, — решительно заявила Элли. — Что-то случилось. Надо пойти и попытаться включить электричество.

— Туда так просто не пробраться, — отрицательно покачал головой Сол. — Слишком рискованно. Ни вы, ни я не знаем, в каком состоянии ограждения остальных динозавров, но ти-рексы вполне могут оказаться здесь. Где-нибудь поблизости.

— И что вы предлагаете?

— Можно подождать, пока прибудут работники парка, — предложил Хаммонд.

— Это произойдет только в понедельник, — сообщил зоолог, — то есть завтра. За это время Грант и дети могут погибнуть.

Элли кивнула.

— Джон, никто не заставляет идти вас. Я сделаю это в одиночку.

— Ну уж нет, — тяжело оборвал ее Броуфстайн. — Вы же ничего тут не знаете, не успеете и шагу сделать, как... Короче, я иду с вами.

— Ладно, — Хаммонд вздохнул. — Это, конечно, не то же самое, что включать свет на кухне, но, кажется, я смогу вести вас по схеме. Хотя, на самом деле, следовало бы идти мне...

Элли взяла со специальной полочки рацию, электрический шестибатареечный фонарь — эмблема Юрского парка украшала черный пластмассовый корпус — и повернулась к бородачу:

— Почему?

— Ну, я вроде бы...

«Мужчина, — закончила про себя Элли. — Понятно.»

— Знаете, Джон, — сказала она с убийственным спокойствием, — давайте обсудим взаимоотношения полов в экстремальной ситуации после нашего возвращения. О'кей?

Хаммонд только вздохнул.

Броуфстайн совершенно невозмутимо подошел к оружейной стойке, взял рацию и тяжелый, отливающий голубым «мозберн». Рацию он протянул Хаммонду, ружье зарядил и дослал патрон в патронник.

— Вы готовы, Сол? — спросила Элли.

— Да.

— Тогда пошли.

У самой двери девушка обернулась и сказала:

— Только ведите нас, шаг за шагом. Мы на втором канале.

Бородач поспешно кивнул.

Элли и Сол вышли на улицу. Утро было великолепным. Слабый ветерок нежно касался лиц, оглаживал кожу и медленно плыл дальше. Казалось, они вошли в прохладную ленивую реку, чистую и безопасную. Птицы начали свой день, и их щебетание не нарушали посторонние звуки. Ничего враждебного. Ни рычания, ни тяжелой поступи ти-рекса. Прежде чем начать путь, Броуфстайн внимательно огляделся.

— Что-нибудь подозрительное? — спросила Элли.

Тот покачал головой:

— Нет. Похоже, все чисто.

— Можно идти?

— Да, можно.

Они пошли по дорожке, в точности повторяя путь, пройденный два часа назад Арнольдом и Питером. Охотник постоянно озирался, рассматривал какие-то следы на земле, невидимые для Элли, повергая ее в легкое замешательство. Неприятно осознавать, что рядом с тобой человек, знающий что-то, чего не знаешь ты.

Вскоре впереди показалась небольшая развилка.

— Куда теперь?

— Влево.

За деревьями появилась покатая крыша наблюдательной вышки, стоящей у зоны рептиров.

Элли невольно покосилась на охотника и подивилась его недюжинному самообладанию. Лицо Броуфстайна выглядело не более напряженным и хмурым, чем обычно.

Они погрузились в редкие заросли, оставив ограждение зоны рептиров слева, и пошли дальше.

— Энергетический блок — прямо, — сообщил Сол. — Метрах в двадцати отсюда. Скоро увидите.

Девушка вздохнула. Нельзя сказать, что она боялась, но ощущала некоторое волнение. Все же довольно неприятно знать, что где-то рядом может поджидать двенадцатиметровый хищник.

Заросли стали чуть гуще и в этот момент Броуфстайн вдруг остановил девушку движением руки. Стволом винтовки он указал куда-то вбок:

— Смотрите.

Элли вглядывалась в зеленое шевелящееся сплетение ветвей, но, к своему стыду, ничего не замечала. Однако, по тону охотника она поняла — тот увидел что-то важное и, скорее всего, неприятное.

— Что?

— Вы не туда смотрите. Правее. Между эвкалиптом и папоротником. Видите?

— Теперь вижу.

Это оказалось не просто важным и неприятным. Это оказалось страшным. Сердце Элли сжалось в горошину, а в висках гулко застучала прихлынувшая к голове кровь.

В ограждении рептиров зияла трехметровая дыра. Рептилии умудрились сломать стальную решетку. Неизвестно, каким образом они это сделали, но сделали.

Элли стало страшно. Так страшно, как не было никогда в жизни. В голове возникла картинка: медленно идущий по кругу Элан, сжимающий в руке пятнадцатисантиметровый коготь. Пошатывающаяся плавная походка гипнотизирует, не дает отвести взгляд.

«— ОН ПОЛОСНЕТ ТЕБЯ ЗДЕСЬ. ИЛИ ЗДЕСЬ.»

Элли почти реально ощутила, как кровь заливает ей живот, ноги, внутренности вываливаются из идеально ровного, словно сделанного опытным хирургом, разреза. Ей стало плохо. В довершение всего Броуфстайн добавил:

— Они рядом. Я их чувствую.

Элли завертела головой:

— Нет, их нет.

— Они здесь, — жестко и твердо сообщил Сол. — И наблюдают за нами. Просто выжидают подходящего момента для нападения.

— О, боже. Что нам делать?

— Идем к бункеру. Не торопясь, медленно и спокойно, — Броуфстайн перехватил винтовку поудобнее, сбросил предохранитель. — Ни в коем случае не показывайте, что боитесь, не дергайтесь. Все нормально.

Элли вгляделась в кустарник.

— Я вижу бункер, — вдруг радостно сказала она. — Я вижу! Можно проскочить, если побежать.

— Нет, — Сол смотрел на застывшие широкие листья папоротника метрах в пятнадцати от них. — Мы не сможем добежать.

— Но почему? — в голосе Элли звучало отчаяние.

Броуфстайн посмотрел на нее немного удивленно. Так смотрят на маленьких детей, задающих очевидные в своей простоте вопросы.

— Потому, что *за нами охотятся*.

— О, господи...

— Эта тварь в зарослях прямо впереди, — заметив внезапно подступившую бледность девушки, охотник озабоченно спросил: — С вами все в порядке?

(Он еще спрашивает!)

— Да, спасибо.

Ей, и правда, стало чуть лучше. Теперь, когда опасность обрела конкретную форму, когда стало ясно, *где* прячется рептор и что он собирается предпринять, Элли успокоилась. Не совсем, но истерическая волна, охватывающая ее, отступила.

— Как же быть?

— Бегите, — просто предложил охотник. — Прямо к бункеру. Я сниму их обоих. Давайте. Во весь дух.

Элли кивнула, но Броуфстайн заметил нерешительность, написанную на ее лице, и улыбнулся. Совсем чуть-чуть.

— Доверьтесь мне. Я умею это делать, — сказал он. — А теперь — бегите.

— Хорошо.

Девушка прикрыла глаза, досчитала до трех и побежала.

Она еще никогда не бегала так быстро. В ушах свистел ветер. Гибкие ветки хлестали по лицу. Элли даже не думала, *что* ей делать. Мозг сам принимал решения, отдавал команды телу, а оно реагировало прежде, чем девушка успевала что-либо осознать. Вот на пути вырос завал из сломанных сучьев. Не задерживаясь ни на мгновение, не снизив скорости, Элли подпрыгнула, ухватилась руками за толстую ветку тисса, нависающую над тропой, и перемахнула завал одним прыжком. Сетчатая калитка приближалась, а выстрелов все не было.

«РЕПТОРЫ ПРИМЕНЯЮТ СКООРДИНИРОВАННУЮ ТАКТИКУ АТАКИ» — вновь всплыл в голове голос Элана. Вот оно! Элли поняла, что Сола больше нет. Его убил второй велосирептор. В этом-то и заключалась их тактика. Поэтому она и не слышала выстрела! Эта мысль прибавила ей сил.

Створка распахнулась, и Элли, за полсекунды преодолев расстояние от ограды до стальной двери бункера, ввалилась внутрь. Прислонившись спиной к холодной бетонной стене, она прислушивалась, не донесется ли до ее слуха шум погони. Треск веток, стон ломающегося железа или хруст рвущейся сетки... Но было тихо. Ни шагов, ни других посторонних звуков. Если репторы и гнались за ней, то теперь они остались снаружи.

Элли еще несколько секунд успокаивала неровное дыхание. Сердце замедляло панический бег.

— Мистер Кеймен! — позвала девушка. — Мистер Кеймен!!!

Ответом ей послужила холодная тишина. Щелкнув переключателем рации, она поднесла микрофон ко рту:

— Джон, я в бункере.

— А Сол? — хрипло, с легким дребезжанием, осведомился динамик.

— Он на улице. У нас неприятности. Репторы прорвали ограждение и вырвались на свободу. Похоже, мистер Броуфстайн погиб.

Рация молчала не меньше минуты.

— Черт возьми, — наконец отреагировал Хаммонд. — Не хватало нам здесь еще и репторов иметь, — он вновь немного помолчал. — А Арнольд и Питер? Вы не нашли их?

— Джон, я стою около двери, — раздраженно ответила девушка. — Чудо, что мне вообще удалось добраться сюда.

— Да, конечно. Извините.

Элли, пораженная спокойным тоном Хаммонда, ничего не ответила.

Она ожидала какой-то реакции на известие о смерти охотника. Но ее не последовало. В груди Элли поднялась глухая злоба. Уже даже не раздражение, а именно злость. Ей захотелось швырнуть рацию на пол и растоптать, чтобы колесики, детальки, осколки стекла со звоном и скрежетом разлетелись во все стороны.

«Нормальная реакция взбешенного неандертальца, — подумала девушка. — Вполне адекватная ситуации».

— О'кей. Что мне делать дальше?

— Отлично, — тон бородача изменился. Теперь он стал напыщенно-громким, словно тот декламировал перед аудиторией. — Доктор Сетлер, перед вами металлическая лестница. Видите?

Элли включила фонарь. Стальные ступеньки круто уходили вниз, метра на три под землю.

— Да, вижу.

— Спускайтесь по ним.

Спасибо за дельный совет. Ее так и подмывало сказать это, но она вновь подавила свои чувства.

— Хорошо, спускаюсь.

Осторожно, стараясь не оступиться, Элли преодолела лестницу и направила луч перед собой. Он уперся в темноту, не достигнув конца коридора, однако прекрасно осветив высокие серые стены.

— Стою внизу, — сообщила девушка.

— Отлично, — тем же неприятно-театральным тоном сказал бородач. — Теперь идите вперед.

Она послушно двинулась вперед. Через полминуты Элли перестала видеть даже тот слабый свет, который проникал сквозь приоткрытую дверь. Сумрак, окружающий ее, был липким и смрадным. Пахло изоляцией, болотом и еще чем-то сладковатым и гнилостным. Элли первый раз находилась в подобном помещении и не знала, какие запахи *должны* преобладать тут. В ней проснулись детские, давнишние, забытые и похороненные в глубинах памяти страхи. За желтым контрастным лучом фонаря таились разнообразные чудища. Жуткие вампиры следили за каждым ее шагом. Бугеймен[1], Утопленник, обросший водорослями и тиной, холодно-осклизлый, с синюшным лицом утопленника, бесшумно подкрадывался сзади. Зубастые многорукие монстры скалились из углов, сверкая наполовину сгнившими клыками. На поверку все было куда прозаичнее и спокойнее. Вампиры оказывались то электрическими распределительными щитами, то — противопожарными баллонами, блеск клыков монстров был не более чем отсветом на ячейках стальной сетки, тянущейся справа, а вместо Бугеймена подкрадывалась лишь темнота.

— Доктор Сетлер? — вдруг громко заверещала рация. — Доктор Сетлер!

Дребезжащий голос напугал ее, пожалуй, даже больше, чем все детские страхи, вместе взятые.

— Да! — ответила она торопливо.

— С вами все в порядке?

— Все нормально.

— Где вы находитесь?

Элли огляделась:

— Не знаю. Тут какие-то щиты, справа — сетка. Впереди, метрах в пяти, поворот налево.

— А основной коридор уходит прямо?

— Да.

— Хорошо. Вы почти у цели, — Хаммонд был доволен. — Сейчас сверните налево и идите прямо. В конце коридора...

[1] Бугеймен — герой серии комиксов и рассказов.

Он не успел договорить. В динамике послышалась какая-то возня, и затем голос Малколма отчетливо проговорил:

— Будьте любезны, позвольте мне...

К большому облегчению Гранта и Тима, Лекс не ошиблась. Ограждение оказалось даже ближе, чем они предполагали. Оно не было повреждено и стояло, высокое, непроницаемое, прячась одним крылом в джунглях, а вторым уползая к самому горизонту, над которым повис золотой диск солнца. Толстые тросы серебристо поблескивали и чуть гудели, когда ветер касался их своим дыханием.

Грант остановился, не доходя до изгороди двух шагов. Сигнальные маячки на опорном столбе безмолствовали. Скорее всего, Хаммонду так и не удалось наладить подачу тока. Однако слабая вибрация, то и дело пробегающая по тросам, настораживала. «Конечно, один шанс из тысячи, что ток все же включен, но вышли из строя маячки, — подумал он. — Но вдруг именно сейчас этот шанс сработает? Что тогда? А тогда мы превратимся в золу. В пепел. Нет, в их положении нельзя полагаться даже на очевидное. Слишком много безупречно рационального перечеркнул вчерашний день».

Элан перестал верить в бесспорную очевидность.

— Похоже, ток выключен, — сказал он. — Но нужно проверить.

— Зачем? — полюбопытствовал Тим. — Ведь сигнальные лампы не горят?

— Но и ти-рекс не должен был вырваться из своей зоны, не так ли?

Мальчишка серьезно обдумал возражение и кивнул:

— Да, наверное, вы правы.

— Мне тоже иногда так кажется, — улыбнулся Грант. — О'кей.

Нагнувшись, он поднял с земли сучковатую палку, размахнулся и швырнул ее в сторону ограждения. Сталь загудела. Похожий на басовую ноту гитарной струны

звук покатился над равниной. Палка перевернулась, замыкая тросы. Грант почему-то вдруг поверил, что сейчас раздастся треск, посыплются бело-голубые искры, а в воздухе запахнет обгорелой древесиной. Удача не могла так, запросто, улыбнуться им.

Палка упала в траву. Ничего не произошло. Ни вспышки, ни облачка голубоватого дыма, ни запаха. Ничего. Тока все-таки не было.

Элан медленно подошел к ограждению, протянул обе руки, быстро схватился за трос и... закричал, широко открыв рот и конвульсивно трясясь всем телом. Сзади завизжала Лекс, а через долю секунды к ней присоединился и Тим.

Еще несколько мгновений Грант продолжал дергаться, затем разжал пальцы, повернулся и спокойно сказал:

— Нет. Все-таки ничего нет.

Лекс изумленно, с некоторой долей обиды посмотрела на него.

— Как глупо, — наконец сказала она.

— А по-моему, здорово, — вступился за Гранта Тим. — Отличная хохма.

Элан несколько смущенно развел руками.

— Извини, — сказал он девочке, — действительно, шутка не удалась. Извини, — Грант вздохнул. — Ну что, ребята, может быть, нам удастся перелезть через нее, а? Как вы думаете?

Элли бежала по темному, узкому, как кишка, коридору. Фонарь, зажатый в ее руке, постоянно двигался, и луч света отплясывал диковинный безумный танец, полосуя мглу, подобно световому мечу Люка Скайуокера[1]. Вообще, девушка уже не раз ловила себя на мысли, что вся эта затея очень напоминает ей кинобоевик, вроде «Чужого» или «Умереть тяжело» с Брюсом Уиллисом. Не хватает только своры террористов, дышащих в затылок, и автомата через плечо. Хотя монстров-то тут было предостаточно. Даже жаркое монотонное бормотание рации являлось антуражем виденного когда-то фильма ужасов.

[1] Люк Скайуокер — один из главных действующих лиц киноэпопеи Дж. Лукаса «Звездные войны».

— Сворачивайте налево.

Она послушно нырнула в узкий закуток, сделала несколько шагов и уперлась в непроницаемую бетонную стену.

— Черт!

— Что такое? Что-нибудь случилось? — встревожился Хаммонд.

— Тут тупик.

— Тупик?

— Да.

— Минутку, минутку, минутку...

Элли слышала, как бородач шелестит своей картой, что-то бормочет, видимо, недоумевая, как же он мог ошибиться.

— Стоп. Наверное, нужно было попробовать свернуть вправо...

— Подождите, — вмешался в разговор Малколм. — Элли, выйдите из тупика.

Девушка торопливо вернулась в главный коридор.

— Да, я сделала это.

— Отлично. Теперь поднимите фонарь вверх и скажите, что вы видите...

Элли подняла фонарь. Под самым потолком, удерживаемые мощными сваями, вились черные глянцевые кабели, украшенные разноцветными нашлепками.

— Здесь какие-то кабели, трубы.

— Прекрасно, — обрадовался зоолог. — Идите по ним. Они должны вывести вас к главному рубильнику.

— Хорошо, — девушка пошла прямо, то и дело освещая изгибающиеся путеводные дорожки кабелей. Нить, по которой она доберется до цели.

Лекс полезла первой. Трос раскачивался у нее под ногами, костяшки пальцев побелели от напряжения, но она, понимая, что Тиму будет куда страшнее, чем ей, нашла в себе силы посмотреть вниз и сказать брату:

— Тимми, могу поспорить, я буду на той стороне раньше, чем ты вскарабкаешься наверх.

Грант усмехнулся этой наивной хитрости, однако она

сработала. Глаза мальчишки загорелись детским азартом.

— Ты точно хочешь спорить?

— Конечно.

— Хорошо, давай! На два доллара!

— Идет. Начали.

Тим бодро принялся карабкаться наверх, ловко подтягиваясь и сохраняя равновесие.

— Эй, ребята, осторожнее, — крикнул Грант, — это вам не соревнования!

... Подсказка Малколма была очевидной, но, видимо, именно поэтому безотказной. Кабели, действительно, вывели Элли к главному распределительному щиту, на котором выделялась красная надпись: «Осторожно! Высокое напряжение!»

— Ян? — Элли почувствовала прилив бодрости. В этот момент она даже забыла о репторах, караулящих людей снаружи. — Ян, я нашла его!

Динамик хрипло затрещал в ответ.

«Наверное, я слишком далеко забралась», — подумала девушка.

— Ян?!!!

— Элли! Я слышу Вас! — голос прозвучал неожиданно четко. — Что случилось?

— Ян, я нашла его! Я нашла распределительный щит!

— Отлично! Вы молодец, Элли!

Она стояла перед высокой — около двух метров — металлической дверью, направив луч фонаря на буквы цвета крови, и едва сдерживалась, чтобы не заплакать от облегчения.

— Я нашла его, — вновь повторила девушка.

Судорожный спазм перехватил горло. В глазах защипало.

Элли заставила себя напрячься, стряхнула с себя слезливое оцепенение.

«Еще не все, — сказала она себе. — Еще не все. Нужно действовать. И главное: еще нужно вернуться. Вернуться живой».

— О'кей, — вновь поднося рацию ко рту, глухо произнесла Элли. Что мне теперь делать?

— Элли? — это был Хаммонд.

Девушка поежилась, будто прикоснулась к холодной скользкой лягушке. Она бы предпочла слушать Малколма.

— Элли, вы слышите меня?

— Да, — в эту секунду Элли вдруг поняла, как же она устала. Невероятно. Дико. Хотелось лечь, закрыть глаза и уснуть. Надолго. Усталость как-то сразу навалилась ей на плечи. Веки стали слипаться. Апатия, тусклая, бесцветная, затянула голову ватным безвкусным туманом.

«Встань! Встань!!! Очнись, черт тебя дери!!! — зло сказала себе Элли. — Тебе нужно идти! Давай, открой глаза!»

— Вы что-то сказали? — переспросил Хаммонд.

— Нет. Я слушаю вас.

— Так, — она представила, как бородач довольно потирает пухленькие ладошки, и сморщилась. — Для начала, откройте дверь.

Элли потянулась к металлической ручке...

... Лекс забралась наверх первой и уселась на трос, вцепившись в опорный столб. С десятиметровой высоты хорошо просматривалась равнина, и ей удалось разглядеть темное продолговатое пятно. Странно подергиваясь, оно шагало к ограждению. Сперва девочка не поняла, что это, но через минуту сообразила.

— Ти-рекс! — сказала она громко. — Тиранозавр! Он идет сюда.

Грант оглянулся. Он как раз одолел половину пути и теперь, прищурившись, всматривался в зеленое травяное море, пенящееся темными бирюзовыми волнами под порывами ветра.

— Он не может увидеть нас с такого расстояния.

— Но он все-таки идет сюда, — возразила девочка.

Тим тоже поднялся на верхний ряд и пристроился рядом с сестрой.

— Ага, — сообщил он. — Точно. Идет сюда.

— Не бойтесь, — как можно спокойнее, сказал Грант. — Перелезайте. Только осторожно, не упадите!

Лекс быстро начала спускаться, с обезьяньей ловкостью цепляясь за тросы.

Грант, не теряя ее из виду, вскарабкался наверх, перебросил ногу через край ограждения и улыбнулся Тиму.

— Спускайся очень внимательно. Трос — не слишком надежная опора.

Тот кивнул.

... Основной рубильник располагался в верхнем правом углу, а рядом с ним пестрели надписями два десятка тумблеров поменьше. Элли растерялась, не зная, что делать.

— Элли, теперь слушайте внимательно. Основной рубильник просто так включить невозможно. Нужно подкачать специальную ручку для набора напряжения. Она должна быть внизу. Видите? Такая большая, плоская, серая.

Темно-серая увесистая рукоять расположилась чуть ниже рубильника. Элли заметила ее сразу.

— Да, вижу. Сейчас попробую.

Она вцепилась в железо и изо всех сил потянула рукоять вверх. Тщетно.

— Ничего не получается, — хрипло выдохнула девушка.

— Попробуйте еще. Необходимо качнуть рукоять хотя бы четыре раза. Там должна загореться зеленая лампочка.

Четыре раза! Да хоть бы один! Элли вновь налегла на рычаг. Мышцы ее напряглись, заныли. Плечи заломило. Резкая боль вспыхнула в левом локте, но рукоять все же сдвинулась с мертвой точки и пошла вверх.

— Раз! — это был даже не выкрик, а просто стон. — Два!

— Как только загорится зеленая лампочка, значит напряжения достаточно!

— Три! — надрывный вопль донесся до Хаммонда и Малколма.

Четвертый раз был особенно сложным. Элли едва сумела перевести ручку в верхнее положение. Тут же вспыхнул веселым зеленым светом сигнальный индикатор.

— Готово.

Элли не узнала своего голоса. Напряженный, переполненный злостью, он больше подошел бы мужчине, чем женщине.

— Заряжено!

— Индикатор загорелся?

— Да.

— Прекрасно. Теперь остальное. Там есть такая круглая кнопка, на ней написано: «Для включения нажать».

— Есть, — отозвалась Элли, найдя нужную кнопку. — «Для включения нажать».

— Нажмите ее.

Элли с силой вдавила кнопку в панель...

... Когда истошно взвыла предупреждающая сирена, а на столбе зловеще начал мерцать синий фонарь, Тим перепугался. Его словно хватил паралич. Руки и ноги отказались повиноваться, и он застыл, ухватившись за трос, навалившись на него грудью, с перекошенным от страха лицом. Сердце забилось о ребра, живот свело, скрутило ледяным спазмом. Холодный пот мигом покрыл спину и лицо. Крупные капли ползли по щекам, и со стороны могло показаться, что мальчик плачет, но это было не так. Он хотел заплакать, но не сумел сделать даже этого. Тим просто висел на тросе, а мерцание фонаря отсчитывало секунды его жизни...

... — Элли, теперь вам нужно включить остальные тумблеры. Они подают электричество на отдельные части системы. Включайте по очереди.

— Хорошо.

Девушка щелкнула переключателем. В длинном ряду индикаторов красно-желтым вспыхнул первый:

«Ограждение зоны дайлотозавров».

Кнопка «Общее ограждение периметра» стояла десятой...

... — Тим! — закричал Грант. — Прыгай! Прыгай вниз!!!

Но мальчишка только крепче вцепился в качающуюся опору.

— Прыгай! Давай!

Лекс с ужасом смотрела то на брата, то на пульсирующий маяк тревоги. Она была напугана едва ли не больше, чем сам мальчик. Глаза ее расширились, рот приоткрылся, а губы стали цвета свинца. Пальцы судорожно мяли полы майки.

Грант подошел поближе к ограждению и поднял руки.

— Тим! — сейчас голос его звучал уверенно и ровно. — Прыгай вниз! Я поймаю тебя. Давай !

Элан понимал, что сумеет лишь смягчить падение, а не остановить мальчишку. Но в любом случае удар получится более слабым.

— Давай, — добавил он еще раз и улыбнулся.

Похоже, эта улыбка и убедила паренька. Он затравленно посмотрел вниз и сказал, почти прошептал:

— Хорошо. Я прыгну. На счет «три».

— О'кей. Я готов, — подтвердил Грант.

— Раз... — Тим напрягся. Лицо его застыло, превратившись в неподвижную маску. — Два... — руки чуть согнулись в локтях. Грант понял, что пареньку не удастся как следует оттолкнуться. Шаткий трос не даст ему этого сделать. Он придвинулся еще на шаг вперед.

В этот момент, когда Тимоти должен был сказать «три», раздался звонкий хлопок. Тело мальчика опутали голубые мерцающие линии, и он, отброшенный сильнейшим ударом, полетел вниз, спиной вперед.

Гранту все-таки удалось отпрыгнуть и подхватить его. Они покатились по траве, и Элан отчетливо уловил запах обожженой человеческой плоти.

— Тимми! Тимми!!!

Истеричный вопль Лекс привел его в чувство. Встав на колени, Грант задрал рубашку мальчишки и приник ухом к худой груди. Сердце не билось.

... От полноты чувств Элли хлопнула в ладоши. Звук

пошел гулять по коридорам, многократно отражаясь от бетонных стен.

— Есть! Кажется, снова действует!

Она вздохнула с облегчением и прислонилась к ячеистой сетке, отгораживающей коридор от агрегатных помещений.

— Что вы сказали?

— Работает!

— Это здорово. Вы молодец, доктор Сетлер!

Элли улыбнулась. Приятно услышать похвалу после удачно выполненной работы. Пусть даже и от Хаммонда.

Она позволила себе немного расслабиться и тут же уловила то, чего не могло почувствовать напряженное тело. Легкую вибрацию стальной сетки. Нечто, большое и сильное, стояло в темноте, с другой стороны ограждения. Девушка застыла, словно каменное изваяние. Звук, который уловил ее слух, был полон зловещей предопределенности. Царапанье когтей! Элли узнала его. Когти скребли бетонный пол за спиной.

В следующее мгновение раздался глухой удар, и девушку отбросило к противоположной стене коридора. Ячейки прогнулись под напором чудовищной силы и лопнули. В пролом протиснулась вытянутая, похожая на птичью, голова. На зеленой морде запеклись брызги крови. Черные глаза смотрели умно и зло. Наверное, вот так смотрят хладнокровные киллеры на свою жертву. Монстр распахнул пасть и издал прерывистый громкий клекот. Звук оглушил девушку. Он казался оглушительным в тесном коридоре.

Рептор изучающе оглядывал человека. Ему не было интересно, он просто решал для себя очередную задачу: как схватить добычу в наименее короткое время. Тело его все еще находилось за сеткой. На то, чтобы окончательно освободиться, понадобится не меньше нескольких минут, жертва успеет скрыться. Что делать? Если попытаться выбраться тем же путем, которым он попал сюда, то времени уйдет еще больше.

Рептор предпринял единственную попытку, имеющую реальные шансы на успех. Вытянув шею, монстр напряг-

ся и, одновременно наваливаясь на сетку всем весом, попробовал схватить человека клыками.

Острые белые молнии скользнули почти по самому лицу Элли, и та, будто очнувшись от ужасного, неимоверно длинного сна, закричала:

— Они здесь! Они здесь!!!

Жуткие челюсти клацнули еще раз, но девушка уже бежала по коридору, сжимая в руке фонарь.

Вдалеке на полу одиноко надрывалась голосом Яна Малколма рация.

— Элли? Элли? Что с вами? Что с вами, Элли? Вы живы?!!

А Элли Сетлер бежала, задыхаясь от ужаса, не разбирая дороги. Она даже не задумывалась о том, как будет выбираться из этих бесконечных лабиринтов. Ей хотелось лишь одного: убраться подальше от кошмарной рептилии, велосирептора.

Девушка бежала до тех пор, пока не оказалась в тупике, заставленном металлическими контейнерами. У стены, уютно и тихо, гудел трансформаторный блок.

Элли оглянулась, вслушиваясь в шепот темноты, пытаясь уловить в ней звуки, свидетельствующие о смерти. Но рептора слышно не было. Он отстал, а может быть, заблудился в нескончаемых лабиринтах бункера.

Девушка почувствовала облегчение. Ее трясло, будто в приступе лихорадки. Одежда намокла от пота, но опасность миновала, она жива, а это главное.

Тяжелая рука легла на плечо, и Элли вздрогнула от неожиданности. Правда, через секунду улыбнулась, увидев коричневые пальцы с розовыми пятнами ногтей.

— Мистер Арнольд, как вы меня напугали...

Она обернулась и... вновь закричала от накрывшего ее ледяной волной ужаса.

Арнольда Кеймена за спиной не оказалось. Была лишь одна рука, кровоточащая культя, перекушенная у самой шеи острыми клыками рептора...

... Сол Броуфстайн ждал. Что-что, а ждать он умел. Долго и упорно. Прижав к плечу приклад «мозберна», охотник вглядывался в густой кустарник, за которым шевелилась черная масса. Велосирептор. Сол отчетливо различал его сквозь прорезь прицела. Он мог бы стрелять, но решил выждать и бить наверняка. Таких хищников надо валить одним выстрелом, иначе они могут убить тебя. Конечно, охота — всегда риск, а такая — риск вдвойне, но зачем увеличивать шансы врагу? А велосирептор — враг, и враг очень опасный, в этом отношении Сол не преувеличивал. Опасный и — что куда хуже — умный и коварный.

Броуфстайн ощущал приятное волнение в груди. Вот и исполнилось заветное желание. Кто еще сможет похвастать *такой* охотой? Он не считал заслуженным трофеем рептора, убитого в клетке-контейнере. Нет, это — не охота. Это — убийство.

«А может быть, природа нам мстит? — вдруг подумал он. — Мстит за то, что мы делаем? Этакое палеонтологическое изнасилование.»

Сол потеребил спусковой крючок, выбрал мертвый ход и на секунду оторвался от приклада, давая возможность ветру высушить взмокшую щеку.

«Не расслабляйся, — сказал он себе. — Ради бога, даже и не думай об этом. Смотри за ней в оба».

Ствол «мозберна» вновь вернулся в первоначальное положение.

Ну, иди сюда, детка. Иди сюда. Я повешу твою башку, нашпигованную опилками, над камином. Иди сюда, крошка, мы здорово повеселимся сегодня. Исполним последний танец.

Вспотевшие пальцы обнимали теплый металл, Солу дико захотелось вытереть их о траву, но он не решился второй раз опустить винтовку.

Над самой головой резвились обезьяны. Им не было дела до стоящего внизу чудовища. Они чувствовали себя в безопасности. Из-за их веселого визга Броуфстайн и не расслышал шороха листвы слева.

В последний момент сработала охотничья интуиция, и Сол оглянулся.

В полуметре от него, присев для броска, вытянув вперед длинные, пятипалые, костлявые лапы, обтянутые

тонкой, как пергамент, кожей, застыл второй велосирептор.

Броуфстайн мгновенно оценил обстановку. Ему, при всем старании, не удастся убить двух чудовищ, а значит, он умрет. Охота проиграна, но проигрывать нужно достойно. И Сол умел это делать. Он медленно развернулся. Его угрюмое лицо исказила кривая усмешка.

— Сообразительная девочка... — прошептал он и нажал на курок.

Рептор прыгнул, и пуля с треском впилась в дерево, разметав по траве светло-желтые, почти белые щепки. Рептилия набросилась на человека. Одним мощным, неуловимо-быстрым движением она вспорола ему грудь, рассекая кости ударом хватательного когтя.

Чувствуя, как кровь заливает тело, последним проблеском угасающего сознания, Сол попытался передернуть затвор и выстрелить еще раз, но не смог. Клыки рептора сомкнулись у него на горле.

Сол лишь успел увидеть плывущие в небе облака, одно из которых было похоже на Джона Хаммонда. Бородач усмехался и подмигивал ему. Еще через мгновение Сол Броуфстайн умер.

А наверху, в ветвях, продолжали веселиться обезьяны, радуясь солнцу и утру. И пели птицы, выводя свои звонкие трели в кристально-прозрачном небе.

И облако-«Хаммонд», не переставая ухмыляться, смотрело с высоты в мертвые застывшие глаза своего погибшего друга...

... — Тим! — Грант видел осунувшееся лицо мальчика, губы, принявшие фиолетовый оттенок, приоткрытый рот — страшную картину смерти. — Тим!!!

Он вобрал в легкие воздух и начал делать пареньку искусственное дыхание, стараясь заставить биться замолчавшее сердце.

Лекс ходила вокруг, всхлипывая, обняв худенькие плечи загорелыми руками. В этот момент она как две капли воды была похожа на своего деда.

Эллан принялся массировать мальчишке грудь. Затем вновь вдувать воздух в легкие и снова массировать.

Сказать по правде, он уже отчаялся оживить Тимоти.

Лекс продолжала всхлипывать. Девочка в первый раз в жизни столкнулась со смертью *близкого* человека. Она была в шоке.

— Ну же, Тим! — прошептал Грант. — Дыши! Дыши!!!

Еще несколько массирующих движений, и вдруг веки паренька дрогнули, и он едва заметно пошевелил губами.

— Молодец! — радостно улыбнулся Элан. — Молодец!!!

И вновь движение губ.

— Что?

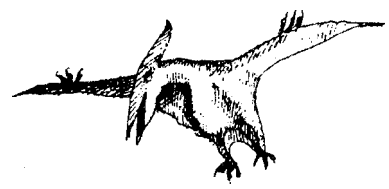
— Т...

— Что? Ты что-то хочешь сказать?

Тим открыл глаза и внятно произнес:

— Три...

* * *



Гостиничный комплекс выглядел хмурым и неприветливым. В нем не осталось и капли того дружелюбия, которое ощущалось во время первого посещения.

«Мир перевернулся, — подумал Грант. — Все здесь дышит, если не враждебностью, то равнодушием. Мы старались изо всех сил, чтобы заслужить такое отношение к себе».

Открытая веранда ресторана пряталась от посторонних глаз за плотными брезентовыми портьерами. После того как парк посетят первые туристы, их будут раздвигать в солнечную погоду и аккуратно задергивать в дождь или ветер. Пока же они создавали внутри ресторана приятную тень.

«Скорее всего, им уже никогда не удастся открыться, — подумал Элан. — Никогда парку не быть таким, каким он был вчера. Юрского парка, построенного Джоном Хаммондом, уже не существует».

Нарисованные на портьерах ти-рексы статично гнались за стегозаврами, плезиозавры плескались в неподвижных озерах, диплодоки с меланхоличным видом объедали зелень с деревьев, и над всем этим, на фоне голубого неба извивалась надпись: «Добро пожаловать в Юрский парк!»

На столах стояли блюда с тортами и пирожными, переливались фруктовые желе, в высоких вазах возлежали спелые, невероятных размеров экзотические плоды.

«Праздничный обед, — едко усмехнулся Грант. — Самое время. Что может быть лучше праздничного обеда после приятной прогулки, а?»

Лекс устало опустилась на белый плетеный стульчик. Тим последовал ее примеру. Он был еще слаб и бледен.

— Алло! — позвал Элан, в тщетной надежде обнаружить кого-нибудь живого. — Тут есть кто-нибудь?

Никто не отозвался. Да и кому здесь быть?

— Ладно, — он опустился на корточки рядом с мальчиком. — Нам надо найти остальных. Показать тебя доктору. Хотя... какой здесь доктор сегодня. Как ты себя чувствуешь, а, Тим?

Тот вяло тряхнул головой и бесцветно ответил:

— Спасибо, нормально.

— Угу. А знаешь, у тебя от электричества волосы дыбом стоят, — Грант дотронулся пальцем до кончика носа парнишки. — Большой Тим — Человек-Гренка, — он поднялся и направился к выходу. — Я пойду, поищу вашего дедушку. Скоро вернусь. Честное слово.

Распахнув дверь, Элан вышел на улицу.

Дети остались одни. Может быть, они были акселератами, чересчур серьезными, пытающимися походить на взрослых, изо всех сил старающимися казаться умнее, чем на самом деле, но при этом и Лекс, и Тим оставались всего лишь детьми. С момента, когда за Грантом захлопнулась дверь, прошло не больше двух минут, а они уже стояли возле длинных столов и увлеченно набивали рты сладостями. Глядя сейчас на Тима, никто не смог бы и предположить, что этот парнишка полчаса назад побывал в объятиях смерти. По крайней мере, пирожные он поглощал с завидным аппетитом. Лекс предпочитала

мятное желе. Она осторожно цепляла десертной ложечкой трясущиеся прозрачные кусочки и слизывала их языком, жмурясь от наслаждения. Что-что, а готовить здесь умели. Тим наложил себе полное блюдце взбитых сливок и принялся за еду.

Лекс как раз готовилась последовать примеру брата, когда на брезентовом занавесе вдруг ожило изображение тиранозавра. Девочка четко видела, как нарисованная рептилия дернула головой. Секундой позже до их слуха донесся глухой странный клекот. Он был похож на крик грифа, только усиленный в несколько десятков раз.

Ложечка со сливками застыла в воздухе, в пяти сантиметрах от губ девочки. Ти-рекс шевельнулся еще раз, и теперь Лекс разглядела, что шевелится не изображение, а тень, совпадающая размерами с трехметровой фигурой тиранозавра.

Заметив бледное лицо сестры, Тим торопливо оглянулся. Он отступил на шаг, увидев жутковатый силуэт, натолкнулся на стол со сладостями, и все шоколадное «волшебство», сияя никелированными подносами, тарелочками и ложечками, пестрея кремовыми цветами и узорами, посыпалось на пол с грохотом и звоном.

Тень дернулась, повернулась и одним могучим прыжком оказалась рядом с занавеской, увеличившись в размерах, по меньшей мере, на треть. В ней было не меньше четырех метров роста.

Лекс очнулась первой. Она схватила брата за рукав рубашки и потащила к металлической двери, отделявшей обеденный зал от кухни.

В тот момент, когда брезент, располосованный когтями, с надрывным треском рухнул на пол, дети уже сидели, скорчившись, за стальным столом для разделки туш.

... Первым, кого нашел Грант, был вовсе не Хаммонд, а Элли. Он не успел пройти и ста метров, как увидел ее на тропе. Перепачканная кровью, исцарапанная, слегка прихрамывающая девушка, выбиваясь из сил, бежала к административному блоку. Волосы ее растрепались, но от этого она стала еще красивее.

— Элли! Элли!!!

Она остановилась. Выражение упорства на лице Элли — так ей несвойственное — постепенно сменилось растерянностью, а затем отчетливой тревогой.

— Беги! — закричала девушка. — Элан, беги!!!

Грант огляделся, но не заметил ничего страшного. Даже листва на деревьях застыла без движения. Все было спокойно.

И он побежал к Элли, через тропу, то и дело озираясь, боясь нового подвоха, который заготовил им жуткий парк...

... В просторном зале кухни оказалось очень холодно. Скорее всего, здесь работали большие промышленные кондиционеры. Массивные длинные столы-плиты наводили на мысль об удушающей жаре, и контраст между воображением и действительностью был очень разительным.

Тим, прижимающийся спиной к боковой стенке стола, почувствовал, как холод обволакивает его, заползает под рубашку, сковывает ткани, мышцы, связки, добирается до костей. Он превращался в ледяную статую, наподобие тех, что мастерят на зимних карнавалах. Кровь замедлила свой бег по сузившимся венам и артериям, сердце билось все медленнее.

А может быть, это был вовсе и не холод, а страх. Страх нависшей над ним неминуемой смерти.

Они даже боялись дышать. Облака пара, вырывающиеся при дыхании, могли привлечь внимание чудовищ, которые стояли за дверью. А *они стояли*, Тим знал это. Ощущал кожей. Обострившийся до предела слух улавливал частое тяжелое дыхание рептилии.

Пуффффффф... — серебристая полоска осталась на толстом стекле круглого дверного окошка, похожего на корабельный иллюминатор.

На несколько секунд темная вытянутая птичья голова заслонила свет.

Пуффффффф... — окошко вновь запотело.

— Тим, — дрожащим голосом, еле слышно спросила Лекс, — кто это?

— Велосирептор...

У мальчика от ужаса закружилась голова. Желудок сжало острым спазмом, выталкивая съеденное, но Тим переборол тошноту.

— Они охотятся стаями... — прошептала девочка. — Стаями!..

— Их только двое? — спросил Грант застывшего с открытым ртом Хаммонда, беря с оружейной стойки «мозберн».

— А?

Бородач словно отключился. Похоже, он совсем перестал воспринимать реальность с тех пор, как услышал о вырвавшихся на свободу репторах.

— Я спрашиваю, сколько всего было репторов в вашем парке?

— А... двое. Всего двое. Я же говорил вам тогда, во время... э-э... экскурсии у загона.

— Хорошо. А вы уверены, что ограждения остальных рептилий в сохранности? Что еще какой-нибудь из ваших питомцев не поджидает нас на тропе?

— М... да. Конечно. Да, — торопливо закивал Хаммонд. — На мониторе видно. Остальные ограждения в полном порядке. Только ти-рексы и репторы...

При упоминании о тиранозаврах Элли и Грант переглянулись. Они успели забыть об этих чудовищных гигантах, занятые другой, более важной задачей.

Элану захотелось сказать что-нибудь уничижающее, злое. Такое, чтобы этот холеный псевдоученый почувствовал себя раздавленным. Но в следующее мгновение злоба сменилась жалостью. Ему стало *действительно жаль* Хаммонда. Слепцы не виноваты в том, что они слепы. Такими их создала природа. С этим ничего нельзя было поделать. Хаммонда не нужно давить. Он уже раздавлен. Его раздавила реальность. Невероятно страшная, она предстала перед бородачом во всей своей изощренной жестокости, как только тот открыл глаза. Прозрел. Только вот за прозрение это кое-кому пришлось заплатить жизнью.

Грант передернул затвор.

— На наше счастье, эти монстры, как бы там умны они ни были, едва ли умеют открывать двери...

... Элан ошибся. *Они умели.*

Лекс и Тим едва не закричали от ужаса, когда услышали новый звук: *ЩЕЛЧОК ОТКРЫВАЕМОГО ЗАМКА.* Навалившись всем телом на дверь, один из репторов зацепил ручку, и язычок легко ушел в сторону. Поток холодного воздуха хлынул в прогретый солнцем зал ресторана, оседая на полу и стенах мелкими капельками влаги. Репторы ввалились в кухню и замерли, принюхиваясь, с хищной жадностью ловя звуки, шорохи, все, что хоть немного выбивалось из заиндевелой тишины. Гортанный клекот вырывался из приоткрытых пастей вместе с горячим паром.

Они были очень терпеливы, но лишь когда видели будущую жертву. А здесь не было видно никого, и холодный воздух глушил все запахи.

Постояв полминуты, репторы медленно двинулись вдоль стола, звонко ударяя изогнутыми когтями о гладкий стальной пол.

Лекс осторожно коснулась руки брата. Тот вздрогнул и повернулся к ней. Абсолютно беззвучно, одними губами, девочка прошептала:

— За мной.

Они, стараясь не производить ни малейшего шороха, поползли к следующему столу. Металл надежно скрывал детей от взглядов хищников, но и те, и другие понимали: рано или поздно репторы настигнут их.

Рептилии по-птичьи дергали головами, всматриваясь в полумрак кухни. Внезапно один из репторов наклонился и ткнулся мордой в нагромождение чистой посуды, возвышающееся на матово-блестящей рабочей поверхности стола. Мисочки, лопаточки, вилки, черпачки, груда железа сверкающим водопадом обрушилась вниз, прямо на головы детям. Лекс завизжала.

Гигантским прыжком рептилия вскочила на стол и застыла, прислушиваясь. Она была похожа на каменный памятник, покрытый голубоватым налетом инея. Подавшись вперед, рептор заглянул в проход.

Там никого не было.

Тим даже не сразу сообразил, каким образом им удалось нырнуть за плиту прежде, чем чудовища обнаружили их. Слишком уж быстро все произошло. За доли секунды. Только что они стояли на четвереньках в узком проходе, а мгновением позже сидят на ледяном полу за плитой. Ощущение было такое, словно кто-то вырезал из их памяти маленький кусочек. Осталась лишь темнота.

Рептор заворчал, постукивая когтем по полу. Звук казался очень громким, звенящим. Он бил по нервам. В подростке боролись два желания: и кинуться бежать, слепо надеясь на везение, и сидеть. Сидеть, не шевелясь, не дыша, зажмурившись крепко, до ломоты в висках, и думать, что этот кошмар ему только снится. Пусть кто-нибудь придет и разбудит его. Мама. Наверное, это будет мама.

Тим закрыл глаза, посидел так секунду и снова открыл их. Ничего не изменилось. Все осталось по-прежнему. Холод, стальные столы и плиты, и жуткий стук когтей. Скребущий, приближающийся.

Он неловко пошевелился и вдруг обнаружил, что не чувствует ноги. Совсем. Тим понял: ползти дальше пока не отойдет занемевшая голень и стопа, он не сможет. Паренек судорожно сглотнул, приподнялся на руках, пытаясь устроить поудобнее ногу и... задел головой висящий на специальном крючке половник. Тот покачнулся и грохнулся на пол с веселым звоном.

Лекс сделала испуганные глаза и указала брату на следующий проход, разделяющий две плиты. Мальчик покачал головой. Он *действительно* не мог ползти. Все, на что его хватило, это перебраться в коридор. Свернуть за угол. Только и всего.

Репторы заурчали. Раскатистый рык перемежался птичьим клекотом. Шаги их участились.

Лекс скрылась за поворотом. Тим, оставшись один, едва не заплакал от отчаяния. Он не видел, как монстр высунул морду из прохода и начал принюхиваться. Как раз там, где только что сидели дети. Поддев валяющийся половник, рептор издал резкий пронзительный крик, начинающийся на низкой басовой ноте и постепенно повыша-

ющийся до визга пожарной сирены. Мальчик вздрогнул. Сердце его испуганно замерло. Стоило чудовищу сделать шаг вперед, и все было бы кончено.

В этот момент он услышал странный стук. Сначала Тим решил, что это второй рептор крушит что-то из посуды, но звук был слишком равномерным. Кто-то стучал железным черпаком по крышке стола.

Оба чудовища мгновенно развернулись и увидели стоящую в дальнем конце зала Лекс. Она с каким-то отрешенным иступлением молотила по столу половником, не таясь, открыто, даже и не думая прятаться.

Монстры сперва тяжело, но затем все быстрее и быстрее побежали к ней неровными, но не лишенными своеобразной грации прыжками.

Лекс видела их оскаленные пасти, слюну, вязкой струйкой текущую между клыками, зрачки, горящие красноватыми злыми огоньками. Две живые горы надвигались на нее с бешеной скоростью. Они были способны раздавить человека одним ударом лапы.

«Им даже не нужно хватать зубами, чтобы убить», — подумала девочка. Мысль промелькнула на самом краю сознания и исчезла.

Репторы приближались. Их разделяло не больше семи-восьми метров, когда Лекс, широко размахнувшись, швырнула в ненавистные птичьи морды половник и шустро спряталась в стол, опустив стальную створку.

Заметив летящий предмет, один из репторов рефлекторно щелкнул челюстями, стараясь поймать его, потерял равновесие и с грохотом рухнул прямо под ноги своему собрату. Тот тоже очутился на полу, хотя и продолжал по инерции скользить вперед. Пупырчатая морда врезалась в стенку стола, смяв ее, как бумагу. Треск лопающегося железа заглушил рев боли и ярости.

Репторы, сразу ставшие неуклюжими, судорожно пытались встать на ноги.

Лекс подняла створку, выскочила из своего убежища и помчалась через кухню к выходу.

— Тим! Тиииим!!!

Мальчик тяжело выпрямился. Он все еще прихрамывал. В голень словно воткнули тысячи иголок, а стопы Тим не чувствовал совсем.

— Тим, беги!!! Беги!!!

Паренек бросился бежать, если, конечно, можно назвать бегом его ковыляющую походку. Разбросанная по всему полу посуда мешала ему. Наступив на какой-то металлический предмет, мальчик упал, поднялся и снова упал.

Обернувшись, он с ужасом увидел встающего рептора. Второй пока барахтался на полу, но от этого Тим не почувствовал облегчения. Ему хватило бы и одного монстра.

С трудом, цепляясь за стол, паренек все-таки выпрямился и побежал к выходу. Лекс уже ждала его, открыв дверь, сжимая во второй руке предохранительный штырь от замка. Скрежет когтей стал громче. Чудовище настигало мальчика.

Тим закричал. Он торопился, как мог, приволакивая ногу, но рептор все равно двигался быстрее. Когти со скрипом царапали сталь. Мальчик рванулся к белому прямоугольнику раскрытой двери и... вновь упал. Рептор прыгнул. Это был отличный прыжок, который, несомненно, достиг бы цели, если бы не посуда. Рептилия приземлилась прямо в центр металлической груды. Тарелки, подносы, ковши, все поехало у нее под лапами, и чудовище опять оказалось на полу.

Понимая, что третьего шанса не будет, Тим на четвереньках пополз к двери.

Он успел. Лекс мгновенно захлопнула дверь и вставила страховочный штырь в ручку замка.

Секунду было тихо, а затем раздался страшный удар. Штырь прогнулся, но устоял. За стеной бесновались разъяренные монстры. Дети промчались через обеденный зал, выскочили на улицу и столкнулись с Грантом и Элли.

— Они там! Они там! — закричала девочка, указывая на дверь кухни, сотрясаемую мощными ударами. — Мы их заперли.

— Хорошо, — торопливо кивнул Элан. — Быстрее в

зал управления. Надо включить систему безопасности и блокировки замков.

Гонка возобновилась. Люди вновь бежали, слыша за спиной гулкий рев, постепенно становящийся все тише и приглушенней.

На то, чтобы добраться до главного административного блока, у них ушло не меньше минуты.

Они не могли видеть, как с хрустом переломился стальной штырь толщиной в сантиметр, распахнулась дверь и репторы вырвались из плена. Опустив морды к самой земле, тщательно отыскивая едва различимые следы, рептилии кинулись в погоню за так неожиданно ускользнувшей добычей. Гигантскими шагами, похожие на огромных злобных птиц, велосирепторы бежали по тропе вслед за людьми.

Гранту доводилось испытывать в своей жизни довольно серьезные потрясения, но ни одно из них не могло сравниться с тем, что он почувствовал, войдя в пустой зал управления. Ни Малколма, ни тем более Хаммонда не было. Они ушли. Сбежали, бросив их на произвол судьбы.

Больше всего Гранта поразило отсутствие зоолога. То, что сбежал Хаммонд, он мог понять. С трудом, но мог, а то, что скрылся Ян, не укладывалось у него в голове. Слишком не вязался такой поступок с натурой Малколма.

Секунд двадцать Грант пребывал в состоянии растерянности, однако это длилось недолго. Помощи ждать было неоткуда, а значит, оставалось только одно: запереться внутри административного блока и выжидать. Рано или поздно, но кто-то прибудет сюда и, увидев весь этот разгром, вызовет помощь: вооруженных, обученных людей. Их, наверняка, спасут.

Если они сумеют дожить до этого момента.

— Закрывайте замки, — скомандовал он, поворачиваясь к двери и внимательно следя за коридором сквозь толстое стекло окна.

Лекс села в кресло Денниса:

— Тут все выключено. Ничего не работает.

Она вошла в меню компьютера и нашла директорию:

«Парк». На мониторе возникла панорама Юрского парка. На зеленом фоне, разбитом на зоны, выделялись серые кубики, обозначающие подкаталоги.

— Я знаю эту систему, — быстро сообщила девочка. — Нужно только найти требующийся файл.

Грант и Элли смотрели на нее. Они отвлеклись всего на несколько секунд, но этого оказалось вполне достаточно. За окном возникла темная тень. Дверь дрогнула и рывком открылась, ударив Элана по плечу.

«Мозберн» вывалился у него из рук и упал на пол, но поднимать винтовку было уже некогда. Грант плечом навалился на дверь, пытаясь закрыть ее. Элли кинулась ему на помощь. Им повезло. Две рептилии не могли вместе толкать створку. Она была слишком узкой.

— Лекс, быстрее! — мгновенно севшим от напряжения голосом крикнул Грант. — Закрой замки! Ради всего святого!

Давление снаружи усилилось, и в проеме образовалась узкая щель. Тонкая длинная лапа с единственным хватательным когтем протиснулась внутрь. Элан напрягся. Чудовище заверещало от боли, когда створка едва не размозжила ему кости.

— Попробуй дотянуться до винтовки... — сказал Грант Элли.

— Хорошо.

Девушка попыталась зацепить ремень «мозберна» мыском бутсы, но лишь оттолкнула его еще дальше.

— Не могу! Не могу!!!

Лекс вела курсор над зонами к уродливому свинцовому кубику в дальнем конце монитора. Палец ее, зависший над клавишей «ввод», дрожал от нетерпения.

— Я сумею это сделать, — шептала девочка. — Я знаю, *как это делать!*

Красное перекрестье коснулось куба, и в то же мгновение послышался щелчок. «Ввод». На месте парка появились новые ряды прямоугольников, кубиков, цилиндров, одинково серых, безликих и устрашающе незнакомых.

— Где же ты?.. Где же?..

Курсор коснулся первого прямоугольника, и внизу тут же вспыхнула надпись:

«КАМЕРЫ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ»

Не то, не то...

«ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНТРОЛЬ ХРАНИЛИЩА ЭМБРИОНОВ»

Опять не то...

«СИСТЕМА СЛЕЖЕНИЯ ЗА...»

«СИСТЕМА СИГНАЛИЗАЦИИ...»

«СИСТЕМА ВНЕШНЕЙ СВЯЗИ...»

Новый удар едва не сбил Гранта с ног. Он задыхался. На шее четко проявились жилы, пульсировали вены. Связки были готовы лопнуть от нечеловеческого напряжения. По лицу Элана обильно тек пот. Пальцы с побелевшими костяшками упирались в сталь, словно хотели скомкать ее как промокашку. Ноги упирались в пол. Подошвы скользили по кафелю, и ему приходилось то и дело переступать, чтобы иметь надежную опору. Тем не менее дверь открывалась. Медленно, но верно. Рептор был сильнее людей.

Элан видел: у них осталось не больше минуты. Потом случится самое страшное.

Лекс сосредоточилась. Она не впала в панику, что, наверняка, случилось бы со многими, а начала методично, ряд за рядом, проверять содержимое подкаталогов. Нужный оказался последним в третьем ряду. Трудно сказать, что ощутила девочка, когда, нажав «ввод», увидела надпись:

«СИСТЕМА БЛОКИРОВКИ ЗАМКОВ»

— Лекс!!!

— Я нашла его! Сейчас!

Снова «ввод». На мониторе мелькнула обнаженная девица. «Ввод». Улыбающееся лицо Денниса Хоупера. «Ввод». Монитор погас.

Ликование сменилось отчаянием. Девочка оглянулась. Грант уже едва сдерживал натиск хищника. Секунда. Запрос: «Вывести содержимое файла на экран?» — «Да». — «Вывести конкретные блоки?» — «Да». Ответ: «Система блокировки замков главного операционного зала». Секунда. Нескончаемая, длинная, как жизнь, страшная, наполненная ожиданием смерти.

Экран расцвел красочной схемой, на которой мерцали зеленым замки дверей. «Ввод». — «Система включена».

— Есть! Есть!!! Он работает! Замки включены! — закричала Лекс. — Получилось!!!

Ее крик прибавил Гранту сил. Он напрягся. Казалось, вся злость, вся боль, вся ярость этих двух дней, скопившиеся в его груди, тлеющие тусклым огоньком, вспыхнули, взорвались, трансформируясь в выплеск огромной физической силы. Дверь захлопнулась, мягко щелкнули замки, и на кодовой панели зажглась красная лампочка.

Элан шумно выдохнул. Похоже, за последние минуты он сбросил несколько килограммов веса. Рубашку можно было отжимать, а мокрые волосы прилипли ко лбу темными прядками.

Элли опустилась на пол у двери. Усталость, которую ей удалось отогнать раньше, вернулась. Но теперь она была стократ тяжелее. Девушка запустила пальцы в распущенные волосы и посмотрела на Гранта. Тот улыбнулся.

— Все нормально. Все хорошо.

В этот момент мягко закурлыкал телефон на стене. Наверное, если бы грянули Иерихонские трубы, возвещая о Страшном суде, удивление людей не было бы настолько безграничным. Так смотрели бы на телефон динозавры юрского периода. Грант и чувствовал себя *первобытным* человеком, защищающим пещеру, очаг, семью... Парк заставил человека жить по своим законам.

И вдруг этот телефонный звонок, вырвавший его из мира, в который вверг их Юрский парк, и грубо, но мгновенно, бросивший в новый, современный двадцатый век. С благами цивилизации, вроде этого самого телефона... Если бы не репторы, рычащие за дверью.

Или он сходит с ума? Элан оглянулся на детей. И Лекс, и Тим, не отрываясь, зачарованно смотрели на продолжающий звонить телефон. И Элли тоже.

Все-таки Грант не стал торопиться. Он нагнулся, не спеша взял винтовку, медленно подошел к аппарату и снял трубку.

— Алло?

Ему все еще не верилось, что сейчас раздастся челове-

ческий голос. Скорее, голос ти-рекса, возвещавший: «Я иду за вами...»

— Грант? Это доктор Грант?

Элан узнал задыхающийся голос.

— Это вы, Джон?

— Да... Мы с доктором Малколмом на стоянке машин. В соседнем бункере...

— А как вы узнали, что мы здесь?

— Видели в окно, как вы бежали к административному зданию. Мы кричали вам...

— Понятно...

— Мы вызвали спасательные вертолеты. Они будут здесь через четверть часа. Выходите на улицу, мы сейчас подъедем.

Хаммонд умолк, и Грант оглянулся на входную дверь. Элли нашла в себе силы встать. Она выжидающе смотрела на него. Какое жуткое известие ждет их на этот раз?

— Мы не можем выйти, Джон.

— Почему? Что-то случилось?

— Да, пустяки. Двое ваших питомцев караулят нас возле двери.

— Вот как?

Грант представил, как лицо Хаммонда задумчиво собирается в сморщенную гримасу, и нервно хихикнул.

— Я понял, — деловито ответил бородач. — Доктор Грант?

— Слушаю вас, Джон...

— В конце зала, справа, есть кладовка. В ней электрики хранят свое оборудование. Вам нужно взять стремянку и забраться наверх. Потолки навесные, и вы без труда влезете на них. Переберитесь в соседний зал, там экспозиция скелетов динозавров, вы увидите сверху. Спуститесь на смотровые балкончики, оттуда — вниз, и выйдите через второй выход. Мы будем вас ждать. Вы поняли, доктор Грант?

— Да, Джон, я...

Сухой кашляющий треск оборвал его на полуслове. Он еще только начал оборачиваться, а Элли уже кричала:

— Стекло!!!

Грант вскинул винтовку и выстрелил, не целясь. Выпавшая из рук трубка повисла, покачиваясь на гофрированном шнуре. Пуля ударила в дверное окно. Рептор отпрянул, но уже стало ясно: выдавленное, точнее, почти выдавленное, стекло не выдержит и тридцати секунд.

— Стремянку. Достаньте стремянку!!! — заорал Грант, выпуская пулю за пулей. — Она в комнате справа!!!

Элли и Тим помчались за стремянкой. Элан опустошил почти всю обойму, когда у «мозберна» перекосило патрон в стволе. Стекло, испещренное белой сетью трещинок, поддавшись свирепой силе, вывалилось и глухо ударилось об пол. Грант даже заметил отколовшийся край, сверкающий, словно драгоценный камень.

Он видел, как один из монстров пытался просунуть голову в образовавшееся отверстие, и как ходила ходуном дверная ручка, и как выгибались толстые, кажущиеся такими прочными язычки замка.

Грант с пугающей ясностью осознал: эти твари будут преследовать их, пока не получат свое. Озарение пришло к нему, мгновенно превратившись в устоявшуюся истину. Элан не сомневался в финале погони. Смерть. Их всех ждет смерть.

— Элан! Элан!!!

Грант словно очнулся от ужасного сна. Краем глаза он уже видел выросшую посреди зала стремянку. Элли стояла наверху, чуть ниже махал руками Тим. Лекс уже бежала к ним, и Грант бросился следом.

Они вскарабкались наверх, отбросили одну ячейку навесного потолка и проскользнули в прохладную, дышащую в лицо кондиционированным безвкусным воздухом темноту. Подвешенный на тонких тросах потолок покачивался и еле слышно поскрипывал под весом людей.

Внизу с треском распахнулась дверь, что-то со звоном посыпалось на кафель — Грант решил, что это скобы, — а следом раздался знакомый клекот, сопровождаемый цоканьем когтей. В квадратные щели люди видели бродящих по залу рептиров. Вытянутые, искаженные электрическим светом тени скользили по черно-белым плиткам, растворяясь в них, как растворяются капли чернил в черной болотной воде.

А рептор*ы слышали* учащенное дыхание жертв, улавливали движение, шорох одежды и едва различимый запах пота. Они готовились к атаке. Им был нужен всего один бросок. Точный, рассчитанный до мелочей.

И когда наступил нужный момент, один из монстров прыгнул.

Тим почувствовал страшный удар. Сетчатая ячейка потолка вдруг исчезла, и под ногами образовалась пустота. Он рухнул вниз и повис, уцепившись руками за деревянный край соседней ячейки. В тот же момент пальцы Гранта сомкнулись на его запястье.

— Держись, Тим! Держись!

На полу барахтался рептор, а второй готовился к прыжку. Тим был отличной легкой добычей.

Грант рванул его вверх, и мальчик вновь исчез в проеме. Челюсти чудовища поймали лишь пустоту. На мгновение ощерившаяся кривыми клыками пасть возникла в желтом потоке света, но тут же исчезла.

Хаммонд не преувеличивал. Им довольно просто удалось перебраться в соседний зал. Исполинские скелеты, подвешенные в специальных пазах, воссоздавали битву двух гигантов. Ти-рекс нападал на диплодока. Под самым потолком покачивались две обзорные площадки, очень напоминавшие приспособления для мытья стекол в небоскребах.

Грант осторожно извлек из потолка ячейку, пролез в отверстие и соскользнул на один из балконов. Подняв руки, он помог спуститься Элли, затем они вместе сняли детей. Девушка посмотрела на темные от времени скелеты.

— Отличный вид.

— Хотел бы я знать, как нам отсюда слезть, — нахмурился Элан.

Об этом Хаммонд не упомянул. Под балкончиками зияла пятнадцатиметровая пропасть, и не было заметно даже намека на лестницу.

— Я знаю, — вдруг серьезно сообщила Лекс.

— В самом деле?

— Да, — девочк*а* кивнула. — Мы спустимся по ним.

Она указала на подвешенные к потолку скелеты.

Грант с откровенным сомнением оглядел будущий маршрут.

— А они нас выдержат?

— Конечно, — Лекс покосилась на брата и тихо добавила: — Я уже пробовала. Раньше. Давно. И... ведь у нас все равно нет другого выхода.

Последняя фраза скорее прозвучала как вопрос, чем как утверждение. Элан ответил:

— Боюсь, что ты совершенно права. У нас, действительно, нет выхода, — он еще раз осмотрел оба скелета, прикидывая, каким образом безопаснее всего спускаться. — Хорошо. Слушайте. Сначала спускаемся на хребет диплодоку. По нему добираемся до шеи, по ней — вниз, повисаем на руках и прыгаем. О'кей? Начали.

Подавая пример, Грант спокойно перелез через перила балкона и спустился на могучий костлявый позвоночник диплодока, оседлав его, как лошадь. Ему показалось, что он слышит какой-то странный скрип, но слишком мало было времени, и определять природу загадочных звуков Грант не стал.

— Лезьте сюда.

Вторым сполз Тим, за ним Лекс и замыкала процессию Элли. Они медленно и осторожно поползли вперед. Скрепленные толстой проволокой позвонки проседали под тяжестью тел.

Катастрофа произошла, когда Грант и Тим уже сидели на длинной тонкой шее диплодока, Лекс начала спуск, а Элли поддерживала ее. Страхуя девочку, она встала, перенесла вес на правую ногу. Крепления, конечно, были рассчитаны на определенные нагрузки, но никто не предполагал, что по этим окаменевшим останкам будут карабкаться люди. Двое взрослых и двое детей.

Берцовая кость неожиданно отделилась от остального скелета, и Элли сорвалась вниз. Она вцепилась в тонкий трос, но продолжала сползать все ниже и ниже. До пола оставалось не меньше четырех метров, когда девушка, обхватив руками огромный хрящ, повисла над залом, раскачиваясь, как на качелях. Видимо, суставы скреплялись целыми блоками, потому что диплодок вдруг начал разваливаться. С протяжным, похожим на стон, звуком

просел позвоночник. Длинный хвост, треща и ломаясь, упал на пол. Грудная клетка со шпангоутами ребер повисла, удерживаемая лишь одним тросом. Лекс, взвизгнув, скатилась по чудом еще остающейся на прежнем месте шее и соскользнула вниз, упав и ударившись коленкой о кафель.

Тима начало валить вправо. Обхватив хребет диплодока руками и ногами, он отчаянно закричал.

Грант повис на руках, но в этот момент лопнуло последнее звено проволоки, и шея обрушилась вниз вместе с мужчиной и пареньком. С хрустом вылетели из потолка болты, и ребра динозавра, подняв столбы пыли, накрыли мальчика, словно клетка-ловушка.

Тим потер улибленный при падении бок и буркнул:

— Ну, вот мы и внизу.

Грант встал, отряхиваясь, обернулся и застыл.

Прямо на него смотрели черные безжалостные глаза. Глаза рептора.

* * *

Ни в тот момент, ни позже, Элан так и не смог понять, как эти твари сумели пробраться в экспозиционный зал. Но факт оставался фактом: они были здесь. Завизжала Лекс, закопошился под грудой обломков Тим, охнула Элли...

Рептор дернул головой, оглядывая людей. Он ухмылялся. Элан мог бы поклясться в этом.

Люди попятились. Чудовище чуть присело, вытянув перед собой длинные передние лапы. Оно готовилось к прыжку. Глаза его, не мигая, в упор рассматривали, изучали загнанную дичь.

Элли резко повернулась и... охнула. Второй рептор застыл за спиной людей.

«Они охотятся стаями, — подумал Грант. — Мы просто забыли...»

Рептор прыгнул. Он взвился в воздух, вытянув задние лапы, став похожим на зелено-серую молнию. Когда прыжок достиг апогея, раздался звонкий хруст ломающегося дерева, и массивные челюсти сомкнулись на спине чудовища.

Это было чудо. Третье чудо за два дня. Грант не мог поверить в подобное.

Детеныш ти-рекса, сломавший крышу и часть стены, маленький для взрослой особи, но громадный по сравнению со своими четырехметровыми собратьями, пришел на помощь людям. Он не думал об этом. Он просто охотился. Пойманный страшными клыками монстр завизжал. Рептор бился, но тиранозавр двумя уверенными движениями переломил ему позвоночник.

Второе чудовище, моментально забыв о людях, кинулось на врага. Ти-рекс развернулся, бросив уже мертвое тело, и ударом лапы прижал рептора к полу, впившись клыками ему в горло. Темная кровь плеснула на кафельный пол.

Люди побежали к выходу. У самых дверей их настиг победный ликующий клич тиранозавра.

Последнее, что заметил Грант, оглянувшись на ходу: сгорбленная зеленая спина рептилии и медленно опускающаяся с потолка красная лента, на которой белым выделялась надпись: «Динозавры правят Землей!»

Машина ждала их у самого выхода. Нервничающий Хаммонд, раскрасневшийся, сверкающий стеклами очков, выскочил им навстречу, открыл дверцу и с явным облегчением спросил:

— Все в порядке?

Грант торопливо, оглядываясь на темный проем, из которого доносилось громкое урчание, сказал:

— Вы знаете, Джон, после осмотра вашего парка мы решили не давать положительного отзыва!

— Хорошо, — вздохнул бородач.

Малколм, устроившийся на заднем сиденье, ухмыльнулся.

* * *

Вертолет взмыл над островом. Он сделал последний круг, будто прощаясь с Юрским парком, и Грант разгля-

дел далеко внизу темную фигурку ти-рекса, бредущего к джунглям в поисках новой добычи.

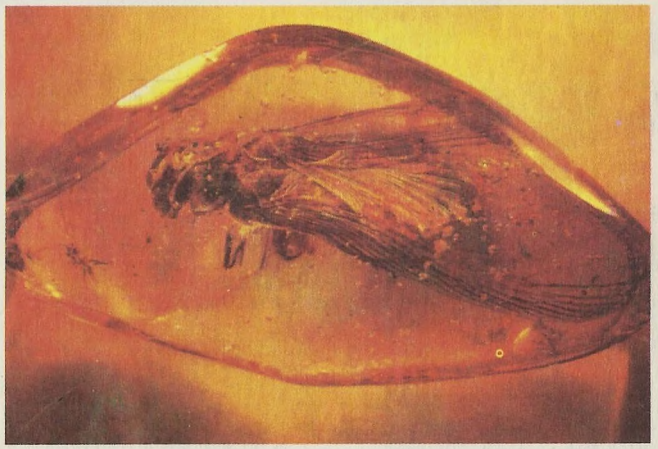
Тим и Лекс, привалившись головами к плечам Элана, посапывали. Молодой организм брал свое, а сон — лучшее лекарство. Элли улыбнулась Гранту. Она хотела сказать: «Тебе идет», но не стала разрушать идиллическую картину.

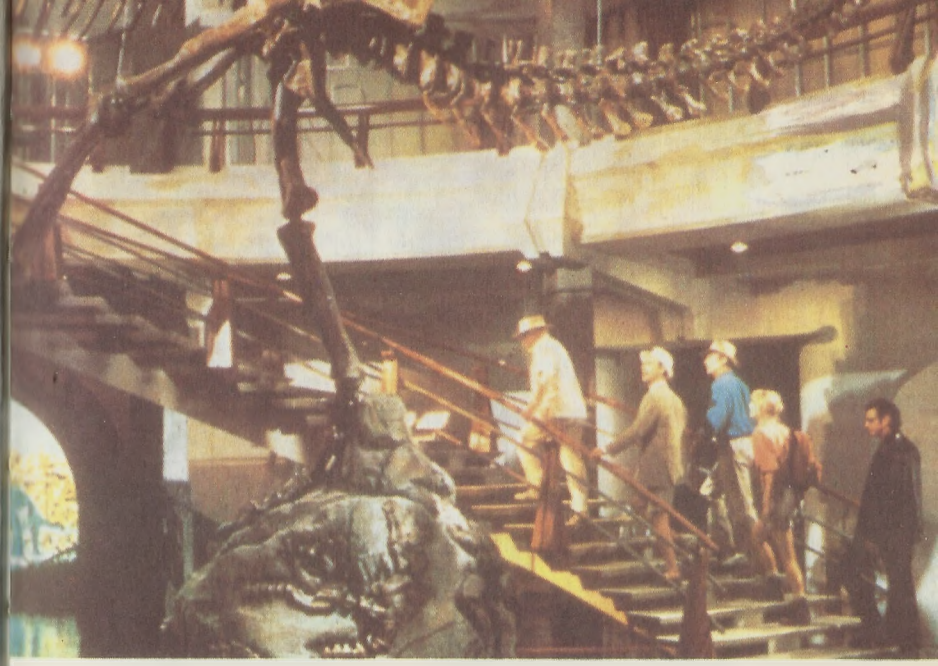
Хаммонд, не отрываясь, вглядывался в силуэты острова. Он все смотрел и смотрел, пока тот совсем не растворился на фоне бирюзовой воды.

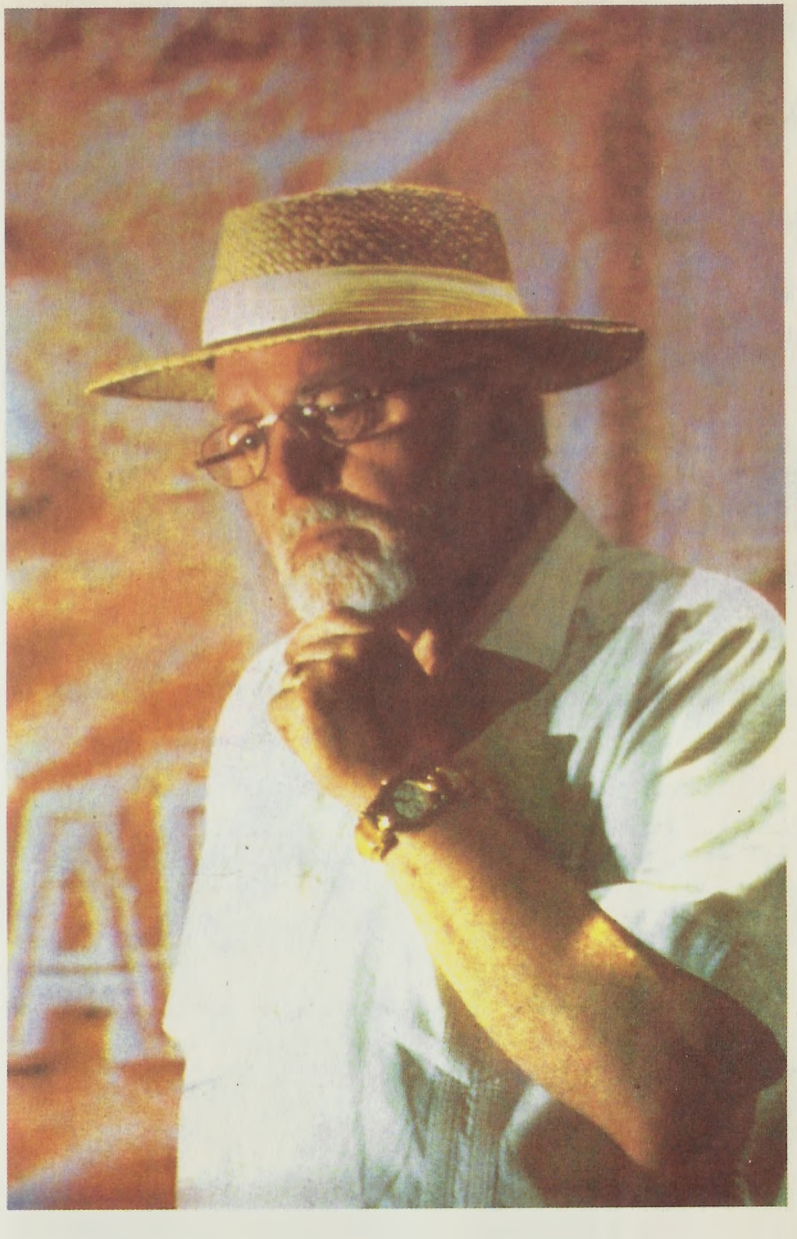
Когда бородач наконец повернулся, в глазах его стояли слезы. Секунду он сидел так, вперивши невидящий взгляд в какую-то точку на стене, затем вздохнул и вытащил что-то из кармана брюк. Это оказался круглый отшлифованный кусочек янтаря, в котором замерла крохотная черная точка.

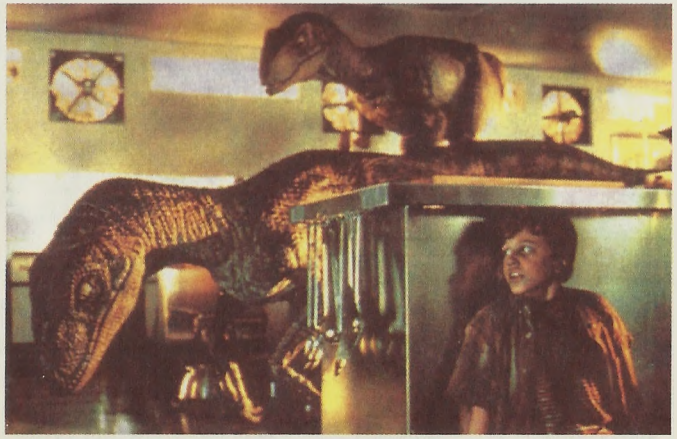
Комар. *ОБЫКНОВЕННЫЙ КОМАР.*

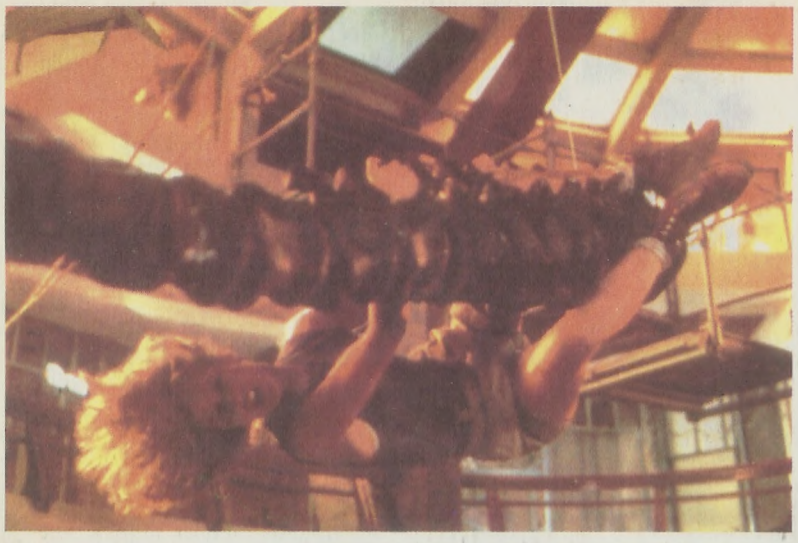
А над океаном висела разноцветная радуга. Веселая и спокойная. Безумно красивая в своей воздушной прозрачности. И парили птицы. Обыкновенные пеликаны. Величественно взмахивая крыльями, они скользили над подернутой рябью гладью воды, унося вдаль. Ничего не знающие о своих предках, спокойные и мудрые, хранящие свою птичью тайну, прошедшую через века.

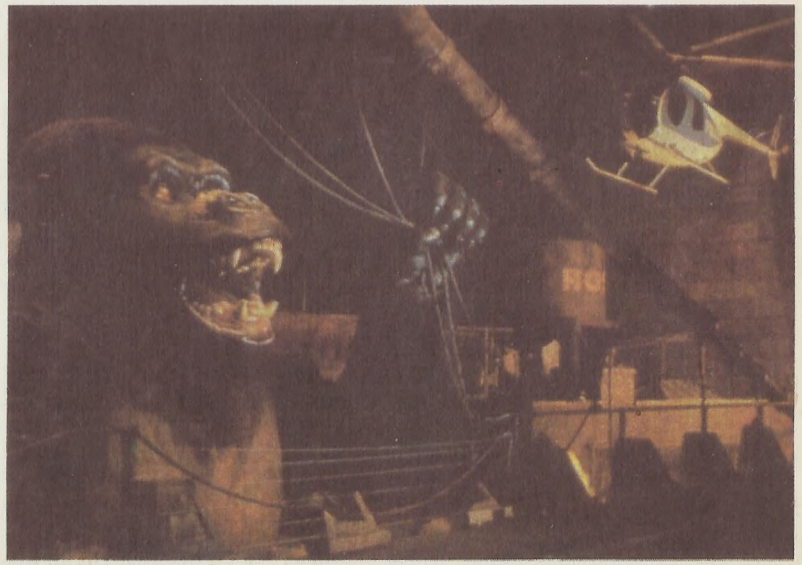


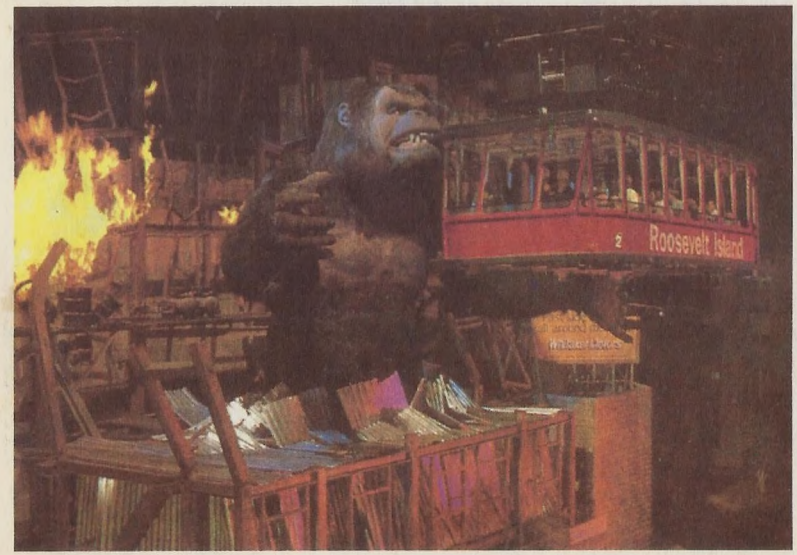






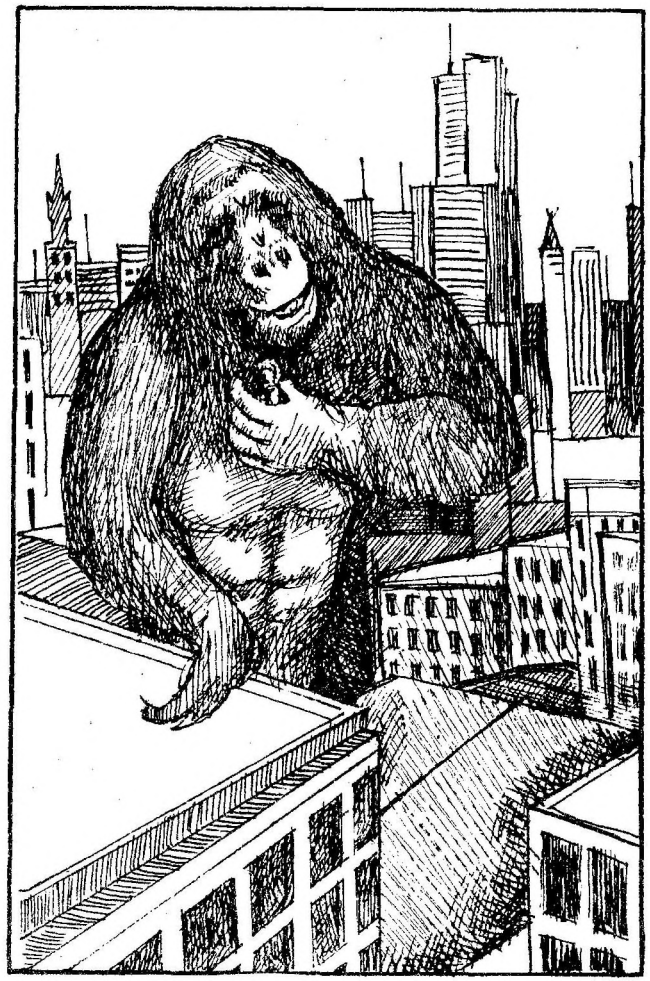






ЭДГАР УОЛЛЕС
МЭРИАН КУПЕР

КИНГ КОНГ



Edgar Wallace
end
Merian C. Cooper

«KING KONG»

Перевод с английского *В. Чиколини*

Редактор — *А. Цветков*

Эдгар Уоллес
и
Мэриан Купер

«КИНГ КОНГ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Даже в тусклых сумерках, скрытый за покачивающейся вуалью снегопада, «Скиталец» нельзя было бы принять ни за какое иное судно, кроме как скромное старое грузовое «корыто»-бродягу. Даже огромное воображение, самый романтический взгляд, брошенный на него, не смогли бы обнаружить той изящной грации, тех резко очерченных контуров, которые всякий завсегдатай суши ищет в полностью укомплектованном и готовом пуститься в отчаянное путешествие корабле.

Для таких посудин. как эта, жалкая поддержка Хобокен-пирса была вполне приемлемой. Здесь, в окружении себе подобных, судно смешалось с задним планом старого города: оно растворилось в удобном для всех образе «пустого места». Здесь оно было в безопасности от смущающих сравнений с леди-лайнерами, задиравшими свои королевские безупречные носы в тени небоскребов Манхеттена на дальнем берегу реки.

Но экипаж-то знал, что в глубинах корабля бьются мощные сердца — двигатели, способные, что бы ни случилось, толкать вперед его старый тупой нос со скоростью добрых четырнадцати узлов. И команде было известно, что вокруг двигателей, как и вокруг той самой глу-

бокой стальной камеры, которая поначалу всех их озадачивала, а многих даже пугала, был прочный, основательный корпус.

Однако люди, далекие от морского дела, тянущиеся к морю только по причине романтики, которая часто просыпается в тех, чьи жизни ограничены рабочими столами и поездками на пригородных поездах, лишь пробегали глазами по его ржавым чешуйчатым бокам и невежественно отплевывались:

— Господи, надеюсь, никто не додумается назвать эту жестянку настоящим морским судном!

Уэстон, которого такси доставило к берегу исключительно по зову бизнеса, в котором для романтики, как известно, места не бывает, произнес именно эту фразу и тут же одернул руку, которая чуть было уже не протянула водителю плату за проезд от угла Сорок второй улицы и Бродвея. В конце концов, если он перепутал пирс, то будет достаточно глупо позволить этому пирату на колесах сбросить флажок, получив таким образом возможность добавить лишние пятнадцать центов к своей выручке.

Крепко сжимая деньги, он неуклюже выбрался из такси со страдающим одышкой достоинством, которое столь характерно для располневшего мужчины за пятьдесят. В тот же момент из-за угла пакгауза высунул свой замерзший красный нос пожилой караульный.

Уэстон окликнул его:

— Эй, капитан! Этот корабль зафрахтован для киносъемок?

И только после того, как красный нос подтверждающе кивнул, Уэстон соизволил протянуть водителю плату за проезд, но даже и тогда в его глазах угадывались нотки подозрительного сомнения. Он, будучи едва ли наполовину убежденным, что не перепутал место встречи, шаркая ногами, поплелся под редкими снежинками к сходням «Скитальца».

— А вы еще один из тех, кто собирается пуститься в это безумное путешествие? — неожиданно спросил из неприветливой тени пакгауза старый караульный.

— Безумное? — переспросил Уэстон и прибавил шага, потому что произнесенное охранником прилагательное еще более подстегнуло уверенность, зревшую в его мозгу. — А что тут такого «безумного»?

— Ну, для начала, парень, который всем здесь распоряжается.

— Денем?

— Так точно! Он же просто чокнутый! Если этому другу придет на ум сделать фотографию льва, то он ведь подойдет прямо к зверю и еще попросит того выглядеть поприветливее. Или это не безумно, хотелось бы мне знать?

Уэстон усмехнулся. Мнение старика не слишком расходилось с его собственной оценкой туповатого человека, в руках которого находилась судьба «Скитальца».

— Он непутевый, это верно, — согласился Уэстон. — Но зачем говорить о том, что и само путешествие так же безумно?

— Потому что это так и есть. Вот зачем.

Караульный выплыл из-под своей уютной защитной ниши, чтобы было удобней следить за разговором.

— В этом доке... Здесь, я вам доложу, есть смышленые парни... Даром, что они не получили высоких и могущественных должностей... Так вот, все в доке говорят, что затея эта — сплошное умопомешательство. Возьмите хотя бы груз, который этот Денем берет на борт! Там, внизу, такая штука, что я до сих пор не могу поверить, хоть и видел собственными глазами, как ее опускали в трюм. А возьмите экипаж! Да его численность в три раза больше необходимой для такого типа корабля! К чему кормить столько ртов?

Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание. По нему было видно, что он готовится разразиться бесконечной обвинительной тирадой в адрес «Скитальца». Однако за мгновение до того как он снова смог открыть свою критическую плотину, молодой, но явно авторитетный голос остановил его порыв:

— Эй, там, на сходнях! Что вам угодно?

Голос раздавался с обнесенной перилами нижней па-

лубы, и Уэстон посмотрел в центр огромной тени корабля. Свет, льющийся из каюты, расположенной чуть выше и ближе к корме, вырывал из темноты силуэт человека. И несмотря на плохое освещение, Уэстон почувствовал полную уверенность, что перед ним — красавец первый помощник капитана «Скитальца», такой, каким его описывал Денем. Он не мог ошибиться — по ту сторону поручней виднелось длинное молодое тело, которое так восхвалял Денем, — дерзкие глаза, энергичный изгиб полных губ. Уэстон, которого жизненный опыт научил с осторожностью относиться к внезапному возникновению расположения к любому незнакомцу, как бы красива ни была его внешность, на этот раз быстро поддался охватившему его чувству симпатии. Ему пришлось признать, что на палубе стоял именно такой приятный молодой человек, какого всякий мужчина мог только надеяться встретить... впрочем, о такой встрече мечтала и каждая женщина, добавил он про себя, повторно оглядев первого помощника.

— Что вам угодно? — в то время как Уэстон производил свою инспекцию, вновь последовал отрывистый вопрос.

— Хочу подняться на борт, мистер Дрисколл, — ответил Уэстон, настроение которого немного улучшилось из-за зародившегося у него чувства симпатии к моряку, и он начал осторожное восхождение по мокрому и от того скользкому трапу.

— О, тогда вы, должно быть, Уэстон.

— И единственный на Бродвее, — согласился Уэстон. — Уэстон, лучший из лучших среди театральных агентов, даже если мое дыхание уже не то, каким было в молодые годы, — добавил он, слегка запыхавшись при подъеме.

— Поднимайтесь же! Поднимайтесь на борт! — закричал Дрисколл. — Денем здорово беспокоится, ожидая от вас известий. Вы подобрали для нас девушку?

В темноте веселье Уэстона испарилась. Он скривил губы и, не проронив ни слова, последовал за Дрисколлом по направлению к корме, а затем, едва поспевая за широким

пружинистым шагом помощника капитана, вверх по узкой лестнице к освещенной каюте.

Низкое помещение привлекало своей безупречной чистотой, хотя и было обставлено с той спартанской простотой, которая безраздельно царствует в городских квартирах, лишенных женского тепла. Единственными украшениями здесь были зеркало на одной стене и ряд металлических вешалок-крючков на другой, все сплошь завешанные одеждой. Исключение составлял один крючок, на котором виднелись лишь один или два дождевика и капюшоны на застежках. Остальное убранство ограничивалось четырьмя стульями, широким продолговатым столом, относящимся к тому самому приземистому типу, который столь удобен для человека, привыкшего раскладывать и последовательно изучать географические карты; открытым ящиком, содержащим черные рифленые железные шары размером побольше апельсина, но меньше грейпфрута, и начищенной до блеска латунной плевательницы, которая покоилась рядом с ногой одного из двух ожидавших в каюте мужчин.

Этот человек был тощ и не выше среднего роста. Его мощные челюсти, прятавшиеся за густыми усами, медленно перемалывали изрядную порцию измельченного жевательного табака. Он был одет в сорочку и жилет без пиджака. Форменная капитанская фуражка придавала его внешности командирский вид, но это не помешало ему самому сделать несколько шагов в сторону своего компаньона.

Его компаньон принадлежал именно к тому типу превосходно одетых и тщательно ухоженных мужчин лет, эдак, тридцати пяти, который вы нередко можете встретить за столом биржевого маклера — за рутинной и скучной работой. Однако там вы едва ли столкнетесь с такими проявлениями твердой силы и неукротимой воли. Его выразительные карие глаза, излучавшие неутомимую тягу к жизненным приключениям, вспыхнув, метнулись к Уэстону, как только тот вошел, и нетерпеливый голос произнес даже без намека на предварительное приветствие:

— Уэстон, я уж было собирался сойти на берег, чтобы позвонить вам!

— Если бы я знал об этом, то, пожалуй, подождал бы вашего звонка в офисе, — саркастически ответил Уэстон, неодобрительно уставившись на свои мокрые ботинки.

— Познакомьтесь со шкипером. Капитан Энглхорн, — продолжал Денем.

Человек в капитанской фуражке, повернулся на каблуках и, сплюнув в блестящую плевательницу, протянул шершавую мускулистую руку. Обменявшись рукопожатием с Уэстоном, он отодвинул в сторону ящик с рифлеными металлическими шарами, дабы освободить немного места у стола для стула театральному агенту.

— Насколько я понимаю, с Джеком вы уже познакомились, — добавил Денем и, когда Уэстон, улыбаясь кивнул Дрисколлу, который так же улыбнулся в ответ, продолжил: — Ну, тогда вы повстречали такую парочку, с которой никогда бы не пересеклись на Бродвее, старина. Они оба сопровождали меня во время моих двух последних путешествий. И вот что я вам скажу: если бы они отказались присоединиться ко мне и на этот раз, то, думаю, прошло бы немало времени, прежде чем я сдвинулся с места.

В каюте ненадолго повисла тягостная тишина, всегда обременяющая мужчин, которым расточают высшую похвалу.

Затем Денем плюхнулся на стул и пристально посмотрел на театрального агента:

— Где девушка, Уэстон?

— Не нашел ни одной.

— Что? — Денем стукнул по столу кулаком. — Послушайте, Уэстон! «Эквити»[1] актеров и мой не вполне привычный для города облик предостерегли всех девчонок, с которыми я было собирался подписать контракт. И все театральные агенты, кроме вас, повернулись ко мне спиной. Вы — все, что у меня осталось. Вы знаете, я откровенен...

[1] Эквити — профсоюз актеров Великобритании. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

— Каждый знает, что вы откровенны, — проворчал Уэстон, громко вздохнув. — Но любому также известно, насколько вы безрассудны. И кроме того, как вы можете рассчитывать на людское доверие... в частности, насчет этого *особого* путешествия, когда вы настолько скрытны?

— В этом есть доля правды, — растягивая слова, произнес Энглхорн и вновь склонился над плевательницей.

— Безусловно это так! — вскричал Дрисколл, потирая красивую молодую челюсть. — Почему даже капитан и помощник не должны знать, куда направляется эта старая посудина?

— Вот видите! — развел руками Уэстон. — Подумайте о моей репутации, Денем. Я не могу заключить контракт с хорошенькой молоденькой девушкой, или, раз такое дело, даже с какой-нибудь дурнушкой, если та вам подойдет, на таких условиях, не объяснив ей, чего ожидать...

— А чего, собственно говоря, она, по-вашему, должна ожидать? — требовательным тоном вопросил Денем.

— Уехать... Никому не известно куда... ведь вы даже не хотите намекнуть... Никому не известно, сколько продлится это путешествие... Уехать, причем единственной женщиной на корабле, где полно самых грубых рож, каких не приходилось лицезреть даже моим старым, такие виды перевидавшим, бродвейским глазам!

Когда остальные трое рассмеялись, агент поспешно добавил:

— Конечно же, я имел в виду только команду.

— Уэстон! — кулак Денема снова грохнул по столу. — Я собираюсь отплыть на этом судне, чтобы осуществить самую грандиозную идею в моей жизни, и мне позарез нужна эта девушка!

— Ни в одной другой вашей картине не было женщины. Так зачем она понадобилась вам на этот раз?

— Черт возьми! Надеюсь, вы не рассчитываете, что я стану советоваться с кем-либо по поводу своих желаний и решений?

— Тогда почему?..

— Почему? Спросите об этом Зрителя. Мои блаженные зрители должны заполучить хорошенькую женскую

мордашку. Роман теряет изюминку, перестает быть романом, приключения становятся скучными, как помои... для моих зрителей... пока время от времени, чтобы потопить тысячу кораблей или взорвать мили окопов, не появляется человек с нагромождением мускулов. Вообразите только! Я работаю, как раб, я обливаюсь потом и кровью, выбиваюсь из сил, чтобы снять прекрасный фильм. А потом Зритель мне говорит: «Эта картина понравилась бы нам гораздо больше, если бы в ней была женщина». И прокатчик добавит: «Если бы он подарил нам настоящую любовную интригу, кассовый сбор был бы в два раза выше».

— Хорошо, — кулак Денема тяжело опустился на стол в последнем решительном ударе. — Они хотят девушку. Так я дам им девушку.

В памяти Уэстона воскресло мрачное заявление пожилого караульного. Денем, разумеется, не был сумасшедшим. Но все равно этот его план отнюдь не принадлежал к того рода проектам, которые стремится поддерживать заботящийся о своей репутации театральный агент.

— Мне очень жаль, но я не думаю, что смогу что-либо сделать, — произнес он и приподнял шляпу.

— Сделать вам еще предстоит многое. — Денем словно не заметил отказа. — И в спешном порядке. С рассветом нас здесь уже не должно быть. Необходимо отплыть с утренним приливом.

— Почему?

— Мне кажется, теперь уже не станет хуже, если объяснить вам, в чем дело, — раздраженно решился Денем. — У нас на борту взрывчатка. И страховая компания что-то пронюхала. Если мы скоренько не уберемся отсюда, к нам на шею сядут судебные инспектора. Начнется юридическое разбирательство, и это свяжет нам руки на долгие месяцы. Настроение его неожиданно переменилось, и, подойдя к ящику, который Энглхорн отодвинул в сторону, он поднял один из металлических шаров. Денем посмотрел на него с гордой улыбкой собственника.

— Уэстон, — продолжил он, — скажу вам по секрету, что, насколько я могу судить, девушке, которую вы для

меня найдете, во время нашей экспедиции не будет угрожать ничто. Конечно, небольшой риск выпадет и на ее долю, — уступил он, широко улыбаясь. — Даже скорее большой, но, поверьте мне, пока у нас есть парочка этих штучек, ничего страшного не случится.

—Что у вас там?

— Газовые бомбы, старина! Мое собственное изобретение. Или, лучше сказать, мое собственное усовершенствование стандартной модели. Всего лишь газовые бомбы, правда, их мощности достаточно, чтобы шутки ради завалить целое стадо слонов.

— Что? — запнулся Уэстон. — Денем, неужели вы не понимаете, что все, что я от вас слышу, заставляет меня держаться подальше от этого дела? Я даже начинаю радоваться, что мне не удалось раздобыть для вас девушку.

— Не стройте из себя страховую компанию, — презрительно посоветовал Денем. — Не стоит беспокоиться о маленьких бомбочках. В них не больше вреда, чем в леденцах на палочках... до тех пор, пока они в руках людей, которые понимают в них толк — таких людей, как Джек, или шкипер, или я сам. На самом деле, Уэстон, похоже, что куда больше проблем и опасностей доставят нам слабенький дождик или сезон муссонов.

— М-муссоны!

— Вот именно! Это еще одна причина, почему я должен получить свою девушку и отправляться немедленно. Конечно, я вполне могу положиться на шкипера, а уж он проведет «Скитальца» даже сквозь шторма и ураганы. Да и Джек тоже! — Денем прервался, чтобы нежно похлопать Дрисколла по широкой спине. — Но муссоны приносят дожди, а дождь портит съемки под открытым небом. Это бесполезная трата месяцев, бесполезная трата денег, которые оставляют человека творческого ни с чем из того, что можно показать Зрителю как результат своей адской работы.

— М-муссоны! Г-газовые бомбы! — Уэстон все еще заикался. — Мой Бог! По вашей милости я чувствую себя как потенциальный убийца. — Он решительно натянул

шляпу на свою круглую голову и потянулся к дверной ручке. — Денем, через меня вы девушку не получите.

— Что?

— Я отвечаю за свои слова.

— Отвечаете... Да! Что ж, я найду и без вас!

Он сдернул дождевик с одного крючка, а затем капюшон с другого, с поразительной для такого коренастого и солидного человека, как Денем, скоростью.

— Если вы думаете, что я собираюсь отступить только потому, что вы не желаете найти для меня девушку... — Он оттолкнул в сторону полного Уэстона и рывком распахнул дверь. — ...Я намереваюсь снять величайшую в мире картину. Я покажу то, чего никогда не видели, то, о чем люди даже никогда не мечтали. Когда я вернусь назад, им придется придумывать новые прилагательные, чтобы назвать то, что я сделаю. Ждите!

Дверь с грохотом захлопнулась.

— Куда вы? — закричал вдогонку Энглхорн.

Решительный голос Денема донесся снаружи, в то время как звук его шагов упрямо удалялся по лестнице по направлению к сходням:

— Я ухожу, чтобы отыскать девушку для своего фильма. Я ухожу, чтобы привести ее сюда... даже если мне придется ее похитить!

Между тем, в каюте Уэстон, уставившись на Дрисколла и Энглхорна застегивал собственный плащ. Он был как никогда счастлив, что ему удалось улизнуть от выполнения этой безумной миссии. «Безумная», как он решил, было самым подходящим словом. Старик-караульный был прав куда больше, чем наполовину.

Дрисколл расхохотался.

— Держу пари, — обратился он к Энглхорну, — что Денем раздобудет себе девушку.

— Нет, такого пари я не приму, — ответил Энглхорн, продолжая спокойно работать челюстями.

Дрисколл, по-прежнему смеясь, повернулся к Уэстону. Его белые зубы так и сверкали на фоне загорелого лица.

— И у него хватит смелости предложить мне жениться

на ней, если он решит, что этого потребует сценарий... — заметил он. — Вам посветить, пока вы будете спускаться к кэбу?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Денем искал лицо. Проталкиваясь сквозь бродвейскую толпу в этот театральный час, он останавливался, приглядывался, и время от времени, когда какая-то особо многообещающая внешность со второго взгляда оказывалась рядовой и обыденной, нетерпеливо ругался шепотом.

Он сконцентрировал все свое внимание только на лицах, исключив все остальные детали. Прикрытыми до узкой щелочки глазами, как линзами фотокамер, он выхватывал из общей массы лиц, тщательно осматривал и сбрасывал со счетов бесконечные физиономии среди плывущих вокруг толп: наглые лица, лица испуганные, угрюмые лица, привлекательные лица, недовольные лица, выжидающие лица, противные лица, размалеванные лица, грубые лица, безразличные лица... Но он нигде не обнаружил лица, которое само бы кричало из водоворота банальных внешностей: «Я здесь! Я именно то, что ты ищешь!»

Даже непоколебимая воля Денема дрогнула перед угрозой верного провала. В конце концов, тряхнув головой, что было если не жестом приближавшегося отчаяния, то по крайней мере признаком горького разочарования, он свернул в пригород. Топая с мрачной решимостью, Денем

покинул яркую иллюминацию Таймс-сквера и принялся рыскать по каньонам погруженных во тьму авеню.

Лица в очередях за бесплатной кормежкой для безработных. Лица за стеклами автомобилей. Лица в трамваях. Опрятные лица, перепачканные лица, печальные лица, лица радостные. Но нигде не было лица, которое бы вспыхнуло и засветилось в будущем кинофильме как пламя свечи. В его кинофильме, который, как он был уверен, станет самой великой картиной в мире.

Денем обнаружил, что, кружа по улицам, снова оказался в том месте, откуда начал свои поиски: скамейки Медисон-сквера и вечно тусклый, немигающий свет склонившихся над ними фонарей остались далеко за спиной. Он прочесал Пятую Авеню, затем Парк-Авеню, потом чванливую сокровенную Пятьдесят седьмую улицу. Теперь ноги опять уносили его от центра прочь по лабиринту верхних западных Сороковых улиц по направлению к бродвейским толпам, которые в этот час, пузырясь и клокоча, выливались из сотен театров и кинозалов.

С неприятным чувством ожидания неизбежного повторения недавней неудачи, он решил потянуть время за сигаретой. Обнаружив, что его собственная пачка пуста, Денем остановился у маленького магазина с краю тротуара. В последующие недели он нередко порывался на полном серьезе пожать самому себе руку, радуясь той доброй удаче, которая подтолкнула его к этому шагу. Магазинчик был очень маленьким; по правде, назвать его даже большим киоском можно было только с большой натяжкой. В нем едва хватало места для смуглого небритого владельца и более скоропортящейся части запаса его товаров. Ларек был настолько мал, что выставку залежалых яблок пришлось расположить на стойке вдоль наружной стены.

Смуглый торговец бросал подозрительные взгляды на свои яблоки, даже продавая Денему сигареты. Тот вовсе не старался разглядеть товар, но яблоки попадали также и в поле его зрения. И, на самом деле, именно он первым заметил, что произошло.

К стенду с яблоками подошла какая-то девушка и,

протянув тонкую белую руку, медленно, но с жадностью голодающего, начала подбираться к красным фруктам.

Денем увидел это первым, однако смуглому продавцу было достаточно лишь одного мгновения и единственного беглого взгляда, чтобы, в то время как его покупатель раскрывал новую пачку сигарет, выскочить из дверей магазинчика, громко выкрикивая ругательства.

— Ааа-аа! Вот я и поймал тебя, воришка! Хо-хо! — Он грубо схватил девушку за руку. — Нет-нет, и не пытайся даже убежать. Эй! Где тут полицейский?

— Нет! — воскликнула девушка, вяло пытаясь вырваться. — Отпустите меня, пожалуйста. Я ведь ничего не взяла. Правда... Я хотела, но не взяла...

— Кто-нибудь обворовывает меня каждый час! Я сыт этим по горло! Эй! Господин полицейский!

— Заткнись! — приказал Денем. — Девушка говорит правду. Она убрала руку от твоих гнилых яблок еще до того, как ты затеял всю эту суматоху. Она не собиралась ничего воровать.

— Я не воровала. Правда. Не воровала.

— Вот, Сократ, — не терпящим возражений тоном сказал Денем, закрывая тем самым тему для разговора, — возьми доллар и забудем об этом.

Доллар полностью переменил точку зрения смуглого владельца киоска. Он выхватил его из пальцев Денема, отпустил кисть девушки и засеменил в свой ларек, расточая из-за плеча благодарности.

Неожиданно освобожденная девушка неминуемо упала бы по инерции, если бы Денем быстро не подхватил ее за плечи. Голова незнакомки запрокинулась назад. Единственная электрическая лампочка киоска залила ее своим неярким светом, и спаситель впервые смог хорошенько рассмотреть лицо девушки. Денем скользнул по ней быстрым взглядом. Затем он посмотрел снова, и его глаза режиссера, так долго бывшие полузакрытыми, распахнулись шире. Он все еще не сводил с нее глаз; а через мгновение расхохотался и, расправив плечи, победоносно выбросил в сторону голосующую руку.

— Такси! — крикнул он и, когда желтый автомобиль

подкатил к тротуару, взвизгнув тормозами, распорядился:

— К ближайшему ресторану. И поторопись!

Тридцатью минутами позже, в облицованной белой керамикой забегаловке для ленча за углом, Денем попрежнему светился от триумфа. Напротив него, загородившись белой баррикадой из пустых тарелок и чашек, сидела спасенная незнакомка. Во время еды девушка не проронила ни слова. Денем тоже молчал. Облокотившись на столик и чуть подавшись вперед, он пристально разглядывал выражение благодатного удовлетворения, царившее на ее лице.

Лицо было более чем просто красиво — оно было прекрасно; его выразительным, тонким чертам сразу же обрадовался опытный операторский глаз. Большие глаза невероятной голубизны поглядывали на него из-под полумрака ресниц; в изгибе красных, как спелая вишня, губ чувствовалась страсть и скрытая усмешка, а в приподнятом подбородке угадывались смелость и мужество. Ее кожа поражала своей белизной и даже чуть просвечивала. И просвечивала, как решил Денем, вовсе не из-за того, что она недоедала, хотя недоедала она, без всякого сомнения. Этот чудесный тип кожи прекрасно гармонировал с ее волосами, которые выбивались из-под потертой шляпки. Они были словно из чистого золота. Будь Денем романтиком, кем он не был, ему бы представилось, что они сотканы из пряжи солнечных лучей.

Она улыбнулась, без ложной робости встретив его довольный, внимательный и пристальный взгляд.

— Теперь я совсем другая Энн Дарроу, — произнесла она.

— Чувствуешь себя немного получше, так?

— Да, спасибо. Вы замечательно добры.

— Тебе не следует меня так расхваливать, — прямо начал Денем. — Я трачу на тебя свое время и деньги не только по причине своей доброты.

Вся веселость и большая часть улыбки слетела с лица Энн. Она слегка поежилась. Но Денем не обратил никакого внимания на эту ее реакцию.

— Как ты попала в такой переплет?

— Думаю, мне просто не повезло. Девушек вроде меня очень много.

— Может быть. Но не многие из них выглядят как ты.

— Я, наверное, могла бы подыскать что-нибудь получше из одежды. — Страх еще проскальзывал в ее улыбке. — Но когда девушка становится слишком потрепанной жизнью...

— У тебя есть семья?

— Предполагается, что у меня есть дядя... где-то.

— Ты когда-либо занималась актерской деятельностью?

— У меня было несколько незначительных ролей на киностудии... там... — она махнула рукой в неопределенном направлении, — неподалеку от Форта Ли. Однажды я получила настоящую роль, но сейчас студия закрыта.

Он рискнул задать еще один вопрос:

— Не относишься ли ты к тому типу молодых женщин, которые визжат при одном виде мыши и падают в обморок от шипения змеи?

— Я родилась в деревне... э... честно говоря, у меня нет особого желания целоваться с мышью. Но я убила змею... когда-то.

Денем снова расправил плечи, почувствовав еще больший успех, чем ранее, и поднялся.

— Послушай, сестренка, у меня есть для тебя работа.

Энн тоже встала. Она спокойно выдержала проницательный взгляд Денема и просто ждала продолжения, не сводя с него глаз.

— Когда ты начнешь хорошо питаться, отдохнешь и оденешься, как полагается красивой женщине, ты станешь как раз тем типажем, который мне так нужен.

— Когда... когда начнется моя работа?

— Сейчас. Сию минуту. И первое, что мы сделаем — достанем тебе новое платье. Пошли. Скорее всего, бродвейские магазины еще открыты.

— Но... что это за работа?

— Это деньги и приключения... И слава... Это волнующее возбуждение всю жизнь... И долгое морское путешествие, которое начинается в шесть часов следующего утра.

Энн снова села и отрезвляюще покачала головой. Теперь на ее лице не было и тени страха, вместо него появилась стойкость и терпимость к жизни, полные оптимизма и юмора. Казалось, что благодаря ежедневной практике ей не составило никакого труда вызвать в себе эти чувства.

— Нет! Мне очень жаль... Но я не могу... Мне действительно очень нужна работа... *Я голодала*... Но я не могу...

— Что?! — вскрикнул Денем, с удивлением уставившись на нее.

Вдруг он расхохотался и потянулся за сигаретой, выкурить которую, покидая киоск смуглого торговца, он так и позабыл.

— О, понимаю! Нет, сестренка. Нет. Ты не правильно меня поняла. Это исключительно деловое предложение.

— Хорошо, — произнесла Энн, как бы извиняясь. — Я не хочу никакого...

— Никакого недопонимания между нами. Конечно. Конечно не хочешь. Это моя вина. Я был восхищен тобой и ничего не объяснил. Так вот мои объяснения. Я — Денем. Слышала когда-нибудь обо мне?

— Да... Да. Вы — кинорежиссер и снимаете фильмы. В джунглях, и все такое.

— Точно, это — я. И мне хотелось бы взять тебя на ведущую роль в моей следующей картине. Мы отплываем в шесть.

— Куда?

— Я осмелюсь не говорить тебе об этом некоторое время, Энн. Это очень далеко отсюда. И перед тем, как мы доберемся туда, нам предстоит долгое путешествие — легкая жизнь, теплое голубое море, мягкие блики луны на волнах... Подумай, Энн. Не важно, что будет под конец, разве это не лучше, чем слоняться всю жизнь по Нью-Йорку? Каждую ночь бояться, что рассвет застигнет тебя в сточной канаве?

— Не важно, что придет под конец... — прошептала Энн. — Да, так будет лучше.

— Я честен, Энн. — добавил Денем. — И я буду откровенен с тобой. Никаких грязных дел. Слово джентльмена.

— И тем не менее, вы не можете открыть мне, что я должна буду делать?

— Держи хвост трубой и верь мне, — предложил Денем и протянул ей руку.

Какое-то время Энн, взвешивая в уме все «за» и «против», смотрела на него открытым взглядом.

Ему же всегда везло, напомнил он самому себе, его благодарный взгляд скользнул по ее ярким волосам, совершенному лицу и грациозной, пропорционально сложенной фигуре.

Когда их глаза вновь повстречались, Энн со смелой улыбкой вложила свою руку в его.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Энн проснулась на узкой корабельной койке и некоторое время просто не могла понять, где она и как здесь оказалась. Единственной мыслью, которая пульсировала в ее голове, было то, что это первое утро, когда она проснулась без щемящего чувства голода. Размышляя, что же случилось с *голодом*, Энн вспомнила удивительную встречу прошедшей ночью и все, что за этим последовало. Она звонко рассмеялась, заметив подле своей койки вазу с яблоками.

Денем купил их в самый последний момент, добавив вместительный пакет с фруктами к множеству пакетов с платьями, коробок с туфлями, шляпными коробками, которые и так не без труда удалось втиснуть в такси.

— А вот и ваза для твоих любимых яблок, — сказал он тогда.

Это произошло уже на борту «Скитальца», когда они далеко за полночь прошли мимо одинокого караульного и стоявшего на пирсе прямо-таки подозрительного старика с замерзшим красным носом.

С вазой, полной яблок, Энн спустилась вслед за Денемом вниз по тускло освещенному короткому проходу.

— Это твоя каюта, — сказал он. — Ключ найдешь

внутри. Поняла? Вот и прекрасно. Спокойной ночи и крепкого сна! Попытайся поспать подольше. Если завтра я увижу, что ты болтаешься по судну раньше позднего полудня, придется просить капитана заковать тебя в кандалы.

Энн откинула пальчиками пенящиеся светлые волосы с блестящих глаз и посмотрела на крошечные часики, которые являлись отдельным предметом в обстановке ее каюты. Было почти восемь утра, значит, она провела в постели каких-то пять или шесть часов. Но за исключением этого последнего мимолетного и беспокойного сна урывками, она вообще не спала. Девушка зевнула и снова рассмеялась. Любая другая на ее месте, взволнованная по сравнению с ней даже только на половину, вряд ли смогла бы вообще заснуть. И так как было абсолютно понятно, что в течение ближайших часов ее волнение не уляжется, пренебрегая кандалами капитана Мистера Денема, она решила выйти на палубу.

Шкипер, насколько она помнила из краткого рассказа Денема о своих ассистентах, звался капитаном Энглхорном. Он был стар и грубоват, но все же славен. Дрисколл, первый помощник капитана, был молодым и также грубоватым, но, по словам Денема, тоже неплохим парнем.

Девушка перекинула стройные ножки через край койки, встала и подошла к открытому иллюминатору. Как и обещал Денем, они отплыли, несомненно, точно по графику — в шесть часов. Окружавший их еще вчера Нью-Йорк исчез. Земля виднелась за кормой на горизонте лишь узенькой полоской. Но по бортам и впереди их окружала только вода: ласковые волны под мягким, безмятежным небом. Сыпавший прошлой ночью снег прекратился, и вместе с ним ушла опасность штормовой погоды. Воздух стал намного теплее, и девушка, стоявшая под врывающимся в каюту ветерком в одной только тонкой ночной рубашке, почти не чувствовала холода.

Повернувшись к иллюминатору спиной, Энн с восхищением прикоснулась к легкому шелку на своем теле.

— Покупай себе все, что понравится, сестренка, — говорил Денем. — Ты все равно обойдешься мне дешевле по

сравнению с тем, сколько я должен был бы выложить любой девчонке с Бродвея или из Голливуда... Выбирай все, что хочешь.

Прикинув в уме, что она окажется вдали от магазинов и ателье на многие месяцы, Энн поймала его на слове.

Ночные рубашки... Нижнее белье... Колготки... Даже пижамы... Плюс пиджаки, платья, шляпки. И наконец, разные мелочи, необходимые женщинам, в количестве, достаточном чтобы открыть свой салон красоты. И все это теперь было здесь, внутри огромной трясущейся горы коробок и свертков, которые каждую минуту грозили рухнуть к ее ногам под мерным биением сердца «Скитальца» — корабельного двигателя.

Она решила раскрыть только одну из коробок; но в результате такого чудовищного пожертвования своим удовольствием, какое может оценить исключительно женщина, уже в девять с четвертью она шагнула в безлюдный проход и притворила за собой дверь каюты.

Под новым пиджаком девушка оставила свое старое платье: ей не хотелось, чтобы Денем подумал, что она сгорает от желания перемерить все недавно купленные роскошные предметы. Но в то же время под платьем скрывалось свежее, безупречное шелковое успокоение, которое ласкало ее от плеч до мизинцев стоп.

«Действительно, — думала она, поднимаясь на палубу, — ужасно обидно, что на кораблях не держат автомобилей. Самое время какому-нибудь лихачу подцепить меня бампером и превратить в жертву дорожного происшествия. Еще ни разу в жизни я не была настолько красиво и изящно одета для такого случая».

Палуба оказалась такой же пустынной и безлюдной, как и узкий проход внизу. Даже привыкшей к суше леди не потребовалось много времени, чтобы догадаться, что офицеры и команда, исполнив связанные с отплытием обязанности, спустились по своим делам в трюм судна. Из всего экипажа на палубе она заметила только одного человека: наверху, в укромном уголке, залитом теплыми лучами восходящего солнца, неуклюже растянулся истинный Мафусаил-матрос — бронзовый, мускулистый,

лысый, старый чудаковатый старикашка, который что-то бормотал, завязывал узлы во благо щебечущей обезьянки.

Энн, мягко ступая, подошла ближе. Лицо пожилого матроса было таким дружелюбным, а сама девушка чувствовала себя такой счастливой, что она не удержалась и, присев рядом с малышкой-обезьянкой, воскликнула:

— Научите и меня!

— Нет проблем! — просто и тепло ответил старый моряк.

По озорному огоньку в его глазах Энн поняла, что он услышал о ее приближении давно, начиная с самого первого осторожного шага. А по его спокойному тону она догадалась, что новость о ее прибытии по вине полуночного караульного «Скитальца» уже успела облететь корабль.

— Конечно! — добавил старый матрос. — Но прежде всего позвольте представить меня. Я — Лампи... — его речь явно не страдала идеальной грамматикой, но это отнюдь не уменьшало его обаяния. — А это, — он показал рукой на своего любимца, — это Игнац...

— А я — Энн Дарроу.

— Теперь все правильно, насколько это вообще возможно, — проговорил Лампи. — А это, — продолжал он, производя запутанные и проворные манипуляции с веревкой, — бегущий булинь. Вверх... перекинуть... и пропустить наружу. Готово! Теперь попробуйте вы.

Энн подхватила веревку, но вместо того, чтобы повторить урок, задумчиво посмотрела на зеленую, плавно колышащуюся гладь моря, нежно ласкавшую волнами борт корабля.

— О, Лампи, — зачарованно выдохнула девушка, — разве быть здесь не чудесно?

— Уж лучше бы сдувать пену с высоченных кружек пива, что подают в кабачке Курли, — откровенно признался Лампи. — И могу поспорить, что Игнац мечтает сейчас о вершине кокосовой пальмы и он уверен, что это в девятнадцать раз прекраснее. У каждого свои вкусы.

— О, вы правы, — согласилась Энн, — море не всегда

такое спокойное и приветливое. Мне кажется, когда оно становится бурным, это довольно неприятно.

— Конечно, куда лучше, — сухо признал старый матрос, — когда вы сами можете повелевать погодой. А также рабочими часами и сверхурочными, — хмуро добавил он и поспешно вскочил на ноги, заслышав короткий свисток.

Энн, разморенная до лени теплотой солнца, осталась с Игнац в укромном уголке под навесом, а Лампи куда-то помчался. Следом за ним на умирающей ноте свистка проворно пробежали несколько других матросов. В тот же момент со стороны кормы, недалеко от сходного трапа, по которому поднялась на палубу Энн, появился и сам владелец свистка. Он оказался молодым человеком, столь глубоко погруженным в свою работу, что не заметил свою чуть скрытую публику в лице девушки и обезьянки.

С появлением этого молодого человека интерес Энн к происходящему значительно оживился. Она почувствовала, как высокая, хорошо сложенная фигура, решительное загорелое лицо, его манера держаться с достоинством хозяина и понимание этого, бросают вызов ее существу. Но бросают тем неподражаемым образом, который она вовсе не находила неприятным. Наверное это Дрисколл, решила она, и когда он повернулся, предоставив ее взору широкую удалую спину, девушка даже привстала, чтобы получше его рассмотреть.

Этот самый Дрисколл носил фуражку офицера и великолепную черную шерстяную рубашку, которую нигде бы не смог купить на жалованье моряка. В остальном же его одежда почти не отличалась от незамысловатой формы людей, между которыми он так лихо, отдавая команды, распределял работу.

Энн не вполне понимала, в чем заключалась их работа: они копошились вокруг открытого в палубе люка — огромного, чудовищного ящика и вокруг того, что, казалось, было абсолютно запутанным клубком канатов, способным поставить в тупик любого моряка. Канаты так загадочно переплетались друг с другом, что Энн даже пода-

лась вперед из своего укромного наблюдательного пункта, пытаясь получше все разглядеть.

Между тем, Дрисколл продолжал выкрикивать быстрые команды. Один из матросов позволил концу каната выскользнуть из рук и, было видно, не выказал ни малейшего намерения снова его поднимать.

— Нет, нет! — закричал ему Дрисколл. — Тащи этот линь к корме! — Пятясь назад и размахивая руками в нужном направлении, он так близко подошел к Энн, что она, наверняка, смогла бы дотронуться до его плеча, если бы вытянула вперед руку. — На корму! На корму же! Эх ты, фермер! Сдай назад!

Рука Дрисколла метнулась за спину и, описав широкую, размашистую дугу, словно крыло ветряной мельницы, кончики его пальцев со жгучей болью задели лицо Энн. Она отшатнулась назад в крытый закуток и чуть не упала. А Игнац разразился безумными визгами.

— Какого чер... — взорвался Дрисколл, но, обернувшись и увидев Энн, справился с охватившим его порывом гнева и продолжил уже более мягко:

— Что вы делаете наверху? По-моему, вы должны быть в постели, купаться в последних снах.

— Мне только хотелось посмотреть, — объяснила перепуганная девушка. В ее голосе чувствовалась кротость — ведь она знала, что вина была за ней.

— Что ж, мне очень жаль, что так получилось, и прошу меня извинить. — Помощник капитана застенчиво посмотрел на собственные пальцы. — Надеюсь, удар был не очень сильным.

— Совсем нет! — воскликнула Энн так энергично, что оба они рассмеялись.

— Ну, — сказал Дрисколл после небольшой паузы, — вы и есть та самая девушка, которую Денем нашел в последний момент?

— И которая ужасно взволнована в эту минуту, — улыбнулась Энн. — Все это просто ставит меня в тупик. И я раньше никогда не бывала на корабле.

— А я, — ответил Дрисколл изменившимся тоном, который напомнил Энн, что он способен быть резким, — тоже раньше никогда не бывал на корабле... с женщиной.

— Догадываюсь... Вы не очень-то приветствуете женщин на морских судах, не так ли?

— В этом не приходится сомневаться. В море женщина обычно похожа на бестолковую надоеду.

— Я постараюсь ею не быть, — вспыхнув, сказала Энн.

— Один раз вы уже постарались, — беспощадно напомнил ей Дрисколл, — лучше стойте в сторонке или оставайтесь внизу.

— Что? Но не целое же путешествие напролет? — воскликнула Энн и попыталась засмеяться.

— Изредка вы можете подниматься на палубу, — проворчал мужчина и заставил себя выдавить улыбку. — Скажите, этот дурацкий удар... Челюсть... все еще болит? Надо сказать, получилась довольно звонкая пощечина.

— Я ее переживу. Жизнь часто хлестала меня по щекам, и порой эти удары приносили немало боли...

В голосе Энн неожиданно появилась горечь, и Дрисколл снова посмотрел на нее, на этот раз более внимательно.

— Если все они были похожи на последний, — ответил он, — то нам нельзя оставлять это просто так. Вот, что я вам скажу: поднимайтесь на палубу каждый чертов раз, когда вам захочется.

Их глаза снова встретились, и Энн, слегка смущенная, наклонилась, чтобы поднять визжащего Игнаца.

В этот момент из каютной части кормы вышел Денем.

— Я-то думал, что приказал тебе проспать двенадцать часов подряд! — завидев девушку, возмутился он.

— Невозможно! Я была слишком взволнована, чтобы спать.

— Я вижу, кое с кем из экипажа ты уже познакомилась.

— Да! Мне кажется, первый помощник немного не в себе. Но Игнац мирный и дружелюбный.

Денем задумчиво посмотрел на Игнац.

— Красивая женщина, — пробормотал он себе под нос. — Красавица и Чудовище!

— Я никогда не притязал на красоту, — запротестовал Дрисколл, — но...

— Не вы, Джек. Игнац. Посмотри, каким он стал тихоней. Он никогда не был таким спокойным раньше, даже на руках старого Лампи.

— Красавица и Чудовище. Без сомнения, это очень интересно. Без всякого сомнения.

— Красавица, — сделав паузу, повторил для себя Денем. — Красавица и Чудовище. Без сомнения это очень интересно. Без всякого сомнения.

— Что? — переспросил Дрисколл.

— У вас будет много времени, чтобы понять это, Джек.

Денем повернулся к Энн:

— Раз уж ты встала, давай выясним, что же мы имеем. Я сделаю несколько твоих кинопроб. Спускайся пока в каюту. Капитан Энглхорн покажет тебе, в каких коробках лежат костюмы. Покопайся в них и выбери любой, какой понравится. К тому времени, когда ты оденешься и наложишь немного грима, у нас уже будет достаточное для съемок освещение.

Энн опустила Игнаца на доски палубы.

— Надеюсь, ты знаешь, какой грим необходимо использовать для съемок под открытым небом? — спросил Денем.

— Думаю, что да, — ответила девушка, пытаясь скрыть волнение. — Я скоро. Это не займет много времени.

Как только она ушла, Дрисколл, чуть нахмурившись, повернулся к своему работодателю:

— Похоже, она прекрасная девушка.

— Ручаюсь, что это так, Джек.

— И совсем не из того типа, какого вы обычно отыскиваете для подобных поездок.

— Да, намного лучше.

— Я... Хотелось бы мне знать, ей действительно ничего не оставалось, как поехать с нами, мистер Денем?

Денем какое-то время со смешанным чувством удивления и нетерпения разглядывал первого помощника.

— Ладно, пойдемте, — сказал он наконец. — Поможете мне установить камеру.

Они занялись фотоаппаратурой, в то время как команда продолжала раскладывать груз, то есть выполнять работу, которую Дрисколл прервал случайным ударом по лицу девушки. Когда Энн вернулась, и то и другое было закончено.

Она нашла набор костюмов достаточно полным. Сейчас на ней было одето нечто очень очаровательное, в корне отличающееся от того неописуемого платья, в котором она впервые появилась. Нечто до курьеза примитивное — смесь мягко шелестящих трав и радужных легких шелковых лент. А там, где одежда была не в состоянии прикрыть тело, белизна ее обнаженных рук и ног вспыхивала привлекательным контрастом с коричневыми травами и ярким шелком.

— Она выглядит как какая-нибудь не в меру эксцентричная невеста, — пробормотал Дрисколл.

Эта импульсивная дань прекрасному заиграла на щеках Денема странным для непосвященного удовольствием.

— Вы уверены в этом? На самом деле? — спросил он. — Вы, правда, так думаете, Джек?

Дрисколл кивнул.

— Ну а если она новобрачная незамысловатого, необыкновенного? — настаивал Денем.

— Нет. Не... Не просто... возможно, мои слова прозвучат безрассудно, если я скажу... но сейчас она не похожа на невесту мужчины, который вообще когда-либо жил... Она напоминает невесту кого-то... чего-то совершенно другого, скорее...

— Это костюм моей Красавицы и Чудовища, — с гордостью творца объяснил Денем.

— Чем бы это ни было, — сказала подошедшая к ним Энн, — но это самый хорошенький наряд среди прочих.

— Верно! — воскликнул режиссер. — Встаньте вон там.

— Я немного нервничаю, мистер Денем. А вдруг мои пробы вам не понравятся? Что тогда?

— Никаких шансов, сестренка. Если бы я не был в этом уверен, тебя бы не было сегодня на борту. Нам абсолютно не о чем волноваться... кроме маленькой проблемы поиска лучших ракурсов и углов.

Энн улыбнулась, подогревая себя надеждой, и, повинуясь вытянутой руке своего режиссера, двинулась к выбранному им месту съемок. Дрисколл со своего места беззвучно аплодировал девушке, давая тем самым понять, что, с его точки зрения, ей не о чем беспокоиться. К Лампи и полудюжине других матросов быстро прибавились еще человек двенадцать, которые с осторожностью и любопытством собрались за спинами первых. Игнац, сидя на плече у Лампи, изредка вставлял в общий шепот тихие заинтересованные визги. Наконец появился усатый Энглхорн и, ни на мгновение не переставая работать челюстями над очередной порцией жевательного табака, бросил Энн вялую ободряющую улыбку.

— Начнем с профиля, — распорядился Денем. Он мельком посмотрел сквозь видоискатель и защелкнул что-то на камере. — Так! Когда я начну крутить ручку, подержи с минуту профиль, потом медленно поворачивайся ко мне лицом. Посмотри на меня. Посмотри с удивлением. Потом еле заметно улыбнись. Потом как бы выслушай собеседника. Потом засмейся. Хорошо? Камера!

Энн послушно выполнила все, как он просил. Это получилось проще, чем она ожидала — ничего особенного, она часто проделывала все это в студии Форт-Ли; никакой разницы.

Из-за спины Денема ветер доносил комментарии матросов:

— А по мне, в этом толку не больше, чем в пустой кружке.

— Но разве она выглядит не шикарно?

— Интересно, собирается он использовать меня в своей картине? — озабоченно поинтересовался Лампи.

— Снимать тебя камерами, которые столь же дороги, как эта? Да у тебя нет ни шанса, Лампи. Он не может так рисковать.

— Замечательно, — сказал Денем и кивнул, разрешая девушке расслабиться. — Теперь я хочу попробовать фильтр.

— Вы всегда снимаете фильмы сами? — спросила Энн, когда он со знанием дела начал менять линзы.

— Всегда, начиная с моей африканской картины. Мы делали потрясающие кадры атакующего носорога, когда оператор наложил в штаны и дал деру. Глупец! Трус и глупец! Как будто я не стоял рядом с винтовкой в руках! Он не поверил, что я уложу это разъяренное, но милое животное еще до того, как оно до него доберется. Поэтому с тех пор я не делаю глупостей, связываясь с операторами, снимаю все трюки сам.

Энглхорн, пережевывая табак с методичной безмятежностью, сделал несколько шагов, чтобы присоединиться к Дрисколлу, брови которого хмурились в слабом неодобрении:

— Что-нибудь не так, Джек?

— Этот малый меня сильно беспокоит, — ответил Дрисколл. — Вся эта таинственность...

— Но мы как-то выкручивались во время двух последних путешествий, и дела постоянно шли в гору, — напомнил ему Энглхорн. — И на этот раз он выведет нас сухими из воды.

— Но с женщиной на борту... это совсем другое дело.

— Это его проблемы, — неоспоримо заметил капитан.

— Поехали, Энн! — скомандовал Денем. — Оставайся там, где стоишь. Когда я начну снимать, медленно посмотри наверх. Ты совершенно спокойна, ничего не ожидаешь увидеть. Понятно? Камера!

Как только Денем начал вращать ручку кинокамеры, публику тут же охватило возбуждение. Странное, сжимающее чувство ожидания неизведанного холодком пробежало по спинам зрителей, передаваясь от одного к другому. Денем, в свою очередь, подался вперед и вытянулся в напряжении, которое заставило его эмоции выплеснуться через край. И пока сцена развивалась по задуман-

ному плану, его лицо посуровело и стало багрово-красным — он изо всех сил стремился передать Энн свое настроение.

— Посмотри наверх. Медленно. Медленно... Ты спокойна. Пока еще ничего не видишь. Посмотри выше.. Выше! Да, вот там. Теперь ты увидела ЭТО! Ты изумлена. Ты не в состоянии поверить собственным глазам. Твои глаза открываются шире. Еще шире... ЭТО поистине ужасно. Но ты зачарована... ты в плену увиденного: твой взгляд прикован, ты не можешь отвести его в сторону. Ты даже не можешь пошевелиться. Что ЭТО? Ты беспомощна, Энн! Ни шанса из ста! Что делать? Куда бежать? Ты беспомощна... Беспомощна! Но ты ведь можешь закричать! Вот твоя единственная надежда. Если бы ты могла закричать! Но ты не можешь: перехватило дыхание и голосовые связки парализованы! Попробуй крикнуть, Энн. Возможно, если бы ты не видела ЭТО, то смогла бы. Если бы только отвернуть глаза прочь, куда угодно прочь. Но, Энн, ты не можешь отвести взгляд в сторону, хотя можешь закрыть глаза руками. Выброс руки перед собой, закрой ладонью глаза, Энн. И кричи! Энн, во имя спасения своей жизни! Кричи же!

И, прижав ладони к лицу, ссутулившись и сжавшись, словно она могла стать маленькой и незаметной в своем простом, но очаровательном платье, девушка закричала. Ее дикий высокий вопль поднимался все выше и выше, уносимый легким ветерком. Это был вопль неподдельного ужаса. Денему удалось то, чего он рассчитывал добиться. Энн не разыгрывала страх. Она была напугана. И взрыв ее ужаса был настолько правдоподобен, что сочувствовавший ей до боли Игнац свалился с плеча Лампи и, перевернувшись, зарылся своей маленькой головкой на груди матроса.

— Великолепно! — взревел Денем и утер тылом ладони бисеринки пота со лба. — Сестренка, ты сделала это — то, что я хотел увидеть, и ни секунды не наврала.

Дрисколл поймал Энглхорна за плечо.

— Ради Всевышнего! — прошептал он. — Я должен узнать больше об этом. Во что он пытается ее втянуть? Что, по его мнению, она увидит на самом деле?

— Сбавьте обороты, Джек! — прошептал в ответ Энглхорн. — Мне кажется, мы можем ему доверять. И еще мне кажется, что мы *вынуждены* ему доверять.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тупой, обросший ракушками нос «Скитальца» резал теплое, елейное пространство моря с прозаичной аккуратностью. Одна за другой, покрытые барашками, волны вскипали, поднимаясь из ниоткуда и сменяя бесчисленные пенистые валы с завидной неизменностью тысячелетних законов Мира. Они лениво друг за другом накатывались на прочную обшивку форштевня и, разбиваясь напополам, нежными телами обнимали ржавые бока корабля, чтобы в следующее мгновение вновь потеряться за кормой в сужающемся кильватере. Для «Скитальца» все воды были на одно лицо. И судьбы всех предыдущих были одинаковы. Их создали словно лишь для того, чтобы раскалываться на две части и отбрасываться назад вдоль шершавого корпуса. Единственное, что требовалось судну — так это сила, которая вспарывала поверхность океана. И «Скиталец» был сконструирован таким образом, что она текла из его двигателей с преданностью приливов. И эти мощные двигатели пульсировали сейчас с неменьшим постоянством, чем несколько дней назад, когда нос корабля распахивал Атлантику со скоростью славных четырнадцати узлов.

Теперь Атлантический океан остался далеко за кормой. Через узкий, медленно тянущийся Панамский канал они перевалили на ту сторону обеих Америк и пустились в долгий путь: обойдя стороной Гавайские острова, «Скиталец» для пополнения запасов угля устремился к Японии и дальше, минуя Филиппины, мимо Борнео и даже призрачной Суматры, а скорость корабля по-прежнему держалась на уровне не ниже четырнадцати.

Направление было юго-западным. Время — середина дня. А погода — знойной. Было так жарко, что команда носила только те предметы одежды, наличие которых требовало присутствие премилой барышни. Кое-кто оставил на себе и того меньше. Лампи, развалившийся в тени подле вялого Игнаца, был также гол, как индеец из племени Сиу. На нем не было абсолютно ничего, даже избытка плоти, чтобы удержать увлеченного анатомиста от пальпации каждого из его твердых и тонких ребер. С талии свисала пара потертых брюк, обрывавшихся на полпути между острыми старыми коленями и угловатыми лодыжками. И, по его собственным словам, они были самым важным и единственным... до последней заплатки и нитки.

Если отбросить в сторону предрассудки, его костюм был превосходно скроен для тропической жары. Хотя температура могла быть и еще выше, учитывая то, что «Скиталец» бороздил знойные широты Индийского океана. Однако первый помощник капитана, в парусиновых брюках и свободной рубашке из эпонжа, явно не страдал от переизбытка тепла. Во всяком случае, он бы вообще не замечал палящих лучей экватора, если бы столь не распалял себя нетерпением; но персона, которую он безумно хотел видеть, заставляла себя ждать.

Наконец Энн появилась. Она тоже предпочла белое — мягкую холщовую шляпу от солнца, в меру накрахмаленное хлопчатобумажное платье и парусиновые туфли. Правда, чулок на ней было не больше чем на самом Лампи. Ее округлые лодыжки были затенены золотом словно осенние листья, а на щеки загар искусно положил розовые тени.

— Добрый день, Лампи, — окликнула девушка старого матроса.

Лампи привстал и, потерев обласканные солнцем ре-

бра, легонько подтолкнул разморенного Игнаца, заставив его тоже присесть, чтобы вместе отвесить Энн поклон.

— А как насчет меня? — запротестовал Дрисколл.

— Хелло, Джек, — улыбнулась Энн.

— Где это вы пропадали так долго?

— Примеряла кое-что из костюмов для мистера Денема. — Она кивнула с нескрываемым удовлетворением. — И в них я тоже выгляжу очень неплохо.

— Почему бы тогда не дать и мне шанс увидеть и по достоинству оценить?

— Вам? Этих шансов у вас было в изобилии! Всякий раз, когда мистер Денем просил меня подняться на палубу для кинопроб.

— Всякий раз! Один или два.

— Да нет же... десятки раз!

Дрисколл с сожалением покачал головой:

— Некоторых людей надо долго убеждать, прежде чем они, сделав выбор, примут ту или иную точку зрения.

— Очень важно выяснить, с какой стороны мое лицо выглядит наиболее фотогенично.

— А что может быть не так с вашим лицом?

— Кто знает, возможно, мистер Денем найдет в нем сотни ужасающих изъянов.

— Что по мне, так вы замечательно выглядите с любой стороны.

Энн поманила пальцем Игнаца и этот страстный товарищ детских игр бросился к ней на руки. Девушка спрятала лицо за маленькой обезьянкой, и Дрисколлу показалось, что, выглядывая из-за этого пушистого укрытия, она немного смущенно улыбнулась.

— Да, но, к несчастью, вы не мой кинопродюсер.

— Если бы я был им, — сразу став серьезным сказал Дрисколл, — то вас бы здесь не было.

— Вот как! Приятную же новость вы мне открыли, ничего не скажешь!

— Вы знаете, что я имею в виду, Энн! — он, несмотря на ее кокетливый взгляд, постарался сохранить в голосе серьезность. — Конечно, проводить с вами время на корабле крайне приятно. Но зачем вы здесь? В какое безрассудное представление планирует завлечь вас Денем, когда мы доберемся... куда бы там мы ни плыли?

— Мне безразлично, что он затевает. Меня даже не настораживает, что он держит в секрете место, куда мы направляемся. Какая разница, куда мы плывем, не все ли равно, что он попросит меня сделать, если у меня есть ЭТО?! — она повела тонкой рукой, словно хотела обхватить все, что было видно от кормы до носа «Скитальца». — На этом старом корабле я провела самые счастливые за всю свою жизнь дни.

— Вы действительно так думаете, Энн?

— Ну конечно! — но она тут же спряталась за неопределенную улыбку. — Все здесь такие милые. Лампи и вы. Мистер Денем и шкипер. Ну разве капитан не похож на премилого старого барашка?

— Капитан... кто? — Дрисколл огляделся вокруг, опасаясь, как бы не услышал кто-нибудь из команды, или еще хуже — сам шкипер.

— Я сказала «премилый старый барашек».

— Вы не знаете, какой бы здесь поднялся шум, — воскликнул Дрисколл, — если бы он только услышал, как кто-то назвал его подобным образом... кроме вас, разумеется!

Они медленно подошли к борту и, склонившись над поручнями, долго смотрели на бегущие волны тропического моря. Вода вспыхивала бесчисленными крошечными пятнышками, которые при более внимательном изучении оказывались маленькими медузами. Эти завсегдатаи теплых морей едва ли заслонили бы вашу ладонь своим полужидким телом, но там, за бортом, они чувствовали себя в родной стихии и, несмотря на жалкие размеры, самоуверенно расправляли свой единственный парус посреди величественного океана. Морские астры — так называл их Лампи.

Энн и Дрисколл удовлетворенно молчали. С тех пор, как «Скиталец» покинул Нью-Йорк, прошло немало времени. Недели незаметно пролетали одна за другой, и эти два человека, такие разные с первого взгляда, удивитель-

но сблизились. Дрисколл был сдержан и молчалив — он не привык общаться с женщинами; все же он рассказал Энн о своем, теперь таком далеком, побеге из дома, о том, как, чтобы ускользнуть от поступления в колледж, он отправился матросом в море. Он поведал ей также о своей матери, которая простила его и принимала посильное участие во всех его опасных приключениях с того самого времени, как он познакомился с Денемом.

Энн, в свою очередь, рассказала Дрисколлу, и только ему, о своем прошлом, о своем детстве и юности, и тогда разговор перекинулся на чудеса обработки яблок. Она долго говорила о родном доме — большом ранчо ее родителей, о потере отца и матери, о вероломстве своего дядюшки, которому было доверено ее наследство после смерти отца. Девушка рассказала и о своем приезде в Нью-Йорк, о безуспешных попытках найти работу, о голоде и страхе.

Сейчас в ее голове вновь пробегала череда воспоминаний; образы людей и событий возникали в сознании и рассыпались, чтобы уступить место новым, словно картинки калейдоскопа.

— Мне повезло, что той ночью в Нью-Йорке мистер Денем наткнулся на меня, — проговорила она неожиданно, но спокойно.

— Раз уж речь зашла о Денеме, можно и ему включиться в разговор? — раздался отрывистый голос у них за спиной.

Они повернулись и увидели рискованно покачивающегося на пятках кинопродюсера.

— Очередная кинопроба? — поинтересовался Дрисколл.

Энн выжидательно протянула Игнаца обратно Лампи, но Денем отрицательно покачал головой.

— Нет, ничего спешного, — сказал он. — Но, когда вы освободитесь, я бы хотел, чтобы вы немного поработали иголкой и ниткой. Я только сегодня заметил, что костюм Красавицы и Чудовища порван по шву. А превыше всего остального мне необходимо, чтобы это платье, когда оно нам понадобится, было в полном порядке.

— О, я исправлю его прямо сейчас, — пообещала Энн. — Наверное, оно разорвалось, когда я переодевалась вчера после съемок.

Когда девушка ушла, Денем закурил сигарету. Он предложил пачку Дрисколлу, но первый помощник лишь поглубже засунул руки в карманы, сжав кулаки так, что они выпирали твердыми отчетливыми буграми из-под белой парусины брюк.

— Мистер Денем, очевидно, мне придется вмешаться, — настойчиво проговорил Дрисколл. — По крайней мере, я не собираюсь безучастно все это созерцать.

— Что у вас на уме, Джек? — спросил Денем, погрузившись в изучение кончика дымящейся сигареты.

— Когда мы сможем узнать, куда направляемся?

— Теперь уже совсем скоро, — улыбнулся Денем.

— Вы думаете объяснить нам, что произойдет, когда мы прибудем на место?

— Молодой человек, не пытайтесь заставить меня играть роль провидца судьбы.

— Но черт возьми! Должна же у вас быть хоть малейшая идея, чего вы ждете от всего этого путешествия?

— Вы что, помешались на мне, Джек?

— Вы же знаете, что нет.

— Тогда к чему такая суматоха и взрывы негодования?

— Надеюсь, вы понимаете, я беспокоюсь не о себе. Я об Энн...

— Ах, вот как! — в голосе Денема пропала былая теплота, он стал серьезен. — Значит, вы уже успели помешаться на ней. Хотите совет, старина? Лучше выкиньте все из головы. У меня, Джек, и так забот полон рот. Не добавляйте мне неприятностей с любовными похождениями, чтобы еще больше усложнить ситуацию.

— Кто это хоть словом обмолвился о любовных похождениях? — вспыхнул Дрисколл.

— Так было всегда. И никогда не изменится, — отрешенно заметил Денем. Режиссер задрал голову вверх, задумчиво разглядывая «воронье гнездо» на верхушке мачты. — Какой-нибудь непокладистый, здоровенный, ви-

давший виды детина встречает на своем пути хорошенькое личико, и... бах! он трескается, расплывается по швам и тает, словно лед.

— Кто здесь расплывается по швам?! — возмущенно взорвался Дрисколл. — Разве я отказываюсь от участия в экспедиции?

— Не-е-т! Я всегда представлял вас отличным крутым парнем, Джек. Но если красавица настигнет вас... — он поймал себя на полуслове и еле слышно рассмеялся. — Довольно, я чуть было не затянул свою старую излюбленную песню...

— Какого дьявола? Что за чушь вы несете?

— Это сюжет, на основе которого я построю свою картину, Джек. Чудовище было крутым парнем, круче чем вы, или кто-нибудь другой, о ком когда-либо писалось в романах. Он мог слизнуть языком полмира. Раскрошить кулачищами миллионы. Но когда появилась Красавица, она покорила его. Стоило ему посмотреть ей в глаза, и он размяк, расплавился будто воск подле огня. Он забыл о своих принципах. И маленькие, хиленькие задиры сбили его с ног и затоптали каблуками в грязь... Подумайте об этом, молодой человек.

Когда к ним подбежал запыхавшийся матрос, Дрисколл по-прежнему не двигался, уставившись на улыбающегося работодателя в злобном замешательстве.

— Мистер Денем, шкипер спрашивает, не поднимете ли вы к нему на мостик? Он говорит, что, судя по приборам, мы уже достигли то место, что вы отметили на карте.

— Хорошо, Джимми.

Лицо Денема сияло, и он расправил плечи в той характерной для него манере триумфатора, которая проявилась в нем в момент открытия актерского гения Энн.

— Идемте, Джек. Вы тоже должны в это быть посвящены. Вы ведь хотели знать, куда мы направлялись. Идите за мной. Я собираюсь раскрыть вам свою маленькую тайну. Он поспешил на капитанский мостик, и Дрисколл, с пылающим от волнения взглядом, в ту же секунду бросился следом.

Капитан Энглхорн, спокойный и методичный даже в это долгожданное мгновение открытия, смотрел вниз, на приземистый широкий стол, где лежала развернутая карта южного полушария.

— Вот наше местоположение сегодня в полдень, — проговорил он. Шкипер продолжал медленно ворочать челюстями, не перерываясь даже на то, чтобы вставить лишнее слово. — Два — на юг, девяносто — на запад. Вы обещали мне определенную информацию, мистер Денем, когда мы доберемся до этой точки.

— «Держи к западу от Суматры», — Денем напряженно разглядывал карту. — Все верно! Мы плывем как раз куда надо! «Держи к западу от Суматры».

— Мы держим курс в сторону от всех вод, которые я знаю, — добавил Энглхорн. — Я помню каждую милю западной части Индийского океана, как свою собственную пятерню. Но в окрестностях этих мест я раньше никогда не бывал.

— Куда мы направляемся отсюда? — нетерпеливо спросил Дрисколл.

— На юго-запад, — отрывисто бросил Денем.

— На юго-запад? — переспросил Энглхорн. Он начал жевать заметно медленнее. — Но в этом направлении ничего нет... ничего на тысячи миль. А что вы скажете насчет еды? Наш экипаж гораздо больше любой стандартной команды. И продовольственные запасы улетучиваются с поразительной быстротой. А вода? А уголь?

— Полегче, шкипер. Полегче, — Денем расхохотался. Его плечи были по-прежнему прямы, а глаза горели. — Отсюда нам осталось плыть не дольше, чем повернуть в Нью-Йорке за угол.

Из нагрудного кармана он достал бумажник, раскрыл его и, вытащив на свет внушительного вида конверт, извлек из него два сильно потертых листа бумаги. Он расправил их под озадаченные взгляды капитана и его помощника и разложил перед своими компаньонами на столе.

— Вот остров, который мы ищем.

— А! Он находится... — Энглхорн склонился над кар-

той и через секунду выпрямился. — Мистер Дрисколл, будьте добры, принесите большую карту.

— Нет смысла стараться: вы не найдете этот остров ни на одной, большой или малой, карте, шкипер. Все, чем нам придется руководствоваться, имеется вот здесь, — он постучал указательным пальцем по истертым листкам. — План острова и координаты сделаны одним моим другом, шкипером норвежской барки.

— Похоже, он неудачно пошутил, — промолвил Дрисколл.

— Слушайте! — режиссер повернулся к двум морякам, словно решил убеждать их не только языком, но и глазами. — Однажды каноэ аборигенов этого острова отнесло далеко в море, и, когда норвежская барка, о которой я говорил, подобрала их, только один из туземцев оставался в живых. Он умер еще до того, как они пришли в порт, но незадолго до своей кончины рассказал капитану, что произошло. Это дало возможность моему капитану соединить воедино описание острова и довольно точно определить его местоположение.

— И как вы разузнали об этом случае? — поинтересовался Дрисколл, в то время как Энглхорн вяло дожевывал табачную крошку.

— Очень просто. Два года назад, в Сингапуре. Я знаю Норвежца многие годы. Он предполагал, что меня это наверняка заинтересует.

— А этот Норвежец сам верит в рассказ аборигена? — пробормотал Энглхорн. По его тону было видно, что он глубоко сомневается.

— Кому какая разница? Главное, я верю! Почему я не должен этого делать? Неужели вы подозреваете, что такой детально вычерченный план, как этот, может быть лишь плодом чьего-то воображения?

Карта и на самом деле впечатлила бы даже самого умудренного в топографии специалиста. Рисунок начинался в левом углу листа длинным песчаным полуостровом протяженностью в милю или, быть может, чуть больше. Перед полуостровом автор не забыл пометить гряду рифов, разбросанных неподалеку друг от друга, и старательно вывел пунктиром узкий извилистый проход в безопасное для корабля место за линией прибоя. В противоположном направлении песчаная коса полуострова плавно переходила в редко поросшую лесом территорию, которая неожиданно обрывалась перед крутым утесом. Этот утес, соответственно скупым записям норвежского шкипера, поднимался над полуостровом на сотни футов в высоту. Он как бы служил отвесной естественной преградой, и за ним, на многие квадратные мили, простиралась обширная нагорная страна, покрытая буйной тропической растительностью, охватившей оставшуюся часть неизвестного острова. Над густыми джунглями плоскогорья и, судя по карте, из его центральной части возвышалась покатая гора, чей грубо нарисованный профиль наводил на мысли о громадном черепе. И наконец, последняя деталь была самой поразительной и любопытной — неприступная, ошеломляющая своей массивностью стена, выше пирамиды, в дюжину рослых мужчин, не оставляла собравшимся на мостике ни малейшей возможности для догадок о ее предназначении. И эта стена, начинаясь у основания полуострова, тянулась от моря с одной стороны островка до моря с другой, служа, очевидно, достойной защитой против кого-то или чего-то неповторимо огромного — барьером для существа, которое могло попытаться спуститься к полуострову с высокогорного плато.

— Стена! — пробурчал Энглхорн.

— И какая стена! — согласился Денем. — Она построена сотни лет назад, так давно, что нынешние потомки строителей рухнули в первоначальное дикарство и жестокость и, скорее всего, полностью забыли удивительную цивилизацию, которая возвела этот мощный заслон, от которого зависят теперь их жизни. Но такая стена и поныне так же крепка и непреступна, как и в ту далекую прекрасную пору расцвета.

Денем прервал поток красноречивого восхищения, чтобы многозначительно кивнуть:

— Аборигены заботятся, чтобы непогода и время не разрушали ее. Она нужна им.

— Но зачем? — заинтересовался Дрисколл.

— Потому что по другую сторону стены есть что-то... что-то, чего они боятся.

— Какое-нибудь враждебное племя, я думаю, — пробормотал Энглхорн.

Денем косо посмотрел на своего шкипера. Глаза режиссера возбужденно блестели. Затем он пододвинул стул, сел и потянулся к карману за редко оставшейся без дела пачкой сигарет.

— Кому-нибудь из вас, — начал он, — приходилось когда-либо слышать о... Конге?

Дрисколл в недоумении покачал головой, а Энглхорн задумчиво жевал, перерабатывая бесконечные запасы табака.

— Конг? Гмм... Да, какое-то малайское суеверие — что-то, связанное с религиозными предрассудками некоторых племен. Если это то, что вы имеется в виду... Бог, или дьявол, или нечто...

— НЕЧТО! Вот самое подходящее слово, — согласился Денем. — Но оно не человек и не зверь. Нечто исполинское и безобразное. Оно обладает невероятной силой... Необычайно живучее. Оно держит этот остров в мертвой хватке поклонения, страха и выворачивающего наизнанку ужаса, точно так же, как держало тех смышленых прародителей туземцев, которые сумели-таки построить эту массивную стену.

Энглхорн возобновил безмятежные методичные движения челюстями. Дрисколл тоже был настроен явно скептически.

— И я вам скажу, на этом острове что-то все-таки есть, — провозгласил Денем. — Нечто, чего никогда не видел ни один белый человек... Нет дыма без огня! В каждой легенде есть доля правды.

— А... А! — воскликнул Энглхорн в запоздалом озарении. — Вы, стало быть, собираетесь заснять на пленку это самое нечто!

— Чем бы оно ни было. И чем бы это мне ни грозило. Держу пари, я сделаю эти кадры!

— Однако можно предположить, — сухо заметил Дрисколл, — что нашему неизвестному приятелю вряд ли понравится, что его станут снимать на кинокамеру.

Денем широко улыбнулся и поднялся, оживленно потирая руки. Резонное замечание первого помощника пробудило в режиссере азарт охотника, и его настроение сразу улучшилось.

— Вряд ли понравится? — переспросил он. — А как вы думаете, зачем я набрал с собой тех черных металлических шариков в ящике? Газовые бомбы — отличная штука.

Он отвернулся и долго смотрел на юго-запад, обшаривая глазами горизонт в поисках малейшего признака желанной земли. Несмотря на весь свой скептицизм и сомнение, Дрисколл очень беспокоился о судьбе Энн. Он не мог удержаться от столь же пристального взгляда, и вопреки собственным желаниям глаза его вспыхнули безрассудным возбуждением. Энглхорн, спокойно пережевывая свою жвачку, с интересом рассматривал рисунок острова. Ухмыльнувшись и что-то пробурчав себе под нос, он поднялся, взял пару циркулей и принялся наносить координаты острова на разложенную на столе карту.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Высоко над опаленной и выскобленной палубой «Скитальца» Дрисколл толкнул затылком люк в настиле пола «вороньего гнезда» и, откинув в сторону дощатую крышку, протиснулся сквозь это неширокое отверстие. Настолько твердо встав на ноги, насколько позволяла легкая бортовая качка, он нагнулся, чтобы помочь подняться Энн. Его сильная коричневая от загара рука обхватила ее тонкую талию с осторожной осмотрительностью. Когда девушка оказалась внутри обнесенного перилами наблюдательного пункта, люк под их ногами с шумом захлопнулся, и молодая парочка закачалась в медленном ритме колыбели под нежные убаюкивающие стоны мачты.

Здесь, в самой верхней точке корабля, выше трубы топки и такелажных канатов, они впервые почувствовали легкий ветерок, и Энн сурово откинула назад золотистые локоны, заправив их за маленькие красивые уши, чтобы каждая обнаженная клеточка ее лица и шеи смогла насладиться нежными ласками бриза. Дрисколл одобрительно кивнул, вытирая тыльной стороной ладони мокрый от пота лоб.

С высокого «насеста» океан казался еще более голубым, чем с борта судна, а чуть тронутая зыбью морская гладь сверкала под солнцем бесчисленной россыпью бриллиантов. В милях к югу, вдоль воды вытянулось не-

что, напоминающее пушистый, шерстистый канат, по краям оно сужалось, а концы плавно сливались с линией горизонта, ускользая от невооруженного взгляда. По размерам оно казалось не больше ширины ладони, но время от времени загадочный «канат» немного вздувался и выбрасывал над собой узкие протуберанцы.

На ярко-голубом тропическом небосклоне, куда только мог добраться глаз человека, угадывался лишь один неясный признак жизни. Далеко впереди, то приближаясь, то отдаляясь от полоски, где встречаются море и небо, купался в потоках теплого воздуха альбатрос. Дитя открытого океана, гордая белая птица камнем падала в море, но в тот короткий миг, когда волны были готовы принять к себе отчаянного охотника, альбатрос замирал и, пролетев над самой водой, снова взмывал в синюю высь, ритмично складывая и расправляя мощные крылья. Словно мастерски пилотируемый аэроплан, он кружился между зачарованными мужчиной и женщиной и высоким послеполуденным солнцем.

— Как здесь чудесно! — воскликнула Энн. — Почему вы не приглашали меня подняться сюда раньше? Я чувствую себя как первооткрыватель!

— Давайте разберемся, — усмехнулся Дрисколл и начал размышлять вслух. — Первооткрыватель — человек, который попадает в какое-то место первым, задолго до своих последователей. Что ж, тогда вы действительно первооткрыватель. Это вполне справедливо. Вы — первая женщина, когда-либо ступавшая на доски этого «вороньего гнезда».

— И плывущая на маленький островок, где ВСЕ мы будем первыми побывавшими там белыми людьми. Это так здорово! Как вы думаете, когда мы туда доберемся? — Энн подняла голову, и на ее лице Дрисколл прочитал страстное ожидание ответа.

— Ну если такое место вообще существует, — ответил он, снисходительно улыбаясь девушке, — то мы должны найти его в течение следующих двадцати четырех часов.

— Мистер Денем так возбужден этой близкой встречей, что ни на минуту не может оставаться спокойным.

Судя по всему, прошлой ночью он вообще не ложился в постель.

— Я и сам в некотором роде взволнован, — признался Дрисколл, праздно изучая горизонт на юго-западе.

Энн круто повернулась к нему. В ее голосе зазвучали нотки обвинения:

— Вы? Но почему? Ведь вы даже отказываетесь верить, что остров существует в природе!

— Да, и я очень надеюсь, что это лишь беспочвенная легенда, — рассудительно подтвердил Дрисколл.

— И после этих слов я должна принимать за чистую монету, что вы — тот самый парень, который убежал из дома в поисках странствий и приключений? Фу, мистер первый помощник!

Она просто поддразнивала его. Будь у нее хоть какое подозрение по поводу причины его нежелания сталкиваться с Таинственным островом, она вряд ли стала бы себя выдавать.

Дрисколл внимательно посмотрел на девушку:

— Неужели вы не подозреваете, почему я взволнован, Энн? Разве вы не знаете, что все это из-за вас? В вопросе о риске Денем ничего не смыслит. Он бросается вперед сломя голову, как бы сумасбродны ни были его идеи. Хотел бы я знать, что сейчас творится в его голове и чего он хочет лично от вас.

— После того, что он сделал для меня, Джек, я пойду на все, чего бы он ни попросил. Наверное, вы бы и сами не захотели, чтобы я поступила иначе.

— Нет, Энн, именно этого я и хочу. Всегда существует разумный предел. Но Денем напрочь забывает об этом, когда на карту поставлен его фильм. До тех пор, пока он получает то, что ему необходимо, его не интересует ни то, что творится вокруг, ни то, чем это может обернуться в будущем. Да, я знаю! Вы собираетесь мне возразить, что он никогда не попросит нас делать то, на что не решился бы сам — и я считаю, что это в порядке вещей, — но только тогда, когда в предприятие вовлечены исключительно мужчины. Однако дело принимает совсем другой оборот, учитывая ваше присутствие на борту.

— Так или иначе, но пока вам не о чем беспокоиться.

— Но я не могу ничего с этим поделать. Если с вами что-нибудь случится!.. Посмотрите на меня, Энн!

Вместо того, чтобы исполнить просьбу и взглянуть на него, девушка нарочито принялась смотреть на море и повернула голову таким образом, что Дрисколлу оставалось созерцать лишь прядь желтого завитка, аккуратно заправленного за маленькое белое ушко.

— Энн, вы же знаете, я люблю вас!

Даже после столь трудного для Джека признания девушка по-прежнему не повернула головы, но ушко с золотистым локоном позади стало малиново-розовым.

Дрисколл мягко положил руки ей на плечи и медленно притянул к себе.

На короткое мгновение Энн замерла в его надежных руках. Но почти тут же ловко увернулась из объятий, чтобы подхватить визжащего Игнаца, неожиданно появившегося позади них и громогласно возмущавшегося чем-то на языке себе подобных.

— Джек! Он опять вырвался на свободу!

— Энн! Посмотрите же на меня!

Но Энн была слишком занята маленьким плутишкой. Игнац вцепился в ограждение «вороньего гнезда» всеми своими хватательными конечностями и дико раскачивался и извивался, свесившись по ту сторону перил, рискуя в любую секунду сорваться и разбиться о палубу. Но стоило Энн сделать лишь шаг в его сторону, как он прыгнул к ней на плечо и, нежно обхватив за шею, самодовольно затих.

— Теперь я не сомневаюсь, что он по-настоящему ревнует меня к вам, Джек.

Не говоря ни слова, Дрисколл решительно снял обезьянку с шеи Энн и повернул девушку к себе.

— Энн! — сказал он. — У нас так мало времени. Пожалуйста, Энн, я боюсь ИЗ-ЗА ТЕБЯ... Я боюсь ЗА ТЕБЯ... Я так тебя люблю.

Энн подняла на Дрисколла взгляд, их глаза повстречались и она, обезоруженная и лишенная всех своих отговорок и притворств, шагнула навстречу его объятиям.

Дрисколл прикоснулся губами к ее волосам, маленькому уху с желтым завитком позади, к мягким, чувственным губам, которые сами потянулись к нему, изогнувшись в ласковой улыбке.

Они стояли, наслаждаясь собой, одиночеством и миром, не замечая, как день клонился к вечеру, как осторожно подкрался и заполнил собою бесконечное пространство океана закат. Лишь на востоке еще оставалась нетронутой яркая чистая синева дневного неба. Но к западу ее переполняли непостижимые для европейца тона — розовый и индиго, желтовато-зеленый, изумрудный, красновато-коричневый и шафрановый, персиковый и желтый.

На фоне этого изумительного камуфляжа мелькнул пару раз белым крылом и исчез из виду далекий альбатрос.

А на юге, на горизонте, разрасталась с каждой минутой и уже превратилась в низкое облачко густого тумана, которое теперь переместилось заметно ближе к одинокому судну, неверная пушистая веревка.

Однако никто из двоих в «вороньем гнезде» не обратил на это внимание; никто, кроме Игнаца, который яростно что-то тараторил и повизгивал у ног девушки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Туман сгущался всю ночь напролет. Он пришел неожиданно — закат поглотил маленькое серое облачко и предвестник непогоды остался незамеченным. За несколько часов до рассвета «Скиталец», наугад ведомый капитаном Энглхорном к таинственному острову норвежского шкипера, сбавил ход до «малого вперед». Потом скорость упала и того ниже. И когда долгожданное утро окрасило океан розовым светом, судно по-прежнему медленно кралось сквозь желто-белое одеяло, на мили вокруг укутавшее морские просторы.

Никакая одежда не спасала от пронизывающей, всепоглощающей сырости этого облака. Матросские робы и дорогие костюмы свисали тяжелыми, пропитанными влагой складками. Вода капала отовсюду: с мачт и рей рангоута, опорных стоек и стен. Капли со звоном разбивались о холодную палубу и, собираясь в неясные ручейки, лениво стекали за борт.

На расстоянии всего лишь в дюжину футов люди, или такие солидные объекты, как платформы для лебедок или вентиляторы, превращались в неопределенные, колышущиеся призраки. А на большем расстоянии они просто исчезали за мягкой бело-желтой тишиной.

Несмотря на ранний час, все были были на ногах. Де-

нем, Энглхорн, Дрисколл и Энн собрались на капитанском мостике. Но и здесь их тревожные взоры тонули в непроглядном тумане. Они были не в состоянии хоть сколько-нибудь различить силуэт одного из матросов, который выбирал лишь лота на носу корабля в то время, как другой «невидимка» пытался пробуравить облачную пелену с высоты выгодной позиции «вороньего гнезда». Однако этих двоих можно было услышать. Благодаря какому-то атмосферному трюку казалось, что их голоса звенят сквозь туман намного громче, чем при ясной, солнечной погоде.

— Ох уж этот трижды проклятый туман! — выдохнул Денем. Из-за возбуждения он едва мог говорить и был напряжен не меньше, чем канатоходец, танцующий на тонкой грани трагедии и восхищенных аплодисментов. Он неустанно смотрел вперед, пытаясь хоть что-либо разглядеть в обволакивающем судно облаке. — Шкипер, вы уверены в точности наших координат?

— Уверен! — спокойно пробормотал Энглхорн и отправил в рот очередную порцию жевательного табака. — Прошлой ночью, прежде чем нас окружила эта дрянь, небо было чистым, и я успел сориентироваться.

— Джек! — прошептала Энн, снова завладев рукой Дрисколла. Он почувствовал, как ее пальцы чуточку подрагивают. — Если в ближайшее время мы никуда не доберемся, я просто взорвусь. Еще никогда в жизни я не была так взволнована.

— Похоже, все мы нервничаем, но, пожалуйста, не надо так дергаться, — предупредил ее Дрисколл, — иначе следующая штука, которую следует от тебя ожидать, окажется не очень приятной. Не хватало только, чтобы ты бросилась от возбуждения за борт. И вот еще что, — добавил он более рассудительно, — прекрати, пожалуйста, делать вещи, которые бы заставляли волноваться меня. Честное слово, я и так на взводе, и самое время сейчас меня связать, а то я начну швырять в воздух фуражку, орать во все горло «Голубые Небеса!» и воздавать хвалу провидению. Но когда я вспоминаю, какой опасностью

для тебя может обернуться эта затея, то понимаю, что лучше держать себя в руках.

— Если наши координаты верны, шкипер, — сказал Денем, — мы должны быть уже вблизи острова.

— Если мы не увидим его, когда туман поднимется, значит, мы никогда его не увидим, — уверенно отозвался Энглхорн. — Мы уже порядком поколесили по окрестным водам. Так что, или мы окажемся прямо на вершине вашей Terra Incognita, или обнаружим открытое море в том месте, где она находится по карте вашего приятеля-норвежца.

До капитанского мостика с носа корабля отчетливо долетел высокий сосредоточенный голос матроса:

— На тридцати саженях[1] дна нет!

— Естественно, — позволил себе замечание Дрисколл, но в голосе его почти сквозила надежда. — Этот норвежский шкипер мог лишь догадываться о местоположении острова.

— А как мы узнаем, что это именно тот остров, который ищем? — спросила Энн.

— Я вам объясню! — нетерпеливо проскрежетал Денем. — Гора! Огромная гора! — его глаза сверлили туман, но тот не поддавался. — Гора, похожая на гигантский череп.

— Ах да, я и забыла, — извинилась Энн за свой глупый вопрос. — Ну конечно. Гора-Череп.

— Дно! — раздался на носу резкий голос, и этот победный клич заставил оцепенеть всю компанию. — Дно! Двадцать саженей.

— Я ждал этого. — Энглхорн спокойно жевал. — Мелеет слишком быстро. Самый малый вперед. Мистер Дрисколл, передайте приказ.

Дрисколл опрометью кинулся к рулевой рубке и, отдавая точные указания, бросил несколько отрывистых слов в переговорную трубу, соединенную с машинным отделением. В ответ ему где-то позади ударили склянки, и «Скиталец» чуть качнулся, сбросив скорость до миниму-

[1] Имеется в виду морская сажень, равная 6 футам, или 182 см.

ма. Теперь корабль пробирался сквозь белесоватую дымку едва ли быстрее, чем дрейфующий парусник.

— Смотрите! — закричала Энн. — По-моему, туман понемногу рассеивается.

— Шестнадцать! — долетел знакомый голос с носа корабля. — Шестнадцать саженей!

— Какая осадка у судна, шкипер? — требовательно спросил Денем.

— Шесть! — В первый раз Энглхорн пробудился от привычного и ставшего легендой спокойствия. Сейчас он стал похож на Денема — — тот же пристальный, сосредоточенный взгляд, а вслушивался он еще внимательнее.

— Прислушайтесь, — прошептала Энн.

— Что ты услышала? — тоже почему-то шепотом отозвался Денем.

Девушка покачала головой, словно отгоняя чужую речь, которая ей только мешала. Внезапно из «вороньего гнезда» к капитанскому мостику упал молодой нервный голос Джимми:

— Буруны!!!

— С какой стороны? — крикнул ему Дрисколл.

— Прямо по курсу.

Дрисколл снова побежал к рулевой рубке и переговорной трубе машинного отделения. Четкие и ясные приказания первого помощника мгновенно достигли ушей дежурного — эхо его голоса еще не успело замереть в металлических изгибах переговорного устройства, когда за кратким распоряжением последовал перезвон колокольчиков машинного отделения, а затем взревели реверсионные двигатели «Скитальца», и винты вспенили за кормой воду.

— Десять саженей! — объявил человек на носу.

— Отдать якоря! — мощно пророкотал Энглхорн.

Где-то впереди замелькали неясные тени, беспрекословно повинуясь командам капитана. Цепь лязгнула и загрохотала через клюзы. Якорь с плеском погрузился в воду. Еще раз ударили склянки. «Скиталец» вдруг замер и настороженно затих. Все на корабле пытались уловить тревожные звуки.

— Это не буруны, — заговорщицким шепотом произнес Дрисколл.

— Похоже, это барабаны, — пробормотал Энглхорн. Он вновь стал самим собой и безмятежно пережевывал табак.

Пока они прислушивались, туман, который почти незаметно рассеивался, начал подниматься. Легкое дуновение свежего ветерка, налетевшего с борта, разорвало бело-желтую завесу и отнесло ее в сторону. Взорам путешественников предстала прекрасная и величественная картина: синие волны одна за другой степенно катили, подставляя спины, скромно прикрытые рваной вуалью тумана, ласковым лучам утреннего солнца. Немногим дальше впереди, от силы в четверти мили, протягивал к кораблю длинный, прорезанный зарослями песка и скал, густо поросший джунглями остров с черепообразной шишкой горы.

— Гора-Череп!!! — Денем жестом победителя торжественно выбросил вперед руку. — Вы видите ее? И стена! Стена! Стена!!! — в пылу он хряснул Энглхорна по спине намного сильнее, чем рассчитывал. Впрочем, режиссер этого даже не заметил. — Вот он, мой остров! Ну теперь-то вы мне верите? — Не успев прийти в себя от пережитого триумфа, едва справляясь с истерией, он, наполовину сбежа, наполовину скатившись по лестнице с капитанского мостика, устремился на нос корабля. — Спускайте шлюпки! — крикнул он через плечо, не утруждая себя обернуться. — Спускайте шлюпки!

— Джек! — воскликнула Энн. — Ты хоть раз видел что-либо подобное? Здесь великолепно, ты согласен?

Восхищение от открывшейся перед ними картины моментально покинуло Дрисколла, как только он посмотрел девушке в лицо. Его губы угрюмо поджались. Он многозначительно хмыкнул и, широко расставляя ноги, зашагал прочь, намереваясь лично проследить за спуском лодок и укомплектовкой оборудования.

Пятью минутами позже Денем появился снова — он спешил к первому помощнику и команде, которые зани-

мались погрузкой на шлюпки. Энн спустилась с мостика и тоже подошла к ним.

— А я еду с вами на берег? — поинтересовалась она.

— А как же иначе?!

Дрисколл, нечаянно подслушавший их разговор, сразу же бросил работу. Секунду он колебался, но затем спросил: — Не лучше ли ей остаться на судне... во всяком случае, пока мы не выясним, что там происходит... и с чем нам предстоит встретиться?

— Послушайте, Джек! — Денему никогда не нравилось, если кто-нибудь вставал ему поперек дороги, но он постарался выразить свое недовольство с тенью всепрощающей веселости. — В конце концов, кто правит этим балом? Мой горький опыт научил меня держать при себе камеры и актерский состав, куда бы я не направлялся... в любое время дня и ночи. Откуда мне знать, когда они мне понадобятся?

— Но мистер Денем! — Дрисколл отвернулся от Энн, чтобы та не расслышала его слов. — Глупо рисковать...

— Возвращайтесь к работе, Джек, — грубо распорядился Денем. — Продолжайте свои дела и не вмешивайтесь в мои. Займитесь винтовками и амуницией. И проследите, пожалуйста, чтобы прихватили с собой дюжину газовых бомб. Кроме того, выберите для меня парочку рослых парней, чтобы тащить киноаппаратуру.

Дрисколл замялся, а потом, беспомощно передернув плечами и бросив последний хмурый взгляд в сторону Энн, повернулся к матросам. Денем в добродушном негодовании покачал головой и подмигнул озадаченной девушке:

— Найди себе кого-нибудь, чтобы он помог перетащить наверх коробку с костюмами и погрузить ее в одну из лодок, — посоветовал он. — Если нам повезет, то, возможно, мы успеем сделать один-два шикарных кадра уже сегодня.

Пока Энн спускалась к себе к каюту, Денем взгромоздился на капитанский мостик. Энглхорн изучал остров в морской бинокль.

— Что видно, шкипер?

— Да ничего... несколько хижин на краю зарослей... Я имею в виду на полуострове.

— Я тоже мельком осмотрел остров с носа, и мне показалось, что там, в глубине, среди густых зарослей, намного больше домов. И на вид они повнушительнее хижин.

— По правде говоря, кое-что меня смущает. Это первый туземный остров на моем веку, — а я побывал на многих островах во всех океанах, — где племя аборигенов не вываливает всем скопом на берег, чтобы поглазеть на нежданных гостей... то есть — на нас.

— Племя где-то поблизости, будьте уверены. Слышите грохот их барабанов?

Энглхорн кивнул, и оба мужчины прислушались. Низкие, гулкие раскатистые звуки докатывались до корабля, многократно отражаясь от водной глади и медленно сплетаясь в быстрый настойчивый ритм.

— Забавно, но они до сих пор нас не учуяли, — заметил Денем.

— Все, до последнего туземца, должны уже были бы выбежать из своих берлог и столпиться у самой кромки воды, — упрямо твердил свое Энглхорн.

— Может быть, они УВИДЕЛИ нас намного раньше и сигналят таким образом? — Это вряд ли. Вспомните, мистер Денем, ветер донес до нас гул тамтамов еще тогда, когда мы подплывали к острову, скрытые густой завесой тумана, — мягко возразил Энглхорн. — И знаете что... этот ритм не похож на подаваемые сигналы. Скорее, у них там какая-то церемония. Серьезная, торжественная церемония, если хотите знать мое мнение.

Он спустился с мостика и, не торопясь, побрел туда, где к этому времени Дрисколл практически закончил работу по снаряжению шлюпок. Первый помощник отдавал последние приказания. Какое-то время капитан молча наблюдал за приготовлениями, а затем, словно вспомнив о чем-то важном, посмотрел в сторону передней палубы.

— Эй, кто-нибудь на носу, кликните боцмана, — распорядился он.

Полминуты спустя появился старшина — толстый, тя-

желоватый моряк, который несмотря на свои размеры бодро затрусил к капитану.

— Этот офицер останется вместе с четырнадцатью матросами на борту, — сообщил Дрисколлу Энглхорн. — Отберите четырнадцать человек, я полагаюсь на вас. Все остальные сойдут с нами на берег.

Дрисколл коротко кивнул и отправился вершить искусственный отбор. Прежде всего, к бурному недовольству самого ветерана приключений, он решил оставить Лампи.

— А кто потащит мои газовые бомбы? — захотел узнать Денем.

— Позаботься о них, Джимми, — распорядился Дрисколл.

Джимми наклонился над ящиком, прикидывая его вес, приподнял на пару дюймов и, под тяжестью негаданно свалившегося бремени недвусмысленно скривив рожу, заковылял с ношей наперевес к последней шлюпке.

— Вы, конечно, тоже пойдете, шкипер? — спросил Денем.

— Записи в судовом журнале требуют точных данных, — кивнул Энглхорн. — Я еще никогда не упускал возможности взглянуть на туземный остров, если таковой оказывался поблизости.

— Весьма вероятно, вы будете очень кстати. Наверное, именно вам придется вести все переговоры. Не думаю, что я смогу свободно изъясняться на этом туземном наречии.

— Порядок, — объявил Дрисколл. — Обе лодки готовы.

Энглхорн и Денем спустились по веревочному трапу в первую шлюпку, и по команде капитана гребцы оттолкнулись веслами от борта «Скитальца». Дрисколл занял место во второй; лодка закачалась, подвешенная на тросах шлюпбалок на уровне палубы. Он жестом приказал матросам подождать и не опускать шлюпку на воду: из своей каюты к ним спешила Энн. Он молча помог ей перебраться, и, по его знаку, лодка медленно поплыла вниз. Дрисколл напоследок окинул палубу взглядом.

— На всякий случай, держи ружья и боеприпасы под рукой, — напомнил он боцману. — И не помешает произвести наводку по береговой линии. Надеюсь, это не понадобится, но все же... — Он хмуро кивнул офицеру и, перемахнув через борт «Скитальца», присоединился к Энн. Шлюпка коснулась воды, крючья креплений были отсоединены, и тросы поползли обратно наверх.

— Прошло Бог знает сколько времени с того холодного утра, когда мы покинули Нью-Йорк, но только сегодня я увидела целиком весь экипаж, — сказала Энн. — Я и не предполагала, что он так велик.

— По двадцать человек в каждой шлюпке, — сообщил Дрисколл. — И все они нам понадобятся, — добавил он мрачно. — Все до единого.

— Чепуха! Возможно, здешние аборигены так же миролюбивы, как американские индейцы из резерваций.

— Никто из нас не знает о них достаточно, чтобы быть оптимистом. Скорее всего, ты ошибаешься. Слышишь их барабаны? Я уловил краем уха разговор шкипера и Денема. Так вот, они считают, что эта заунывная дробь тамтамов — аккомпанемент какой-то местной церемонии. И я многое бы отдал, чтобы наверняка узнать какой.

— Может быть, они объявляют о помолвке какой-нибудь хорошенькой туземной девушки?

Дрисколл попытался заглянуть ей в глаза. Но Энн была слишком увлечена мыслями о предстоящем путешествии по острову. Ее непокрытыми соломенно-желтыми волосами играло солнце, и утренний бриз норовил растрепать старательно уложенные локоны по румяному лицу.

— Раз уж ты упомянула о помолвке хорошенькой девушки... — начал было он, красноречиво посмотрев на корзину «вороньего гнезда».

Но с каждым ударом весел гул тамтамов становился все громче и громче; он стал более различимым, и теперь в нем угадывался стройный неповторимый ритм. Как и говорил Энглхорн, барабаны дикарей звучали слишком величественно, чтобы быть всего лишь сигналами. И секундный восторг Дрисколла испарился без следа.

Капитанская шлюпка достигла песчаной отмели, и Де-

нем уже стоял на берегу, укрепляя кинокамеру на треножнике штатива. Пока команда Дрисколла лихо боролась с бурунами прибоя, Денем всучил одному из матросов смонтированный аппарат, другого нагрузил ящиком с кинолентами, а третьему предоставил тащить коробку с костюмами. Энглхорн, между тем, распределял среди остальных мешочки с мелкими товарами для подарков и обмена с туземцами. Джимми, каждой черточкой своего мальчишечьего лица выказывая недовольство и обиду, волочил на плече тяжеленный контейнер, содержащий с дюжину газовых бомб.

— Эй, Джимми, — махнул парню Денем, — держись поближе ко мне. И смотри себе под ноги, — посоветовал он. — У тебя за спиной достаточно трихлорида, чтобы при случае уложить в спячку доброе стадо гиппопотамов.

— А мы собираемся поглазеть на гиппопотамов?.. Я хотел спросить: они здесь водятся? — поинтересовался Джимми.

— Честно говоря, не знаю. Но надеюсь, нам откроется нечто куда более впечатляющее. Где Дрисколл?

Первый помощник не заставил себя ждать. Вслед за ним семенила Энн. Их шлюпку уже вытащили на берег, глубоко посадив в песок рядом с другой.

— Оставь по вооруженному человеку для охраны каждой из лодок.

— Об этом уже позаботились.

— Энн, от меня ни на шаг.

— Я присмотрю за ней, — быстро вмешался Дрисколл.

Денем усмехнулся. Необузданное возбуждение первых минут, предшествующих осмотру неизвестного острова, уже ушло. Теперь была не за горами привычная изматывающая работа режиссера. И он опять был солидным, упрямым и мягким, с типичной терпимостью к недостаткам подчиненных.

— Хорошо, Джек. Все ли готово, шкипер?

Энглхорн кивнул. Они с Дрисколлом просигналили, и экипажи обеих шлюпок вытянулись по берегу в неплотную колонну по двое. Денем, который, не дожидаясь других, бодро вышагивал по направлению к разрозненным

хижинам, видневшимся на краю зарослей, автоматически стал во главе марша. За ним шли матросы, несущие кинокамеру, ящик с лентами и коробку с костюмами; затем Энглхорн, а за ними Дрисколл и Энн. Джимми пыхтел изо всех сил, но следовать совету Денема с такой ношей было ой как непросто. Он еле поспевал за остальными и вынужден был тащиться где-то в хвосте.

Поначалу компания продвигалась вдоль песчаного пляжа, но вскоре ей пришлось отклониться от берега и повернуть в глубь полуострова. Невысокие дюны скрывали основную часть творения древних архитекторов, и лишь верхушка стены выглядывала из-за прибрежных холмов неровной линией. Но когда «первые белые» перевалили на противоположный склон, стена показалась им такой массивной и высокой, какой увидеть ее они вовсе не ожидали. Впрочем, до нее было еще довольно далеко, но даже на расстоянии она своей нерушимостью внушала какой-то трепет. В ней чувствовалось нечто ненормальное. Грубый набросок норвежского шкипера плохо оценивал размеры этого барьера, проходившего по всему поперечнику полуострова, отрезая его от нагорной страны. К самому основанию подступал низкий кустарник. Кое-где из общей массы зелени выдавались случайные деревья. Но граница джунглей останавливалась, не доходя до вершины крепостного вала. Даже нависающий утес не умалял внушительности древнего защитного сооружения. Оно было построено, главным образом, из плотно пригнанных друг к другу здоровенных бревен. Хотя в одном месте стену разбивали надвое столь же крепкие ворота, подвешенные к массивным каменным столбам, сотни лет поддерживавшим собой предания об искусстве античных архитекторов.

По мере того как команда «Скитальца» приближалась, низкие барабанные удары становились все громче, хотя в стоящих на отшибе хижинах не было видно ни одной живой души. Никто не появился даже тогда, когда первооткрыватели минули окраины деревни аборигенов. Судя по размерам поселения, туземное племя насчитывало несколько сотен человек — деревня занимала площадь,

равную примерно шести или восьми городским кварталам. То, что издалека представлялось жалкими хибарами, вблизи оказалось большими, вполне приличными домами, расположенными на почтительном расстоянии друг от друга. Каждое строение прямо-таки утопало в тропическом разнообразии растений и полностью, за исключением разве что фасадов, скрывалось в густых зарослях. Узкие дорожки, протоптанные сквозь подлесок, являлись единственными связующими их нитями. Если бы не эти едва заметные на глаз тропинки, каждая хижина стояла как бы сама по себе — словно случайные уютные усадебки посреди джунглей на затерянном в водах Индийского океана островке. А в центре деревни располагался голый ровный кружок полянки, вытоптанный до пыли множеством ног. Но еще одна экстраординарная деталь отличала эту деревеньку от сотен других, в которых приходилось бывать и Энглхорну и Денему. Она была своеобразной россыпью ценнейшего антиквариата: разрушенные временем великолепные каменные колонны с витиеватой резьбой и фрагменты искусно возведенных крепостных стен. Останки могущественного прошлого были разбросаны повсюду, но большинство из них виднелось впереди, ближе к стене.

— Мне не дает покоя мысль, что когда-то здесь возвышался великий город, — проговорил Денем, указывая на неприступный частокол, — а эта стена — часть его внешней защиты. Или, быть может, вы скажете, что она не фантастична?

— Колоссальна, — согласился Энглхорн.

— Она достойна мысли египтян, — размышлял вслух Денем.

— Как вы думаете, кто мог ее построить? — спросила Энн с благоговейным трепетом.

— Однажды мы заходили на судне в Ангкор[1], — в мрачном восхищении заметил Дрисколл. — Там древние

[1] Ангкор — древняя столица Кхмерских королей, основанная в 889 г. н.э. Ясоварманом, расположена в западной Камбодже

развалины даже больше этих. Но археологи до сих пор гадают о их происхождении.

— Это же один шанс из тысячи! — ликовал Денем. — Какие возможности!.. Какие кадры!

Аборигенов по-прежнему не было видно. Но не успели они сделать и двух шагов, как дробь тамтамов начала постепенно стихать. И теперь, заглушая их низкие мурлыкающие звуки, атмосферу заполняли голоса. Они, похоже, родились из шепота, но с каждым ударом барабана становились все громче, неистово нарастая в каком-то монотонном песнопении. Дрисколл, обремененный тревогами за возлюбленную, первым уловил странную мелодию. Он мгновенно замер и вскинул руку, предостерегая остальных. Отряд остановился, Энн вцепилась в рукав Джека, а матросы тревожно переглядывались между собой. Звуки хора доносились откуда-то от стены. Денем жестом подозвал Энглхорна и махнул рукой в сторону необычно высокого строения впереди.

— Если мы обогнем этот дом, то, готов поспорить, мы увидим их, — сказал он.

— Ты слышишь, что они говорят?! — прошептала Энн Дрисколлу. — Они кричат: «Конг! Конг!»

— Денем! — Дрисколл потихоньку окликнул режиссера. — Вы понимаете, что это значит? Мы попали на какой-то религиозный обряд.

— Я слышу! — ответил Денем. — Пошли! Он, осторожно продвигаясь к зданию, поманил за собой Энглхорна. Когда тот приблизился на расстояние, достаточное, чтобы переговариваться шепотом, Денем спросил:

— Ну как, вы сможете общаться на их языке?

— Пока что я не разобрал ни единого слова. — Энглхорн весь обратился в слух. — Однако их интонации слегка напоминают мне говор ниасских островитян[1].

— Нам бы сказочно повезло, будь они достаточно похожи, — рассмеялся Денем.

Они вплотную подошли к скрывающему аборигенов дому. Здесь Денем остановился и помахал застывшей ко-

[1] Ниасцы — народ в Индонезии

лонне матросов, знаками давая понять, чтобы те приблизились и собрались вокруг своего капитана. Сам он начал с осторожностью пробираться к углу строения.

— Потише вы! — обернувшись, зашипел он. — Стойте там, пока я не разузнаю, чем занимаются наши друзья-аборигены.

Режиссер исчез. Экипаж «Скитальца» сгрудился позади Энглхорна. Кое-кто даже сдернул с плеча карабин и щелкнул затвором. Впрочем, эти парни не были сторонниками бессмысленной пальбы, они отлично знали свое дело. Энн интуитивно прижалась к Дрисколлу, который внимательно приглядывался к своим людям, оценивая степень готовности каждого. Энглхорн, не торопясь, отломил очередные полдюйма «Жевательного» и, придирчиво изучив крошку, заложил ее за щеку.

Вернулся Денем. Его глаза не то чтобы горели, а прямо-таки искрились.

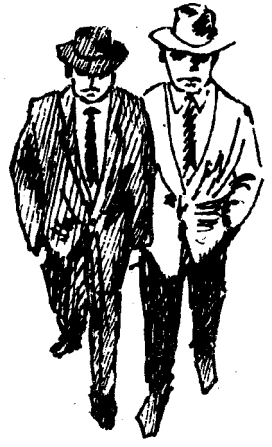
— Святая Макрель! — прошептал он. — Энглхорн! Дрисколл! На это стоит посмотреть! Только не спугните их.

Пока помощник и шкипер крались к открытому пространству, Денем, боясь сам привлечь внимание туземцев неосторожным движением, на цыпочках подошел к остальным, снял с плеча матроса кинокамеру на треноге и начал медленно разворачивать аппарат около угла дома.

Между тем, церемония, видимо, шла своим чередом. Барабаны мягко отбивали дробь. Множество голосов, возвышавшихся над их мурлыкающим ритмом, вели свою монотонную мелодию, время от времени взрывающуюся резкими, громкими выкриками.

Исступленные. Ликующие. Благоговеющие. Переполненные ужасом. Эмоции передавались от человека к человеку, от дикарей к «белым». Непреодолимо увлеченные торжественностью песнопения, матросы и Энн, словно кролики, зачарованные переливами колец питона, медленно потянулись вперед, подталкивая друг друга в спины. Наконец они обогнули здание и увидели...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ



Перед ними простиралась просторная утрамбованная площадь. По периметру ее обступали хижины и руины, а противоположным краем она упиралась прямо в стену. Тяжело облокотясь на опорные столбы, над площадью возвышались громадные ворота, тупо уставившиеся куда-то в сторону берега. Грубо отесанные гранитные блоки служили неким подобием чудовищного по размерам порога; к основанию ворот вели широкие каменные ступени.

На полпути вверх, посреди примитивного помоста, завешанного шкурами, приклонив колени стояла хорошенькая туземная девушка. Среди народцев бесчисленных островов южного полушария нередко встречаются привлекательные женщины, поражающие чужестранцев из Старого и Нового Света необычайной красотой своих сильных смуглых тел, но далеко не многие племена могут похвастаться такими прелестными созданиями, как эта молодая женщина. Ее голову словно корона украшал венок, а две другие пышные гирлянды переплетенных цветов и трав заменяли ожерелье и пояс. Эти цветы были единственным одеянием девушки, но они лишь подчеркивали ее кроткое, пугливое очарование.

Похоже, здесь собралось все население деревушки. По другую сторону помоста — кто-то на каменной лестнице, а некоторые — на вытоптанной земле площади — стояли десятки поющих туземцев, выстроенных правильными рядами. Они плавно раскачивались в такт незатейливой мелодии. Сбоку, чуть поодаль от многоголосого хора, и тем не менее властвуя над зрителями взглядом и жестами, плясал, прыгал и всячески кривлялся в устрашающем ритуальном танце морщинистый, черный как уголь старик-колдун. А еще дальше, поверх его головы, высился настоящий гигант, ослепительно разодетый в перья, лианы и звериные шкуры. Он молча и с царственной отрешенностью наблюдал на происходящим. Аборигены — все до последнего человека — и мужчины, и женщины, и дети, и шаман, и сам царь — были настолько поглощены происходившей церемонией, что никто не заметил вновь прибывшую публику.

— О, Господи! — прошептал Денем. — Сделай так, чтобы они продолжали! — И он принялся вращать ручку кинокамеры.

— Ух ты! Что это вытворяет тот старикашка в звериных шкурах? — затаив дыхание, спросил Джимми.

Колдун подбежал к возвышению, где стояла на коленях одетая в цветы молодая женщина, и, заламывая руки, словно в мольбе, закружился на месте. Медленными смиренными движениями он, похоже, предлагал девушку дюжине широкоплечих танцоров, которые выскочили неожиданно из рядов поющих островитян. Эта, вселяющая ужас компания была одета уж совсем странно, странно даже для столь необычного обряда: головы их скрывали полые, подбитые мехом черепа с темнеющими отверстиями глазниц, а тела были закутаны в грубые черные шкуры.

— Гориллы! — задумчиво пробормотал Энглхорн. — Эти щеголи изображают горилл, или кого-то очень на них похожего. — Обрывки мыслей в его голове начали слагаться в еще неясную, но тревожную догадку. — Они обыгрывают ритуал...

Неожиданно он обернулся и посмотрел на Энн, затем

передвинулся вправо и, встав прямо перед ней, заслонил ее своей тощей фигурой от возможного случайного взгляда аборигенов. Не осознавая причины своего беспокойства, но движимые, по-видимому, тем же порывом, что и капитан, матросы «Скитальца» сгрудились ближе друг к другу, оттесняя Энн в центр своеобразного живого кольца, и через мгновение ей пришлось расталкивать их в стороны и, чтобы хоть что-нибудь увидеть, привстать на цыпочки. Но даже выглядывая из-за их голов, она была надежно скрыта моряками от непрошенного взгляда.

В то время как гигантские обезьяноподобные создания подбирались к туземной девушке, старик-колдун направился, танцуя, обратно. Вдруг он, резко остановившись, посмотрел на царя. Очевидно, пришло время и Его Величеству включиться в церемонию. Однако, по воле судьбы, зрителям со «Скитальца» еще не скоро пришлось узнать, какова на самом деле его роль. Государь шагнул навстречу шаману и чуть повернулся, готовясь присоединиться к общему торжеству. И тут уголком глаза он заметил притаившегося за киноаппаратом Денема, а потом и всю остальную компанию притихших белых наблюдателей.

— Бадо! — закричал он и круто повернулся на пятках, встав к ним лицом. Его взгляд не предвещал ничего хорошего. — Бадо! Дама пати вего! — добавил он не менее загадочную фразу.

Поющие и танцующие, все, кто секунду назад издавал странные звуки и двигался в странных танцах, замерли в гробовом, каменном молчании. Посреди этой внезапной неуютной тишины слишком громко зазвучал позади Денема спокойный, практичный голос Энглхорна:

— Нам, и вправду, повезло, — пробурчал он. — Похоже, я знаю это наречие. И уж как-нибудь смогу понять, о чем он толкует. Он говорит старому шаману, что к ним пожаловали незнакомцы, и требует остановить обряд.

Все аборигены разом повернулись в сторону нежданных гостей и какое-то мгновение внимательно рассматривали их. Но вдруг, словно получив из тишины приказ,

женщины и дети начали выскальзывать из рядов поющих и убегать с площади.

— Эй, смотрите-ка! — сказал Джимми. — Их женщины удирают прочь, да и детишек своих прихватывают. Лучше бы нам убраться отсюда подобру-поздорову, пока мы не вляпались в неприятности по уши.

С этими словами он поспешно развернулся и уже было зашагал к берегу, но Дрисколл вовремя спохватился и поймал его за руку.

— Отличный улов, Джек! — похвалил Денем со своего места в первом ряду партера в этом туземном театре — он был ближе всех к настроенным не слишком приветливо островитянам. Дальнейшее получилось само по себе — исследовательская группа со «Скитальца» превратилась в построенный клином боевой отряд с единственной женщиной посередине. — Теперь уже нет смысла прятаться. Всем оставаться на своих местах. И держитесь поувереннее, не вздумайте показывать, что боитесь.

Внушительного вида царь по очереди ощупывал глазами каждого из чужестранцев. Наконец, вдоволь насмотревшись на них и взвесив все «за» и «против», он принял решение. Увесистой рукой он подозвал двух воинов — таких же крепких молодцов, как и он сам, но только чуть поменьше ростом. С телохранителями по обе стороны от себя, он медленно пошел вперед. Последние женщины уже подхватили детей с земли и исчезли в зарослях.

— Мистер Денем! Мистер Денем! — опять засуетился Джимми. — Что этот здоровяк собирается делать?!

— Заткнись! — оборвал его Денем, не отрывая глаз от наступающей троицы. — Я сам пока не знаю. Глава туземцев сделал еще один маленький величественный шаг.

— Джек! — прошептала Энн на ухо Дрисколлу. — Если их женщины и дети убегают, то это означает, что мы попали в скверную передрягу. Ведь так?

— Скорее, у тех парней будут крупные неприятности, если они вздумают что-нибудь начать, — заверил ее Джек и коротко усмехнулся.

Туземный царь продолжал приближаться. Матросы приподняли дула карабинов, чтобы в случае чего, не целясь, дать залп, их пальцы нащупали спусковые крючки. Денем все это видел, словно с рождения имел глаза на затылке, и предупредил:

— Спокойно, мальчики! Было бы от чего терять голову!

— Самое смешное, что он прав, — Джек весело подмигнул Энн. — Все это чистой воды блеф. Царек выжидает, он просто хочет посмотреть, испугаемся мы или нет. Готов поспорить, он блефует. И я бы поставил на нас.

Властелин островитян сделал еще несколько величественных движений и выжидающе остановился в полудюжине шагов перед Денемом.

— Шкипер, ваш выход, — сказал продюсер. — Если вы в состоянии говорить на его языке, то произнесите дружественную речь.

Энглхорн вышел из-за спины Денема, обогнул треногу кинокамеры и пошел было навстречу царю, но тот выбросил перед собой ладонь, запрещая капитану приближаться:

— Уату! Тама ди? Тама ди?

— Приветствую тебя! — медленно ответил Энглхорн. — Мы — ваши друзья. — Бала! Бала! Друзья! Друзья!

— Бали, рири! — презрительно закричал царь. — Таско! Таско!

— Что он там лопочет, шкипер? — спросил Денем уголком рта. — Я ничего не понимаю из этой тарабарщины.

— Он говорит, что ему не нужны друзья. Мол, он нас не знает и знать не желает. Советует убираться восвояси.

— Отговорите его или постарайтесь замять эту тему, — распорядился Денем. — Спросите у него, что это за церемония.

Энглхорн заговорил в спокойной, примирительной манере и несколько раз указал на полуобнаженную девушку в цветах на возвышении перед воротами.

— Ани саба Конг! — ответил царь после секундного колебания; и остальные мужчины, как бы подтверждая

эти священные слова, вторили ему почтительным бормотанием, чередуя его со вздохами:

— Саба Конг! Саба Конг!

— Он говорит, что девушка отдана в невесты Конгу.

— Конг! — обрадованно воскликнул Денем. — Разве я не говорил вам? Ну кто из нас был прав?

Но прежде чем царь или переводчик смогли снова заговорить, старый колдун неожиданно проскочил вперед и встал между ними. Его шикарный головной убор сотрясался от гнева, а глаза яростно сверлили одновременно и вождя, и чужестранцев.

— Дама си вего! — завизжал он, и его хилый старческий голос диссонансом прокатился по площади, словно звук от расстроенной скрипичной струны. — Дама си вего. Пунья. Пунья бас!

— А этому-то что надо? — не выдержал Денем.

— Шаман говорит, что священный обряд испорчен из-за того, что мы наблюдали за ним. Наверное, они обязаны соблюдать таинство церемонии.

— Дайте-ка я объясню ему, что к чему, — самоуверенно заявил Денем. — Как будет слово «друг» на их наречии?

— Бала.

Режиссер привычно расправил плечи и, протягивая руки к хозяевам острова, сделал несколько шагов вперед, широко и примиренчески улыбаясь.

— Бала! — сказал он. — Бала! Бала! — он с силой ткнул пальцем себя в грудь, а затем вежливо, как мог, указал на главу аборигенов и старика-шамана. — Бала! Бала! Бала!

Царь в нерешительности задумался, не зная, кому отдать предпочтение. Но у старого чернокнижника не было ни малейшего сомнения в выборе правильной линии поведения. Злость и непримиримость его нахмуренных бровей не уступали расположению и приветливости широкой улыбки Денема. Видя замешательство вождя, он сам махнул воинам, почтительно ожидавшим в отдалении развязки.

— Таско! — взвизгнул он.

Царь, ухватившись за эту подсказку, пророкотал вслед за шаманом:

— Таско! — Оба телохранителя подле него вскинули копья и приняли боевую стойку. Толпа воинов позади них заволновалась и, ощерившись копьями и дротиками, хлынула на экипаж «Скитальца».

Энн, которую со всех сторон окружали матросы, могла лишь догадываться о том, что происходит. Но когда любопытство пересилило страх, она легонько облокотилась о плечи Дрисколла, чтобы не упасть, и осторожно приподнялась на цыпочки, порываясь выхватить хотя бы часть зрелища. В ее вьющихся медового цвета волосах заиграло солнце, и почти в тот же момент это ярко-золотое пламя привлекло внимание царя. Ему удалось увидеть Энн лишь на мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы он по достоинству оценил ее внешность. Правитель оборвал боевой клич так внезапно, словно его губы вдруг попали в слесарные тиски, и теперь беспокойно переводил взгляд то на воинствующего колдуна, то на толпу матросов, между которыми минуту назад заметил девушку.

— Малем ма пакено! — от волнения он даже стал заикаться. — Сита! — Царь хлопнул шамана по плечу. — Малем! Малем ма пакено!

Энн вновь выглянула из-за плеча Дрисколла, и теперь ее увидел и колдун. Он прекратил исступленный визг и пристально посмотрел на нее. Воины остановили атаку, и наконечники их копий уперлись в землю.

— Что на этот раз? — спросил Денем с откровенным жестом облегчения.

— Он сказал: «Смотрите! Женщина из золота!»

— Ха, едва ли здесь водятся блондинки, — усмехнулся Денем.

Но царь в экстазе продолжал упражняться в малопонятном для пришельцев туземном наречии:

— Конг! Малем ма пакено! Конг уа биза! Ко биза пара Конг! — и он в поисках согласия обернулся к старику-шаману.

Старый чернокнижник задумчиво кивнул, в то время как Энглхорн быстро переводил:

— Конг! Женщина из золота! Конговский подарок! Подарок для Конга!

— Не приведи Господи! — запротестовал Денем.

Царь и морщинистый старик подошли к продюсеру. Первый вытянул перед собой руку, объявляя волю Его Величества.

— Дама! — сказал он, а затем добавил нетерпящим возражения тоном: — Тибо малемна хай! Хай-хай!

— Чужестранец! Продай нам свою женщину. — Синхронный перевод Энглхорна следовал как револьверные выстрелы, однако интонации оставались бесстрастными. И лишь глаза озабоченно спрашивали у Денема, что же тот намеревается предпринять.

— Диа малем! — заторопился царек.

— Шесть женщин! — коротко бросил Энглхорн. — Он готов отдать шесть женщин за одну нашу из золота.

У Энн аж дыхание перехватило, но она все же попыталась улыбнуться.

— Денем, вы втянули Энн в эту переделку! — укоризненно произнес Дрисколл. — И как нам теперь выпутываться?

Денем натянуто улыбнулся и вялым движением подозвал двух своих носильщиков.

— Скажите ему, вежливо, насколько сможете, — попросил он Энглхорна, — что нам не по душе такая сделка и мы предпочли бы не меняться. — Уголком рта он добавил Энн: — Сегодня у меня не самый лучший день для торговли, сестренка.

— Тида! — пробормотал царю Энглхорн пораженным печалью тоном. — Нет! Малем ати рота на най! Наша золотая леди приносит нам удачу, и мы не отважимся расстаться с ней.

В ответ на отказ царскому желанию, хоть тот и был сделан в мягких и обтекаемых выражениях, шаман пришел в ярость.

— Уату! — завизжал он. — Там биза пара Конг дай уона та!

— Они не могут упустить подарок для Конга.

— Ладно, с меня довольно, — проворчал Дрисколл, пока Энглхорн переводил сыплющиеся на него с обеих сторон фразы. — Как хотите, я забираю Энн на корабль.

— Лучше бы нам всем вернуться на судно, — Энглхорн небрежно предостерег Денема, — а то этот смышленый колдунишка, чего доброго, еще догадается послать боевой отряд, чтобы отрезать нас от лодок.

— Я тоже так думаю, — неохотно согласился Денем со всей самоуверенностью «белого» первооткрывателя, переполненного расовым превосходством. — Но нам не следует оставлять этого ненормального в таком буйстве, шкипер. Скажите ему, что мы обязательно придем завтра, в надежде стать друзьями и обо всем договориться.

— Дулу! — спокойно пообещал Энглхорн вождю и шаману. Даже если они на самом деле не собирались возвращаться, обещание сыграло им на руку. Оно послужило прикрытием для быстрого возвращения двух матросов, подхвативших треногу и киноаппарат. — Завтра! Хай тего нах! Мы вернемся потом.

— Ен малем? — настаивал царь. — Малем ма пакено?

— Женщина из золота?

— Отходите за дом! — резко приказал Денем команде. — И продолжайте улыбаться, Энн. Неужели вы не понимаете — вождь всего лишь дарит вам потрясающий комплимент? Целых шесть за вас одну! Улыбнитесь хотя бы Джеку. И не прячьте лицо. Выше нос, сестренка!

— Дула, бала! — заверил Энглхорн вождя. — Завтра, друг! Тебе же говорят, *завтра!*

Отступление набирало ход; впрочем, как и следовало ожидать, обошлось без паники, и скорость оставалась в пределах разумного. Никто не отставал, не заставлял ждать остальных, но, с другой стороны, не было и чрезмерной спешки — только скорый, по-военному методично организованный отход с неблагоприятных позиций. Дрисколл возглавлял первую полудюжину матросов, с Энн посередине. За ними шествовала основная часть экспедиции; каждый держал наготове винтовку с взведен-

ным затвором. Следом за ними шел Энглхорн, а замыкал колонну Денем.

На прощание, в качестве знака признания и дружбы, его рука взметнулась в небо и послала злобному колдуну неповторимо добродушный салют. Та же рука щелкнула по полям его «стетсона» и, нахлобучив шляпу на глаза, моментально скользнула к бедру, где в кобуре покоился револьвер. Вытянув губы трубочкой, Денем засвистел бравурную мелодию марша. И, пока глаза аборигенов расширялись в неописуемом удивлении, быстро повернул за угол здания и исчез из виду.

Пробираясь по узким тропинкам, они снова очутились среди хижин островитян — таких же молчаливых и, по-видимому, таких же необитаемых, как показалось во время путешествия в глубь прибрежной страны. А спустя несколько минут экспедиция со «Скитальца» подошла к краю деревни. Перед ними раскинулось почти голое пространство земли и песка, изрезанное лишь морщинами дюн. А за их правильными вершинами тянулся пологий склон, плавно сбегающий к берегу и лодкам.

— Только не говорите мне, что в их хижинах не было ни души, — фыркнул Джимми, перекидывая ящик с газовыми бомбами с плеча на плечо. — Один раз я услышал, как завопил ребенок. Мальчик! Точно говорю, это был мальчик. Ну и затрещину отвесила ему мамаша! Это я тоже слышал.

Только здесь, возле спасительных шлюпок, Дрисколл почувствовал облегчение. Он даже позволил себе рассмеяться и выпустил маленькую ручку, которую покровительственно сжимал на всем протяжении марша.

— Хотите верьте, хотите — нет, — произнес он, кинув последний взгляд за спину, — но никто нас не преследует. Признаюсь, для меня это сюрприз, причем столь же приятный, сколь и неожиданный.

Денем и Энглхорн подошли к берегу последними.

— Надеюсь, — улыбнувшись им и Дрисколлу, сказала

Энн, — вы все достаточно знаете меня и не считаете, что я похожа на воинственную, хвастливую Брунхильду[1]. Но все равно, я хочу сказать, что не променяла бы эту прогулку ни за какие деньги.

Она многозначительно кивнула и с явно притворной гордостью принялась взбивать свои чудесные волосы, которыми в равной степени восхищались и дикари, и «белые».

Дрисколл с раздражением созерцал ее вызывающий ротик, хотя это не мешало ему одновременно восторгаться ее смелостью.

— Леди, у вас есть все шансы получить ведущую роль в моей следующей картине, — пообещал Денем.

Энглхорн отрезал себе свежую порцию табака и, запустив ее в рот, подал команде сигнал рассаживаться по лодкам.

— Завтра, — сказал он, — мы вывалим перед ними целую гору менового товара. Я думаю, мистер Денем, несколько презентов этому старику-шаману улучшат его настроение и куда-нибудь нас да приведут.

[1] Брунхильда — в «Песне о Нибелунгах» королева Исландии, ставшая супругой Гунтера, короля Бургундов, виновница смерти Зигфрида.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Через некоторое время, после возвращения на борт «Скитальца», они вчетвером снова собрались в каюте капитана. Каждый был занят своими мыслями, вспоминая странный обряд венчания на острове. Наконец, когда молчание стало невыносимым, Денем поставил вопрос, который упорно назревал в умах всех членов экспедиции, пока гребцы, уводя шлюпки прочь от берега, дружно отбрасывали воду за корму. Он говорил угрюмо, и для угрюмых слушателей. Когда они вышли из зарослей к берегу и лодкам, на короткий момент их охватило ликование победы: они радовались, что так удачно ускользнули от неизбежной схватки и отвязались от негостеприимных островитян. Однако сейчас у них было время, чтобы осмыслить угрожавшую опасность, которую удалось миновать лишь благодаря счастливой случайности... И даже более того — задуматься о зловещей тайне, побудившей Денема вновь завести полный домыслов и предположений разговор.

— Хотел бы я знать, — начал он, — кто такой этот Конг, о котором без умолку тараторил царь и старый шаман.

— А не может ли быть им сам царь? — спросила Энн.

— Нет, пожалуй, — промычал Энглхорн. — Вы видели, как была напугана та молодая женщина в одежде из

цветов? Ей не пристало бы бояться — во всяком случае столь сильно, — если бы они выдавали ее замуж за вождя. Наоборот, вероятнее, она была бы счастлива. Отхватить такой лакомый кусочек означало бы для нее большую удачу. Что ни говорите, но девчонка от страха была почти без чувств.

— Я думаю, ключом к разгадке являются те парни, переодетые гориллами, — заявил Дрисколл.

— Почему же? — поинтересовался Денем. Он выжидающе и задумчиво рассматривал своего помощника.

— О, это всего лишь предчувствие. Но все-таки постараюсь объяснить. Когда я представляю себе, как они двигались, как играли свою роль, то все больше убеждаюсь, что они действовали как настоящие сваты жениха.

На вершине гигантских ворот, если вы были внимательны, был подвешен громадный металлический гонг. И кроме того, неподалеку я заметил островитянина, готового в любую минуту ударить в него дубинкой. Я мог бы поспорить, что в тот момент, когда царь увидел нас и остановил церемонию, он собирался приказать распахнуть ворота.

— По-моему, я улавливаю вашу мысль, — протянул Денем.

— Ну... а я ничего не понимаю! — воскликнула Энн. — Честно говоря, я в полнейшем недоумении.

— Царь, — терпеливо начал объяснять Дрисколл, — как раз собирался отправить девушку по ту сторону ворот, какое бы существо не поджидало ее там. Вопрос в том, кто жених. Кто это загадочное *нечто*? Деревня туземцев целиком расположена на этой стороне, под надежной защитой стены. А за ее пределами не может быть ничего, кроме диких джунглей... и наводящего ужас *нечто*, которое заставляет племя ежегодно заниматься ремонтом и укреплением стены.

— Короче говоря, мы имеем следующее: царек намеревался открыть ворота для того, чтобы преподнести девушку кому-то, каким бы жутким не было это существо, живущее в джунглях. Иными словами, племя посылало невесту *Конгу*. А парень наверху, у барабана, вот-вот

должен был позвать Конга, чтобы тот пришел и забрал свою суженую.

Денем кивнул в знак согласия.

— Меня не покидает уверенность, — пробормотал Энглхорн, — что хорошенькая молоденькая девчушка, которую мы сегодня видели, была отнюдь не первой «невестой» Конга. Как бы мы не толковали это слово.

— Вы имеете в виду... — Энн неожиданно почувствовала приступ дурноты.

— Она имеет в виду, — грубо оборвал ее Дрисколл, — что обряд, за которым мы наблюдали, был не более чем разновидностью жертвоприношения, а полуобнаженная девушка на троне — жертвой. И что регулярно, через определенные отрезки времени, совершаются новые жертвоприношения... Каждое полнолуние, например, или что-то в этом роде.

— Но даже если согласиться с вашими предположениями и принять их за отправную точку, — недоуменно проговорил Энглхорн, — у меня до сих пор нет ни единой более-менее ясной идеи, что такое *Конг*.

— Зато у меня есть, — сказал Денем с неожиданной уверенностью. — Эта стена была построена против опасности, размером не с пинтовую кружку пива. А вместо отсутствовавшего «жениха» была по меньшей мере дюжина сватов, так как только с таким количеством нормальных людей туземцы ассоциируют размер существа, которое забирает жертву. И то, что танцоры прыгали по площади в черных шкурах горилл, отнюдь не означает, что сам Конг — тоже *всего лишь* горилла. Я убежден, что если он действительно существует, то достаточно огромен, чтобы управляться с гориллой, как с медицинским мячом.

— Но такого зверя еще никогда не было! — Энн неуверенно засмеялась. — По крайней мере, с доисторических времен.

Денем заерзал на стуле и, повернувшись к девушке, пристально посмотрел ей в глаза.

— Святая Макрель! — прошептал он. — Хотел бы я знать, а вдруг вы попали в точку, Энн?

— Вздор! — взорвался Дрисколл.

Энглхорн недоверчиво покачал головой.

— Не будьте так уверены, — возразил Денем, и в нем снова загорелись азарт и возбуждение, как и в ту секунду, когда они впервые увидели очертания острова. — Вспомните! Вы столько раз говорили мне, что все это чушь и мы никогда не найдем остров Горы-Череп. И что же? Вот он! Лежит перед нами. Почему бы такому удаленному от цивилизации месту не стать просто идеальной обителью, в которой легко мог затеряться одинокий уцелевший доисторический монстр? — Его глаза сверкнули. — Святая Макрель! Если нам действительно удастся обнаружить зверя... Какая картина!

Шквал бурных надежд режиссера заставил Дрисколла отвлечься от абстрактных размышлений и вернуться к реальной действительности. Он демонстративно поднялся.

— И какая роль отводится Энн в подобном фильме? — потребовал ответа первый помощник.

Денем тоже вскочил. Злость на своего друга и ассистента, которого отдалили от него глупые опасения за женщину, подталкивала продюсера откликнуться на вызывающий вопрос с той же агрессивностью. Но вместо этого, через мгновение он громко расхохотался.

— Джек, — горько сказал Денем, — неужели вы не в состоянии доверить мне мое собственное шоу? Я полагаю, вас, в некотором роде, свели с ума. И потом, я считаю, Энн вполне свободна в своем выборе. Только не вздумайте отговаривать меня и не ждите, что я откажусь от фильма, если мы и впрямь получим шанс, о котором я могу только мечтать. — Он задумчиво подергал ухо. — Я признаю, что в данный момент и представления не имею, кому какая достанется роль и в каких кадрах появится любой из нас. Мы еще очень мало знаем, — уступил Денем, — а для сценария мне необходима полная информация.

— Угу-у-у! — согласился Энглхорн.

— Вот что!.. — продолжал Денем. — Давайте забудем о наших проблемах и оставим до ужина все как есть. К

тому времени я смогу, во всяком случае, наметить наш следующий шаг.

— А между тем, — сказал Энглхорн, — мистер Дрисколл, проследите, чтобы выставили часовых с карабинами. На острове опять забили в барабаны. Похоже, старый колдун что-то замышляет. Может, конечно, они возобновили прерванную церемонию... но осторожности ради...

Пока эти четверо разговаривали в каюте капитана, тамтамы туземцев потихоньку возобновили свой равномерный перестук. Но теперь их ритм стал иным: к судну по воде долетало низкое монотонное жужжание, словно от людей, усердно думающих вслух, или, еще точнее, первобытные звуки, которые примитивные руки извлекали из обтянутого кожей дерева, пытаясь таким образом облегчить примитивным мозгам непростое дело рождения мысли.

Расставив часовых по борту «Скитальца», Дрисколл вернулся и, остановившись подле Энглхорна, хмуро посмотрел на небо.

— Облака собираются. А к вечеру ветерок нагонит их еще больше — достаточно, чтобы спрятать луну, — предсказал он. — Сегодняшняя ночь будет темной. А это вряд ли пойдет нам на пользу.

— А знаете, ведь мистер Денем прав, — безмятежно подшутил на ним шкипер. — Вы просто помешались на Энн. Что может грозить ей здесь, на «Скитальце»? Не будьте суеверны, темная ночь нам не повредит. Мы слишком далеко от берега, чтобы островитяне решились преподнести нам сюрприз.

— Не нравятся мне эти барабаны!

Глухие раскаты тамтамов еще долгое время надоедали Дрисколлу: он, не имея срочных дел, бесцельно бродил по кораблю, то спускаясь по лестнице в машинное отделение, где царил полный порядок, то снова поднимаясь на палубу, но здесь команда так же постаралась на славу — все было выдраено, металлические части рангоута блестели в лучах заходящего солнца. Куда бы ни направлялся первый помощник, в надежде отвлечься от тревожных предчувствий, везде его преследовал все тот же бесконечный низкий гул. Между тем закат подмигнул ему на прощание последней вспышкой, и на океан и остров спустились быстрые тропические сумерки. Темнота сгустилась, но когда сели ужинать, Дрисколл постарался скрыть свое беспокойство. Это оказалось не так просто, потому что Денем заставлял ждать обещанного плана.

— Я обещал вам подумать о следующем шаге, — объявил режиссер, когда вечерняя трапеза уже близилась к концу. — И я подумал. Мне не удалось прийти к более глубоким выводам, поэтому я ничего не смог придумать. Но я остановил свой выбор вот на чем. Завтра утром, как только рассветет, я отправляюсь на берег. С хорошо вооруженным отрядом мне ничего не грозит. И по возвращении я буду в состоянии ответить на вопрос о том, кто такой этот Конг.

Дрисколл отодвинул от себя опустевшую чашку и безмолвно, но недвусмысленно посмотрел на Энн.

— Джек, плесните себе еще из кофейника и спокойно потягивайте этот бодрящий напиток, — улыбнулся Денем, — Энн останется в безопасности, на уютном борту «Скитальца».

— Хорошо, — пробурчал Энглхорн.

— Но если я могу пригодиться, — вмешалась Энн, — то я готова пойти с вами.

— Нет. Обычно я до смерти против разделения актерской труппы и кинокамеры. Я уже говорил, — откуда мне знать, где и когда подвернется тот неповторимый кадр, который сделает картину шедевром. Но вместе с тем, обычно моим людям приходится смотреть в лицо только той опасности, которую я могу оценить и, соответственно, приготовиться к встрече с ней. Здесь же, как говорят математики, мы имеем величину неизвестную. Поэтому завтра я оставлю тебя в безопасности, пока сам не разведаю, что к чему.

— Позвольте мне побыть какое-то время вашими глазами, — с готовностью предложил Дрисколл. — Конечно, с хорошо вооруженным отрядом нам ничто не угрожает, но, если с вами что-нибудь случится и вы поранитесь, или, не дай Бог, вывихнете ногу, весь фильм пойдет на-

смарку. А если я набью себе шишку, ненароком столкнувшись с деревом... Словом, это не будет иметь значения.

— О-о, неужели? — воскликнула Энн.

— Теперь, Дрисколл, когда я оставляю Энн на судне, вы готовы умереть за старый добрый кинематограф? — съязвил Денем. — Ну что ж, сынок, можешь отправляться прямиком в ад. Если я затеваю парад, то всегда сам стою во главе колонны. Но все равно, — продолжал он, — беру назад свои слова относительно вашего больного рассудка. Насколько я понимаю, вы помешаны только в узком смысле этого слова[1].

Дрисколл густо покраснел аж до шеи и мочек ушей.

— Мне нужно немедленно спуститься в трюм. Кое-какие неотложные дела, — сказал он и стремительно, за секунду до того, как Денем и Энглхорн дружно загоготали, ретировался.

— Я, — сказала Энн с большим достоинством, тоже поднимаясь, — не вижу в этом ничего смешного.

Однако, перед тем, как распахнуть дверь и выйти на палубу, она помедлила и заговорщицки улыбнулась.

Тамтамы по-прежнему задумчиво гудели на острове Гора-Череп. На палубе, через равные промежутки вдоль по борту, темнели бдительные силуэты вооруженных часовых. Несколько других матросов находились наверху, пытаясь спастись от духоты тесных кают, неотвратимо сопутствующей туману и полному штилю.

Одним из них был Лампи. Развалившись на решетке люка и выставив на всеобщее обозрение неизменные вытертые штаны, он лениво забавлялся с маленьким Игнацем.

— Добрый вечер, Лампи.

— Вечер добрый, мисс Энн. Игнац, малыш, двинься-ка в сторонку, освободи немного места и для леди. Я слышал, что на берегу вы пользуетесь шумным успехом.

— Честно говоря, я так перепугалась, что мне было не до комплиментов.

[1] В английском языке выражение «помешаться» (to go soft) имеет также значение «влюбиться».

Девушка примостилась рядом со старым матросом. «Скиталец» уже погружался в теплые объятия ночи. Энн и Лампи сидели молча, не решаясь продолжить разговор. Моряк был слишком вял, чтобы болтать о разных пустяках, да и Энн не ощущала такой потребности. Нежная, мягкая темнота успокоила ее, и переживания минувшего дня отошли куда-то далеко, перевалив за неуловимую границу, которая отделяет настоящее от прошлого.

Денем и Энглхорн остановились на полпути к капитанскому мостику.

— Слышите? Барабаны все не утихают, — сказал Денем. — Будь они прокляты! Если бы я мог работать с кинокамерой при свете костров, я бы сию минуту вернулся на остров, и хоть на брюхе, но подкрался бы к площади и заснял всю компанию на пленку.

— Я думаю, здесь вам значительно спокойнее, мистер Денем.

— *Я знаю*! Но я не терплю, когда хоть что-нибудь ускользает от объектива моей камеры.

— А по мне, так все в полном порядке, даже если мы пропустим больше, чем хотелось бы.

— Эй, гляньте-ка сюда, шкипер! Этого вполне достаточно, чтобы Дрисколл от беспокойства всю ночь не сомкнул глаз.

— Ну я-то едва ли беспокоюсь. Однако рад, что мы догадались выставить часовых, и отнюдь не собираюсь отпускать их с вахты.

— Тьфу! Похоже, все аборигены вывалили на берег. Все до единого!

— Полагаю, вы правы. И тем не менее, думаю, что вряд ли поплыву к ним пожелать доброй ночи.

— Тогда и я тоже, пожалуй, останусь, — рассмеялся Денем. — Лучше вернемся в кают-компанию и посидим за партией в пинокль[1].

Лампи поднялся на руках и сквозь темноту уставился на Энн:

— Хотел бы я знать, что же там, на берегу, случилось,

[1] Пинокль — карточная игра, напоминающая Безик.

коли чуть ли не выходит из себя даже эта старая хладнокровная черепаха.

— Я думаю, что дело в той девушке, — медленно проговорила Энн.

— Девушке?

— Ну да, девушке, которую они приносили в жертву... Конгу...

— А-ааа, вот как!.. — кивнул Лампи. — Конечно, кто-то из ребят рассказывал мне. Невеста...

— Невеста Конга! — прошептала Энн и поежилась от собственных слов. — Скажите, Лампи, как вы полагаете, кто такой этот Конг?

— Ха-а-а, — презрительно протянул матрос. — Банальная для таких мест чепуха. Просто-напросто древний языческий божок. Каждое уважающее себя племя имеет своего бога. Обыкновенно, это старый деревянный чурбан или корявая статуя из глины. Готов побиться об заклад, ваш беспокойный Конг — всего лишь глыба липкого ила, пустотелый болванчик; а боязливая невеста никогда в жизни не подойдет к нему ближе, чем на милю. Старый колдун, наверное, объяснил бы вам лучше меня, куда девчушка денется сразу после «свадьбы»: престарелые туземные шаманы владеют, как правило, солидным гаремом, укрытым где-нибудь вдали от любопытных глаз.

Энн залилась веселым смехом и, устраиваясь поудобней на жестких досках палубного люка, случайно села прямо на заднюю лапу маленького Игнаца. Чувствительная к подобной несправедливости обезьянка негодующе взвизгнула и в тот же миг растворилась в темноте.

— Поймайте его, Лампи! — вскрикнула девушка. — Если он заберется в чью-нибудь каюту, то обязательно перевернет все вверх дном!

— Вернись!.. Ты, проказник! — позвал Лампи и неожиданно проворно устремился следом.

Энн поднялась, завела руки за голову и сладко потянулась, отгоняя навалившуюся дремоту. Поболтав с веселым старым матросом, она отдохнула и расслабилась; теперь она могла позабыть о Конге. Ей не хотелось и рано

ложиться спать, и возвращаться в душную каюту, где даже открытый иллюминатор не спасал от неприятного липкого пота. Она медленно побрела к нижней палубе и оказалась в узком сумеречном проходе, огибавшем рубку и другие надпалубные постройки.

Здесь она на короткое мгновение остановилась в нерешительности. Перед тем как девушка двинулась дальше, одинокий луч света из рубки рассыпался мириадами искр, коснулся ее желтых волос, но тут же, как только она шагнула в густую прожорливую темноту, растворился. Рокот тамтамов на острове Гора-Череп перерос в оглушительную какофонию, а затем упал до глухого низкого урчания, словно чьи-то гигантские пальцы отбивали ритм веселого мотивчика.

На высоте капитанского мостика режиссер доверительно посвящал Энглхорна в свой план примирения с аборигенами. Его тихий самоуверенный тон не оставлял собеседнику и шанса на возражения:

— Ладно, шкипер, мы с ними подружимся, вот увидите. Им просто не понравилось, что своим появлением мы прервали их обряд. Но мы всегда сможем убедить их, что это вышло случайно.

— Ну уж не знаю, — засомневался Энглхорн. — Они сказали, что мы испортили им шоу. И скорее всего, они имели в виду, что им придется теперь искать для Конга новую невесту.

— Потрясающе! Если они прокрутят церемонию с самого начала, я получу такие кадры, что картина, можно сказать, будет лежать у нас в кармане. Это так же верно, как и бесплатное право съемки в этой глуши.

Капитан посмотрел на своего работодателя со скептическим восхищением.

— Вы, мистер Денем, — предел возможного, — пробормотал он и пошарил вокруг себя ногой в поисках любимой плевательницы, которая, как он помнил, была где-то рядом в темноте.

Через пару минут к ним поднялся Дрисколл, вытиравший рукавом капли пота со лба.

— Я только что обошел корабль и проверил часовых,

— сообщил он. — Кажется, все в полном порядке. А где Энн?

— Полагаю, где-нибудь на палубе. Извините, сэр, а как давно вы ее видели в последний раз? — усмехнулся Денем. Он и на этот раз не упустил случая уколоть первого помощника. — Полчаса уже прошло?

— Я рад тому, что *я* не холоднокровная рыба, — с подчеркнутой медлительностью произнес Дрисколл и застучал каблуками вниз по лестнице в направлении главной палубы.

На полпути он чуть не столкнулся с Лампи. Тот, озадаченно уставившись в чернеющий проем палубного люка, стоял посреди прохода.

— Лампи, ты не видел мисс Дарроу?

— Она была здесь десять минут назад, сэр. Мы сидели и болтали с ней о том о сем, как вдруг Игнац высвободился и юркнул в темноту. Мисс Энн послала меня поймать мартышку. Я думал, она будет по-прежнему здесь, когда вернусь.

— Вероятно, она пошла к себе в каюту, — предположил Дрисколл.

Лампи, таща за собой Игнаца, разочарованно поплелся прочь. Он направился вниз по узкому проходу, где несколько минут назад исчезла Энн. Сделав пару шагов в темноте, он внезапно ударился о какой-то предмет, который отлетел к перегородке. Лампи остановился, наощупь подобрал вещицу с дощатого настила и понес обратно к люку, где одинокий фонарь отвоевывал у ночи правильный круг желтого света.

— Все на палубу!!! — завопил он в следующий миг. — На палубу! Свистать всех наверх!

Часовые подхватили его крик, и на палубу со всех сторон высыпал экипаж «Скитальца». Дрисколл, не разбирая дороги, проскочил под носом у Денема и Энглхорна, спускавшихся второпях с мостика. Все трое собрались вокруг Лампи.

— Смотрите, сэр! — запинаясь произнес старый матрос. — Я нашел это на палубе! В нижнем проходе. Там темно, и я едва отыскал его в темноте.

— Туземный браслет! — воскликнул Денем.

— Сэр, кто-то из них, этих варваров, был на борту!

— Шкипер, обыщите судно, — приказал Денем.

— Где Энн? — прокричал Дрисколл.

Энглхорн и Денем настороженно переглянулись. Капитан еле заметно кивнул и, предоставив режиссеру самому отвечать на этот каверзный вопрос, повернулся к толпе матросов, раздавая направо и налево хлесткие приказы.

— У себя... в каюте... — успокаивающе начал Денем.

— Ее там нет! Я только что заглядывал туда!

Тут же до обоих мужчин долетел голос часового, наблюдавшего за тем бортом «Скитальца», который был ближе к острову:

— Так точно, сэр!.. Нет, сэр! Я не слышал ни звука. Ни малейшего всплеска! Нет, я не спал, сэр!

А затем жесткие, командные интонации Энглхорна:

— Боцман! Распределить людей по шлюпкам! В каждые руки по карабину!

Темнота ожила десятками звуков. Топот многочисленных ног. Свистки боцмана. Скрип и глухие удары шлюпбалок. Щелчки патронов, загоняемых в магазины, и скрежет передергиваемых затворов. Грубые, четкие выкрики матросов, выполнявших свою работу.

Денем непонимающе уставился на Дрисколла.

— Шлюпки! — взорвался он. — Шлюпки! Какого дьявола?! Эй, шкипер! Вы ведь, на самом деле, не думаете...

— Не знаю. Так же, как и вы, — спокойно ответил Энглхорн. — Но мы не можем терять время, строя догадки и раздумывая над теорией вероятности. Мистер Дрисколл, вы берете на себя руководство командой, обыскивающей «Скитальца». И действуй, мой мальчик, быстрее! Действуй побыстрей!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Горячие сильные руки туземцев затолкали Энн вниз, на самое дно грубой деревянной плоскодонки, бесшумно летящей по ночному океану. Одна рука зажимала ей рот; и хотя девушка дико извивалась и отчаянно пыталась освободить захват, она так и не смогла послать сквозь темноту на «Скиталец» зов о помощи.

С самого первого момента похищения ей ни разу не позволили даже вскрикнуть. Горячие, сдавливающие до боли объятия многих рук каждую секунду опутывали ее тело, мешали вздохнуть. Ее губы первыми почувствовали их прикосновение — сразу, как только она шагнула в узкий черный коридор, огибающий рубку и салон кают-компании. А через мгновение, едва она успела осознать, что происходит, рот, руки и ноги сковала мертвая хватка тренированных мускулов, которая не ослаблялась даже тогда, когда девушка переходила из рук в руки, с каждым разом приближаясь к борту корабля.

Энн не могла противостоять этим жарким ладоням, привыкшим к безраздельной власти грубой силы. Но хуже этого был СТРАХ. Деспотизм страха, который никогда в жизни не закрадывался даже в ее воображение. Девушка не осознавала, что боится. У нее просто не было сил. Нападение было слишком стремительным, и она сразу покорилась урагану новых чувств. Он подхватил, закружил ее и швырнул в трясину безграничного панического ужаса. Ни одна прочитанная книга, ни одна услышанная история не шла в сравнение с этим трепетом, чьи вздымающиеся волны увлекали Энн все дальше и дальше. Страх, который заставлял ее чувствовать, как каждый дюйм ее оскорбленного тела был жив благодаря неупоминаемым в обществе стремлениям. Он возникал за пределами полуночных кошмаров детства. Он возникал за пределами жутких видений из снов. Это был *страх.*

Единственная сознательная мысль, оставшаяся у нее, советовала закричать о помощи. Но девушка безнадежно призналась себе, что даже если чужая рука оторвется от ее губ, положение не изменится к лучшему. Горло сдавило спазмом, и Энн знала — голосовые связки откажутся выдавить даже малейший стон.

Ноги, наконец-то освобожденные, действительно отказывались двигаться. Когда дно долбленки зашуршало по прибрежному песку и похитители рывком поставили девушку на ноги, она не могла нормально стоять: тело обмякло и словно налилось свинцом.

Не теряя времени даром, две внушительные тени вскинули бедняжку на плечи и быстро помчались сквозь темноту по направлению к деревне. С ней обращались как с деревянным чурбаком, но ей было все равно, она ничего не замечала. Несколько раз в течение «полета» носильщики менялись. Энн просто перебрасывали с плеч на плечи, но происходило это всегда после короткой команды, разрывавшей тишину высоким надтреснувшим голосом. После третьей такой команды сердце девушки сильно заколотилось: она вспомнила этот голос. Говорил старый шаман.

Церемониальная площадь перед гигантскими воротами в стене была залита светом факелов. Племя снова собралось воедино, аборигены возбужденно переступали с ноги на ногу, как незадолго до полудня. Те же правильные ряды тянулись по обе стороны покрытого шкурами

свадебного трона. Те же переодетые черными гориллами туземцы заняли две первых шеренги. Царь возвышался над остальными с тем же отчужденно-надменным выражением лица, в том же превосходном одеянии из перьев, шкур и трав. И колдун, жестом оставив носильщиков Энн стоять на страже, там где ее опустили на голую землю, сразу занял предписанную ему позицию.

Трон, установленный на полпути вверх по грубым каменным ступеням, был пуст! Однако оцепеневший от страха мозг Энн не уловил этой перемены и не придал этому значения. Посреди толпы, совсем рядом с ней, появилось красивое, но расстроенное туземное личико, и Энн смутно припомнила перепуганную, украшенную гирляндами цветов девушку. Но то было днем, а сейчас ее смуглую плоть облегала та же одежда, что и на других. Глаза островитянки светились жалостью, но мысли Энн путались, она не могла понять, кому была адресована эта жалость — то ли ей, то ли себе. Впрочем, все это тоже ни о чем не говорило. И когда по сигналу старого шамана, ее подняли и водрузили на свадебный трон, она беспрекословно встала на колени и замерла в беспробудном ступоре.

За приказом, который вознес Энн на ее теперешнее место, пульсировала нервозная спешка. Весь путь по морю, от борта «Скитальца» до песчаной косы, шаман подгонял гребцов жгучими ударами по голым спинам. А выбравшись на берег, он окриками и посохом втянул носильщиков в настоящую гонку до самой деревни, вынудив тащить на себе Энн с максимальной скоростью, которую только могли позволить его старческие ноги. Теперь, достигнув площади и найдя все в полной готовности, он еще более торопился начать венчальный обряд. Энн туманно догадывалась, что причина подобной спешки кроется в логичном убеждении аборигенов, что спасатели вряд ли заставят себя ждать и очень скоро ворвутся в деревню. Тем не менее, догадка не подогревала в ней надежды. Последние упования оставили девушку в тот момент, когда ее первый испуганный крик задохнулся в ладонях похитителей. У нее было собственное неотвратимое убеждение, что тайна древнего острова заманила ее в чудовищную ловушку. Дверца захлопнулась, и любое спасение стало невозможным.

По скрытому взмаху руки толпа островитян затянула знакомый монотонный гимн. Сомкнутые ряды плавно раскачивались в колдовском свете факелов. Незатейливая мелодия лилась под тихий аккомпанемент тамтамов, заставляя певцов двигаться в каком-то гипнотическом ритме. Шаман приблизился к трону и снова исполнил странный танец увещевания богов. И снова из рядов мычащего хора выскочили люди в черном — танцоры-гориллы.

Обряд, отточенный сотнями поколений, был точной копией предыдущего. И теперь, как и днем, новый сигнал ввел царя во главу церемонии. Великан шагнул вперед, и его указующий перст медленно рассек воздух. По взмаху руки повелителя десять воинов бросились к двум распиленным вдоль и гладко обработанным бревнам, которые держали гигантские ворота закрытыми.

— Ндэзе!

Если бы Энн владела элементарными основами туземного наречия, она бы знала смысл короткого приказания царя: «Открывай!» Но и американский сленг был слишком далек от этого языка. Взявшись по пять человек на каждый брус, служители ворот потянули деревянные засовы на себя и медленно отодвинули их сквозь массивные, изъеденные временем, железные скобы. Освободив исполинский портал, обе группы ухватились за створки ворот, и те, уступая титаническим усилиям воинов, неторопливо поползли в сторону.

— Ндандо! — выкрикнул царь.

В ту же секунду воин, стоявший на вершине портика, замахнулся ритуальной дубинкой и что было силы ударил в подвешенный над воротами металлический гонг. Раскатистый звон захлестнул барабанные перепонки девушки, холодком пробежал по ее спине. Энн вздрогнула и очнулась. Мозг, выбираясь из забытья, подсказывал ей, что сигнал, предсказанный Дрисколлом в кают-компании, теперь подан.

Это был сигнал остальным аборигенам, не говоря уже о каком бы то ни было женихе, поджидавшем свою жертву в диких джунглях за пределами стены. С ударом в гонг пение оборвалось, тамтамы смолкли. Наступила тишина. На минуту в воздухе повисло напряжение. И вдруг тесные, правильные ряды хористов дрогнули. Раздирая легкие криками ликования, вперемежку с безотчетным страхом и поклонением, туземцы — мужчины, женщины и даже дети — побежали к стене. Цепляясь за перекладины хрупких лестниц, они карабкались на вершину стены.

Расположившись на гребне высоченного барьера, племя возобновило монотонные завывания. На смуглых возбужденных лицах играли блики пламени — каждый второй держал над головой факел. Раскачиваясь в религиозном экстазе, люди вытягивали руки на всю длину, посылая трепещущий коптящий свет в черное пространство за стеной.

— Таско! — рявкнул царь.

Стражи подхватили Энн вместе с троном, шкурами и свадебным убранством и понесли ее сквозь распахнутые ворота.

— Уату! — снова послышался голос вождя.

Ждавшие приказа служители моментально навалились на двери — громадные врата соединились. Теперь лишь узкая щель разделяла монолит стены. Десять воинов молча переглянулись, приготовившись закрыть даже ее, как только носильщики возвратятся внутрь. Они сдвинули створки еще плотнее. Их неумолимые лица не вызывали сомнения, что, в случае необходимости, они не раздумывая уничтожат эту последнюю возможность к отступлению и захлопнут ворота перед носом своих замешкавшихся собратьев.

— Ндандо! — гаркнул царь и тамтамы снова взорвались грохочущей дробью, а эхо прокатилось во мраке джунглей.

Высоко на стенах люди племени наклонили факелы, для лучшего обзора освещая местность.

От частокола сбегала вниз небольшая голая равнина,

теряясь в темноте основания утеса. На пологом склоне, отступя несколько родов[1], возвышался каменный алтарь, похоже, такой же древний, как и стена. Его круто уходящие вверх ступени, поросшие пятнами седого лишайника, взлетев на какие-нибудь двенадцать футов над землей, оканчивались горизонтальной платформой, погребенной под дюймами зеленого пушистого мха. Несмотря на бисеринки росы, тускло блестевшие тут и там, мох словно впитывал свет туземных факелов и устилал алтарь толстым матово-темным ковром. Две колонны, украшенные когда-то превосходной резьбой, но основательно потрепанные солнцем и непогодой, поднимались с площадки на расстоянии вытянутых рук друг от друга.

— Таско! Таско! — крикнул вождь.

Когда его голос миновал каньон приоткрытых ворот и настиг воинов, они рванули с удвоенной скоростью и быстро взбежали по скользким ступеням алтаря. Носильщики опустили бутафорский трон на мох и развернули Энн так, чтоб она стояла между двумя колоннами. Двое мужчин поддерживали девушку за руки, пока двое других ловко управлялись с веревками, сплетенными из лиан. Шершавые петли крепко стиснули ее запястья, противоположные концы метнулись к колоннам, узлы затрещали, и в мгновение ока Энн повисла между столбами — широко раскинув руки, полузакрыв глаза и едва не теряя сознание.

— Ндандо! — приказал царь, на этот раз барабанщику на стене.

Человек снова замахнулся и опустил тупую ритуальную дубинку. Оглушительный звон гонга поплыл в теплом ночном воздухе. Переполненный крепостной вал качнулся в безумных воплях и пении. Носильщики Энн, позабыв о ступенях, попрыгали на землю и, с ужасом оглядываясь за спину, побежали назад. Ворота громко хлопнули за пятками последнего, и Энн осталась по другую сторону стены в одиночестве.

Из тенистого подножия утеса раздался глубокий, мощ-

[1] Род — мера длины, равная примерно 5 м.

ный, неестественный рев. Он столкнулся с грохотом барабанов, смял его и отшвырнул обратно к частоколу, заполняя собой все окружающее пространство.

— Конг! — наблюдающая с вершины стены толпа, озаренная светом факелов, взорвалась яростными криками. — Конг! Конг! Конг!!!

Ощущение неминуемого рока заставило Энн приподняться. Она недоуменно оглядывалась вокруг, не понимая, где находится. Плечи нестерпимо ныли, кисти горели. Девушка перевела взор на свои руки и, удивленно осознав, что причиняло ей такую боль, с трудом оперлась на ноги и выпрямилась, ослабив натяжение веревок.

Перед ней, закрывая половину ночного неба, возвышался силуэт неприступной стены. И только ее гребень, осажденный улюлюкающими туземцами, освещался десятками колышущихся факелов. А со спины она чувствовала приближение глубокого грозного рыка и чьей-то *тени*. Ей было страшно даже подумать, что поджидает ее там. Медленно, очень медленно девушка повернула голову. Сначала, ослепленная отблесками факелов, она ничего не заметила. Но привыкнув к темноте, ее глаза в ужасе поползли на лоб, когда *тень* распорола черный покров утеса и неожиданно стала реальной. Щурясь на переполненную стену, *это* распахнуло чудовищную пасть и устрашающе заревело, бросая вызов притихшей земле. Черные мохнатые кулаки яростно заколотили в черную мохнатую грудь, словно в исполинский барабан. Однако, наткнувшись на потоки яркого света факелов, *оно* в нерешительности остановилось и, будто прочитав значение тысячи рук, которые отчаянно указывали с крепостной стены, повернулось и вытаращилось на алтарь... и Энн.

Нечто не подняло головы, чтобы разглядеть девушку, распятую на пьедестале. *Оно* посмотрело *вниз*. Подойдя ближе, монстр недоверчиво уставился взглядом между двух колонн. На высоком гребне спасительного барьера люди племени затаили дыхание. Их жестикулирующие руки повисли без движений. Казалось, даже пламя факелов перестало дрожать. И в этот момент мертвую тишину расколол пронзительный, душераздирающий крик Энн.

Конг вздрогнул и, отпрыгнув на полшага назад, заурчал. Его громадная рука, уже протянувшаяся было чтобы прикоснуться к необычной золотой гриве, освещенной факелами, отдернулась обратно. Он обернулся и подозрительно оглядел вершину стены. Но, когда ни от толпящихся туземцев, ни от одинокой фигуры, безучастно висевшей между двумя столбами, не последовало никаких звуков или движений, он возобновил свое исследование.

Через некоторое время он, потрепав тело новой подружки, понял, что не в состоянии оторвать ее от алтаря, и вскоре обнаружил причину. Впрочем, эти веревки не доставили гиганту много неприятностей. Петли, обвивавшие колонны, моментально разорвались под легким усилием его рук, и сейчас он мог свободно изучать удивительное создание, упавшее в его раскрытую ладонь. Искрящиеся волосы, маленькие щечки в виде двух лепестков, чудаковатое одеяние из ткани, загадочные чулки на хрупких ножках... его пальцы раскрывали бесконечные головоломки.

С напряженной озабоченностью поставленной в тупик твари, он неразборчиво проурчал себе что-то под нос, пока так и эдак вертел на ладонях крошечную фигурку. В эту минуту повадки дикого зверя больше походили на манеры полуразвитого человеческого существа, с интересом разглядывающего маленькую бесчувственную птичку.

Когда толпа аборигенов вновь заволновалась, он даже не поднял головы. И когда к возмущенному ропоту присоединились новые голоса, он и их не удостоил вниманием. Последний раз пристально взглянув на странное белое личико, он чуть подвинул на руке Энн, изогнув ее тело в форме крюка, и медленно начал обратный путь во мрак утеса. Тяжелый скрип открывающихся ворот не произвел впечатления на его удаляющуюся спину. Перед стеной показалась и бросила вслед исполину громкий отчаянный вызов до смешного маленькая, но решительная человеческая фигурка. А когда что-то горячее и жужжащее просвистело в дюйме от уха зверя, тот лишь приба-

вил шагу, миновав расстояние, отделявшее его от сумрачного убежища джунглей, в несколько прыжков.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Паники не было. Резкий голос шкипера отрезвил всех, даже самых впечатлительных, заставив каждого выполнять четкие, продуманные распоряжения. Денем был первым, кто нырнул в спущенную на воду шлюпку и погнал спасательную команду прочь от «Скитальца». И это был Денем, кто развернул матросов в боевой порядок и подал знак к стремительному, изматывающему маршброску к деревне островитян. Но с того момента, как со скрипом распахнулись гигантские ворота, командование взял на себя Дрисколл. Дрисколл был тем, кто организовал преследование Конга.

Он единственный успел разглядеть исполинскую спину бога чудовищ, который, тяжело ступая, растворился в темноте джунглей. А белокурая головка Энн выглядывала, словно дитя в колыбели, из громадной ручищи монстра. Именно его выстрел заставил Конга ускорить перед зарослями последние шаги.

— Простите, сэр, но это уже моя работа, — сказал первый помощник капитана Денему, и продюсер кивнул:

— О'кей, Джек. Мы выполним ее вместе.

— Мне нужна дюжина добровольцев, — крикнул Дрисколл, обернувшись к экипажу. — Кто пойдет со мной?

— Я! — первым отозвался Лампи и сделал шаг вперед. За ним, без колебаний подняв над головой руки, потянулись остальные.

— Ты лучше присмотри здесь за порядком, Лампи. Кто-то должен прикрывать нас с тыла, — возразил Дрисколл. — Я беру тебя! — он указал на здоровенного матроса. — И тебя! И тебя!..

— У кого ящик с бомбами? — спросил Денем. — Сегодня они нам пригодятся.

— Бомбы у меня, сэр, — крикнул Джимми и, когда внушительного вида человек попытался завладеть его ношей, ревниво потянул ящик на себя. — Эй, полегче, приятель! Я тащил эту штуку раньше. Потащу и на этот раз!

— Пусть Энглхорн с оставшимися людьми ждет нас около ворот, — сказал Дрисколл Денему. — Верно?

Продюсер, соглашаясь, кивнул. Оба знали, что их подстерегает в ночных джунглях, и они тщательно проверили карабины, амуницию и ручные фонарики.

— Идем колонной по одному, — приказал Дрисколл. — Не растягиваться. Не теряйте из виду головы впереди идущих. И следуйте за мной.

Он быстро двинулся к стене зарослей, Денем пристроился рядом. Проходя мимо алтаря, Дрисколл замедлил шаг и смерил взглядом жертвенные колонны. Просчитав что-то в уме, он со скепсисом посмотрел на режиссера:

— Вы ведь тоже мельком видели эту гору плоти, не так ли?

Денем снова кивнул.

— Черт возьми, не могу поверить, — признался помощник капитана. — У меня было лишь несколько секунд, но я довольно сносно разглядел его со спины. С того места, где я стоял, я видел голову животного на одном уровне с верхушками тех столбов. А ведь они возвышаются на верных двадцать футов от земли. — Дрисколл поежился: — Ладно, идемте, — закончил он. — Мы только зря теряем время.

Компания постепенно удалялась от стены: факелы тускнели, и вскоре люди перешагнули границу света и тени. Подойдя к основанию утеса, где-то слева в темноте они услышали журчание воды. Денем предположил, что ручей, возможно, течет по дну какого-нибудь ущелья. А оно могло бы вывести их к высокогорному плато, где исчезло чудовище. Так как других идей не возникло, они стали осторожно пробираться на шум воды, то и дело спотыкаясь о валуны и стелющийся по земле кустарник.

Они действительно обнаружили горный ручей. В одном направлении вода, петляя между скал, убегала вниз, в сторону стены. В другом — русло потока круто уходило вверх сквозь глубокий узкий каньон, расщеплявший материнскую скалу. Уклон естественного ущелья был достаточно крутым, чтобы вода, собирающаяся на плоскогорье, устремлялась вниз в быстром глубоком скольжении. Правда, не более того.

— Хороший пловец, вроде вас, Джек, — проговорил Денем, — мог бы рискнуть спуститься по этому желобу.

Дрисколл сдержанно кивнул и пошел, держась русла реки, вверх по течению. Но отыскать ночью следы между скал было отнюдь не легким делом. Он как раз обнаружил нечто напоминающее тропу вдоль кромки воды, когда крик одного из матросов заставил его вернуться.

— Здесь, похоже, следы!

Дрисколл приблизился к основной группе, луч его фонаря скользил по обломкам пород и пробивавшейся из-под камней поросли. Вдруг что-то непривычное привлекло его внимание, и он направил свет к отпечатку ступни на влажной земле. Тот был столь огромен, что матрос недоверчиво уставился под ноги, сравнивая след с собственной подошвой. Но главное, отпечаток указывал вверх, вдоль той самой тропы, которую нашел Дрисколл.

— Пошли, — сказал он.

Восхождение по ущелью в темноте оказалось непомерно трудным и жестоким. Постоянные спотыкания, ушибленные голени, ссадины и кровоподтеки отмечали почти каждый ярд их пути. Они уже углубились в ущелье, как кто-то из команды неосторожно ступил в бурный поток и

вода протащила его сотню футов вниз, прежде чем несчастному удалось ухватиться за выступающий край скалы.

— Карабин удержать я сумел, — бодро заявил моряк, тяжело переводя дыхание, когда несколько рук вытащили его на берег.

Наконец каньон остался за спиной и отряд выбрался на вершину утеса. Но здесь дорога упиралась в девственные джунгли. Гигантские деревья начинались от самого края скалы, а подножия стволов тонули в буйном переплетении лиан и кустарника. Река, кое-где расширяясь, тянулась на мили в глубь нагорной страны, и людям, стоявшим у обрыва, казалось, что плато забирается все выше и выше.

— Судя по всему, плоскогорье отлого поднимается к центру острова. Оно выведет нас к Горе-Череп, — догадался Денем.

— Да, но сколько времени мы будем прорубать здесь дорогу?

В сплошной чаще не видно было даже намека на тропу, и на мгновение компания в замешательстве остановилась.

— Необходимо вновь отыскать следы, — распорядился Дрисколл.

Матросы разбрелись вдоль края пропасти.

— Здесь примят кустарник! — отозвался один из них. — Словно топал, не разбирая дороги, кто-то очень большой.

Ветки, действительно, поломаны были совсем недавно — сок еще капал из треснувшей сердцевины.

— А вот и следы! — крикнул другой.

Отпечаток мощной ступни виднелся на голой почве посреди искореженного кустарника. Он по-прежнему указывал в направлении реки, вверх по течению. Это было достаточно очевидно, и Дрисколл в самом быстром темпе, насколько позволяла темнота, повел отряд параллельно берегу.

— Птицы защебетали, — отметил Денем спустя полчаса. — Слышите? Как много голосов!

Люди остановились и прислушались. В пылу погони

они совсем позабыли о времени. А между тем, джунгли оживали, и тишина внезапно запульсировала бесчисленными криками птиц и жужжанием мельтешащих насекомых.

— Заря, — обрадовался Денем. — Слава Богу, Джек, скоро рассвет!

— Теперь мы можем идти быстрее, — заявил Дрисколл.

Минуты бежали, а ночь не спешила уступать место дневному свету — как и раньше они двигались сквозь непроглядную тьму. Но затем вдалеке постепенно обозначились смутные тени. После короткого привала, обсудив дальнейшие действия, они снова пустились по следу, и вокруг стало чуть яснее. Наконец свет начал просеиваться с небосклона.

Скитания по ночным тропикам вымотали даже самых выносливых, но первый луч солнца прибавил им бодрости. Кроме того, он помог без помех рассмотреть гигантский отпечаток ноги.

— Эй, взгляните-ка на размер этой штуковины! — разразился Джимми, перекидывая ящик с бомбами с плеча на плечо. — Да он должен быть высотою с дом!

— Он прошел этой дорогой, все в порядке, — сказал Дрисколлу Денем.

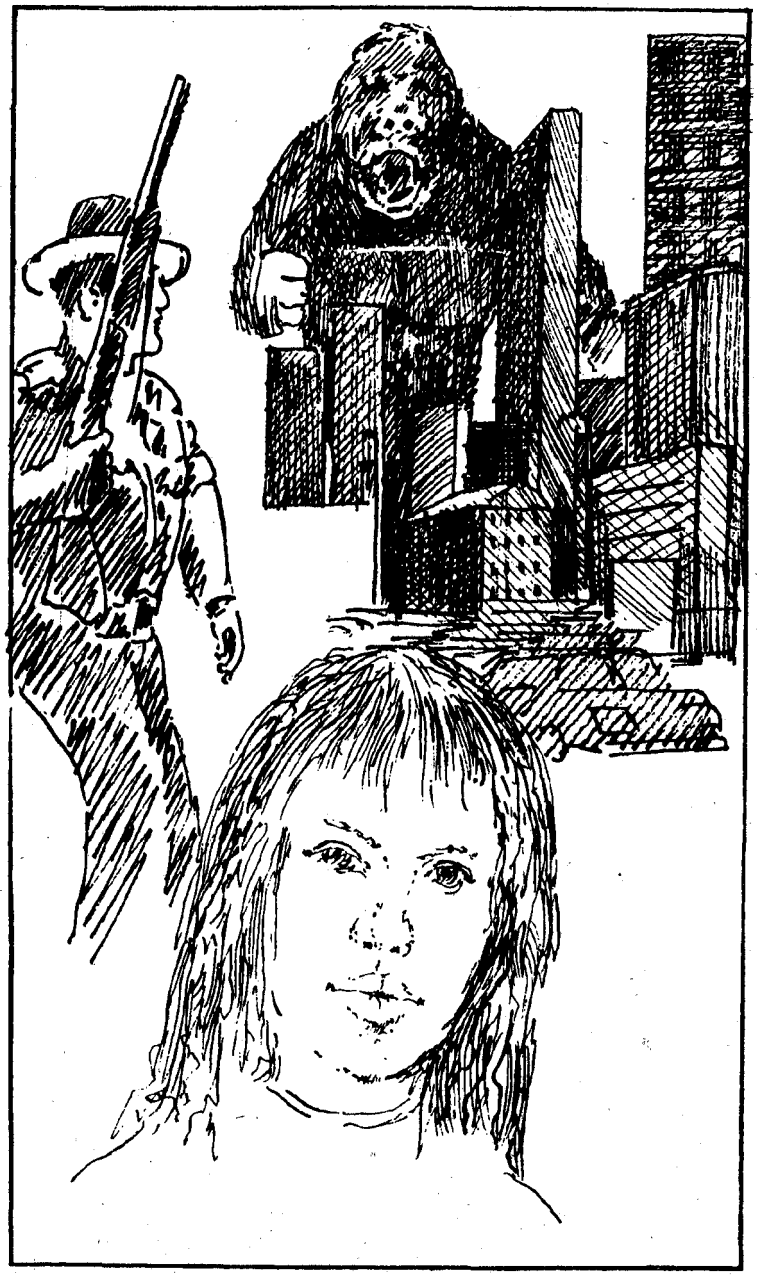
— И направляется туда же, куда и мы. Что ж, похоже нам по пути, — добавил Дрисколл. — Пойдем!

— Держите ружья наготове, — напомнил остальным Денем.

— *Кому* он это говорит? — усмехнулся Джимми.

К их натруженным ногам легла широкая прогалина. Прогулка по ночным джунглям отдавалась в памяти ужасным кошмаром. Деревья вырастали прямо перед носом, и избежать в темноте синяков и шишек было не так-то просто; ветки причиняли жгучую боль, с каждым шагом нещадно стегая по лицам. Высокая трава обвивала ступни, и люди падали в липкую жижу. Отряд с радостью вышел на поляну.

Утро было в полном разгаре. Невзирая на легкий дрей-



фующий туман, были отчетливо видны каждое деревце, каждый куст, каждая прядь сочной, по колено, травы.

Немного погодя они еще раз наткнулись на след монстра, и он опять вел в том направлении, которое избрали спасатели со «Скитальца».

Дрисколл, не дожидаясь матросов, уже спешил дальше, когда его заставил обернуться предостерегающий оклик Денема. Остановившись, он проследил взглядом в направлении, куда указывала вытянутая рука режиссера. Сначала он не понял, что того так встревожило, но, судя по панике, поднявшейся среди матросов, дело принимало крутой оборот.

— Конг! — крикнул кто-то.

Но это был не Конг.

Из джунглей степенно выплывал колоссальный зверь — отвратительное чудовище с толстой чешуйчатой кожей, громадным, усеянным шипами хвостом и маленькой головой рептилии, усаженной на длинную качающуюся шею. Оно неповоротливо переваливалось из стороны в сторону, приседая на массивные задние ноги. А передние конечности, которые больше походили на когтистые хищные лапы, зверюга держала на весу у самого основания длинной шеи.

Матросы, боясь пошевелиться, смущенно и не доверяя собственным глазам, уставились на диковинное животное, а у Денема и Дрисколла пробежали по коже мурашки — они впервые до конца представили истинные масштабы загадки острова.

— Джимми! — Денем старался казаться спокойнее, чем это было на самом деле. — Где газовые бомбы?

Он запустил пятерню в ящик и схватил один из черных металлических шаров, и вовремя — чудище уже направлялось к ним.

— Как только я брошу, — громко объявил продюсер, — все должны упасть, кто где стоит, и как можно плотнее прижать к земле лицо.

Монстр замер у кромки джунглей, его ноздри ритмично расширялись, втягивая незнакомый запах странных созданий на прогалине. Маленькие глазки рыскали в по-

исках добычи. В следующую секунду он неуклюже ринулся в атаку, широко распахнув зубастую пасть.

Моряки бросились врассыпную. Джимми заторопился прочь последним, ведь в подобных обстоятельствах ценность и вес его груза возрастали вдвое. Лишь Денем и Дрисколл остались на месте, не собираясь встречать опасность спиной. Джек вскинул карабин и выпустил два заряда в качающуюся голову. Никакого эффекта. Сжимая в руке бомбу, Денем терпеливо ждал, когда чудовище подойдет ближе.

— Когда плюхнитесь на землю, — со знанием дела посоветовал Денем, — держитесь ближе ко мне, и не вздумайте подниматься, пока этого не сделаю я.

Он размахнулся и что было сил метнул черную сферу.

Газовый снаряд описал правильную траекторию и скрылся в траве перед слоновьими ногами животного. Мгновенный взрыв окутал лапы, чешуйчатое тело и маленькую голову монстра клубами густых синеватых испарений.

— Вниз! — крикнул Денем и швырнул себя на землю.

Дрисколл растянулся рядом. Продюсер вытянул руку и на ощупь отыскал лицо помощника капитана, удостоверившись, что оно плотно уткнулось в траву.

Джек, не смея шелохнуться, вдыхал богатый влажный запах почвы, и соки растущих корней оседали на его губах горькими каплями. Впереди земля содрогнулась от падения внушительной массы. Решив, что опасность миновала, он хотел было встать, но на затылок предупреждающе надавила ладонь Денема. Наконец рука поднялась, а потом мягко похлопала его по плечу.

Дрисколл вскочил на ноги. Перед ним, едва ли на расстоянии длины его собственного тела, лежала растянувшаяся, подергивающаяся морда чудовища. Позади головы, словно невероятно огромный курган, возвышалось его тело. Помощник был неприятно поражен такой близостью животного.

— Господи! — воскликнул он. — Даже наглотавшись газа, оно прошло верных пятьдесят футов!

— И все же я остановил его! — триумфально подытожил Денем. — Разве я не говорил вам, что даже одного из этих шариков хватит, чтобы остановить кого угодно?

— Оно мертво?

— Нет, — ответил Денем. — Впрочем, это уже несущественная деталь.

Он подобрал винтовку, подошел к туше, и нащупав рукой биение сердца животного, дважды выстрелил. Волны конвульсий пробежали от хвоста до шеи, и гигантское тело обмякло. Секунду Денем колебался, а потом, для пущей уверенности послал пулю и в череп рептилии.

Пятясь к Дрисколлу спиной, он завороженно смотрел на поверженного монстра, в его взгляде было что-то от недоверия матросов, начавших медленно собираться поблизости.

— Доисторическая жизнь! — прошептал режиссер, и повернувшись к Дрисколлу лицом, крикнул:

— Джек! А ведь она была права... в последнюю ночь на корабле. Я имею в виду, Энн. Она догадалась, что бог чудовищ — какой-то примитивный выживший экземпляр. Но если эта гигантская зверюга, которую мы убили, хоть что-нибудь да значит, то плато населено всеми видами созданий, выживших вместе с Конгом.

Дрисколл нагнулся за карабином и внимательно осмотрел оружие, проверяя, не попала ли грязь в ствол и механизм. Затем он подозвал матросов.

— Разыщите следы! — приказал он.

— К догадке Энн я могу добавить еще одну, — задумчиво сказал помощник капитана Денему, когда они остались одни. — Эта громадина — не единственный выживший экземпляр. Вы правы, мы повстречаем еще кучу других. И тогда они будут очаровывать вас намного меньше, чем сейчас.

При дневном свете следы быстро обнаружили. Полдюжины человек отыскали их на влажной земле, и через некоторое время погоня возобновилась. Отпечатки попрежнему вели вдоль русла реки, однако дорога теперь шла под уклон.

— Туман сгущается, — недовольно проворчал Джимми.

— Ха! Сгущается, — *съязвил Денем.* — Вы посмотрите туда!

Пологий откос спускался к лощине. Поток, следуя закону тяготения, устремлялся вниз. А в глубине естественной впадины утренняя дымка становилась почти непроницаемым облаком молочно-белого тумана. Где-то посреди испарений послышался громкий всплеск.

— Думаете... *он*? — тихо спросил Денем.

— Есть только один способ узнать это, — ответил Дрисколл и бросился в самую гущу облака.

Когда Денем и матросы догнали его, Джек, едва сдерживая раздражение, стоял у кромки воды. Он со злостью пнул каблуком свежий след исполинской ступни, еще не заполненный водой, хотя она моментально проникала в любое углубление на берегу.

— Очевидно, он перебрался на ту сторону, — сказал Дрисколл, махнув на притихшую реку, которая, заливая низину, превращалась в небольшое озеро. — Нам придется переправляться вплавь.

— Ничего не выйдет, — Денем озабоченно покачал головой. — Мы не можем плыть с ружьями и бомбами.

— Тогда мы сможем кое-что получше, — нашелся Дрисколл и указал на два здоровенных бревна, прибитых течением к берегу. — Мы построим плот.

— Отлично! — согласился Денем.

— Ладно, парни, за работу, — крикнул Дрисколл. — Мы собираемся переплыть реку. На плоту.

Моряки понимающе кивнули, но прежде, чем они разбрелись на поиски недостающих бревен и крепких податливых лиан для веревок, Дрисколл жестом остановил их и рассудительно проговорил:

— Есть одна вещь, которую вы имеете право знать... — И он вкратце сообщил всем о выводе, к которому пришел вместе с Денемом после осмотра туши убитого чудовища. — Все это, ребята, возможно, выходит за рамки ваших контрактов, — закончил он. — Поэтому... если кто-нибудь из вас хочет вернуться на «Скиталец», то сейчас самое время разделиться...

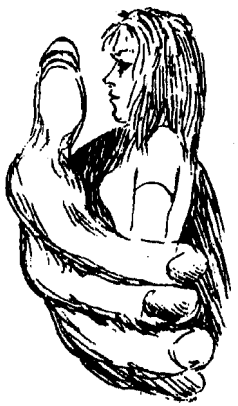
Мужчины невесело переглянулись. Неловкое молчание затянулось — никто не решался говорить за всех. Тут Джимми задал вопрос:

— Так вы говорите, сэр, что мы, возможно, захотим вернуться... только потому, что никогда в жизни не видели этих громоздких, неповоротливых омаров? Я вас правильно понял?

Дрисколл кивнул.

— Ну! — проронил Джимми, с любовью поглаживая ящик с бомбами. — Эти твари нас тоже никогда не видели. Значит, наши шансы равны — пятьдесят на пятьдесят. Думаю так: мы остаемся.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ



Каждый работал за десятерых, а Дрисколл — быстрее всех. Он не осмеливался рисковать, предаваясь даже секундной праздности, которая, наверняка, не упустила бы возможности выудить на поверхность его сознания подавленное, испуганное лицо Энн. С того момента, как он видел девушку в последний раз на ладони гигантского зверя, ее страх надолго осел в его памяти. У него была и другая причина для того, чтобы забыться в работе: Денем, без сомнения, только и дожидался подходящей минуты, чтобы высказать вслух, как он винит себя и как сожалеет о случившемся. А Дрисколл чувствовал, что не сможет вынести ни то, ни другое.

Плот закончили быстро. Граница джунглей изобиловала тянущимися к небу лозами дикого винограда и лианами; а недостающую часть бревен они без труда отыскали на берегу. Это лагуноподобное расширение реки оказалось настоящей ловушкой для всего, что попадало в ее волны выше по течению.

— Глубоко здесь, как вы думаете? — поинтересовался Дрисколл.

— По большей части, думаю, не глубже десяти или пятнадцати футов, — предположил Денем. — Но не исключено, что, начиная с того места, где посередине трава

исчезает, а течение становится даже слишком спокойным, мы зависнем над котлованом, уходящим вглубь аж до низших базальтовых пластов.

— Придется грести. Впрочем, недолго.

Матросы в застывших хлопьях тумана, чертыхаясь, осторожно забрались на борт; каждый из них помимо оружия держал в руке длинный шест. Для последнего члена экипажа едва нашлось свободное место на плоту, но компания потеснилась, и ему удалось запрыгнуть на край бревна.

— Не замочите карабины, — предупредил Денем.

— О'кей! — ответил за всех Джимми.

— Все уместились? — Дрисколл оглядел своих людей.

— Отлично уместились!

— Приглядывай за ящиком с бомбами, Джимми.

— А я разве не гляжу?

— Хорошо! Отчаливаем.

Матросы лихо уперлись шестами в дно, и плот отвалил от берега. Но внезапный рывок и последовавший за ним неуклюжий крен чуть не опрокинули людей на задней части плота в воду. С удивленными возгласами моряки неуклюже балансировали, пытаясь нащупать точку опоры, и если бы не шесты, вымокли бы до нитки. Но все обошлось, и немного погодя они отталкивались с необычайной осторожностью наравне со своими более удачливыми товарищами.

Этот нелепый инцидент отрезвил всех. Туман, последствие наигранных проблесков веселья в начале переправы, беспокойство за Энн, лежавшее на плечах матросов таким же тяжким грузом, как и на Дрисколле, — все это способствовало ухудшению настроения команды. Плот на деле оказался не самой лучшей для плавания посудиной. Неустойчивый под весом дюжины мужчин, этот примитивный ковчег так и норовил зарыться в воду носом или сбиться с курса.

Трудности с управлением еще больше укрепили в них хмурое расположение духа.

— Теперь полегче, — сказал Денем. — Следите за равновесием. Не давайте плоту раскачиваться.

Неловкое движение — и правый борт черпнул воды.

— Держите вес ближе к центру, — предупредил Дрисколл. — Как можно ближе к центру.

За кормой заколыхались последние стрелки водных растений: плот выбрался на середину заводи. Как и предвидел Денем, теперь под ними не было и намека на что-либо твердое и надежное, а шесты не доставали дна. Пришлось использовать их в качестве весел, а это лишь увеличивало шансы перевернуться. Сбалансированы шесты были плохо, и любой необдуманный взмах таким импровизированным веслом опасно кренил плот.

— По-моему, я видел впереди водоросли, — сообщил Дрисколл. — Там мы нащупаем дно... Дьявол!!! Что это?

Кормовая часть плота проскребла по чему-то жесткому. Что это было? Выступ скалы? Выпирающий конец утопленного дерева?

— Господи! — выдохнул Джимми в тот момент, когда что-то ударило по днищу плота.

Почти сразу же за ударом последовало приглушенное гневное мычание, а затем футах в пяти от кормы вынырнула громадная чешуйчатая голова и сегмент огромного чешуйчатого тела.

— Динозавр! — разразился криком Денем. — Силы Небесные!.. Динозавр!

В его голосе сквозила смесь неподдельного ужаса и победного ликования от долгожданного открытия.

Безобразное видение бросило людей в панику. «Весла» яростно заработали, вспенивая воду: даже на гонках гребцы не развивали таких скоростей. Внезапно их вынесло к отмели, где шесты снова обрели свойства опоры. Только это и спасло плот от крушения. Но, тем не менее, он рискованно качнулся, и один из матросов, не удержавшись, полетел вводу. К счастью, его рука вовремя сомкнулась вокруг тянущегося позади куска веревки из лозы дикого винограда, и бедного парня потащило следом.

Массивная голова изогнулась к воде и пропала в пучине. Мелькнув сначала у самой поверхности, широкая чешуйчатая спина тоже исчезла.

— *Толкай!* — заорал Дрисколл. — Оно пытается заплыть нам под брюхо! Толкай! Мы почти у цели... Все вместе! Р-а-з, два!

На эти несколько отчаянных толчков ушли последние капли сил. Однако даже удесятеренные усилия не смогли бы уравнять их скорость с проворностью исполинской тени, которая быстро догнала неповоротливый плот. Они все еще находились на расстоянии доброго броска от берега, когда судно получило в днище мощнейший удар.

— Бомбы! — крикнул Денем. — Спаси их, Джимми!

Но Джимми едва ли был в состоянии спасти себя самого. Запоздалый рывок Денема за одним из снарядов не увенчался успехом, к тому же, в попытках спасти его, он выпустил из рук собственную винтовку. Все произошло столь быстро, что большая часть команды пришла в себя только в воде. Денема подбросило в воздух и, планируя в реку по кривой, он заметил, как плот раскололся на десять частей. На голову матроса, которого тащили на буксире, звучно опустилось тяжелое бревно. В ту же секунду он ушел под воду и больше не появлялся.

Другие, словно разогнанное стадо овец, что было мочи спешили к берегу.

Дрисколл, оторвавшийся далеко вперед от остальных, бешено, со скоростью хорошего спортсмена на дистанции, молотил руками по воде. Его изо всех сил тянуло туда, где он вновь мог напасть на след царя чудовищ.

Денем, чувствовавший себя в воде не хуже, чем на суше, плыл вторым. Немного левее Джимми, освободившийся наконец от своего металлического груза, едва поспевал за ними.

Динозавр, наполовину выбравшийся на поверхность, слегка пошатываясь, рыскал среди обломков плота. Неимоверный удар, который он нанес деревянной посудине, туманная дымка и град бревен привели его в короткое замешательство. Если бы не это, не многим из людей удалось бы спастись. Но как бы то ни было, когда голова у чудовища прояснилась, матросы, помогая друг другу, уже карабкались на дальний берег лагуны.

Чудовище вздрогнуло, словно прогоняя остатки контузии, и в этот момент заметило крошечное двуногое су-

щество, иступленно бегущее по мелководью к линии берега. Человек снова превратился из охотника в жертву: динозавр серией пружинистых гигантских шагов двинулся к нему.

Достигнув суши, Дрисколл остановился, тяжело переводя дыхание. Он помедлил, чтобы протянуть руку Денему и Джимми, а также еще одному или двум матросам. Затем он устало засеменил в их окружении прочь от берега, скомандовав остальным следовать за основной частью экспедиции.

Они бежали, гонимые страхом, и по мере удаления от реки земля под ногами уходила в гору, а туман постепенно редел. Вскоре Дрисколл и его команда достигли вершины узкого гребня, по ту сторону которого земля вновь шла под уклон. Внизу расстилалось обширное болото. Мягкое, серо-черное пространство, с разбросанными то тут, то там островками затвердевшей под палящими лучами солнца и растрескавшейся на солидные плиты поверхности. Присоединившись к Джеку, Денем уставился на эту удивительную трясину и снова принялся делать научно обоснованные предположения из того же разряда, что и ранее, в случае с динозавром.

— Асфальт! — многозначительно пояснил он. — Почти точная копия! Асфальтовая трясина, возникшая здесь задолго до появления на свет первых сухопутных тварей. Это сточная труба, клоака ада! В ней покоятся тысячи скелетов — глубоко похороненные трупы невиданных животных. Если, Джек, мы попытаемся пересечь болото, то должны быть сверх осторожны, чтобы тоже не провалиться и не утонуть.

Дрисколл кивнул и обернулся, громко поторапливая отставших.

В направлении потока их взорам предстал прелюбопытный феномен: ясный солнечный свет невдалеке от них вспыхивал на сырой траве и потных лицах мужчин, на последнем издыхании спешащих к месту сбора, сотнями бликов. Несколько дальше крутой склон кутался в насыщенные, недвижимые слои тумана, достаточно густые, чтобы набросить дымчатую вуаль на все в округе. А

сквозь дымку, как сквозь тончайшие белые занавеси, взбирались на гребень остатки спасательной экспедиции. Дрисколл, не дожидаясь, когда они подойдут, начал пересчитывать на расстоянии сначала этих уцелевших, а потом и других, стоявших рядом.

— Смотрите! — крикнул вдруг Денем.

Проследив за его рукой, указывавшей на дальний край равнины, по которой шла их компания до того, как поднялась на гребень, они увидели одинокую фигурку, отчаянно несущуюся к спасительной тени деревьев. Это был последний человек из всей партии. Дистанция сыграла с ним злую шутку, уменьшив его размер вчетверо, так, что никто из экипажа не заметил вовремя этого беснующегося крошечного человечка. А он выбрал неверное направление, и теперь за ним по пятам гнался слоноподобный большеголовый преследователь.

— Не вздумай! Оставайся на месте, — пророкотал Денем над ухом Дрисколла, когда тот поддавшись внезапному импульсу, шагнул вперед. Ни один из них не смог бы добежать туда вовремя, и стоявшие вокруг матросы лишь подтверждали его сомнения своей суровой неподвижностью.

«Карлику» удалось добраться до первых деревьев и с помощью отчаянных усилий подтянуться на нижние ветки. Но динозавр уже догнал его. Он остановился у подножия ствола и нарочито медленно, словно осознавая беспомощность своей добычи, задрал вверх ужасную пасть.

— Есть тут у кого-нибудь ружье? — спросил Денем, еле справляясь со злостью на свою несостоятельность.

— Все карабины на дне реки, — пробормотал Дрисколл.

— Если бы у нас была хотя бы одна из тех бомб, — воскликнул матрос, — то был бы шанс добежать туда и что-нибудь, возможно, предпринять.

— Мне... мне пришлось выпустить ящик из рук, чтобы не утонуть самому, — запинаясь проговорил Джимми.

— С твоей стороны это было верхом идиотизма, — принялся ругаться Денем. — В конце концов, ты мог бы и спасти парочку.

— Но ведь и вы, сэр, упустили свой карабин!

— Дай-ка подумать... — Денем криво ухмыльнулся, признавая неправомочность своих обвинений. — Ты прав, я, действительно, упустил его.

За исключением ножей, болтающихся в ножнах на боку Дрисколла и еще у нескольких матросов, другого оружия у них не сохранилось. Они опять беспомощно уставились на дальнюю оконечность равнины. Сквозь туман им было видно, как огромная голова динозавра продолжала тянуться вверх, пока лишь нитевидная полоска света не разделила ее от человеческого тела на ветвях дерева. А потом голова и тело слились в единое целое. Через секунду их ушей достиг далекий высокий крик. Их компания потеряла еще одного.

Немногочисленная группа на вершине гребня сгрудилась поближе друг к другу. Один из матросов неожиданно согнулся пополам и поспешно отвернулся. Его безудержно рвало. Другой, поддавшись бессмысленной ярости, чуть было не бросился вниз по склону, напрасно надеясь помочь своему обреченному товарищу, но Денем остановил его.

— Дальше пойдем по гребню, — сказал Дрисколл и обернулся к Денему, чтобы обсудить новую проблему асфальтовой трясины. — Да, кстати, пусть кто-нибудь спустится к болоту. Надеюсь, нам снова удастся найти отпечатки.

Он и сам чувствовал приступы тошноты, прикидывая, скольким из всего экипажа суждено остаться в живых до того, как они схватятся с Конгом, и скольким после.

Размышления о царе чудовищ воскресили в его памяти короткий эпизод, картину, которую он созерцал этой ночью сквозь рамку алтарных колонн. Его ничего не видящий взор блуждал по выжженной трясине, и зрелище было таким живым и естественным, что сначала он принял увиденное просто за разыгравшееся воображение. Но истошные вопли Денема и матросов убеждали в обратном — все это было на самом деле.

Бог зверей, замеченный ими в центре асфальтового поля, грузно переваливаясь, направлялся в их сторону.

Чудовище было с таким же густым волосяным покровом, как и любое из тех обезьяноподобных существ африканских джунглей, с которыми он имел полное сходство, отличаясь разве что размером; а тот факт, что он прокладывал себе путь с медлительной, почти человеческой осторожностью, делал зрелище еще более невероятным.

Не более правдоподобным было и то, с какой заботой он нес Энн. Его примитивный мозг вряд ли был способен осознать причины, из-за которых он так дорожил этой странной собственностью. Здесь царствовал мир ранних инстинктов. И точно так же, как доисторическая женщина могла бы, не отдавая себе отчета зачем, укачивать на руках младенца, нес он инертное тело девушки в изогнутой ковшом ладони. Сторонний наблюдатель признался бы даже под присягой, что в его поведении была определенная цель, а также в том, как его широченная спина вклинивалась между беззащитной пленницей и огромными преследующими их тварями, которые неустанно тащились следом, ловко выворачивая массивные лапы из засасывающих ловушек «асфальта».

Очевидно, на острове Горы-Череп бродило еще немало гигантских созданий, уцелевших на этой благодатной земле с незапамятных времен. Эти не были симпатичней предыдущих: жуткие четырехлапые исполины с толстыми короткими шеями и мощными головами, оканчивающимися увесистыми пирамидами рогов. Каждая голова несла по три рога — короткие заостренные трезубцы, неумолимо покачивающиеся за Конгом. Вероятно, обе враждующие стороны — Конг и его преследователи — были слишком заняты друг другом, поэтому невольные зрители на вершине гребня остались незамеченными.

— Вниз! — скомандовал Дрисколл. — Вниз!!!

Они, пригнувшись, перебежали к редкому подлеску и затаились под скрывающей маской живой изгороди.

— Иметь бы сейчас под рукой парочку газовых бомб! — прорычал Денем.

— Что это за животные? — поинтересовался Дрисколл.

— Три... — Денем замялся, прокручивая в голове на-

звание, которое знал достаточно хорошо, но, наверное, никогда не произносил вслух, довольствуясь тем, что, отыскав труднопроизносимое слово на странице книги, всякий раз тут же ее захлопывал и возвращал на полку.

— Подождите-ка минутку... А, вот... Трицератопсы.

— Ну и что они из себя представляют?

— А-а... — продюсер махнул рукой так презрительно, словно перед ними были не динозавры, а кролики. — Это, Джек, всего лишь очередная ошибка матушки-природы. Что-то вроде древних ящеров. Но, в отличие от тиранозавров, у них намного лучше развиты передние конечности. Свое название они унаследовали от трех рогов и костяного шлема на голове.

Между тем, погоня переместилась ближе к Конгу. Сначала он еще пытался оторваться, но троица рогатых чудищ не отставала и с каждым шагом сокращала разделявшие их несколько ярдов. Бог чудовищ выбрался на сухой островок и стоял теперь на невысоком холме посреди трясины. Он опустил Энн на дальний край холма, туда, где ее не смогли бы достать трицератопсы. Освободив вторую руку, он сошел до половины склона и спокойно ждал нападающих. Однако везение было на его стороне. Рогоносцу, семенившему последним, было явно не до этой драки, впрочем, и до других драк тоже. Он умудрился вляпаться как раз в то самое место, которое за тысячи лет так и не застыло. Мягкий зыбучий грунт под тяжестью гиганта провалился, но тот лишь ускорял свой конец, бесплодно барахтаясь в жидкой и липкой массе. В отличие от своего менее удачливого собрата, двое других по возможности старались выбирать сухую и твердую поверхность и теперь, настигнув жертву, нисколько не сомневались в успехе. А Конг тем временем приготовился к обстрелу нападавших с дальних позиций. Громоздкие пласты затвердевшего асфальта взлетали поверх его искаженного злобой лица и со свистом проносились вниз, на рогатые головы трицератопсов.

— Нет! — прошептал Денем, наблюдая за схваткой на трясине. — Мне с трудом верится в это. Зверя, такого же сильного, как этот, еще никогда не существовало!

Что удивляло его, да и всех остальных, — это беспредельная мощь, с которой Конг швырял свои громадные метательные снаряды. Один из них, угодив точно по костяному шлему противника царя монстров, начисто снес тому рог. Трицератопс зашатался, пораженный ударом, а Конг продолжил свою атаку с удвоенной силой. Следующий снаряд приземлился между нападавшими и, расколовшись на множество частей, обдал их градом острых осколков. Вторая из двух тварей неохотно повернула вспять и, обогнув холм по флангу, ретировалась в сторону наблюдавшей на гребне за ходом поединка партии. Огромная обезьяна оказалась динозаврам не по зубам, и первая тварь тоже попыталась было отступить, но очередной пласт асфальта вновь опустился ей на голову, и трицератопс рухнул в зыбкую жижу. Конг взревел, оповещая мир о победе, и гордо ударил себя в мохнатую грудь.

— Надо уходить, а то еще попадем под горячую руку, — бросил Дрисколл. — Отползайте назад через кусты.

Правее от них, сквозь изумрудную бахрому деревьев, виднелся скалистый обрыв абсолютно голого узкого ущелья; а то, что с их позиции напоминало сломленное бурей дерево, вело в казавшийся безопасным край каньона. Дрисколл ткнул пальцем в направлении упавшего бревна, и матросы один за другим начали незаметно оттягиваться к пропасти.

Ущелье привлекало Дрисколла и по другой причине. Конг, не переставая громогласно выражать свой триумф, поднял Энн с земли и решил покинуть поле битвы. Его курс лежал под тем углом, который, по мнению Дрисколла, должен был в обход вывести бога чудовищ на дальнюю сторону каньона. Поэтому, только воспользовавшись узким мостиком из одного бревнышка и перейдя ущелье, они могли рассчитывать продолжить погоню.

Поначалу ни у кого не возникало сомнения, что уцелевший трицератопс безобидно пройдет мимо. Он брел вдаль на некотором расстоянии от отряда. Животное порядком вкусило асфальтовых снарядов Конга, хотя и из-

бежало смерти. Увесистые пласты не раз задевали и разбивались о его хребет, и сейчас центр его примитивных мыслей занимали лишь болезненные увечья.

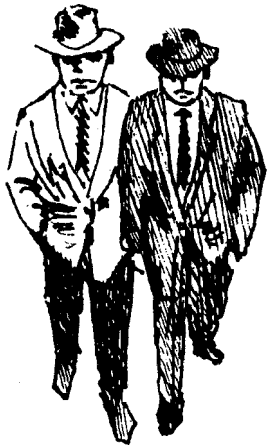
— Да пригнитесь же! — повторил предостережение Дрисколла Денем.

Они подобрались немного ближе к деревьям.

Внезапно без видимых причин, трицератопса понесло вправо от первоначальной линии отступления. Он тяжело взобрался на гребень и продолжал надвигаться на людей, которые предпочли не испытывать судьбу в праздном ожидании того момента, когда монстр снова повернет, не обратив на них внимания. Все разом понеслись к спасительным зарослям. Как и в случае с динозавром, все бы прошло без сучка, без задоринки, но среди них опять нашелся самый медлительный. Разогнавшись, он в страхе обернулся через плечо, и, к несчастью, тут же напоролся на низко висящую ветку. Со всего размаха матрос грохнулся на землю, а когда поднялся, было уже слишком поздно. Ему оставалось лишь юркнуть за ствол небольшого деревца, надеясь найти там убежище. Однако трицератопс, не рассчитав собственные силы, просто врезался лбом в жалкое препятствие, переломив его у самого основания. Удар был достаточно сильным, и животное, подмяв под себя человека и дерево, рухнуло сверху.

Денем и Дрисколл, первыми достигшие края зарослей, в ужасе смотрели на своего товарища. Помочь ему они были не в силах. Вяло, словно в кадрах замедленной съемки, чудовище перевернулось на брюхо и, встав на колени и потянувшись к добыче длинным центральным рогом, пригвоздило ее к земле.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ



Спотыкаясь на каждому шагу, усталые путники — последние выжившие из пятнадцати человек спасательной партии — угрюмо бежали к ущелью. Надежда и самоуверенность, бившие в них ключом, когда они спешили в неизвестность от гигантских ворот, давно потускнели и испарились. Зато они были отборными бойцами. Начиная со злополучного похищения они не раз показывали более чем заурядную находчивость. Снова и снова сталкиваясь с неожиданной опасностью, они проявляли и подтверждали ту завидную отвагу, которая более могущественна, чем любое оружие, и представляет собой спасение во время трудного путешествия. Опытные парни, будь они заброшены в какую угодно обыкновенную глушь, смело бы объединили свою мудрость с человеческой изобретательностью и, несомненно, выиграли бы. Но здесь, впервые в жизни, они узнали цену абсолютной беспомощности. Что толку было в их хитрости и сообразительности? Как могли они противопоставить разум людей огромным фантастическим монстрам, кишмя кишащим на одиноком острове, могущем появиться разве только из ночного кошмара? Хрупкие короткие ножи то-

же были бесполезны. Им оставалось только бежать, на каких-нибудь полшага опережая смерть. И в этом паническом беге зрела безрадостная уверенность, что вместе с карабинами и бомбами утонула их последняя надежда. Не потеряй они свое оружие, и продолжать борьбу имело бы смысл — с ружьями в руках они знали, как постоять за себя. Но, похоронив их под толщей воды, люди стали такими же беспомощными, как угодившие в ловушку трицератопс и его приятель, медленно задыхающиеся в объятиях трясины. Ни один, включая даже жизнерадостного Джимми, не решился бы сейчас сказать, что счет в этой дьявольской игре был по-прежнему пятьдесят на пятьдесят.

Скупые, мрачные проклятия слетали с их губ, пока они бежали к ущелью. Но это были не те проклятия, что в порыве гнева бросают ради вызова, а возмущенная, полная горькой обиды брань мужчин, запутавшихся в бесконечных неудачах, в которых не было и капли их вины. Это были простые крепкие ругательства матросов, не видящих путей к избавлению.

Только Дрисколл и Денем все еще противились этому пессимизму неизбежной капитуляции. Возглавляя вымотавшийся отряд, молодой помощник капитана отчаянно понукал свой мозг, надеясь выдумать трюк, который помог бы его безоружным рукам освободить Энн от ее страшного похитителя. Дыша в затылок Дрисколлу, вторым шел Денем. Он вспоминал проделанный путь, заставляя сознание воспроизводить каждый отрезок стремительной погони начиная от самой деревни аборигенов. Они должны вернуться... разумеется, если это им по плечу. Другого выхода нет. Кто-то должен остаться и попробовать выследить Конга дальше в одиночку. Но другие обязаны вернуться, обязаны добраться до Энглхорна и «Скитальца», чтобы, взяв новые ружья, амуницию и газовые бомбы, продолжить поиски. Тогда-то у них появится шанс. Но не раньше. Сзади послышался треск — тяжелое тело упрямо продиралось сквозь деревья.

— Это чертово трехрогое животное охотится за нами!

— выругался один из матросов и сдобрил невинное замечание витиеватым матросским выражением.

— Подождите, Джек! — окликнул Дрисколла Денем, когда тот взобрался было на бревно, переброшенное через пропасть. — У нас есть одна минутка. Трицератопс все равно не сможет пройти за нами на ту сторону. А нам необходимо кое-что обсудить.

В двух словах, режиссер изложил свой план.

— Хорошо! — согласился Дрисколл. — Я остаюсь. А вы отправляйтесь за оружием и бомбами.

— Джек, лучше бы вам перебраться через каньон, — посоветовал Денем. — А мы обождем, пока, во всяком случае, нас не вынудят. Если только эта рогатая скотина позади нас в состоянии понять своим бешеным мозгом простую мысль, что мы — совсем не те, кто причинил ей боль, мы сэкономим кучу времени и сил, не делая порядочный крюк в обход ущелья.

Дрисколл снова шагнул на гигантский ствол и медленно двинулся к противоположному краю. Денем исподволь глянул вниз. Отвесные стены уходили глубоко в недра, а дно каньона выстилал толстый слой отложений многовекового ила и скользкой зеленоватой тины. Насколько позволял обзор, было видно, что вдоль полосы вонючей слизи и даже на всем протяжении крутых склонов скалы прорезали длинные, рваные морщины трещин и узкие жерла тысяч пещер. Да, не хотелось бы ему очутиться на дне ущелья. Поежившись, Денем оторвал взор от этого дикого места, предпочитая с безмолвной тревогой следить за удачными действиями Дрисколла. Он облегченно вздохнул, когда первый помощник спрыгнул на твердь скальных пород.

— Молодчина! — крикнул продюсер Дрисколлу, — и тут же добавил: — А знаете, Джек, мне стало бы чертовски смешно, если бы вы вдруг начали соскальзывать с бревна. Хорошенькую арену вы выбрали для исполнения пируэтов над пропастью, ничего не скажешь! Прямо под вами место размножения самых что ни на есть гадких тварей, какие только существуют на этом отвратительном острове. Взгляните!

Как будто под властью заклинания указующего пальца Денема, из отверстия пещеры выполз громадный паук, смахивающий на кег[1]. с множеством ворсистых лап. Возможно, существо и не догадывалось, что за ним кто-то наблюдает с высокого обрыва, но любой из отряда, не раздумывая, поставил бы двадцатку, что тварь злорадно посматривала вверх. Другое создание, которое можно было бы принять за обыкновенную ящерицу, если бы не его внушительный размер, преспокойно грелось на выступе, подставляя свою серую камуфлированную спину теплым лучам солнца. Паук-многоножка бесшумно скользнул к ящерице, но потом, основательно обдумав свой порыв, помедлил и осмотрелся в поисках менее крупной добычи. Шарообразный крадущийся объект, облепленный усиками и щупальцами, как у осьминога, показался ему вполне по зубам. Выждав, когда жертва приблизится, паук молниеносно бросился в атаку и за долю секунды настиг незадачливого прохожего. Оба — и насекомое-осьминожка и громадный паук — исчезли в расщелине.

— Я не собираюсь разгуливать по бревну, если подо мной копошатся такие твари, — решительно заявил один из матросов.

Денема не удивила его привередливость. Его и самого мутило ото всей этой картины. Он оглянулся. Трицератопс, верный своей близорукой манере, пошатываясь и чуть ли не на ощупь, блуждал у кромки зарослей. Частокол деревьев доставил ему немало хлопот, и сейчас, выбираясь из джунглей на свободное пространство, он, похоже, не знал, какой путь выбрать.

— Кто знает, не исключено, что это нам вообще не понадобится, — успокоил он матроса. — Стой на месте и не дергайся. Если мы не будем двигаться, то, может быть, этот трехрогий полуслепой решит, что мы — обломки скал или стволы деревьев.

Трицератопс с треском ломился мимо последних деревьев. Очутившись на опушке, он нерешительно подался сначала в одну сторону, затем в другую, а потом начал

[1] Кег — бочонок на 100 галлонов (объемом примерно 37,8 л)

медленно приближаться к притихшей компании: его невообразимая рогатая голова была поднята высоко вверх, а маленькие глубоко посаженные глазки буравили пространство перед собой.

— Хотя бурелом и поубавил его пыл, он нас все-таки засек, — неохотно констатировал Денем. — Пожалуй, придется нам пересечь ущелье.

Повинуясь его вытянутой руке, мужчины угрюмо побрели к длинному узкому мосту. Они двигались крайне осторожно, опасливо поглядывая на тех, кто ползал и извивался далеко внизу, под их неуверенными ногами. Подгоняя по мере возможности своих людей, Денем посмотрел через плечо на трицератопса и поднял с земли увесистый булыжник, но потом, хорошенько поразмыслив, отшвырнул бесполезную вещь в каньон. Матросы цепочкой шагали по исполинскому стволу, балансируя на ходу руками. На середине они сбились кучней, но продолжали медленно двигаться к противоположному концу моста. Денему совсем не улыбалось остаться один на один с бешеным монстром. Он еще раз оглянулся на трицератопса и ступил на бревно.

— Берегись! — Дрисколл, спокойно ожидавший их до сих пор на другой стороне каньона, неистово размахивал руками, указывая куда-то позади себя, туда, где земля отлого поднималась в гору. Крикнув что-то неразборчивое, он опять начал жестикулировать, но вдруг, с последним криком, ухватился за лиану у края пропасти и прыгнул вниз. Со своего места Денем видел, как Джек приземлился на выступе и, чуть не свалившись дальше, затолкал себя в покинутую хозяином пещеру.

На вершину холма грузно взобрался Конг и при виде маленьких человечков, бредущих гуськом через пропасть по заваленному бревну, грозно взревел и забарабанил себя в грудь. Резко сбежав к ущелью, он остановился у раскидистого дерева; скудный грунт плохо удерживал тяжелую крону, и ствол вместе с ветками свешивался над обрывом. Бог чудовищ поднял бесчувственное тело Энн над головой и бережно опустил его в желоб треснувшей ветви так высоко, куда только смогли дотянуться его могучие

руки. Покончив с этим, он снова издал воинственный клич и бросился в атаку на нового врага, столь неожиданно появившегося и угрожающего обладанию прекрасным ярководосым трофеем. Он еще не остыл после предыдущего боя с трицератопсами, а благодаря двуногим карапузам сейчас был взбешен вдвойне. К тому же, уцелевшая трехрогая тварь опять наступала, приближаясь к ущелью с другой стороны. При виде костяного шлема и трезубца, ярость Конга выплеснулась через край.

Денем последовал примеру Дрисколла и, обхватив лиану, скользнул за кромку пропасти и через секунду юркнул в узкую трещину в отвесной стене. Матросы же, застряв на импровизированном мосту, были бессильны что-либо предпринять. Пойти навстречу Конгу было бы безумием. Отступление означало бы не меньшее безумие, учитывая, что трицератопс, заметив своего старого обидчика, вырос у конца бревна и трубно мычал, вызывая противника на драку. Денем и Дрисколл беспомощно наблюдали за разворачивающейся трагедией из своих укрытий.

В представлении Конга, все движущиеся существа непременно были врагами, и в данном случае люди на бревне ничем не отличались от рогатого зверя позади них. Конг снова зарычал и ударил себя кулаками в грудь. Одна из его громадных ступней, очень напоминавших ладонь, потянулась вперед и опустилась на бревно, словно он предполагал начать схватку на близком расстоянии. В этот же момент сильнейший удар сотряс дерево — трицератопс в сумасшедшем прыжке вскочил на ствол и, широко расставив лапы, приготовился встретить противника. Мужчины распластались в центре бревна, отчаянно обхватив ствол руками. Теперь бог чудовищ поудобней перехватил свой конец бревна и встряхнул, а затем, когда люди в ужасе вопили и неистово вцепились пальцами в кору и друг в друга, утробно заурчал.

Дрисколл высунулся на полкорпуса из горла пещеры и угрожающе окликнул мохнатого громилу. Конг заметил его краем глаза и уже шагнул в сторону от бревна, намереваясь заняться им, но в последнюю секунду передумал,

решив не отвлекаться по пустякам. Денем испробовал эффект от брошенного камня, но тот не произвел на монстра ни малейшего впечатления. Игнорируя окрики и удары камней, игнорируя даже вызывающее мычание трицератопса, Конг запустил обе руки под свой край ствола и, резко выпрямившись, выдрал его из земли. Приподняв ствол, он стал яростно размахивать им из стороны в сторону.

Двое матросов, не удержавшись, ослабили хватку. Один, чувствуя близкую смерть, полоумно вонзил пальцы в лицо распростертого товарища и, оставляя на коже кровавые полосы, медленно соскользнул в пропасть. Под аккомпанемент адских воплей, он какое-то мгновение кувыркался в воздухе, прежде чем грохнулся об осадочный ил. Не успел он затихнуть, как к нему уже метнулась гигантская ящерица. Дрисколл, наблюдавший с уступа, надеялся, что полное отсутствие движений матроса означает потерю сознания, или, еще лучше, то, что смерть наступила в долю секунды. Второй несчастный при падении не погиб. Он даже не был без чувств. Сначала он приземлился на ноги, моментально погрузившись по-пояс в липкую жижу. А в следующее мгновение он иступленно заорал, когда не один, а целых полдюжины здоровенных пауков облепили его и скрыли под своими телами. Крик оборвался, лишь страшные насекомые деловито копошились и чем-то хрустели.

А у края каньона буйно скреб лапами по земле раздосадованный трицератопс. Когда Конг рванул бревно, он вовремя соскочил. Не получая ответа на брошенный вызов, трехрогий монстр непонимающе созерцал противника на противоположной стороне ущелья. Он неуверенно что-то промычал и попятился. С последним протяжным звуком он повернулся и заковылял прочь к деревьям.

Конг поднял бревно и снова дернул. Еще один матрос полетел вниз — новая жертва для хлынувших отовсюду пауков. Очередной рывок — и осьминожек-насекомое со спешащими на подмогу компаньонами ринулся в драку с пауками и ящерицами за право обладания добычей. Теперь на мосту оставался только один матрос, яростно об-

нимавший ствол. Конг дернул, потом еще раз, но ему не удалось стряхнуть человека с бревна. Впрочем, отчаянные усилия Дрисколла и Денема тоже не имели успеха. Все их крики, все их камни не смогли отвлечь зверя-бога от кровожадных устремлений. Цеплявшийся за кору матрос истошно завопил. Конг чуть склонился над ним и мрачно посмотрел сверху вниз. Громадная пасть была так близко, что матрос почувствовал на себе разгоряченное дыхание зверя. Конг выпрямился и, сильно раскачав бревно-мост, швырнул его на середину каньона. Однако даже для столь мощного зверя бросок оказался не под силу. Конец бревна рухнул на самый край обрыва, мелкая осыпь застучала по скалистым склонам. Мост дрогнул и скользнул в пустоту, словно стенобитный таран накрыв собой адских насекомых и картину дьявольского пира.

У Дрисколла мурашки пробежали по телу, когда он выглянул вниз из своего убежища. Но реальность тут же привела Джека в чувства — его самого подстерегала опасность. По тяжелым стеблям лианы, сбегающей перед входом в пещеру и благодаря которой он умудрился перемахнуть через край ущелья, взбирался крупный паук. Выпученные, будто часовые стекла, глаза неописуемых расцветок и даже без намека на веки, не мигая, вперились в дрисколла. Он быстро потянулся к бедру, выхватил нож и несколько раз подряд рубанул по живой веревке. Прежде чем лиана поддалась, паук подобрался на расстояние вытянутой руки, и помощник капитана «Скитальца» уловил мягкое свистящее дыхание воздушных мешков насекомого. А мгновение спустя паук уже падал обратно в пропасть, тщетно пытаясь достать соседние лианы.

Дрисколл страдал от холода и усталости. Ужасная трагедия, свидетелем которой он стал и которую был не в состоянии предотвратить, бросила его в легкую дрожь. Тем не менее, он заставил свой мозг думать о спасении Энн.

— Не теряйте времени, спускайтесь к Энглхорну, — крикнул он Денему. — Я пережду здесь, пока этот волосатый здоровяк не уберется в джунгли. Тогда я вылезу и последую за ним. Возвращайтесь с бомбами и чем-нибудь, чтобы навести переправу через пропасть. Я постараюсь делать отметки, так вы сможете отыскать меня.

— Я чувствую себя отвратительной свиньей, покидая вас здесь одного, — крикнул в ответ Денем.

— Это наш последний шанс. Уходите! — нетерпеливо отозвался первый помощник.

Он так увлекся дальнейшими планами, что, поторапливая Денема, совсем позабыл о Конге, а в это время его громадная пятерня с любопытством потянулась к отверстию пещеры, и только предостерегающий крик работодателя заставил Джека запрокинуть голову.

Божественный зверь присел на краю каньона на корточки и, склонившись над пропастью, запустил руку в узкий грот в поисках последнего из врагов. Дрисколл в ужасе попятился, но потом вытащил нож и глубоко вонзил оружие в грязную, безволосую ладонь Конга. Бог чудовищ моментально отдернул руку и удивленно зарычал. Денем попытался прийти на помощь другу и швырнул в монстра камни. Конг потер волосатую грудь в том месте, куда угодил снаряд, но помеха такого рода не привела его в замешательство. Он снова полез в пещеру.

На этот раз раскрытая ладонь молниеносно ворвалась внутрь, чиркнула по стенам, и промахнувшись, так же быстро исчезла. Конг опять попытался схватить человечка, но вновь остался ни с чем. Не на шутку разозлившись, он запустил лапу глубже в проход и начал неторопливо, методично исследовать пещеру. Улучив момент, Дрисколл с силой опустил кинжал в исполинскую кисть, но зверь-бог не обращал внимания на раны. Так же он игнорировал и камни Денема.

Стены обступали все уже, потолок давил сверху. Но привычка к тесным катакомбам кораблей избавляла Дрисколла от клаустрофобии. Он продолжал отступать, при каждом удобном случае безнадежно нанося удары ножом, пока его спина не уперлась в скалы. Каменный коридор закончился. Толстые согнутые пальцы дважды касались Джека, дважды он погружал клинок в обезьянью плоть и умудрялся увернуться. Теперь ему пришлось забиться в угол, из которого вращающаяся рука преграждала-

ла пути к бегству. Если бы ему удалось перерезать сухожилия на запястье или локте, он отыграл бы, по крайней мере, пару секунд передышки. Низко припадая к холодному полу и норовя стать как можно меньше, он стиснул рукоять ножа и внимательно следил за входом...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

По мере того как Энн приходила в сознание, смутное неудобство, доставляемое расколотой веткой, перерастало в острую боль. Она с трудом повернула голову набок, ее взгляд уперся в сплошную стену деревянного желоба, где она лежала все это время. Ощупывая глазами это странное место, девушка вновь повернула голову прямо — перед ней вспыхнул лишь один только осколок яркого тропического неба. У нее не было даже смутного представления о том, где она находится, и какое-то время ее мозг отказывался вспоминать, что с ней произошло и как она здесь очутилась. Тело нестерпимо ныло, царапины горели, пелена холодного неведомого страха окутывала сознание; но затем мысли путались и картинка пропадала. Едва удерживаясь на грани бодрствования, Энн была готова погрузиться обратно в забытье. Она отдыхала на своем жестком ложе, а полная расслабленность и отсутствие движений успокаивали ее измученное тело.

Затем, неожиданно разорвав пелену, ее мозг заполнил черный обезьяноподобный ужас, и девушка, пронзительно вскрикнув, села. Нет, она ничего не забыла. Теперь она вспомнила даже мельчайшие детали: особенно осле-

пительное пламя одного из факелов, когда она стояла, склонившись, на алтаре; и огромные красные глаза, которые на какое-то мгновение сверкнули на нее сверху-вниз, затем закрылись и сверкнули опять; и невероятно большую мохнатую руку, с такой неуверенностью потянувшуюся к ней в первый раз; и рубчатое волосатое плечо, на котором она очутилась за секунду до того, как ее сознание стало угасать; и, наконец, повторяющиеся моменты выхода из забытья, когда она чувствовала, что ее несут через джунгли на исполинских пружинистых ногах.

Приподнявшись, девушка с удивлением обнаружила, куда забросила ее судьба, а заодно и новую причину для безудержного страха. Она не осмелилась бы прыгнуть — высота сама по себе являлась значительной преградой на пути к ее спасению. Но, ко всему, у подножия дерева извивалось тело гигантской змеи. Обнимая кольцами ствол, та плавно скользила по коре, а ее маленькая головка хищно раскачивалась из стороны в сторону.

К тому же там был Конг. Конг, низко согнувшись, припал к краю ущелья. Его массивная туша покоилась на крепких тумбоподобных коленях, в то время как длинная черная рука перекинулась за линию обрыва и настойчиво искала что-то на ощупь. Все бы ничего, но в добавление к Конгу подле каньона появилось третье живое существо.

Из зарослей, покрывающих склон позади насеста Энн, выбралось довольно абсурдное скачущее создание. Правда, по размерам оно лишь немногим уступало колоссальному телу самого Конга. Длинная изящная шея голодно рыскала во всех направлениях, между тем как мощные задние лапы толкали чудовище в сторону обрыва. Передних конечностей у животного практически не было — лишь хрупкие, весьма отдаленно напоминающие лапы члены, ни на что не годные, но сохраненные природой, чтобы подносить пищу ко рту. И этот рот, точнее говоря пасть, заставил Энн снова закричать. Все, что она когда-либо видела, не шло ни в какое сравнение с этой распахнутой ярко-алой дырой, усеянной острыми плотоядными

зубами. И когда длинная шея качнулась в ее направлении, девушка подумала, что с ней покончено навсегда.

Заслышав ее вопль, Конг обернулся. Змея, поспешно ускользая прочь, схлопотала на прощание звучный шлепок; впрочем, вся ярость божественного зверя была нацелена на огромного монстра — пожирателя живой плоти. Крепко сжатые кулаки выбили дробь на черной мохнатой груди, и Конг ринулся в атаку.

Но хищная тварь не отступила и, ожидая противника, вызывающе покачивалась на мощнейших лапах. Когда Конг приблизился, чудовище резко выбросило вперед змеиную голову — белые зубы угрожающе оскалились и сверкнули на солнце. Конг увернулся и, подмяв локтем клацнувшую пасть, бросился на врага. Оба чудовища потеряли равновесие и повалились на землю. Конг оказался наверху, и в какой-то момент не вызывало сомнения, что схватка вот-вот подойдет к концу. Тонкая извивающаяся шея была слишком нежной, чтобы долго противостоять цепким ладоням, сомкнувшимся вокруг нее. Но прежде, чем Конг успел стиснуть податливую плоть и переломить позвонки, тварь поджала вверх толстую заднюю лапу и, упершись в грудь противнику, мощно оттолкнула его от себя. Даже не знающая границ сила Конга дрогнула под столь неожиданным и сокрушительным натиском. Убийственные тиски пальцев ослабли, и он, кувыркаясь через голову, покатился к пропасти.

— Нет! — выкрикнула Энн. — Нет! Не-е-ет!

Она от всей души желала, чтобы Конг победил. Девушка, правда, не рассчитывала, что сможет еще хоть сколько-нибудь продержаться в ужасе плена его гигантских ладоней, но даже это было куда предпочтительнее распахнутой зубастой пасти, которая перед новой попыткой извернуться навстречу возобновившему атаку Конгу на секунду метнулась в ее сторону.

Бог чудовищ тяжелой поступью возвращался на поле боя, яростно колотя себя в грудь и не обращая никакого внимания на любые нападки противника. Его сопровождаемая злобным рычанием атака оттеснила ящера вплотную к дереву, на котором, сжавшись в комочек, скрыва-

лась Энн, и этот мучившийся многие годы пьедестал рухнул под тяжестью громоздких соперников. Энн, оглушенная ударом, лежала под толстым стволом. Опасно нависая над девушкой, он едва держался на коротком обломке сука, а Конг и его противник продолжали извиваться. Они грохнулись на землю вслед за деревом, но теперь смертоносная задняя лапа опять разъединила их.

Впрочем, божественный зверь проворно метнулся обратно, и на этот раз он потратил меньше времени, колотя себя в грудь и наводя тем самым ужас на соперника, которого не так-то просто было запугать подобными уловками. Теперь Конг атаковал более осмотрительно. Любой критически настроенный наблюдатель сразу бы понял, что ему уже приходилось сталкиваться с врагами из этой породы плотоядных и он выработал специфическую технику борьбы с ними. Очевидно, она приносила неплохие плоды, когда он не был *слишком* взбешен, чтобы использовать ее. Сейчас, наконец, ему удалось удержать свою ярость в узде. Не сводя глаз с длинной извивающейся шеи, он преднамеренно выждал секунду-другую и затем быстро потянулся, но не к голове, а к одной из тонких передних лап. Он стиснул ее что было мочи и, когда тварь попыталась ударить его в плечо, так же стремительно отпрыгнул назад. Конг приблизился вновь и, повторив этот прием, снова ретировался. На этот раз атакованная передняя лапа плетью повисла вдоль туловища, а монстр, без сомнений, влип в крупные неприятности. Божественный зверь чувствовал теперь себя свободнее и, уличив момент, опять осмелился на фронтальную атаку. Как и в первые минуты схватки, он безрассудно ринулся вперед и молниеносно сжал ладонями-клешнями извивающуюся шею. Как и прежде, оба монстра повалились в неразборчивую кучу-малу, а громадная задняя лапа уперлась в грудь Конгу.

Соперники, однако начали подуставать, их координация уже не была столь отменной, но Конг, переворачиваясь на спину, на этот раз успел перехватить надоедливую лапу, которая отшвыривала его в сторону. Это и было тем главным преимуществом, которого он добивался. Вытянутая наружу лапа обладала столь малой силой, что бог чудовищ без труда сдавил ее и, крутанув вокруг оси, перевернул монстра на брюхо. Со скоростью вспышки, Конг оседлал спину врага; его массивные колени стиснули узкие хрупкие плечи, а огромные руки потянулись к голове врага, чтобы обхватить раскрытую пасть. И раньше, чем плотоядное чудовище в надежде стряхнуть непрошенного наездника успело задействовать мощнейший рычаг в виде своих задних лап, пальцы Конга уже нащупали то, что искали. Они сомкнулись вокруг верхней и нижней челюстей ящера и потянули их в противоположных направлениях. Ничто не устояло бы против такой свирепой силы. Сухожилия лопались, словно прогнившие струны, суставы с треском выворачивались, и вот из артерий хлынула кровь. Конг разжал пальцы и отскочил прочь. Охваченный победным ликованием, он бил себя в грудь, рычал и бормотал что-то неразборчивое, в то время как его соперник катался по траве и молотил бесполезными теперь лапами. Его предсмертные конвульсии с каждым мгновением становились все слабее.

Когда плотоядный наконец-то вытянулся и затих, Конг осторожно приблизился к поверженному врагу и пристально, с громкими восклицаниями удовольствия оглядел его. Затем удовлетворенно пнул ногой разорванные челюсти и обернулся в сторону Энн, словно ожидая от нее похвалы. Девушка, однако была не в состоянии выразить ни радость, ни ужас. Эмоции, подвергнутые чрезмерному испытанию, отказывались ей служить и снова бросили Энн в темноту забытья. Пойманная кроной рухнувшего дерева, которое почти касалось изгиба ее груди, в ловушку, девушка лежала так же неподвижно, как туша исполинского существа, только что убитого Конгом.

Вскарабкавшись по лианам, Дрисколл высунул голову за край обрыва. Дикое рычание и сменившая его тишина разожгли любопытство первого помощника, к тому же он страшно беспокоился за девушку. И он едва удержал себя от безумных действий, когда Конг грузно приблизился к

Энн и заботливо коснулся ее тела. Но Дрисколл вовремя убедил себя в бессмысленности порыва и притаился за гранью ущелья. До сих пор обстоятельства не причинили Энн ощутимого вреда. А ее единственный шанс и дальше оставаться в полном здравии зависел исключительно от способности моряка выслеживать эту пару в джунглях и присматриваться к настроению Конга. Если Джеку удастся выследить бога чудовищ до его убежища и он не спровоцирует в монстре взрыв ярости, то, возможно когда Денем приведет за собой новую спасательную партию, сообща они найдут способ, как вызволить Энн.

Сейчас Дрисколл больше склонялся к тому, чтобы оставаться в тени: стратегия выжидания играла ему только на руку. И так как мохнатое обезьяноподобное создание не сделало и шагу по направлению к его пещере, в Джеке упорно зрело убеждение, что Конг абсолютно о нем позабыл. Сконцентрировав свое внимание на Энн, зверь обхватил ладонями ствол поваленного дерева так же, как двадцатью минутами ранее обхватил бревно-мост. Очень осторожно, рассчитывая каждое свое движение, он приподнял тяжеленный ствол и повернул дерево набок, понемногу откатывая крону в сторону. Лишь когда ветки уже не нависали над Энн, он так же мягко, как поднимал, опустил этот значительный вес на землю. Откатив подальше мощный ствол, он с тревогой повернулся к телу Энн. Поднимая девушку на руки, он издавал удивительные, успокаивающие звуки. С осторожностью и с такой же легкостью, с какой человек мог бы поднять, к примеру, куклу, он водрузил белокурый трофей на плечо и пустился в путь вниз по склону.

Дрисколл, все еще наблюдавший за его действиями на краю ущелья, почувствовал в этом спешном отбытии вполне понятную цель. Освободившись от всех преследователей, расправившись с последним из непрерывной череды врагов, Конг направлялся прямиком к дому — помощник был в этом уверен, — куда никак не мог попасть раньше. Не испытывая больше раздражения от маленьких, но шумных, двуногих существ, которые тащились за ним по пятам от самого алтаря, благополучно выбравшись из трясины, куда его загнали трицератопсы, и избавившись от голодного преследования плотоядного ящера, он нес теперь бесценный трофей в свое пристанище.

Опасливо озираясь, Дрисколл выбрался на твердую землю. Он сделал пару шагов за Конгом, присматриваясь, в каком направлении движется зверь. Убедившись заодно, что темп монстра не слишком быстр для того, чтобы держаться за ним на расстоянии, но и не отставать, Джек обернулся и поискал глазами Денема. Последний уже ждал его, стоя на высоком дальнем крае ущелья. У его ног лежала скрученная кольцами веревка из лозы дикого винограда. Режиссер едва заметно усмехнулся, махнув рукой на новое приобретение.

— Эта штука довольно длинная. Я успел ее изготовить, пока рядом с вами шло настоящее сражение, — сообщил он. — Я вдруг подумал, что, если Конг проиграет, может быть, вам удастся вызволить Энн. Тогда я перекинул бы один конец вам, и кто знает ... может что и выгорело бы.

В первый раз с тех пор, как они покинули деревню, Дрисколл ощутил к своему работодателю прилив прежних дружеских чувств. Денем был из тех людей, в этом не приходилось сомневаться, с которыми нестрашно связывать свою судьбу. Он, конечно, неоднократно втягивал вас в неприятности, но никогда не останавливался на полпути, чтобы вас оттуда вытащить.

— Веревка еще может нам пригодиться, — согласился первый помощник и улыбнулся. — Оставьте ее, где лежит. И отправляйтесь обратно в деревню.

— Мне чертовски не хочется оставлять вас здесь одного, Джек.

— Но разве вы можете сделать что-то еще? — спросил Дрисколл. — Вдвоем нам не справиться с Конгом. Нам нужно больше людей, или хотя бы несколько бомб. Кроме вас их некому принести. А я тем временем укажу вам путь. Прямо отсюда все отмечу. И мы обязательно спасем Энн. Это так же точно, как и тот дохлый монстр, которого мы завалили на рассвете.

— Похоже, да, для нас это единственный выход.

— Похоже, что так.

Но Денем все не уходил. Он пристально смотрел в решительное лицо на противоположном крае ущелья.

— О'кей, Джек! Удачи вам! — сказал он и, повернувшись на пятках, быстро зашагал прочь, рассчитывая засветло добраться до той лагуны, где на них напал динозавр.

— Увидимся ... может быть, — крикнул вдогонку Дрисколл и взмахнул на прощание рукой. Но Денем уже растворился среди зарослей.

Сквозь пышную зелень тропического леса, со стороны подножия холма, ветер принес далекий замирающий треск. Судя по всему, это был Конг, спешивший к своему логову. Неподалеку от дерева, в кроне которого скрывалась Энн, возвышалось над землей тело поверженного плотоядного ящера. Уже облепили тушу с полдюжины стервятников, а их многочисленные коллеги-сородичи вряд ли заставили бы себя ждать. Из провала каньона высунулась заостренная голова какой-то рептилии, и появление гигантской ящерицы возвестило о том, что запах свежей мертвечины успел долететь к многим из голодных существ, обитавших в склизком иле на дне ущелья. При мысли об омерзительном пиршестве Дрисколла передернуло, и он с радостью шагнул в тень зарослей, устремляясь в погоню по следам исполинского соперника.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Невысокая щетка кустарника, которым густо поросла местность вокруг Алтарной равнины, по большей своей части поднималась не выше, чем по пояс Денему, в то время как он, едва волоча усталые ноги, преодолевал остаток пути. Порой, когда кустарник разрастался особенно пышно или когда путник ссутуливался под бременем непривычной усталости, зелень полностью скрывала его. Да и время близилось к полуночи. Благодаря дюжине факторов даже с самой удобной позиции на крепостной стене было не так-то просто заметить медленно бредущую, обессилевшую фигуру продюсера. Однако не единственная пара острых глаз следила за подступами к равнине. У подножия ворот коптящее пламя факелов высвечивало просторную нишу, где неусыпно несли вахту, сменяя друг друга через равные промежутки времени, полтора десятка матросов. В любую секунду они были готовы широко распахнуть ворота. Кроме того, дюжина факелов, дрожащих в вышине, выдавали еще и тех, кто, склонившись через парапет, вглядывался в джунгли со стены. И один из них первым различил одинокого путни-

ка, задолго до того, как тот выбрался на открытое пространство около Алтаря.

— Йо-хо! Денем! — тем, кто выкрикнул приветствие, был Энглхорн. Его белая фуражка тускло мелькнула над головой, описав широкий ободряющий полукруг. В тот момент, когда к его радостному возгласу присоединился остальной экипаж, вслед фуражке, оставляя за собой яркие огненные хвосты, закивали факелы:

— Йо-хо-о-о-о! Йо-хо-о-о-о, эй!.. Там... на равнине!

Один за другим, силуэты на стене начали исчезать, но тут же появлялись снова, тесня толпу возле ворот. Створки распахнулись шире, и громкие крики сопровождали последние шаги Денема, пока он продирался сквозь кайму подлеска и тащился мимо Алтаря. Но стоило ему приблизиться, и так же внезапно, как минуту назад стена разразилась криками, опустилась тишина. Вся команда высыпала к гигантским каменным ступеням, с нервозностью ожидая появления своих товарищей. Они недоуменно вглядывались в сумерки поверх головы режиссера, но темнота отказывалась впустить вслед за ним кого-либо еще.

Первым пришел в себя Энглхорн. Отбросив в сторону полыхающий факел, он выбежал Денему навстречу и подхватил продюсера за поникшие плечи.

— Вот вы и вернулись, — пробормотал он и чуть ли не на себе потащил друга к скамье позади ворот.

— Где же остальные? — сурово спросил один из матросов.

— Это может подождать! — бесцеремонно оборвал Энглхорн. — Принесите немного виски и что-нибудь поесть. И закройте эти дурацкие ворота.

— Нет! — выдохнул Денем. — Оставьте ворота открытыми. Если Дрисколл вернется, то произойдет это в большой спешке.

— А где же Дрисколл?

— И где — мисс Энн? — добавил Лампи.

— Я сказал, что все это может подождать, — настоятельно повторил Энглхорн. — Где виски?

Пока бутылка, прижатая к губам Денема, мерно покачивалась донышком кверху, глаза капитана и матросов скользили по его рваной, грязной одежде, по исцарапанному, изрезанному телу и усталому серому лицу. Они чувствовали, что за прошедшие сутки спасательной экспедиции выпало немало испытаний, и теперь со страхом ожидали начала перечисления мрачных приключений.

Энглхорн не отпускал бутылку до тех пор, пока уровень спиртного не упал до воображаемой линии, прочерченной по стеклу великодушно отмеряющим большим пальцем. С последним обжигающим глотком Денем поежился и, медленно утерев рот тыльной стороной ладони, тяжело оперся о твердое колено шкипера.

— Я слышал, вы говорили что-то о еде... С доброй порцией я, пожалуй, протянул бы еще чуток, — сказал он.

Энглхорн кивнул и красноречиво подмигнул капитанским глазом. Матрос, на чью долю выпал безмолвный приказ, нехотя отошел в сторону, но через пару шагов обернулся, в то время как другие столпились вокруг Денема, жадно ловя каждое его слово, впрочем, резкое напутствие Энглхорна: «И поторапливайся!» — придало ему решимости.

Виски приятно растекалось по организму, обволакивало теплом натруженные мышцы. Денем выпрямился на скамье и открыто взглянул на свой экипаж.

— Ну что ж, — начал он. — Нет смысла что-либо скрывать от вас или пытаться смягчить кое-какие нюансы. История такова: все до последнего, за исключением Дрисколла и, возможно, Энн, погибли. И я спрашиваю вас, найдутся ли еще такие добровольцы, чтобы вернуться *ТУДА* за ними? Кто идет со мной?

Вопреки ожиданиям режиссера, его слушатели молча потупились, не в силах переварить только что услышанное. Лишь глаза их отбрасывали красные блики дымящих факелов.

— Что вы имеете в виду, сэр?.. Погибли? Как?

— Вы хотите сказать, что-то случилось?

— Я имел в виду ... — слова неприятно запершили в горле, и Денем остановился, чтобы сглотнуть вязкую слюну. — Я имел в виду, что все погибли, — выдохнул

он. — Подождите, пока я не расскажу, во что мы влипли... Тот черный волосатый монстр, который на ваших глазах унес на ладони мисс Дарроу, — это только начало того, что может предложить этот поднявшийся из ада остров! А парни, что отважились пойти со мной прошлой ночью, не пропустили ни единого пункта из этого дьявольского списка.

Он ненадолго замолчал, стараясь привести мысли в порядок, а потом вкратце, насколько позволило ему чувство ответственности, поведал им о том, что случилось в нагорной стране. Дойдя до апогея трагедии на узеньком мостике, он описал даже мельчайшие детали.

— Я хочу, чтобы каждый из вас знал, с чем предстоит встретится, — закончил он наконец, — когда вы будете выбирать, идти ли со мной, или оставаться здесь.

— Я не уверен, что понял все от и до — протянул один из матросов. — Как ... — конец фразы потонул в неразборчивой скороговорке слов.

— Вы, очевидно, хотите знать, как мне самому удалось спастись? — переспросил Денем. — Я угадал? Как мне и Дрисколлу удалось избежать смерти?

Он, соглашаясь, кивнул. И в этом кивке почувствовалась вся прежняя выдержка режиссера. Он действительно уселся поудобней, чтобы терпеливо объяснить ту счастливую случайность, которая привела его именно на край моста, откуда он успел юркнуть в безопасное место в расщелине, а также аналогичную удачу Дрисколла, в то время как остальные были заперты в ловушке между трицератопсом и Конгом.

— Я отнюдь не намерен претендовать на какую-либо похвалу или оправдание, — подчеркнул он. — Конечно, если бы я лучше присматривал за бомбами, все мы, включая мисс Дарроу, сейчас были бы в полном порядке. Но как бы то ни было, я лишь хотел удостовериться, что все удачно пересекли пропасть, поэтому и оказался в хвосте и успел спрыгнуть. А что касается Дрисколла, в тот момент, когда он перебирался на дальнюю сторону каньона, парень намного больше рисковал, чем кто-либо из нас, оставшихся за его спиной.

Человек, поставивший вопрос, мрачно кивнул, принимая эти исчерпывающие объяснения. Остальные придерживались того же мнения.

— Вы были не в состоянии исправить то, что произошло, — пробурчал Энглхорн. — И не важно, чем вы пытались помочь.

— Да это все даже никеля не стоит, — доверительно сообщил Денем. — Я скажу вам правду. Я до конца своих дней не забуду, что оказался тем человеком, который втянул ребят в авантюру... в погоню по неизвестному острову... за невиданным монстром. Но никто не скажет, что Денем просто так позволил им отправиться на тот свет. И если бы меня сейчас не было здесь, у Дрисколла и Энн было бы шансов, как у китайца.

— Нам никогда не увидеть их снова, — сумрачно процедил Лампи.

— Это дьявола нам никогда не увидеть! — поднимаясь, воскликнул продюсер. — Мы еще будем обнимать их обоих и радостно пожимать им руки. И очень скоро! Шкипер, выделите мне ящик газовых бомб. Я немедленно отправлюсь обратно по следу.

Он сурово огляделся и повторил свой прежний вопрос:

— Кто пойдет со мной?

— Позвольте мне пойти, мистер Денем, — попросил Лампи.

— Если мне не удастся найти кого-нибудь покрепче и помоложе, ты, конечно, сможешь пойти Лампи, — откровенно признался Денем. — И, честно говоря, я буду очень рад твоей компании. — Он посмотрел на остальных. — Так как насчет легкой прогулки?

Изрядная шеренга пристыженных мужчин молча шагнула вперед. На их лицах застыло смущенное согласие... а может, и небрежное, опрометчивое, безрассудное, веселое, в зависимости от реакции каждого человека на острое возбуждение при опасности.

— Я, пожалуй, присоединюсь.

— Черт возьми, а почему бы и нет?

— Ведь только *ПОСМОТРЕТЬ* на этих уродцев мне ничего не стоит. Верно?

— Как сказать, приятель.

— Похоже, я кое-чем обязан первому помощнику...

— Мисс Энн однажды пришила пуговицы к моей рубашке...

Подведя черту своим окончательным решением, матросы — все без исключения — посуровели. Они не питали иллюзий, думая о существах, с которыми им придется столкнуться, как только они выйдут за пределы спасительного барьера. И тщетные попытки отогнать воспоминания об участи их товарищей лишали остатков юмора и бравады.

Энглхорн, на пару с настойчивым Лампи, тоже затесался среди волонтеров. Но Денем отмахнулся от этих двоих, несмотря на их редкостное упорство.

— Теперь у меня и без тебя достаточно народа, — сказал он Лампи. — А что касается вас, шкипер, на вас останется прежнее назначение. Вы остаетесь здесь и охраняете ворота.

— Но вы совсем вымотались, Денем. А я выгляжу посвежее вас, — напомнил ему Энглхорн.

— Зато я знаю, где и как искать следы.

— Вы могли бы нарисовать мне карту.

— Шкипер! Я не уступил бы свою роль даже самому свежему человеку во всем Индийском океане, — криво усмехнувшись, сознался Денем. — Даже если бы он на все семь морей славился бы умением ориентироваться по картам... будь он даже лучшим из лучших.

— На вашем месте я бы тоже не уступил, мистер Денем, — с понимающим добродушием ответил капитан.

Денем кивнул и сосредоточенно занялся свининой из консервной банки, которую принес откомандированный матрос. Торопливо заглатывая мясо, он отдавал приказания:

— Найдите мне карабин и в придачу полный патронташ. Другим моим людям раздать тоже самое, — распорядился он. — Плюс каждому по охотничьему ножу. Вскройте ящик с газовыми бомбами, там их целая дюжина. Шестеро из нас возьмут по одной в руку. И помните! Весь тот ад, в который мы угодили во время первого похода, начался лишь благодаря тому, что ни у меня, ни у кого-либо другого не хватило здравого смысла приберечь пару таких бомб. Так что, парни, не потеряйте свои!

— Вы считаете, эти черные кругляши остановят тех огромных чудовищ, о которых вы нам рассказывали? — недоверчиво спросил один из матросов.

Остальные подошли ближе и тоже ждали ответа.

— Остановят их? — Денем захохотал. — Всего лишь один такой «кругляш» свалит с ног самого крупного из этих тварей. Даже Конга. — И в подтверждение своих слов он в деталях рассказал им, как зашатался, обмяк, а потом и рухнул на поляну первый гигантский противник.

— Когда вы предполагаете выступить? — поинтересовался Энглхорн.

— Сию же минуту!

— Уж слишком вы торопитесь, мистер Денем, — пробормотал шкипер. Спустя четверть часа после первого шока и огорчения, он опять в своей привычной методической задумчивости перемалывал челюстями листья табака.

— Выйди мы хоть сию же секунду, и то нам не откажешь в излишней медлительности.

— Задумайтесь еще раз, мистер Денем. Если вы отправитесь прямо сейчас, вы поднимитесь к ущелью задолго до зари. А что вы будете делать после? Да ничего... просто терпеливо ждать, пока не рассветет достаточно, чтобы идти по следу Дрисколла, или пока какое-нибудь проходящее мимо чудовище не разорвет вас в темноте на части.

Денем откинулся на скамье и спешно просчитал временной график, затем неохотно соглашаясь, кивнул.

— Но черт бы меня побрал, как я могу торчать здесь, ожидая неизвестно чего, почти целых четыре часа, если это намного дольше, чем мне когда-либо приходилось ждать?

— Позовите-ка сюда маленького грязного шамана, — злорадно предложил Лампи. — Должно быть, он в состоянии дать нам какой-нибудь совет, или информацию, на

худой конец. А если он не пожелает, то мне известна пара способов, как сделать его более разговорчивым.

— Где он?

В течение многих часов Энглхорн не видел ни шамана, ни туземного царька. Матросы, впрочем, тоже не видели никого из аборигенов.

— Вы с Дрисколлом как раз исчезли в тени утеса, когда я так заехал вождю по голове, что он мигом грохнулся без чувств, — спокойно объяснил он. — Древком его же собственного копья. Вы меня знаете, — рассмеялся капитан, — я и муху-то не трону... без надобности, но он вел себя так, словно собирался погнаться следом и остановить вас. Ну, после этого все племя, кажется, поприкусило языки. Мне думается, островитяне почувствовали, что им грозят серьезные неприятности и решили убраться как можно дальше.

— Интересно, куда они могли подеваться? — недоуменно произнес Денем.

— У меня такое впечатление, что большинство женщин по-прежнему внутри хижин. Время от времени оттуда доносятся звуки. А что касается самцов? Что ж, эта часть острова позади стены довольно велика; и причем, покрыта густыми джунглями. Надежно спрятаться в зарослях — нет ничего проще для аборигена.

— Но вы ведь не думаете, что они готовят нам какой-нибудь сюрприз. Неожиданное нападение, например, или что-нибудь в этом духе?

— О, только если бы я не был знаком с туземцами, — доверительно сообщил Энглхорн. — А мне кажется, я знаю их довольно неплохо. Вся соль в том, что они абсолютно уверены — им не потребуется нападать на нас самим. Они рассчитывают, что за них это сделает Конг. По правде говоря, мы держались чертовски высокомерно, сначала отказав Конгу в хорошенькой белокурой жертве, а когда он все-таки ее получил, устроив на него настоящую охоту! Им известны повадки Конга, и они убеждены, что никому не дозволено выкидывать подобные трюки без грядущей скоро расплаты. И они думают, это будет Конг, кто вернется за причитающейся данью. А когда

это случится, они хотят быть так далеко от этого места, насколько такое вообще возможно. По-моему, они размышляют вполне резонно.

— Во имя Господа! — тихо простонал Денем. Они правы! Они дьявольски правы! Конг *ОБЯЗАТЕЛЬНО* вернется. По крайней мере, если нам удастся освободить Энн.

Матросы, все это время спокойно занятые подготовкой ножей и карабинов, посмотрели на него с полным отсутствием понимания. Даже Энглхорн был озадачен. С минуту он продолжал медленно жевать, но затем неуверенно произнес:

— Но я не улавливаю почему. Мне кажется, он скорее примется охотиться в лесах для того, чтобы раздобыть кусок сырого мяса...

Денем, упрямо цепляясь за теорию, которую он когда-то приоткрыл Дрисколлу, отрицательно покачал головой.

— Конг — единственная загадка по ту сторону стены, — не сдавался он, — представляющая из себя нечто большее, нежели просто зверь. Согласен, он — ошибка природы, такая же, как и все остальные на этом доисторическом острове. Но ему не хватило совсем малого, чтобы перестать быть такой ошибкой. В этой громадной голове теплится искорка мысли. Энн значит для него кое-что.

Энглхорн издал нечленораздельный звук, судя по всему означающий сомнение.

— И тем не менее, это так, — сказал Денем. — Если бы я не верил в истинность своих выводов, во мне давно бы умерла одинокая надежда увидеть нашу девушку снова. Или вы предполагаете, что черная обезьяна с такой же нежностью заботится и о туземных женщинах, которых они привязывают к Алтарю? А что вы на это скажете?

Энглхорну пришлось уступить — Конг, наверняка, относился к ним несколько по-иному. Из краткой беседы с вождем племени он пришел к заключению, что аборигены были крайне удивлены, когда Конг с таким благоговением понес Энн в мрачную темноту утеса.

— Он почувствовал, что Энн — другая, отличная от

островитян, — воспользовавшись уступкой капитана, гнул свое Денем. — Возможно, он не имел даже мимолетной идеи, чем именно она отличается. И уж, точно, он ни в малейшей степени не подозревал, *что* с ней делать! Но стоило ему заглянуть ей в глаза, как какая-то струнка внутри его грубого существа... лопнула. У истории о Красавице и Чудовище нет конца — она бесконечна...

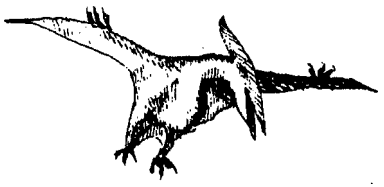
Ораторствуя исключительно ради Энглхорна — матросы, между прочим, растерянно послушав режиссера несколько минут, пожали плечами и вновь углубились в подготовку снаряжения для большой охоты, — Денем в который раз пустился в закоулки своей теории о том, как Красавица привлекает Чудовище и сводит его с ума, а под конец, возможно невольно, толкает зверя на верную гибель.

— В конце концов, он потеряет Энн, — подвел итог Денем. — Так или иначе. А после, когда это произойдет, он уже не сможет вернуться к привычной жизни, не сможет снова стать прежним повелителем джунглей. Неизмеримая животная сила дрогнет под дуновением чего-то более высокого... и даст трещину. И былая мощь начнет ослабевать. Будут совсем другие битвы и поражения от других монстров.

— Да, очень хорошенькая теория, — пробурчал Энглхорн. — Но, с моей точки зрения, мистер Денем, это не стоит маленького пятнышка ржавчины на обшивке «Скитальца». Просто болтовня при полной луне, и ничего больше. Конга заинтересовали яркие волосы Энн. Здесь я с вами солидарен. Но только потому, что для него они необычны. Так же, как и сороку привлекает блестящая на солнце галька. И он устанет от ее яркого великолепия, точно так же как сорока устает от мокрых камней. Когда чудовище проголодается, оно бросит Энн. Я лишь молю Бога о том, чтобы в тот момент оказался где-нибудь поблизости Дрисколл и он сумел бы увести девушку в безопасное место.

— На Джека мы можем положиться, — уверенно проговорил Денем. *Святые Небеса, как бы я хотел поторопить ту минуту, когда смогу выполнить свою часть дела!*

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ



Конг шел по нехоженой тропе, и его огромные следы отчетливо читались на опавших листьях, сломанных ветках и влажной земле джунглей. Дрисколлу оказалось преследовать его легче, чем он предполагал. Но даже когда ему не встречались заметные отметины, он редко сбивался со следа. Конг не обращал внимание на естественные препятствия на своем пути, поэтому шум его тяжелых шагов был хорошим ориентиром в густом лесу. К счастью для Дрисколла, бог чудовищ шел неспешной походкой: казалось, он совершенно не торопится, и если где-то вокруг и были его враги, они его определенно не пугали.

Только одно в движениях монстра указывало на то, что окрестности не настолько лишены врагов, как казалось: он выбирал только мало хоженые тропки. По пути он пересекал хорошо протоптанные дорожки, которые могли принадлежать лишь гигантским существам этого невероятного острова. Но Конг пробирался исключительно сквозь девственные джунгли. Он не шел по тропинкам, известным его врагам.

Преследование оказалось для Дрисколла таким легким, что иногда, он не рассчитывал собственную скорость и подходил к чудовищу слишком близко. Когда это случалось, его охватывала паника и ему приходилось искать укрытие. Он по-прежнему считал, что единственная возможность спасти Энн ему самому или позже, после прихода большой спасательной группы, зависела от того, удастся ли ему во время преследования не разбудить в Конге подозрения. Если тот обнаружит преследование, то может случиться что угодно, поэтому Дрисколл держался далеко позади, больше полагаясь на ухо, а не на глаз.

В полдень, несмотря на все предосторожности, он неожиданно выскочил на опушку, в то время как Конг лишь почти скрылся на другой ее стороне. А так как первому помощнику давненько не представлялся случай более внимательно приглядеться к похитителю и девушке, он отважился на быстрое обозрение.

Энн, очевидно, все еще была без сознания, и Дрисколл надеялся, что ее неподвижность была лишь только следствием страха. За все это время она ни разу не пошевелилась. Она лежала в колыбели гигантской руки зверя — также непринужденно она обычно сидела в седле, — и при каждом шаге или движении гибкого тела Конга, его рука как седло гасила все толчки и колебания. Последняя булавка выпала из ее волос, и они широким каскадом пенились и струились по ее спине. На фоне черной спутанной шерсти Конга они казались еще светлее. Один рукав ее платья был разорван, и ее правое плечо обнажилось: его мягкая белая округлость создавала еще один, более разительный контраст с черной как сажа шкурой похитителя.

За опушкой начинался редкий перелесок. Тропа, долгое время плавно спускавшаяся с гребня в ущелье, снова начала забираться вверх. Паутина лиан и пышной поросли постепенно стала исчезать. Деревья стали выше и стояли теперь без густого кустарника вокруг. В середине дня начала проглядываться вершина Горы-Черепа. Целеустремленное движение Конга определенно говорило о том, что он направляется к своей берлоге.

Дрисколл рассудил, что лежбище монстра может находиться только на склоне самого высокого пика острова, доступного только опытному скалолазу. Вдали от расти-

тельности, питающей большинство остальных зверей, такое место вдвойне удобнее, поскольку оно мало привлекательно для хищников. Такое предположение становилось все более реальным по мере продолжения преследования, в котором человек шел по следу зверя, бывшего в двадцать раз крупнее его самого.

Ближе к сумеркам чудовище стало забирать круто вверх по горным склонам, усеянным галькой и булыжником. Дрисколл быстро уставал: его тело ныло от падений, ударов ветками; он был голоден, его ноги онемели от усталости, так что он с трудом ковылял вслед за Конгом.

С некоторым запозданием он обратил внимание на удивительное явление, с которым столкнулся, сильно отклонившись от намеченного пути. Прямо из склона горы здесь била мощная струя воды. Пенящийся мутный поток выбил глубокую яму под истоком, из которой по узкому желобу низвергался дальше вниз и исчезал в джунглях.

Сознание Дрисколла, ослабленное усталостью, лишь поверхностно отметило присутствие этого потока. *Поток!* — ему пришло в голову, что это вполне могло быть началом той реки, которая далеко внизу впадала в лагуну динозавров и которая еще дальше спокойно струилась по склонам, ведущим к Равнине Алтаря. Он, размышляя над такой возможностью, обошел острый выступ скалы и обнаружил Конга в полный рост едва ли не в ста метрах перед собой.

Только судорожный бросок, тут же вызвавший протест его уставших мускулов, помог ему вовремя вернуться под защиту скалы.

Выглянув из своего укрытия, Дрисколл увидел, что Конг остановился в огромном естественном амфитеатре, с трех сторон окруженном скалистым выступом. Перед зверем-богом лежал широкий черный водоем, и он смотрел на это озеро все с большим и большим подозрением.

Это был необычный водоем: он был настолько же спокоен и неподвижен, насколько и черен; на первый взгляд, в него не впадал ни один ручеек. В одном месте он подходил почти на метр к основанию утеса. Высоко по краю

утеса тянулся карниз, который потом расширялся и образовывал перед пещерой широкую площадку.

Нигде не было видно каких-либо признаков текущей воды, питающей это озеро. Даже наоборот, на противоположной стороне от утеса Дрисколл заметил водоворот, который мог означать только значительный подземный отток воды. Загадка раскрылась перед ним. Внезапно он понял, что его предположение о струе воды, которую он видел раньше, было верно только наполовину. Да, струя из стены служила началом горного потока, но не была его источником. Источник находился здесь, в неподвижном черном водоеме. Откуда-то из глубины донных пород вода поднималась сюда в горное озеро. Здесь, в скале, за долгие века вода пробила себе путь в трещинах скал и наконец нашла выход на склонах горы.

Одного только не мог понять Дрисколл — почему сам Конг смотрел на воду с подозрением. Он был еще более озадачен при взгляде на пещеру, находящуюся высоко на утесе. И тут перед ним открылся подлинный смысл всего увиденного. Пещера находилась в конце тупика. Дороги в обход водоема не существовало. Если Конг захочет уйти отсюда, ему придется возвращаться тем же путем, каким он пришел. Но это могло означать только одно: Конг был дома. Пещера была его берлогой, и если так, то это место должно быть ему хорошо знакомо. Почему же, размышлял Дрисколл, огромная обезьяна стала такой подозрительной.

Озадаченный, он вгляделся в окружающие его скалы. И тут он увидел причину медлительности Конга. То, что раньше казалось странной чернотой в сгущающихся вечерних сумерках, становилось какой-то массивной ползучей массой, чья поднятая голова уставилась на стоявшего на скалистом утесе Конга, в то время как ее длинное змеевидное тело исчезало в бассейне. Конг пригибался по мере того, как существо, извиваясь, вылезало из озера. Он отступил назад на несколько шагов, чтобы грубо опустить Энн к основанию утеса, и, снова прыгнув вперед, теперь с открытым вызовом встал в полный рост.

Дрисколл никогда не думал, что когда-нибудь будет

прислушиваться к этому реву ярости без чувства страха. Но когда этот с аккомпанементом барабанной дроби мощных кулаков о мощную грудь ворвался в его уши, он был на волосок от того, чтобы не издать крик одобрительной поддержки. Он никогда не думал, что увидит, как Конг закрывает собой Энн, выражая при этом чувство, вовсе не похожее на ненависть. И когда обезьяна припала к земле и качнулась перед белым плечом, отмечавший положение Энн на фоне темных скал Дрисколл был готов завопить от признательности.

Конг с ревом бросился в бой. Но чудовище, упираясь хвостом в подводную скалу, противостояло первому натиску Конга. Конг дрался руками и длинными оскаленными зубами, но особо важную роль выполняли ноги. Цепляясь за неровности скалы, они помогали ему устоять перед чудовищем, которое кольцами обвило их в попытке соскользнуть вместе с Конгом назад, в водоем.

В отличие от предыдущих схваток, эта была безмолвной. Подводный зверь не имел голоса, а Конгу после первого рева, возвестившего начало битвы, едва хватило бы дыхания даже для яростного шепота. Зубы рвали сжимавшиеся кольца, а руки пытались удержать голову чудовища.

Долгое время Дрисколл, выглядывая из-за скалы, не ощущал перевеса какой-либо из сторон. Казалось, что кольца сжимаются с прежней силой. Но зубы Конга все также безжалостно терзают, а его руки по-прежнему борются с раскачивающейся головой чудовища. Схватка закончилась так неожиданно, что Дрисколл даже не сразу это осознал. Конг еще ниже припал к земле и еще шире расставил ноги, руками прижав голову чудовища к своей мощной груди. Это был конец. Вся эта молниеносная серия движений была одновременно и семенем и плодом очередной победы короля зверей, владыки затерянного мира, что на острове Гора-Череп. Вода закипела, когда хвост чудовища забился в агонии. Огромные кольца разжались и обрушились на голову Конга, которую он едва успел отдернуть.

От удара Конг покачнулся и едва не упал. Задыхаясь

от борьбы, он не мог собрать силы, даже чтобы отступить на несколько шагов от этой извивающейся массы, все еще охватывающей его ноги. Он дрожал, полный доисторического страха своего племени перед рептилиями, однако он был настолько изможден, что не мог пошевельнуться. И даже когда Конг поднял Энн на руки, чтобы подняться с ней по карнизу к своей заоблачной пещере-берлоге, было видно, что он все еще не полностью оправился от борьбы и не огляделся вокруг, чтобы убедиться в отсутствии новых опасностей.

Впервые за все время погони Дрисколл не боялся, что будет обнаружен. Он с ножом в руке вышел из-за скалы и почти решился на атаку, но быстро отказался от этого решения. Гигантские руки Конга, возможно, и потеряли почти все силы в схватке с монстром, но их вполне хватит, чтобы раздавить хрупкое человеческое тело. Он неохотно отступил назад в свое укрытие и приготовился к долгим и трудным часам ожидания. Несмотря на усталость, ему необходимо сохранить бодрость, чтобы не прозевать появление спасательной группы и, что еще важнее, быть готовым прийти к Энн на помощь, когда это потребуется.

Все вокруг него погрузилось в глубокую тьму, и он без опаски наблюдал за восхождением Конга в направлении карниза перед пещерой. Медленно переставляя руки и ноги, бог-зверь пробирался вперед. Тропы дальше не было, и только выступы скал служили ему опорой для подъема. Дрисколл запомнил маршрут и решил про себя, что если понадобится, он будет в состоянии преодолеть этот склон.

Стоя перед пещерой, Конг опустил Энн на землю между ног. Девушка лежала без движения; монстр глубоко дышал, и с каждым вздохом к нему возвращались силы. Голова его зашевелилась, и руки снова закачались из стороны в сторону. Они раскачивались все выше и выше — и вот уже в диком экстазе колотили в грудь, а из распухшего горла извергались раскаты победного рева.

Высоко в небе, усеянном звездами, парило огромное птицеподобное чудовище и как-будто прислушивалось.

Конг удвоил мощь своего рычания и с вызовом обратил крик ввысь.

Стоя внизу в темноте, Дрисколл увидел, как Энн шевельнулась и привстала. Она неуверенно запрокинула голову наверх, в сторону голоса, и громко закричала от ужаса, как уже кричала раньше на Равнине Алтаря.

Конг замолчал и посмотрел вниз. В слабом свете мягко блестела белая кожа Энн. Он присел перед девушкой, и его рука протянулась к пенистым волосам. Он помнил, что еще недавно они ярко сверкали. Монстр потянул волосы к себе, словно озадаченный этим отличием вечерних волос от тех, что так поразили его днем. Он ощущал их пальцами, затем отбросил в сторону и потянулся к зовущей белизне ее плеча.

Энн снова закричала, и Конг схватил ее. Рука его задела платье, и оно разорвалось под его огромными пальцами. Перед ним открылось еще больше белизны. Конг коснулся гладкой белой кожи и снова потянул к себе изорванное платье. Крепко держа Энн, он принялся сдирать с нее одежду — так же неловко раздевает детскую куклу шимпанзе. Конг возбужденно ощупывал каждый новый лоскут, оказывавшийся у него в руке, и явно пытался отыскать связь между непрочной материей и открывавшейся под ней белизной.

Энн судорожно рыдала, и Дрисколл, выскочив из своего укрытия, начал карабкаться наверх к карнизу. Глядя вниз, ему не удалось обнаружить ни малейшего признака приближения спасательного отряда, но он не мог больше ждать. К несчастью, его уставшие мускулы отказывались служить в полной мере, и раз за разом он соскальзывал со скалы. Однажды он едва не сорвался с самого основания утеса. Задыхаясь от напряжения, он повис над пропастью, но все же сумел снова выбраться и продолжить восхождение.

Его по-прежнему смущал вопрос, почему Конг до сих пор его не обнаружил, но, посмотрев наверх секундой позже, Дрисколл увидел огромную голову, выглядывающую из-за карниза. Если бы Дрисколл уловил на лице обезьяны гнев, он потерял бы всякую надежду. Однако

оно выражало лишь подозрительный интерес. Вероятно, Конг услышал что-то в темноте, но не смог разобрать, что именно издавало эти звуки. Дрисколл прижался к скале и в ожидании замер. Лицо Конга исчезло так же внезапно, как и появилось.

Дрисколл с яростью преодолел последние метры. Он решил, что предосторожность бесполезна, если он уже обнаружен. Но если Конга что-то на время отвлекло, то быстрота поможет ему добраться до цели прежде, чем в монстре проснется новое подозрение.

Подтянувшись, он перекинул себя через край обрыва, и в самое время, чтобы увидеть, как Конг поймал на лету птеродактиля и зверски раскромсал его тело.

Впрочем, на этот раз сие занятие не относилось к разряду побоищ. Силы были слишком уж неравны. Рептилия камнем падала в скалы, приметив белый силуэт на краю карниза. Конг молниеносно обернулся и сгреб ладонью пикирующее существо, уже выпустившее когти в предвкушении добычи. Он зло разорвал создание на куски. Зверь-бог вынужден был ринуться навстречу этой более явной угрозе и пренебречь смутной опасностью, единственным признаком которой был шум, поднятый Дрисколлом.

Энн, слава богу, не пострадала. Когда Конг оборвал полет птеродактиля у самой головы девушки, она встала с холодных камней и, спотыкаясь, побрела к краю платформы. Теперь она оказалась совсем рядом и Дрисколл осмелился на тихий шепот.

— Энн! — позвал он.

— Джек! О, Джек!

С трудом переставляя ноги, она пошла на его голос.

За спиной Конга они бросились друг к другу в объятия и возбужденно зашептались, словно двое маленьких детей в замке ужасов великана-людоеда.

— Джек! Я не прекращала молиться ни на минуту, а ты все не приходил и не приходил!

— Ну теперь-то я здесь, Энн.

Прижимая к себе ее трепещущее тело, он разыграл уверенность, которую совсем не чувствовал в себе.

— Джек! Не позволяй больше этому чудовищу дотрагиваться до меня.

Его ладонь скользнула к бедру и, нащупав рукоятку ножа, он сказал себе, что сможет избавить ее хотя бы от этого.

— Ты ведь не позволишь ему снова тронуть меня? Правда, Джек?

— Не волнуйся, дорогая, — пообещал он девушке, а потом, посмотрев вниз со скалы, вдруг вспомнил — *озеро!*

— Энн! — прошептал Дрисколл. — Пожалуй, мы собираемся...

А Конг тем временем закончил потрошить птеродактиля. Обернувшись, он отшвырнул останки плотоядной рептилии в пропасть. В ту же минуту увидел свой златовласый трофей в крепких объятиях крошечного соперника. Легкие зверя раздулись, и вырвавшийся воздух наполнил тишину злым глубоким рычанием.

— Прыгай, Энн! — крикнул Дрисколл и сильнее обхватил рукой талию девушки.

Они вдвоем скользнули в пустоту пропасти.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Черные воды горного омута сомкнулись над головой Энн, а в следующее мгновение вдавили тело девушки в глубь теплой беззвучной бездны. Вода была теплой! Ныряя, она даже стиснула зубы, приготовившись к обжигающему холоду, но вода оказалась теплой и изумительно успокаивала ее обнаженную кожу. Словно мягкий бальзам, она омывала каждую царапину, каждый вдоволь исстрадавшийся мускул. И стройное тело девушки — колеблющаяся белая тень среди черной неподвижности — благодарно отдалось этому теплому спокойствию.

Пока они летели в воздухе, Дрисколл успел крикнуть ей:

— Не бойся. Только перехвати дыхание!

И в последнюю секунду Энн глубоко вздохнула и постаралась как можно дольше не выпускать воздух, а прежде, чем они ушли на ту глубину, которая могла бы испугать девушку, Дрисколл изогнулся боком, и погружение тут же прекратилось. Затем вода стала выталкивать их вверх, все быстрее и быстрее. Его ладонь задержалась на талии девушки, покровительственно прижимая ее к себе, но когда парочка с всплеском вынырнула на поверхность, рука отдернулась и Энн пришлось барах-

таться одной, жадно наполняя легкие быстрыми глубокими вздохами.

— В порядке? Ты в порядке? — Дрисколл, даже не пытаясь передохнуть, подплыл к ней ближе, и сморгнул с век надоедливые капли, тонкими струйками сбегающие с мокрых волос.

— Да, — еле слышно ответила Энн. — Я могу плыть. Но, Джек, я не могу поверить, что ты действительно пришел за мной.

— Ты сомневаешься? Я — нет, — заверил ее Дрисколл и мельком взглянул в сторону берега.

Конг, из-за присущей его племени вековой неприязни к воде, выбрал более длинный путь к кромке водоема. Однако он уже почти достиг берега. Используя хватку ступней наравне с ладонями, он спускался с такой поразительной скоростью, что любое другое существо давно бы рухнуло на скалы грудой переломанных костей.

— По-моему, твой приятель куда-то спешит, — прошептал Дрисколл на ухо девушки.

Указывая туда, где гладкая поверхность озера прогибалась узкой воронкой и вода, затягиваясь в водоворот, устремлялась в подземный туннель, он коротко объяснил, что они должны сделать.

— Я готова, — сказала Энн. — Но, пожалуйста, Джек, будь рядом.

— Не волнуйся, я тебя не потеряю, — его рука утешительно скользнула по ее спине.

Конг резко оттолкнулся от выступа и в последнем длинном прыжке очутился на берегу, смягчив падение упругими сильными ногами. Барабаня кулаками в грудь, раздирая горло диким ревом, с пылающими от гнева глубоко посаженными глазами и уже тянущимися к жертве длинными руками он шагнул к краю озера.

Крик ужаса вырвался из губ девушки.

— Ныряй! — громко приказал Дрисколл.

В ответ Энн согнулась пополам и быстро ушла под воду. Дрисколл, не мешкая, последовал за ней, бешено молотя ногами и оставляя позади себя пенистый след. Неподалеку от отверстия туннеля Энн вновь пришлось подняться к поверхности и глотнуть воздуха. Джек метнулся за девушкой и, вынырнув первым, тревожно осмотрелся вокруг.

Конг почувствовал их намерения, или его огромные, почти скрытые среди меха глаза, возможно, были достаточно острыми, чтобы уловить их призрачное подводное бегство. Сама рычащая ярость, он грузно кинулся к водовороту над подземным каналом, и встав достаточно близко, чтобы с берега преградить им путь к отступлению, протянул к воде свои мохнатые руки великана.

— Ныряй! — еще раз крикнул Дрисколл.

Энн, едва переведя дыхание, снова ушла на глубину.

Теперь она могла без труда одолеть дистанцию, отделявшую их от туннеля. Глубоко над водой белая фигура девушки безошибочно направлялась к цели. При каждом движении скудные рваные останки некогда прекрасного одеяния плавно струились вдоль гибкого тела. Пальцы Дрисколла слегка коснулись ее пятки, подавая знак, что он по-прежнему рядом. В тот же момент Энн подхватило течение и она почувствовала, как зев туннеля засасывает ее все сильнее.

У нее хватило присутствия духа, чтобы не противиться потоку, увлекающему ее вдоль дна. Откуда-то из закоулков памяти появился книжный герой, который сумел выбраться живым из Канадских порогов, позволив своему телу нестись в стремнине, безвольно огибая любое препятствие. Она поступила таким же образом. Зажав голову между локтей и, по возможности, защищаясь руками от ударов о камни, девушка полностью расслабилась и покорилась воле течения.

На протяжении столетий вода пробивала в скалах этот подземный канал и оттачивала стены до гладких плавных округлостей. Против ожиданий Энн, туннель не сужался и не было других преград, мешавших проплыть его невредимой. Только однажды колено больно задело камни. Но черный как смоль проход оказался коротким. Легкие девушки только начали протестовать под бременем старого вдоха, как поток уже выбросил ее из склона Горы-Черепа и окунул в густое белое облако водяных брызг. Последо-

вало секундное падение, и, миновав вспененную водопадом лагуну, она обнаружила, что плывет в мягком свете луны меж отвесных скалистых берегов.

— *Джек!*

Чувство одиночества возвращало к ней агонизирующий страх, и девушка громко позвала в темноту, напряженно ожидая ответа. Она перевернулась и поплыла на спине, выискивая глазами Дрисколла. Наконец его голова показалась над водой. Он вынырнул рядом с Энн и, устроившись у нее под боком, быстро подставил руку под ее утомленную голову. Волна облегчения прокатилась по телу девушки, и она прикрыла глаза, наслаждаясь этим ощущением спокойствия. Теперь, не видя ни луны, ни берегов, ей казалось, что они движутся в два раза быстрее, чем раньше. Но снова обретая способность видеть, она убедилась, что поток представлял из себя бурную горную стремнину.

— Теперь можешь отдохнуть, — сказал ей на ухо Джек. — Эта дорога доставит нас прямо к деревне. И мы сэкономим кучу времени. Даже если Конг и бросился за нами в погоню, ему придется топать по земле, а мы побьем его в скорости, это уж вернее верного. — А если нет, — намного мрачнее закончил он, — ему придется войти в воду, чтобы выловить нас; и тоже нырнуть на самое дно.

Девушка по-прежнему скользила среди волн, облокотясь на твердую, надежную руку. Она потянулась, чтобы прикоснуться к спасителю в безмолвной благодарности.

— О, Джек! — воскликнула Энн в ту же секунду. — Ты ранен!

— Конг! — объяснил он, и его губы изогнулись в жесткую улыбку победителя. — Он слегка зацепил меня по голове, когда я уже почти нырнул в туннель.

— Ну что ж, мой милый, — сказала она смеясь, но смеясь только для того, чтобы удержаться от слез. — На мне не осталось одежды, чтобы нарядить даже детскую куколку, не говоря уже о взрослой девушке моего роста и веса. Но я, конечно же, найду из чего сделать тебе повязку. И если мы на минуточку подплывем к берегу, я

оторву для тебя кусок материи, и пусть моя девичья скромность отправляется ко всем чертям.

Ее слова явились именно тем просветлением, в котором так нуждалось их невеселое приключение. Дрисколл усмехнулся. Он тоже плыл на спине, и хотя теперь он и понятия не имел, куда может занести их течением, но так было удобней поддерживать голову девушки над водой. Он неожиданно перевернулся на бок, поймал возлюбленную в свои объятия и, пока они оба не погрузились в ночные волны, надолго прильнул к ее губам. Энн закашлялась и, громко фыркая, вынырнула на поверхность.

— Извини, но я просто не смог удержаться от этого поцелуя. К тому же, это только полдела, — сказал ей Дрисколл. — Вторая половина — я хотел бы отпраздновать наш побег.

Энн робко улыбнулась ему в ответ.

Она еще не оправилась от всего пережитого, и мерзкие видения из кошмаров последних суток неохотно покидали ее нежное создание. Она понимала, что Конг, вероятно, их преследует. И она так вымоталась, так устала, что если бы рука Дрисколла не служила ей твердой опорой, то она неминуемо пошла бы прямо на скалистому дну горного потока. Пустой желудок тоже давал о себе знать, и она порядочно ослабела от голода; девушка только начинала осознавать, как она долго ничего не ела. И она понимала, что их «круизу» по реке сопутствовали бесчисленные опасности. И тем не менее, она была счастлива, до глубины своей души.

Не отрывая взора от Джека, она глазами позвала его обратно к себе, а когда он подплыл поближе, быстро обвила его шею рукой и легко поцеловала в губы. Этот поцелуй получился короче, чем предыдущий, но она не сразу захотела отпускать его, и некоторое время они плыли обнявшись.

— Я тоже не прочь отпраздновать такое событие, — прошептала Энн. — И кроме того, я тоже не смогла удержаться.

Дрисколл поцеловал ее в третий раз, но потом мягко

оттолкнул прочь; вода ворвалась между их телами, постепенно отгоняя друг от друга, и единственным, что их пока связывало, оказалась его заботливая рука. В бледном свете луны его фигура сливалась с окружающей темнотой и казалась неясным темным силуэтом рядом с дрейфующей белой тенью девушки.

— Ни в одном из нас нет и малой толики здравого смысла, — признался он.

— А по-моему, лучше быть счастливой, нежели каждый день держать себя в узде здравого смысла. Или каждую ночь, — добавила Энн, глядя на луну.

— Ты хоть немного представляешь, — поинтересовался Дрисколл, — где мы сейчас находимся или куда мы сейчас плывем?

— Куда бы ты не сказал.

— Твое доверие — не более, чем комплемент. Но не спеши расточать любезности, пока я не растолкую тебе, что к чему.

Скользя среди волн, он объяснил ей свою теорию о горном потоке и то, куда, согласно ей, должно вынести их течение. Пока он говорил, берега по обе стороны реки все глубже утопали в тень, а воды, похоже, чуть замедлили свой стремительный бег.

— Когда почувствуешь себя немного отдохнувшей, — добавил он, — я хочу, чтоб ты поработала руками. Пусть и не очень интенсивно, но достаточно, если ты лишь капельку поможешь течению. Я не думаю, что нам придется плыть особенно далеко, но ты ведь понимаешь, мы не можем терять время.

— Я и сейчас могу плыть сама, — заявила Энн. — По крайней мере... не очень долго.

Девушка перевернулась на живот, и ее мокрая спина блеснула в лунном сиянии. Она тяжело вздохнула и с героическими усилиями начала грести.

— Легче... легче, не торопись, — осадил ее Дрисколл. — Старайся делать длинные и медленные движения. Все, что от тебя требуется, — это лишь немножко помогать течению.

Под сумрачным покровом тени нависающего берега, тело девушки ритмично двигалось в соответствии с приказаниями Дрисколла.

— Уже лучше. Я бы сказал — замечательно. Если ты слишком устанешь, думаю, нам удастся отыскать бревно где-нибудь рядом с берегом. Но с бревном мы будем плыть намного медленнее. А мне бы не хотелось терять скорость... Одному Богу известно, с чем нам предстоит встретиться впереди.

— Я смогу продержаться так некоторое время.

— Когда мы достигнем лагуны, где столкнулись с динозавром, придется выбраться из воды. Там практически нет течения, или оно довольно слабое. Быстрее обойти это место по земле, чем переплывать из конца в конец.

Перспектива пешей прогулки отнюдь не воодушевляла. Энн сознавала свою слабость и заставила себя признаться в этом Джеку.

— Я вполне могу тихонько грести... как сейчас, — сказала она Дрисколлу. — Особенно если ты время от времени будешь подавать мне руку. Но, Джек, уверяю тебя, я едва ли осилю даже сотню футов... во всяком случае, меня обгонит любая черепаха.

— Я и не предполагал, что это тебе по плечу, милая. Я собираюсь нести тебя на руках.

— Нести?! На руках? О чем ты говоришь! После всех твоих скитаний? Джек, тебе никогда этого не сделать.

Дрисколл не стал возражать, а лишь плавными, размеренными движениями отбрасывал назад воду. Но потом мягко заметил:

— Тебе не следует ошибаться на мой счет! Я смогу пронести тебя десяток миль... если будет необходимо.

Или, сказала сама себе Энн, полностью выдохнуться при первой же попытке. Она знала, у него не было сил тащить ее на руках. Возможно, в другое время, в другом месте... Но не теперь, после бесконечных испытаний и долгих часов погони за Конгом. И все же, откуда-то из подсознания, она черпала счастливую уверенность, что, когда понадобится, он обязательно найдет в себе силы.

И когда образ исполинского похитителя, от которого она так удачно освободилась, снова заполнил ее вообра-

жение, волна уверенности в своем избраннике добавила ей мужества прогнать из мыслей этот панический страх.

— Он преследует нас, Джек?

— Я как раз задавался тем же самым вопросом, — взволнованно признался Дрисколл.

Как бы он ни старался казаться спокойным, его голос выдавал внутреннее напряжение.

— Я не могу поверить, что монстр обладает настолько развитым мозгом, чтобы идти по следу, который не может увидеть или уловить обонянием. И мы, несомненно, обогнали его. Кроме того, я вряд ли поверю, что он додумается прямиком вернуться в деревню только потому, что помнит о тебе... К тому же, должен же он прервать свои поиски и раздобыть какой-нибудь еды. Он, наверняка, голоден не меньше, чем мы с тобой, а в животном чувство голода преобладает над всем остальным.

— Если только он на самом деле зверь *до мозга костей*, — понизив голос заметила Энн.

— Если?..

С минуту девушка молчала, окунувшись в свои невеселые воспоминания. Но потом ее словно прорвало, словно ей стало невыносимо скрывать в себе груз пережитых страстей. Ее голос дрожал но она даже не пыталась вернуть ему прежнюю твердость.

— Джек! Если бы ты знал, как ужасно быть игрушкой в его руках. Ты не можешь представить эти руки, пока на себе не испытаешь их прикосновение... как эти пальцы ощупывают тебя, будто пытаются разгадать, что у тебя внутри. — У нее перехватило дыхание. — А иногда... наверно, ты сочтешь меня ненормальной, но, чувствуя, как он смотрит на меня... чувствуя, с какой заботой и осторожностью он несет меня в изгибе своей ладони, вместо того, чтобы грубо тащить, как это было вначале... я все задавала себе вопрос... я думала... — От ужаса ее голос взлетел до высоты истерических ноток и оборвался.

Дрисколл протянул к ней руку и мягко тронул за плечо.

— Забудь о Конге! — сказал он, и его интонация прозвучала не как просьба, а как настоящий приказ. — В

этом чудовище нет никакой загадки. Если бы ты не была такой уставшей, к тебе в голову не лезли бы подобные мысли.

— Может быть, ты и прав, и мои впечатления лишь плод разыгравшегося воображения, — тихо отозвалась Энн и скользнула под водой ближе к нему.

Почти касаясь друг друга, они тихо плыли под мягким светом луны — белая тень и черный силуэт. Течение постепенно теряло былую скорость, и с каждым поворотом русла продвижение вперед давалось все труднее. Река, опустившись на плоскогорье, требовала от обессиленных людей все новых и новых усилий. Однажды, несмотря на отчаянные протесты Энн, Дрисколл заставил ее выбраться на берег и отдохнуть. Впрочем, он настаивал даже не на отдыхе, а лишь на короткой передышке. Первый помощник капитана «Скитальца» был непреклонен и, когда девушка подчинилась, сам он, пока они снова не соскользнули в воду, оставался напряжен.

— Смотри, как широко разошлись берега, — прошептал Джек спустя какое-то время. Некоторое расстояние они переговаривались крайне редко, даже тогда предпочитая шепот. Мрачные предчувствия переполняли их обоих.

— Наверное, мы уже близко от твоей лагуны, — осмелилась предположить Энн.

Вскоре ее догадка подтвердилась, и их местоположение теперь не вызывало сомнений. Течение стало таким незначительным, что они почти не замечали какого бы то ни было продвижения, и Дрисколл осторожно направил девушку за собой к берегу.

Одолев невысокий уступ, они тяжело повалились на траву. Но, едва отдышавшись, Дрисколл поднялся и подхватил Энн на руки. Ее протесты были слишком слабы, чтобы обращать на них внимание. Убаюканная в надежных и любящих объятиях, она признала свое изнеможение, и ее голова сонно упала ему на плечо. Веки беспомощно поползли вниз, и девушка провалилась в беспокойную дрему, а помощник капитана между тем грузно шагал подальше от берега в тенистую чащу ночных

джунглей. Энн упивалась беспредельным покоем, ощущая легкое покачивание его упругой походки, жесткое кольцо его сильных рук, случайные скользящие касания его головы о свое мягкое плечо. Девушка не открывала глаз, пока он не опустил ее на землю.

— Отдохну только минуточку, — прошептал он.

Они стояли в густых зарослях, в тени гигантского дерева, но даже сквозь плотную крону верхнего яруса к ним просачивались осколки лунного света, и Дрисколл чуть повернулся, закрывая спиной ее тело — такое предательски белое — от тусклого полуночного сияния.

— Ну ладно, — прошептал он и опять поднял девушку на руки.

Пересекая джунгли, он останавливался еще три раза. Когда Дрисколл сделал четвертую остановку и Энн почувствовала под ногами землю, она обнаружила, что они вернулись к реке. Течение снова набирало разбег. Лагуна с ее неподвижными водами оставалась за спиной.

— Ты слышал? Что это?

Дрисколл одеревенел. Где-то далеко позади из джунглей доносился хруст сухих веток.

— Конечно, это может оказаться чем угодно... — быстро проговорил он. — Но лучше нам поторопиться.

Интуиция подсказывала Энн — Джек не верил, что это было чем-то иным. Она знала: он ни на секунду не сомневался, что это мог быть только Конг. Страх опять украдкой заползал в ее душу.

Бросившись в воду, она заметила, что страх придал ей новые силы. К тому же, после отдыха на руках Джека она уже не чувствовала себя такой уставшей, а речная прохлада освежила даже Дрисколла. Они плыли без остановок, не переставая грести, увеличивая скорость движения по течению. Когда Энн начинала уставать, он заставлял ее класть руку к себе на плечо и таким образом тащил за собой. Новая тактика плавания оказалась значительно действеннее прежней.

Спустя какое-то время, впереди послышалось слабое журчание воды. При этих звуках Дрисколл радостно коснулся ее плеча.

— Помнишь? — шепнул он. — Я говорил тебе, что этот поток вынесет нас к стремнине, и дальше вниз по ущелью, прямо к Долине Алтаря? Так вот, шум воды, который ты слышишь, и есть та стремнина.

Журчание стало более отчетливым.

— Спуск обещает быть нелегким, — снова прошептал он. — Почти таким же опасным, как подводный туннель, Энн. Но мы не можем рисковать и задерживаться, ибо путь по тропе вдоль берега отнимет слишком много времени.

— Я не боюсь, — ответила Энн.

— Отважная леди!

— Я, правда, не боюсь. Но держись ближе ко мне, Джек!

— Не волнуйся, я буду рядом.

Теперь они уже видели впереди черные буруны порогов, отороченные белыми кружевами пены.

— Плыви посередине потока, но берегись камней, — напоследок предупредил ее Дрисколл.

Из-за спины до них снова донесся из джунглей треск. Звук по-прежнему возникал далеко позади, но они оба четко его расслышали. Настигающая опасность подхлестнула пару отчаянных пловцов, и они нырнули в стремительный, изобилующий порогами желоб.

Вода тянула их вниз по ущелью. То падая, то сбегая по камням, поток ревел и клокотал; натыкался на валуны, разбиваясь на тучи брызг; пенился, кружился и увлекал за собой в свою адскую карусель два беззащитных тела, каждую секунду угрожая швырнуть на скалы.

В следующий момент все было кончено, но на этот раз они оба пострадали в недолгом сумасшедшем спуске. Когда они выкарабкались на прибрежную гальку, правая рука Дрисколла плетью свисала вдоль туловища — оцепеневшая и кровоточащая; а по стройной белой ноге Энн тянулась длинная темно-красная полоса, рассекавшая плоть от бедра до колена.

— Ты чего-нибудь сломал себе? — с ужасом прошептала девушка, глядя на безвольно свисающую руку Джека.

— Всего лишь онемела, а порез — не более чем пара пустяков. Но, Энн! Ты ранена.

— Для бедной девушки тоже не нашлось повязки! — засмеялась Энн, уныло созерцая уже несуществующее, в сущности, платье. — Но какое это имеет значение? Смотри, Джек! Смотри!

На противоположной стороне равнины, за неясно различимым возвышением алтаря, в небо упирался мощный шпиль яркого света. Лишь со второго взгляда они поняли причину столь необычного явления... В узкую щель между створками приоткрытых ворот пробивался свет факелов.

— Они ждут нас! — воскликнула Энн. — Джек! Джек! Мы спасены!

Не смея шелохнуться, они крепко держались за руки и очарованно смотрели на подкрашенный черным дымом желтый шпиль. Это был взгляд облегчения и благодарности. Затем, наклонившись, Дрисколл обнял колени девушки здоровой левой рукой и, подобрав ее неожиданно легкое тело, зашагал к манящим своим мерцанием факелам.

Лишь однажды, пока они шли сквозь темноту, Энн показалось, что она снова услышала где-то на вершине утеса знакомый треск, но звук был очень далеким, поэтому она уловила его лишь однажды. Теперь, когда до стены, а следовательно, и безопасности оставались считанные минуты ходьбы, она с радостью выкинула из головы и подозрительный треск, и Конга, и все на свете, кротко прижавшись к груди Джека. Усталая, измученная, но наконец-то умиротворенная.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Первым их увидел Лампи. В последние часы было так много разговоров о громадном черном звере по имени Конг, что Лампи почувствовал в себе даже легкое раздражение. Все это являлось, конечно же, пустым вздором, всего лишь праздными упражнениями для незнающих, чем заняться, челюстей и длинного языка. Ну надо же, взрослые люди, а придерживаются таких взглядов! Нет, такими бреднями его не пронять. Все эти разговоры не помешают ему прогуляться к распахнутым воротам, чтобы полюбоваться утешающей пустынностью равнины...

С задумчивым безразличием Лампи побрел к воротам. Представшая его глазам картина вдохнула раскаленные струи в сухие старые кости матроса. Равнина отнюдь не была пустынной. Ни на одну бесконечную морскую милю.

— Йо-хо-хо! — взвыл Лампи и, резко изменив галс, кинулся к воротам так быстро, насколько позволяли его древние ноги, удивленные увиденным не меньше, чем мозг. — Да это мисс Энн! И помощник капитана!

Денем оборвал свое уверенное восхваление Дрисколл-

ла, напрочь позабыл философские рассуждения о Красавице и Чудовище и бросился к старому матросу. Энглхорн, только что собиравшийся отправить за щеку новый полудюймовый пласт жевательного табака, вместо этого оказался третьим, выбежавшим на Равнину Алтаря. А уже за ним иступленным роем высыпал шумный караван матросов.

Неподалеку от алтаря длинные языки пламени от высоко поднятых факелов вырвали из темноты промокшую ссутуленную фигуру тяжело идущего Дрисколла. На руках Джека маленьким озябшим комочком приютилась Энн. При виде ее белой неподвижной фигуры рты матросов раскрылись еще шире.

— Gott sie dank![1] — выдавил Энглхорн, откашлявшись, наконец, от крошек злосчастного «жевательного». О глубине его признательности Господу свидетельствовало спонтанное возвращение к языку, от которого последние двадцать лет капитан отказывался в пользу английского.

— Джек! — воскликнул Денем. Он повернулся к матросам с напыщенностью человека, только что записавшего на свой счет персональную победу первостепенной важности. — Во имя Господа! Разве не говорил я вам, что если вообще существует человек, способный привести ее назад, то это сделает именно Джек?

Никто и не думал с ним спорить. Хлопая глазами, тщетно пытаясь удержать потоки слов, матросы суетились вокруг Дрисколла и Энн, выплескивая наружу неразборчивые возгласы замешательства и облегчения. Все, кроме Лампи! Этот тотчас же обрел свою привычную манеру — грубоватую и небрежную.

— Эй, живо, — бросил он своим неподражаемым тоном, — кто-нибудь из вас, осоловелых куриц, примите госпожу Энн у помощника капитана, пока тот не рухнул замертво. Неужто вы не видите, он просто с ног валится от усталости?

— Давайте ее мне! — сказал Денем.

[1] Слава Богу! (нем.) — *прим. пер.*

Энглхорн, словно фокусник, вытащил из ниоткуда бутылку, из которой Денем ранее получил свою порцию возбуждающего напитка. Отвинтив крышку, он сунул ее в руку Дрисколлу, в то время как режиссер с девушкой на руках тронулся к воротам. Помощник сделал длинный глоток и судорожно передернул плечами.

— Это пойдет вам на пользу, — пробормотал Энглхорн.

— Я вернул ее! — хрипло выпалил Дрисколл. — Я вернул ее, шкипер!

— Молодец, мистер Дрисколл!

— Молодец? И это все, что вы можете сказать? — бросил Лампи. — Он величайший из людей!

Дрисколл, которому виски, без сомнения, пошло на благо, ответил старому Лампи широкой улыбкой. В окружении матросов, одобрительно похлопывающих его по спине, Джек грузно двинулся вперед.

Тем временем Энн с блаженством растянулась на импровизированной постели, наспех сооруженной из курток и всякой всячины посреди ритуальной площади. Дрисколл на негнущихся ногах подошел к ее ложу и попытался влить остатки содержимого в раскрытые губы девушки. Она проглотила с ложку виски, закашлялась и оттолкнула от себя бутылку.

— Для нее это зелье, пожалуй, крепковато, — пробурчал Энглхорн.

— Мне вовсе ничего не нужно, — выдохнула Энн и села. — Со мной все в порядке. — Она повисла на шее Дрисколла и спрятала лицо у него на груди. — О, Джек! Мы действительно вернулись. — Она начала всхлипывать.

— Ну будет! Будет! — принялся успокаивать ее Энглхорн. — Конечно же, вы вернулись. И мы как можно скорее доставим вас обоих на "Скиталец".

— Поплачь, милая, поплачь! — прошептал Дрисколл так, чтобы кроме девушки его никто не услышал. — Теперь можно. Выплачь все, что в тебе накопилось.

— В первый раз, — громко сказал он всем остальным, — вижу, как у нее в глазах стоят слезы.

Все были так поглощены чудесным возвращением Энн

и Дрисколла, что никто не заметил возвращающихся туземцев; а между тем, племя постепенно собиралось на площади, просачиваясь сквозь ряды деревьев. Сначала одна женщина с удивлением выглянула из хижины на воссоединившуюся компанию, но тут же пропала из виду, скользнув в заросли. Через минуту ее соседка тоже высунулась наружу, недоверчиво посматривая из окна. А затем первая островитянка торопливо выбежала на темную окраину деревни. Вслед за ними и мужчины, с вождем и старым шаманом во главе, начали тихо пробираться на ритуальную площадь. Некоторые, с заново разожженными факелами в руках, карабкались на вершину стены.

Первым увидел черную напирающую массу Энглхорн. И он, круто повернувшись на каблуках, предостерегающе окликнул туземцев.

— Бадо! — приказал он. — Остановитесь!

В мгновение ока матросы окружили Энн, но в следующую же секунду стало абсолютно ясно, что аборигены не представляют никакой опасности. Они просто были озадачены и так же, как и их женщины, отказывались верить своим глазам. Они таращились на Энн и только бормотали низко и монотонно:

— Конг... Конг... Конг... Конг... Конг... Конг... Конг... Конг...

— Вот это, — многозначительно сказал Денем, — как раз то, что мне тоже хотелось бы знать. Что насчет Конга?

— То есть? — не понял Дрисколл.

— Я приехал сюда, чтобы снимать картину, — ответил Денем. — Но Конг стоит больше всех вместе взятых картин на свете. Сейчас, когда Энн и Джек спасены, я... мне... нужен... этот... м-м... зверь!

Весь экипаж, включая Энглхорна и Дрисколла, крепко сжимавшего Энн в своих объятиях, недоуменно уставились на продюсера:

— Что?

— Ну, он, и правда, помешанный!

— Он что, действительно не знает, когда остановиться?

— Я понимаю, что говорю! — настаивал Денем. — У нас ведь есть бомбы. Если мы захватим его живым...

— Нет! — взорвался Дрисколл. Утаив предзнаменование, прочитанное им в далеких отзвуках ломаемых веток, которые преследовали его и Энн на последнем этапе их стремительного бегства, он смотрел в лицо Денема с категорическим отказом. — Конг далеко. Он в милях отсюда. В своем лежбище. А оно — на вершине отвесной скалы, которую не возьмет приступом даже целая армия.

— Не мне судить, но, наверное, вы правы, если только он предпочтет там остаться... — согласился режиссер. — Вопрос лишь в том, предпочтет ли он.

— А почему бы и нет?

Денем выразительно посмотрел на Дрисколла.

— Потому что у нас то, чем очень хочет завладеть Конг. И вы, Джек, знаете это не хуже меня.

— Верно, Денем. Но это и то, что он никогда не получит снова. Если вы рассчитываете...

— ...Использовать Энн в качестве наживки? — закончил за него Денем. — Ничего подобного! И вам это тоже замечательно известно, Джек. Но вам известно кое-что еще, впрочем так же, как и всем остальным. Если я за что-то берусь, то довожу дело до конца.

— Ну! — его взгляд кружил по хмурым лицам, с вызовом ощупывая одного мужчину за другим. — Я взялся наложить руки на Конга. И я собираюсь добиться своего. Чудовище уже познакомилось с Красавицей, поэтому мне не придется использовать новую приманку. Он придет сам. Его инстинкты, инстинкты зверя, советуют ему остаться в безопасности, в вышине гор. Но воспоминания о Красавице живы в нем. И они сильнее звериных инстинктов. Они сильнее всего, что до сих пор знало это невиданное Чудовище. И оно придет!..

Дрисколл подхватил на руки Энн и поднялся в полный рост.

— Я забираю ее обратно на корабль, — решительно заявил он.

В тот же миг монотонное бормотание на гребне стены переросло в ужасные стоны и крики, а факелы закачались широкими предостерегающими дугами.

— Конг! Конг!

Из темноты равнины перед стеной воздух заполняла частая мощная дробь кулаков, а потом оглушительное, вызывающее на поединок, рычание.

Энн пронзительно взвизгнула, и Дрисколл прижал ее ближе к себе.

— Он преследует ее!

— Закройте ворота, — спокойно распорядился Денем. — Накиньте засовы!

Энглхорн выделил Лампи и еще несколько матросов для охраны Энн; все остальные сломя голову бросились к воротам. С полсотни внезапно обезумевших туземцев устремились за ними.

Две гигантские створки медленно поползли навстречу друг другу. Но пламя факелов сквозь сужающуюся брешь уже выхватывало из темноты несущуюся тушу Конга, раскатистый утробный рык которого тут же поднял у ворот неистовые вопли ужаса.

Проем между створками уже был едва ли больше фута, когда Конг всем своим весом с разбегу навалился на ворота. Под столь мощным натиском двери отпрянули, щель снова увеличилась, и Конг просунул внутрь громадную ступню. Не уступая по ловкости любой руке, она сомкнулась у основания одной из массивных створок и толкнула ее с чудовищной силой. Толпа островитян под стеной жалобно захныкала, и ритуальной площадью завладела паника.

Дрисколл с девушкой на руках растворился во мраке позади ближайшей хижины. Денем подбежал к воротам и вклинился между матросами, упираясь в дерево створок. Ворота начали сдавать. Люди прилагали титанические усилия, но щель становилась шире дюйм за дюймом. Ладонь Конга протиснулась в брешь, на ощупь отыскивая противников. Пару раз огромная клешня сжималась тщетно, но на третий — ухватила зазевавшегося матроса.

Она вздернула его высоко над головами товарищей и с хрустом расплющила о поверхность стены.

Ужасная смерть привела аборигенов в панику. Они ждали с могучими деревянными засовами на плечах, готовые быстро пропустить их в металлические скобы тотчас, как обе створки соединятся, но при виде судьбы матроса с сокрушенными воплями бросились наутек.

Конг превратил свое тело в гигантский таран. Снова и снова он наносил удары плечом в бревенчатую грань баррикады. Грубые железные петли крошились и лопались. Под новым ударом они вылетели из своих креплений с жутким, раздирающим душу треском. С величественной медлительностью массивные ворота накренились и рухнули в пыль площади.

Матросы, мгновенно оценив ситуацию, отпрыгнули в безопасность стен по обе стороны дверей, но толпа островитян, спасавшихся бегством непосредственно в площади ворот, оказалась целиком погребенной под низвергнувшейся массой.

Конг заполнил собой проход. Согнувшись крюком, он пристально глядел поверх крошечных людишек, сновавших у него под ногами, на черные пятна хижин.

— Бомбы! — заорал Денем. Не веря собственным глазам, он созерцал с фланга исполинскую тушу захватчика, но, быстро опомнившись, кинулся в глубь площади. — Бомбы!!!

Конг двинулся вперед, готовясь к медленному терпеливому обыску затемненной деревни. Кучка хижин тонула в абсолютной мгле, и только тусклое свечение луны просачивалось сквозь кроны деревьев. Туземцы — все до последнего — побросали факелы на землю и поспешили убраться с площади, кто — используя в качестве убежища обманчивую надежность собственного дома, иные — в густое переплетение джунглей, полумесяцем опоясывавших деревню. Конг методично переходил от одной хижины к другой, беспощадно срывая непрочные крыши. Он низко нагибался и внимательно изучал каждую. Сначала он только урчал в нетерпеливом разочаровании, но

повторяющиеся неудачи, которые встречали его всякий раз в черных проемах, изменили его тон до дикой ярости.

Денем устремился Конгу наперерез, прячась во мраке хижин и деревьев. Он бежал по широкой дуге, обходя зверя сбоку и наконец остановился в том месте, где Конг не смог бы пройти мимо него. Сжимая по вожделенной бомбе в каждой руке, он рассудительно соблюдал дистанцию между собой и зверем, осторожно отступая в джунгли. Поредевший отряд матросов поддерживал его с тыла. Теперь они снова были вооружены карабинами, а некоторые даже подобрали в придачу бомбы. Дрисколл с девушкой уже трусили по окраине деревушки и через пару минут окунулись в слишком яркое лунное сияние на открытом пространстве побережья. На фоне серого песка дюн троица была видна как на ладони, но они уже почти достигли воды и шлюпок, а значит, и спасения.

— Он до сих пор не заметил нас, — крикнул Денем матросам, в то время как Конг склонился над новой хижиной аборигенов. — Вы, ребята, догоняйте Дрисколла. Я скоро к вам присоединюсь. Если эта черная обезьяна погонится за мной, я закидаю ее бомбами. Впрочем, я предпочел бы этого не делать... по крайней мере, пока. Вокруг слишком много хижин, и они могут помешать распространению газового облака.

Мужчины тронулись к побережью; Денем замыкал отступление, настороженно оглядываясь за спину.

Раскромсав очередное строение, Конг обнаружил среди его останков съежившуюся от страха семью туземцев. Хижина, служившая им кровом долгие годы, в одно мгновение обернулась кровавой бойней. Холодок пробежал по спине Денема, когда душераздирающие крики накрыли его волной ужаса. Он как вкопанный остановился, но, будучи не в силах чем-либо помочь несчастным, кинулся догонять остальных.

Конг, не отчаиваясь, продолжал свои методичные поиски. Когда он выпрямился над последней хижиной, Дрисколл уже опустил Энн на песок возле лодок. Однако луна сыграла с ними злую шутку — монстр не мог не заметить белизну своей утерянной невесты.

Колотя себя в грудь, он бросился к дюнам; его широченные шаги быстро пожирали разделявшее их пространство.

Денем окликнул матросов, и они выстроились в оборонительную линию между Энн и ее чудовищным преследователем. Впереди всех стоял Денем, его руки по-прежнему сжимали черные сферы бомб. Рядом с ним примостился Лампи, с двумя другими бомбами наготове.

Конг был еще далеко, а первый шар уже приземлился прямо у его ног. Взорвавшись, он выбросил в воздух густое облако испарений, окутавшее бога чудовищ с ног до головы.

Денем поспешно отступил, обернулся и метнул следующую бомбу. Конг опять погрузился в облако, но как ни в чем ни бывало миновал и это, второе, и третье.

Сейчас он был не более чем в сотне ярдов от того места, где Дрисколл и Энн отчаянно упирались в нос шлюпки, пытаясь оттащить ее к воде. И вдруг утробное вызывающее рычание Конга сменилось задыхающимся кашлем, голова его качнулась от плеча к плечу, а поступь титана превратилась в пошатывающуюся походку пьяного.

— Ну что я вам говорил! — воскликнул Денем.

Он опрометчиво шагнул чуть ближе к Конгу, и его четвертая бомба взорвалась прямо на широкой и черной груди. Струи жидкого газа брызнули на густую шерсть и, испаряясь, слились в маленькое облачко, которое плыло над Конгом, пока тот слепо переставлял обессиленные ноги.

Рука исполина медленно описала опасную траекторию, слегка задела Денема и отшвырнула его на несколько футов в сторону. А затем обе ладони поползли вверх и плавно потянулись к девушке. И они непременно бы достали ее, но... Не в состоянии поднять тяжелую ступню, Конг на ощупь шарил у земли; он снова сильно покачнулся и рухнул в песок. Распростертое у ног победителей его невероятное — и по-прежнему грозное — тело выделялось темным силуэтом под мягким светом луны.

— Шлюпки на воду! — приказал Энглхорн. — Мы уходим с этого дьявольского острова.

Он побежал к Денему, желая помочь тому подняться.

— Вы не ранены?

— Я? Ни капельки! Идемте, шкипер, мы все-таки уложили его!

— Будет лучше, если мы вернемся на корабль, мистер Денем.

— Конечно! Пошлите кого-нибудь из экипажа. Пусть доставят сюда якорные цепи и необходимые инструменты.

— Надеюсь, вы не осмелитесь...

— Почему бы и нет? Он еще не один час пролежит без сознания. Можете даже пнуть его ногой — ему все равно.

— Что вы собираетесь делать?

— Для начала заковать его в цепи, потом сделать плот и переправить его на борт "Скитальца", в стальную камеру.

— Ни одна цепь не удержит... *это.*

Денем расправил плечи — самоуверенно и жизнерадостно как всегда.

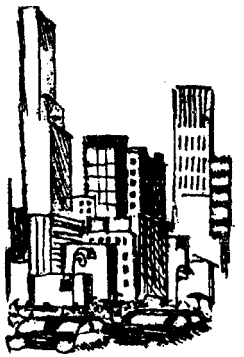
— Мы приготовим ему больше, чем цепи. Он с давних пор был царем своего мира. Теперь он должен получить кое-какой урок. Урок, который может преподать человек любому зверю. Страх! Уж это его удержит... если одних только цепей окажется мало.

Разрываясь от восторга, Денем хлопнул Энглхорна по плечу и нетерпеливо затряс шкипера за руку.

— Неужели вы не понимаете? На нашем счету самый грандиозный охотничий трофей на всем земном шаре! В *нем* таятся миллионы! И я собираюсь поделиться со всеми. Послушайте!!! Через несколько месяцев наш монстр будет восседать на Бродвее в ярких лучах прожекторов... Такое представление никто не пропустит! Кинг Конг[1]!!! Кинг Конг — восьмое чудо света!

[1] Кинг — король, царь (англ.) — *прим. пер.*

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ



Толпы разношерстной публики наводняли город. Бесчисленная река зевак запрудила улицы на полных четыре квартала вверх от Таймс-сквер и широкой волной вылилась аж до середины Бродвея. Дорожные полицейские безнадежно качали головами, беспомощно крутили пальцами и утомленно направляли желтые мигалки в объезд через боковые улочки, расположившиеся вверху или внизу от центра. Высоко над головами, там, где давка была особенно жестокой, а толпа забаррикадировала не пол-улицы — как в других местах, — а всю целиком, висел красочный плакат, возвещавший миру большими, жгучими, огненно-красными буквами:

КИНГ КОНГ — ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА!

Под полотном этого необычного плаката шелковые шляпки с Парк-Авеню теснили котелки из Бронкса; тонкие парижские платья шуршали о кружевные бюстгальтеры и рабочие комбинезоны по 3 доллара 98 центов за штуку; грубые свитера терлись о заносчивые смокинги; заломленные набекрень кепи с Десятой Авеню царапали широкие поля шляп с Риверсайд-Драйв. Здесь толкались все представители Социального Регистра, и впору было начинать кампанию по переписи населения. И как всег-

да, делегации от дна общества и подонков всех мастей на следующее после облавы утро собирались где угодно, за исключением полицейских участков. Здесь мелькали личики пылких молодых женщин из Гринвич Вилладж и их серьезных младших сестер из Коламбиа-Хайтс. Здесь в ожидании изнывали газетчики, торговцы-разносчики, вечно скитающиеся коммивояжеры, клерки, кассирши, стенографистки, дебютанты, матроны, секретари и грустные девы с глазами, полными неразделенной любви и явным отсутствием мужской компании. Иными словами, сюда стекался весь город, дожидаясь вялого внимания билетного контролера и, между делом, глазея поверх голов на:

КИНГ КОНГ — ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА!

— Что это такое? — спросила Десятая Авеню, сверкнув глазами из-под лихо сдвинутого кепи.

— Говорят, что-то вроде большой гориллы, — ответил Парк, томно выглядывая из-под шелковой шляпки, так же кокетливо опущенной до бровей.

— Мне показалось, или вы действительно пытаетесь меня надуть? — немного нерешительно переспросила Десятая Авеню.

— Брось ты. Правда, парень, — присоединился к разговору котелок из Бронкса. — Он даже больше слона. Я слышал это прямо от парня, который знаком с братом рабочего сцены... оттуда.

— О-о-о, вот как? — протянул комбинезон стоимостью без двух центов четыре доллара. — А чем занимается этот Конг?.. Выделывает трюки или что-нибудь в этом роде?

— Господи Иисусе! — пробормотало парижское платье. — Какой сброд!!!

— Эй, вы слыхали? — негодующе прошипела широкополая шляпа с Риверсайд-Драйв. — Двадцать баков за место в оркестре — и эта дама еще смеет называть меня сбродом!

А за углом, у входа на сцену, старый мудрый швейцар пропустил Энн с той восхищенной улыбкой и вниманием, которое приберегал только для самых лучших. Но это была другая Энн, внешне совсем не похожая на Энн с острова Гора-Череп.

На Энн также шелестело дорогое парижское платье, и сверкающий девственный шелк приятно облегал и струился по ее изящной фигуре. Его складки почти касались земли, обрываясь лишь у затянутых в серебро щиколоток. Лишь белые плечи и руки девушки были свободны от материи — только они и слепящие медово-золотые волны волос.

— Джек, давай не будем подходить близко к сцене, — настойчиво просила она. — Мне не хотелось бы смотреть на него. Даже когда он закован в цепи. Это снова воскрешает во мне чувства, которые я пережила в тот злосчастный день на острове.

— Тебе вообще не стоило сюда идти, — уныло ответил Дрисколл. — Но Денем настаивает. Он сказал, что мы оба нужны ему для рекламы.

В Дрисколле также не просто было узнать прежнего первого помощника капитана. Он был в смокинге, и даже фигура его стала более стройной, нежели на борту «Скитальца». Дрисколл был гладко выбритый, но, как и раньше, придерживался присущей ему молодцевато-развязной манеры.

— Отчего ж? Я рада присутствовать на открытии, — возразила девушка, — если чем-то могу помочь. Я не забыла, чем обязана мистеру Денему. Кроме того, это работает и на нас!

— Может быть! Но почему-то я не могу так просто поверить... Какое-то беспокойство мешает мне поверить, что дела и дальше пойдут гладко и безмятежно. Хотелось бы мне иметь уверенность Денема! Однако что-то должно произойти! У меня предчувствие...

— Предчувствия? У кого это здесь «предчувствия»? — Вслед за ними через дверь на подмостки влетел Денем. Под стать остальным, это был поистине другой Денем. Денем во фраке, шелковой шляпе и безупречной гарденией в петлице. Оживленный, проницательный Денем,

погруженный в подсчитывание своих, заработанных потом и кровью доходов.

— Привет, Джек! — бросил *этот* Денем. — Хай, Энн! Вы как раз вовремя. И вы оба потрясающе выглядите. Святая Макрель, Энн! Я бесконечно счастлив, что мы тогда разорились на твой гардероб!

— О, это было чудовищной расточительностью! — в глазах Энн промелькнули озорные искорки, когда она вспомнила, как восхитительно дорого обошелся им ее теперешний внешний вид.

— Мы можем себе такое позволить, сестренка. Десять тысяч долларов всего за один вечер! Как вам такое нравится?!

Дрисколл присвистнул.

— А это ведь только начало! Помяните мое слово, каждый вечер, день за днем все будет точно так же, как сегодня. Только лишь еще лучше!

А снаружи, у входа на сцену, старый мудрый швейцар стоял перед дюжиной странных вновь прибывших, которые были одеты в тот сорт костюмов, которые носят во время работы журналисты, — впрочем, этот же сорт одежды всегда можно увидеть на банкирах, врачах, управляющих складами и магазинами, а также на футболистах высшей категории — и все они в рабочее время предпочитают именно такой тип одежды.

— Да, да, да, — успокаивающе соглашался швейцар, — я всех вас знаю, джентльмены. «Сан», «Геральд Трибьюн», «Таймс», «Уорлд-Телли»[1]. Что? Как же я могу вас пропустить? Особенно учитывая вашу привычку выносить из зала чертовски *вызывающие* фотографии. Мистер Денем не давал мне никаких указаний на этот счет.

— Ладно, пропусти их, Джо — окликнул швейцара Денем. — Целая толпа газетчиков, — объяснил он Дрисколлу и Энн. — Между прочим, они здесь, чтобы взять интервью у вас обоих. Возможно, моя находчивость подвела меня — надо было пустить репортеров в первые же секунды шоу, тогда я сорвал бы двойную сенсацию.

[1] Названия британских газет и журналов.

— Ты когда-нибудь давала интервью, дорогая? — беспокойно спросил Дрисколл. Он внезапно вспотел и раскраснелся.

— Только отвечая на вопросы анкет для приема на работу, — пробурчала Энн. — Но сегодня едва ли будет хуже, чем тогда.

— Мисс Дарроу, джентльмены, — крикнул Денем и широким жестом представил девушку репортерам. — ...И мистер Дрисколл, героический первый помощник капитана «Скитальца».

— Ух ты, вот это да! — прошипел фотограф. — Вот это рубец! Ну и рану же, наверное, схлопотал помощник, спасая эту красотку.

— Я слышал, у Вас была масса неприятностей на острове, мистер Дрисколл, — проронил корреспондент из «Таймс».

— Вы не должны превратно воспринимать то, что происходило между ним и Конгом, — вмешалась Энн. — Он оставался совсем один, когда сделал то, о чем вы говорите. Все матросы к тому времени уже погибли.

— Будет вам, на мою долю выпало не так уж много хлопот, — возразил Дрисколл, пробегая пальцами по предательскому воротничку, неожиданно пережавшему горло. — Денем — вот кто справился с Конгом! И я, и матросы сломя голову бежали к шлюпкам с единственным желанием скорее убраться восвояси, на корабль. Но у Денема хватило выдержки остаться на месте и швырнуть в чудовище бомбы.

— Нет, нет и еще раз, нет! Не надо впутывать меня в эту историю! — трезво запротестовал Денем. — Мисс Дарроу — вот в ком все дело. Если бы мы не старались ради нее, нам никогда не удалось бы подобраться так близко к Конгу. Он сам вернулся в деревню... за ней.

— Красавица! — воскликнул воодушевленный репортер какой-то бульварной газетенки, прорвавшийся за крупными изданиями мимо Джо. — Красавица и Чудовище! Бог мой, какой заголовок! Черт меня побери, если он не заработает для меня тоненький ломтик премии!

— Красавица и Чудовище, — восхищенно повторил

Денем и с чувством полного удовлетворения подмигнул Дрисколлу и Энн. — Ну если уж быть откровенным до конца, это уже ваша история.

— Действительно, — нетерпеливо согласился фотограф, — если быть откровенным, мы пришли сюда ради кадров. Надеюсь, вы понимаете?

— Конечно, джентльмены. Но только чуть позже, — пообещал Денем. — Я думаю разрешить вам сделать несколько фотографий прямо на сцене. Но подождем, пока поднимется занавес, и зрители смогут смотреть вместе с нами. Ваши кадры, джентльмены, будут первыми опубликованными фотографиями. Подумайте! Первые фотографии Конга во всем цивилизованном мире! И вы сможете запечатлеть даже мисс Дарроу и мистера Дрисколла, стоящих по обе стороны от нашего мохнатого друга.

— Отличный шанс-с, — заметил через нос кинооператор. — Похоже, сегодня дела пойдут на лад.

— Да, пока все шло замечательно! — поддакнул другой. — Но как тебе понравится, если этот парень, Лион, из «Сан» снова выкинет свой обычный фокус и разместится со своим громадным аппаратом прямо у нас под носом?

— Кто? Я? — негодующе воскликнул человек по имени Лион. — По правде, я рассчитывал улизнуть от этой работы. Да и вообще, вам не стоит обо мне беспокоиться. Моему боссу Бартнетту вряд ли удастся многое высосать из пары фотографий.

— Ну конечно, материала не больше чем на четыре колонки, — с мрачной ухмылкой согласился фотограф из бульварной газеты.

— Скажите, — скептически настроенный репортер из «Сан» обратился к Денему, — вы уверены, что ваша двадцатифутовая обезьянка привязана достаточно крепко? — Он говорил с миссурийской медлительностью в речи и покачивался на пятках в расслабленной позе умудренного игрока в сквош. — Поймите меня правильно, — добавил он, — я спрашиваю лишь потому, что на мне мой лучший выходной костюм, и я не хочу, чтобы разбушевавшийся примат оставил меня без кармана или рукава.

Денем расхохотался, и его беззаботный смех свидетельствовал о глубокой уверенности в себе.

— Взгляните-ка лучше сами, — он позвал их за собой к боковой лесенке сбоку от сцены.

Откинув тяжелый занавес, они увидели Конга. Но загадочный житель острова чудовищ тоже изменился. Он больше не был царем и покровителем монстров. Сидя в громадной стальной клетке, он поник под тяжестью спутанного клубка цепей. Оковы, толщиной с якорную цепь, сбегали с его ссутуленного тела и надежно крепились к кольцу, привинченному болтами к металлическому основанию клетки. Цепи лишали движений его мощные передние лапы и тянули книзу сильные задние, оставляя лишь возможность сидеть на корточках. Только голова была свободна. Монстр немо повернулся к новой аудитории. Как вкратце уже объяснил Денем, Конг упорно молчал уже в течение многих дней, а стальные оковы стягивали его грудь слишком крепко, чтобы он мог барабанить кулаками в мохнатую грудь.

— Все равно, — бросил скептик из «Сан», — если не возражаете, я пропущу вперед коллег, более падких на сенсацию.

— Энн! — позвал Денем. — И вы, Джек, тоже. Я хочу, чтобы, как только занавес поползет вверх, вы оба появились на сцене. А потом встали по обе стороны клетки.

— О, нет, ради Бога! — взмолилась Энн и отпрянула от помоста. Ее лицо стало таким же белоснежным, как и платье.

— Сестренка, не бойся. Подойди, — мягко настаивал Денем. — Все будет в порядке. Мы отлично поработали и поубавили в нем пыла. С тех пор, как ты его видела в последний раз, у Конга значительно меньше желания драться. Он безвреден.

Энн неохотно присоединилась к Дрисколлу и встала на краю сцены. Конг тут же повернул к ней свою громадную голову. Операторы принялись настраивать киноаппараты и электрические вспышки.

— Если я поймаю в кадр златовласую милашку прямо под боком этой гигантской обезьяны, — заметил «буль-

варный» журналист, — газета, наверняка, увеличит мой снимок на всю первую полосу!

— Надеюсь, чертов примат действительно надежно привязан, — проронил корреспондент «Таймс».

— Ха! Еще бы, приятель! Этот Денем не оставит ни шанса на провал любого шоу. Тем более, если речь идет о золотой жиле, которую он сегодня начнет разрабатывать.

Денем ободряюще похлопал Энн по руке.

— Это не продлится очень долго, — заверил он. — Я должен сейчас отойти, чтобы произнести небольшую речь, потом занавес поднимут, и я прошу вас обоих немного попозировать. А после этого, как только закончатся ваши интервью с газетчиками, можете возвращаться в отель.

Энн благодарила провидение, что ее отель находился в девяти кварталах выше по улице. Когда Дрисколл заказал себе комнату в гостинице, расположенной прямо напротив театра, она удивилась такой безрассудности, столь не свойственной первому помощнику капитана «Скитальца».

Денем прошел вдоль занавеса на край сцены и исчез, отбросив радостным жестом тяжелую портьеру. Секундой позже донесся его голос. Газетчики и фотографы ожидали начала шоу со скупым терпением профессионалов, для которых напыщенные речи не представляют никакого интереса. Энн плотнее прижалась к Дрисколлу и благодарно вздохнула, когда он опустил свою ободряющую руку на ее тонкую талию.

Глубоко посаженные глаза Конга пристально изучали эту дерзкую руку, а цепи еле слышно позвякивали.

— Леди и джентльмены, — послышался из-за занавеса голос Денема. — В этот чудесный вечер я пришел к вам, чтобы рассказать прекрасную и в то же время странную историю. Настолько странную и подчас необъяснимую, что никто из вас, скорее всего, в нее не поверит. Но, леди и джентльмены, как говаривали древние, увидеть — значит поверить. И мы — я и мои компаньоны — доставили в этот театр и откроем вашим глазам живое доказательство нашего опасного приключения, приключения, в котором двенадцать человек из нашей партии встретили чудовищную и несправедливую смерть.

Скептик из «Сан» подтолкнул локтем репортера из «Таймс».

— В любом случае эту дюжину не удастся списать на счета Таммани[1], — прошептал он. — Так было на самом деле. Маклейн, собирающий для нас новости с приходящих кораблей, переодетый колонистом, проскользнул на борт судна Денема и получил ту же цифру от старого дедушки-матроса — Эй-Би[2]

— В моей газете упоминалось только о девяти погибших, — возразил человек из «Таймс».

— Вероятно, для остальных троих не хватило места на полосе, — с довольной ухмылкой съязвил скептик из «Сан».

— Но, прежде чем я поведаю вам саму историю, леди и джентльмены, — лился голос Денема из-за портьеры, — мне бы хотелось, чтобы вы сами взглянули на это чудо. Я собираюсь показать вам величайший вид, на котором когда-либо останавливались ваши глаза. Я собираюсь показать вам того, кто долгие годы был царем и богом далекого мира, который знал достаточно хорошо. Но теперь он пришел в нашу цивилизацию в качестве пленника выставочного экспоната, чтобы удовлетворять ненасытное человеческое любопытство. Леди и джентльмены! Раскройте глаза и посмотрите на Конга — восьмое чудо света наших дней!

Занавес взлетел к небу, и в мгновение ока публика, все до одного, оказалась на ногах. Бормотание, вздохи, испуганные, сдержанные вскрики пробежали по рядам театра. Губы Денема растянулись в широкой, полной самодовольства и триумфа улыбке фокусника.

Голова Конга на сцене тревожно раскачивалась из стороны в сторону, а цепи тихо, но нескончаемо звенели,

1 Таммани — система подкупа в политической жизни США.

2 Эй-Би — матрос 1-ой статьи —. по имени Лампи.

словно какая-то мысль не давала ему покоя и он колебался.

— А сейчас, — объявил Денем, и его руки потянулись за кулисы, где стояли Энн и Дрисколл, — позвольте представить вам мисс Энн Дарроу, самую отважную девушку, какую мне когда-либо выпадала честь знать. — Здесь, рядом со мной, — продолжал он, пока зрители снова занимали свои места и аплодировали. — Красавица. А вон там — Чудовище. Мисс Дарроу, леди и джентльмены, получила тот жизненный опыт, о котором любая другая женщина может только мечтать и о котором я поведаю позже. К нашей общей радости, она была спасена из крепких объятий Конга мистером Джоном Дрисколлом, храбрым и решительным первым помощником капитана «Скитальца».

Дрисколл, оказавшийся явно не в своей тарелке, смущенный и покрасневший, стоял возле Энн; а публика, в полной уверенности, что перед ней завязывается и распускается яркий и прекрасный роман, бормотала приветствия и восхваления в честь изящной светловолосой девушки и ее молодцеватого шикарного на вид спасителя.

— И последнее, — продолжал Денем. — Перед тем, как я расскажу вам историю нашего странствия от начала до конца, выйдут на сцену фотографы из лучших газет. И вы, первые зрители, бросившие взгляд на Конга, также получите привилегию стать свидетелями фотоснимков Чудовища, сделанных впервые с момента его пленения.

Цепи Конга не переставали слабо подрагивать и звенеть, в то время как на подмостки, бесстрастно, громко топая каблуками, высыпали фотографы и расположились перед ярким светом рамп. Человек по имени Лион шустро юркнул вперед и, загораживая спиной вид остальным, приник к окошку фотокамеры; коллеги возмущенно созерцали его пренебрежение к себе.

Денем подвел Энн ближе к клетке. Она безмолвно умоляла избавить ее от этого, но, когда режиссер неодобрительно покачал головой, попыталась спрятать страх за неуверенной улыбкой. К тому же, фотокорреспонденты шепчущим хором тоже просили ее улыбнуться, и девушка делала все, на что только была способна. Вспышки аппаратов монотонно разрывались шарами электрического света, наводняя сцену ослепительным сиянием.

Конг скривил подвижные губы, открыв длинные ряды острых белых зубов, и неожиданно для всех, зарычал. В первый раз за многие дни он обрел свой мощный голос. Его раскатистый рев оглушительно кружил по залу и эхом отдавался от сводчатого потолка. Публика повскакивала на ноги, а Дрисколл еще плотнее поджал губы — дурные предчувствия не оставляли его ни на минуту. Энн едва подавила рвавшийся наружу крик и неосознанно отпрянула назад, так, чтобы помощник капитана «Скитальца» оказался между ней и клеткой. Но Денем лишь громко расхохотался, успокаивая перепуганную аудиторию.

— Не тревожьтесь, леди и джентльмены, — крикнул он, покрывая своим сильным голосом шум и ропот зрителей. — Цепи Конга отлиты из отличной хромированной стали. Он останется там, где сидит! Раскаты голоса Конга упали до тихого ворчания, но перезвон цепей стал слышен теперь намного отчетливей.

— Мисс Дарроу, встаньте, пожалуйста, снова поближе к зверю, — настаивали фотографы.

Ослепительное сияние вновь наполнило собой подмостки. Энн, закрывая лицо руками, отпрянула под волной яркого света. Дрисколл нетерпеливо посмотрел в сторону Денема.

— Теперь все будет хорошо, Энн, — обнадежил он девушку. — Мне кажется, наша роль, наконец, подходит к завершению.

— Подождите минуту! — распорядился Денем. — Еще раз, все вместе.

Белое сияние в третий раз полыхнуло через сцену. Конг раскрыл пасть и из глубины широкой мохнатой груди послышалось рычание. А когда Дрисколл обнял машинально талию Энн, стремясь защитить от этого грозного рыка, плененный зверь-бог яростно повел плечами. Его дикий гнев был катаклизмом примитивных эмоций, вздымавшихся из глубин его сокровенного бытия.

— Святая Макрель! — прошептал Денем. — Он думает, что вы собираетесь напасть на нее, Джек! Остановитесь! Остановитесь! — И он возбужденно кинулся к фотографам.

Но Конг уже поднимался. Его могучее тело, которое до этого цепи вынуждали согнуться и припадать к полу, неожиданно и чудовищно распрямилось. Голова Конга с размаху ударила в потолок клетки, и хваленые стальные прутья с ужасным треском подались и остались вяло болтаться в воздухе. Черные волосатые руки, сотрясая оторванными звеньями цепей, выбили дробь на широкой груди. Исполинская ступня, с грохотом разметав обе цепи и кольцо, которое секунду назад притягивало стальные оковы к полу, ухватилась за еле устоявшую решетку, отделявшую его от вожделенной невесты.

Паника превратила достойную публику в стонущее, визжащее, кричащее стадо. Они готовы были разорвать друг друга на куски, лишь бы отыскать лазейку и выбраться наружу.

Дрисколл вскинул Энн на руки и ринулся сквозь толпу перепуганных газетчиков к специальному выходу со сцены. За его спиной под ладонями Конга лопнули металлические прутья, и тут же звериный рев потряс стены театра.

— В мой отель! — крикнул Дрисколл на ухо девушке, — Он через улицу напротив.

— Отпусти же меня! — выдохнула Энн. — Получится намного быстрее, если ты позволишь мне бежать самой.

Они не оглядываясь уносили ноги по узкому проходу, который вел от сцены и вливался в тротуар к ближайшей авеню. Перебежав на другую сторону улицы и миновав вращающуюся дверь, Дрисколл впервые оглянулся назад. Конг в этот момент выбрался из здания театра, выломав косяк массивной двери с мощью снаряда, выпущенного из тяжелого орудия.

— В лифт! — крикнул Дрисколл и, таща за собой Энн, влетел в ожидавшую кабину.

За смыкающимися створками лифта, они, едва переводя дыхание, видели, как Конг вломился в фойе гостиницы. Детектив отеля выскочил из-за колонны и, разрядив револьвер в гигантского непрошенного гостя, недоверчиво посмотрел на свое оружие, когда Конг стремительно развернулся и, не потеряв от ран и капли сил, проломился сквозь огромную витрину обратно на улицу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Оказавшись за закрытыми дверьми апартаментов Дрисколла, Энн повалилась на кровать.

— Я не могу этого вынести, Джек! Не могу!!! Все это как ужасный сон... словно... я опять вернулась туда... на остров.

— Здесь мы в полной безопасности. Я не оставлю тебя, милая. Они справятся с ним, вот увидишь. В конце концов все будет хорошо!

Дрисколл встал перед девушкой на колени и, когда глубокие истерические всхлипывания сменились у нее мучительными рыданиями, едва сдержался, чтобы не рассмеяться над ней:

— Тебе вовсе не обязательно плакать теперь, когда все неприятности позади.

Энн с удрученной медлительностью вытерла с глаз слезы, но этим лишь размазала по лицу скромно наложенную косметику.

Дрисколл, все еще улыбаясь, поднялся на ноги и шагнул к ближайшей стене, жестами увлекая за собой Энн.

— Иди сюда! У меня есть для тебя такое, что наверняка заставит тебя улыбнуться. Послушай, что творится на телефонной линии в соседнем номере.

Притянув ее поближе к запертой двери, соединяющей

обе комнаты, он побудил ее прислушаться к пронзительному сопрано, звучавшему оттуда словно из-за дверей ночного клуба.

— Да, Джимми! Да... это Мэйбл... Смело ставь сотню на то, что я рада твоему возвращению... Говори громче, Джимми. Здесь такой шум, словно мимо проносятся самолеты... А ты как думал, этот вечер я приберегла для тебя... Да, в десять часов было бы просто чудесно... Где скажешь...

— Джек, нам не пристало подслушивать за людьми вот так, стоя у них прямо под дверью, — недовольно проворчала Энн.

— Ерунда! — отмахнулся Дрисколл. — Почему нет, если это сможет тебя развеселить?

— ...Жду не дождусь снова услышать от тебя эти слова, но потерпи, пока не увидишь меня в новом наряде... Это здорово, малыш!.. Хорошо... Ну конечно, я буду там... Ха! Вспомни-ка, я когда-нибудь обманывала тебя? Хоть раз не являлась к тебе на свидание, малыш-Джимми?.. Абсолютно! Ты еще сомневаешь... Аааа-аааа-аааа!!!!

Наигранное веселье Дрисколла мгновенно испарилось, когда этот забавный монолог оборвался высоким задыхающимся воплем:

— О, Господи! Джимми!! Джимми!!! Джи...

Дрисколл, не сразу сообразив, в чем дело, метнулся к двери. Он успел повернуть ключ только на один оборот, когда черная пятерня Конга с силой ворвалась в окно. Стекло разлетелось дождем серебряных брызг, усыпав комнату мелкими острыми осколками. Шум битого стекла и отчаянные крики Энн заставили Дрисколла обернуться. Поворачиваясь, он заметил обрывок цепи, а в следующую секунду перед глазами у него потемнело: Конг легким движением пальцев отшвырнул его к стене, и помощник капитана «Скитальца» без сознания распластался на ковре.

Зверь дернул на себя кровать и, подтащив ее ближе, поднял девушку сквозь развороченное окно. Усадив ее в ладони, словно в колыбели, он держал Энн с той удиви-

тельной заботой, которую матросы отметили еще во время первого похищения. Из горла бога чудовищ вырвался победный рев, и он прыгнул со стены отеля на крышу примыкающего здания.

Дрисколл быстро пришел в себя, но удар все еще давал о себе знать — помощник еле стоял на ногах. Пошатываясь, он доковылял до подоконника и, чуть не порезав руки, выглянул наружу. Огромная темная фигура лишь мелькнула и тут же исчезла из виду, затерявшись между коньками крыш.

— Денем! — безумно заорал Дрисколл. — Денем! Где вы? Вы должны остановить...

Осознав тщетность своих собственных усилий, он кинулся обратно к двери и спотыкаясь побрел по коридору к лифтам.

А внизу, в глубине узких каньонов Нью-Йорка, улицы готовились к фантастической, беспощадной погоне. С двух десятков постов, где выжидали своего часа патрули, рванулись радиофицированные полицейские автомобили, расчищая перед собой визжащими сиренами узкие трассы посреди бесконечного потока машин. Сотни полицейских дубинок загрохотали по мостовым, пробуждая к жизни сотни других. А дальше к югу, на Центральной улице, дюжина вооруженных автоматами копов на мотоциклах, вылетела из главного полицейского управления, а следом вырулили многоцилиндровые автомобили высших чинов.

— ...Как этой чертовой зверюге удалось выбраться на свободу? Такие цепи могли бы выдержать тяжелый военный танк...

— ...Вызовите несколько пожарных бригад! Сегодняшняя работка потребует изрядной сноровки и длинных лестниц...

— ...Очистите улицы! Уберите всех с улиц!!! Всех...

Дрисколл оттолкнул лифтера в сторону и собственноручно опустил кабину на первый этаж. Он пулей выскочил в фойе и чуть не столкнулся с запыхавшимся Денемом, когда тот показался в окружении полицейских из-за угла отеля.

— Он вскарабкался наверх по стене гостиницы, офицер! Да не качайте головами, чертовы вы идиоты! Я же сам видел. Этот зверь может лазить даже по гладкому мрамору!

— Денем! — окликнул его Дрисколл. — *Он похитил ее!!!*

Денем замер, сраженный новым поворотом событий. Его до боли стиснутые кулаки добрую минуту сотрясали воздух поверх ливня отборных ругательств. Один из копов откинул полу куртки и выхватил револьвер. Радиофицированные патрули друг за другом выплескивались на тротуары возле отеля, продираясь по шесть машин в колонне сквозь сомкнутые клещи двухстороннего движения.

— Смотрите! — плотная толпа перед гостиницей разлилась единым протяжным воплем.

Двумя кварталами дальше по авеню, на гребне крыши в сиянии электрических огней на мгновение появился Конг. Энн виднелась лишь маленьким белым пятнышком в его изогнутой крюком левой ладони. Полицейские без толку палили в след богу чудовищ, в то время как тот карабкался по отвесной стене высотного здания, пока не растворился во тьме.

— Всем забраться в пожарную машину, — выкрикнул сержант, а потом скомандовал водителю: — Гони вперед, водолей!

Копы облепили машину, и Дрисколлу с Денемом едва хватило в ней места. В последний момент они вскочили на борт, и грузовик, визжа шинами, рванул с тротуара.

Тяжелый, неповоротливый автомобиль колесил по городу, стараясь нагнать мохнатого похитителя.

— Дуй прямо! — распоряжался сержант. — Он направлялся на восток в сторону Шестой Авеню. Проедем на квартал дальше того места, где мы его видели в последний раз. Остановись там!

Когда они спрыгнули на мостовую, чтобы осмотреться, Конг будто сквозь землю канул. Однако какой-то водитель такси, перебежав на другую сторону пустынной ули-

цы и спрятавшись под тенью нависающей эстакады, махнул рукой дальше на восток.

— Он спрыгнул! — прокричал им таксист, все еще отказываясь верить своим глазам. — Он спрыгнул. Вон с того здания... прямо на железнодорожные пути. А с рельсов надземки перемахнул к другому дому... на той стороне.

— Рассредоточиться! — приказал сержант. — Оцепить весь квартал!

Чуть дальше к востоку, пересекая Мэдисон, опережая звуки завывающих сирен, проносились желтые мигалки. Сообразительный водитель пожарной до упора вдавил собственный клаксон. Желтые мигалки рванули вперед и застыли. Заикающийся рев мотоциклов пробился сквозь урчание глохнущих моторов, и комиссар полиции с полным эскортом детективов выбрался из черного лимузина.

— Послушайте, Денем, автоматные пули смогут уложить вашего монстра?

— Я полагаю, этого будет вполне достаточно.

— Вы уже загнали его в угол?

— Мы потеряли его как раз здесь, сэр, — виновато ответил сержант.

В восточной части квартала послышались револьверные выстрелы.

— Я послал несколько человек оцепить квартал, господин комиссар, — объяснил ситуацию сержант.

— За ним!

Вереница автомобилей вырулила на Шестую Авеню, миновала блок зданий, повернула опять на восток и, выскочив к проулку с указателем одностороннего движения, резко остановилась, взвизгнув тормозами. Мотоциклы сопровождения ревели впереди, с обоих флангов и позади процессии, словно противоторпедные катера вокруг боевого флагмана на рейде. Последним тащился дребезжащий грузовик.

На углу Пятой Авеню дрожащий коп яростно указывал на юг. Но и в этом направлении Конга не было видно.

— Если бы мы только знали, куда именно тянет вашего черноволосого дикаря! — в сердцах воскликнул комиссар.

— У меня есть кое-какие догадки на этот счет, — поморщившись сказал Дрисколл. — Наверняка, это какое-то место на верхотуре. Конг привык к горам. Он и на острове обитал среди скал. Чем выше он забирается, тем в большей безопасности от врагов он чувствует себя. Если в этом районе существует здание, которое возвышается над всеми остальными домами, это как раз то, что нам нужно. Мы, без сомнения, найдем его там, на самой вершине.

— Так вот почему они выстроили Импайр Стейт Билдинг на тысячу футов в небо и даже выше, — задумчиво протянул комиссар. Его явно не радовала перспектива восхождения.

— Вздор! — выпалил туповатый старший детектив.

— Дрисколл прав, — вмешался Денем. — В нашей игре это лучшая ставка.

— К тому же, я полагаю — единственная, — внес свою поправку комиссар. — Пошли, нечего терять время!

Теперь их окружала дюжина репортеров и на улице постепенно собиралась толпа любопытных. Комиссару, пробиравшемуся к машине, пришлось расталкивать их плечами. Денем и Дрисколл поспешили юркнуть вслед за ним.

— Там! Там! Да нет, дальше по улице!

Гигантский призрак подал голос.

С момента похищения девушки Конг показался в третий раз, и опять был слишком далеко, опять вне досягаемости полицейских пуль. На короткое мгновение он припал к коньку крыши, и его огромный темный силуэт заслонил яркую иллюминацию Нью-Йорка. Но через секунду монстр снова исчез.

— Поехали! Черт бы побрал этих зевак, выруливай отсюда! — раздраженно приказал комиссар водителю. Черный лимузин осторожно пробуравил толпу и покатил прочь, туда, где квадратная башня Импайр-Стейт устремляла свой венец в ночное небо, рассекая своей громадой мерцающую дымку белого света.

Они вовремя достигли угла здания, чтобы стать свидетелями сцены, в которую никто их них не мог поверить,

хотя каждый смотрел во все глаза. Конг сжался, словно пружина, и сделал прыжок с крыши дома, стоявшего на противоположной стороне. Его черное, гибкое, и чудовищное тело изогнулось длинной дугой и плавно заскользило над пропастью между зданиями. В три секунды одолев невероятное расстояние, Конг приземлился на нижнюю секцию конструкции небоскреба. А затем он пополз вверх, цепляясь за узкие края оконных ниш — от одного к другому, от одного к другому — с непередаваемым упорством. Наконец божественный зверь скрылся за уступом первого уровня.

Пока Дрисколл, Денем и комиссар вылезали из машины, Конг вскарабкался до половины второго уровня.

— Не стрелять! — коротко бросил комиссар. — Девушка по-прежнему у него.

На этот счет не могло быть ошибки — белое платье Энн выглядывало из-под скрюченных пальцев левой руки монстра — и которой он не пользовался для подъема!

— Забросьте автоматчиков вверх на лифтах, — распорядился комиссар. — Ему в жизни не забраться на самый верх! Мы сможем перехватить его на крыше одного из уровней.

Дрисколл грубо перехватил руку комиссара.

— Вам никогда не поймать Кинг Конга ни на какой крыше! — в бешенстве воскликнул он. — Я же говорил вам, он лезет на вершину горы! Только на вершину!

— Не кипятитесь, Джек! — остановил его Денем.

— Это правда! Смотрите! Он снова карабкается вверх!

Теперь Конг был так высоко, что размеры его фигуры казались меньше даже человеческой, и тем не менее, он упрямо полз вверх. Черный силуэт на фоне серых известковых стен подтягивал мощное тело от уступа к уступу, пока не окунулся в яркое половодье иллюминации, заливавшее грани купола. Но и тогда он продолжал карабкаться ввысь.

— Но для девушки — это конец, — проронил сержант полиции. Если мы подстрелим его на такой высоте, она неминуемо разобьется!

— Подождите минутку! — крикнул Дрисколл. Есть еще кое-что, о чем мы даже не подумали.

Комиссар внимательно посмотрел на Дрисколла.

— Армейские самолеты! — объяснил тот. — С аэродрома Рузвельта. Возможно, они найдут способ обезвредить Конга, так чтобы Энн не пострадала.

— Это действительно шанс. — Комиссар ухватился за идею. — Свяжитесь с аэродромом, мистер О'Брайен. И как можно быстрее.

— Я пойду в здание. Там есть лифт... — бросил Дрисколл, ослабляя воротник сорочки. — Хочется самому взглянуть, так ли уж трудно взобраться на гору Конга.

— Я с вами, Джек, — откликнулся Денем.

Комиссар кивнул полудюжине офицеров, вооруженных полуавтоматическими винтовками, и те беспрекословно вошли следом.

— Позвольте мне взять одну из этих штучек, — попросил Дрисколл, когда они шли по прохладному коридору небоскреба.

Один из копов мельком глянул на сержанта и, получив подтверждающий кивок, протянул оружие Дрисколлу.

— Я умею обращаться с такими вещами, — заверил сержанта Дрисколл, — Денем, подтвердите им, что у меня порой получается соединять мушку с прорезью прицела.

— Верно, он неплохой стрелок, — сказал Денем. — Я сказал бы, даже очень неплохой, — хрипло добавил он.

Поднявшись на лифте до последнего этажа, они столкнулись со значительным препятствием. Никто заранее не подумал о ключах к дверям, ведущим на смотровую площадку, и пришлось разыскивать сторожа.

— Прислушайтесь! — шепнул Дрисколл.

Откуда-то издалека к ним доносился рокот самолетов, целой эскадрильи самолетов!

— Старая добрая армия! — сказал Денем, попытавшись улыбнуться.

Самолеты с зелеными и красными огоньками на оконечностях крыльев и хвостового оперения вынырнули из темноты. Теперь их можно было увидеть — высоко в небе

летели шесть истребителей. Они виднелись намного выше купола небоскреба, так высоко, что их красные и зеленые огоньки почти сливались. Один за другим, они ложились на крыло и падали из-под звезд, со свистом рассекая воздух.

Конг взревел, задирая голову к небу. Барабанные нотки его кулаков выросли до дикой дроби.

— Мы можем наблюдать отсюда, — махнул остальным Дрисколл и повел их через окно к дальнему углу площадки, примыкавшей к крыше самого последнего уровня. А над головами людей, на краю смотровой площадки, Конг своим рычанием бросал вызов стальным птицам, заходившим в атаку после высокой «свечки».

Энн, в сверкающем белом платье, не двигаясь, лежала между крепко упиравшимися ногами Чудовища.

Второй истребитель пронесся слишком близко; очевидно, летчик надеялся «подстричь» Конга кончиком крыла. Когда самолет по кривой уже уходил вверх, его крыло с треском отвалилось. Конг был тем, кто нанес роковой удар. Его огромная лапа молниеносно взлетела в воздух и с силой обрушилась на истребитель. Монстр покачнулся, а самолет, потеряв управление и сбившись с намеченной траектории, кувыркаясь устремился вниз. Дрисколл видел, как он, чиркнув корпусом о стену небоскреба, беспомощно падал к далекой мостовой. На полпути к земле фюзеляж охватило пламя, раздался страшный взрыв, и бесконечно малые светящиеся обломки, словно потревоженный пчелиный рой, заполнили собой все пространство.

— Они возвращаются! — сказал Денем. — Вся пятерка идет на новый заход.

— И на этот раз, — осмелился на пророчество Дрисколл, — они откроют огонь. Им вполне достаточно пространства для маневра. Когда Конг распрямляется, чтобы порычать и поколотить себя в грудь, Энн остается у его ног. Парни могут изрешетить Конгу всю грудь, не боясь при этом задеть пулями девушку.

— Все, что мы с вами можем сделать, так это только молиться. Мне так кажется, — проговорил сержант.

— Что ж, молитесь, если хотите, — ответил Дрисколл. — А у меня есть дела поважнее. Я буду ждать за дверью, которая ведет на смотровую площадку. Когда Конг получит все, что ему причитается, мне хотелось бы быть поблизости.

Денем промолчал, но пошел вслед за Дрисколлом. Сержант, после минутного колебания, тоже присоединился к ним.

К тому времени, когда Дрисколл добрался к двери, истребители опять карабкались на воздушную «горку», и Конг был полностью поглощен воздушными соперниками. Его глаза бешено вращались, стопы намертво впились пальцами в парапет, а легкие вплетали в порывы ночного ветра утробный яростный рев.

В вышине, среди звезд, едва заметно мигнули красно-зеленые огоньки ведущего, и самолет внезапно пошел в атаку.

Конг сильно ударил кулаком в грудь, готовясь к новой схватке, и выпрямился во весь рост.

Дрисколл отпер дверь, отворил ее до узкой щелки и принялся ждать подходящего момента.

Истребитель быстро приближался по длинной, стремительной дуге. На долю секунды он, казалось, завис в воздухе, словно гигантская жужжащая птица выбирала, куда бы получше вцепиться клювом в грудь врагу-зверю; но потом легко ушел вбок и взмыл в небо. Однако в короткое мгновение этой паузы крупнокалиберный пулемет выплюнул в Конга изрядную порцию свинца.

Дрисколл, внимательно следивший за атакой, мог бы поклясться, что видел, как пули рвали в клочья жесткий мех Конга, кучно ложась в области сердца.

Конг пошатнулся, теряя равновесие. Он не смог устоять на ногах и сделал шаг назад, откатив тело девушки от парапета обратно на крышу.

Зверь медленно повернулся, будто хотел подобрать Энн на руки. Он напрягся, пытаясь водворить сорвавшуюся ногу на место. Бог чудовищ, согнувшись, внимательно посмотрел на девушку озадаченным раненным взгля-

дом. Конг вздрогнул, его легкие разрывались от приступов кашля.

А истребители один за другим падали из чернеющих глубин ночи. Конг взревел, но его мощный голос треснул и оборвался грубым раздирающим кашлем. Но он выпрямился, расправил плечи, и его барабанная дробь зазвучала так же громко, как всегда.

Самолеты легкой стайкой пикировали на небоскреб, замирая на короткие смертельные мгновения, и моментально уносились прочь. Треск многочисленных пулеметов слился в единый грохот, заглушая отчаянные удары Конга. Он снова покачнулся и, несмотря на твердую хватку ступней, начал крениться и заваливаться на спину.

Он дрался до конца. Из последних сил он удержался на ногах и метнулся вслед замыкающему истребителю, когда тот, возвращаясь, заложил вираж. Он промахнулся, но этот сильный рывок вытянул его из распростертых объятий пропасти. Задыхаясь высоко в небе над человеческой цивилизацией, погубившей и уничтожившей его, он висел в том же королевском одиночестве, к которому привык на острове Гора-Череп. Его пальцы медленно слабели, разгибаясь под тяжестью исполинского тела.

Он рухнул с высоты небоскреба к ногам своих завоевателей.

Дрисколл поднял Энн на ноги и крепко прижал к себе.

— Энн! Энн!!! Ты в порядке?

Девушка упала к нему на грудь и тихо плакала, преисполненная нежной благодарности.

Денем с сержантом перегнулись через парапет.

— Ну! — проронил полицейский. — Вот это зрелище! Я-то уж подумал, что даже летчикам ни за что не справиться с ним.

— Летчики здесь ни при чем... — задумчиво возразил Денем.

— Не понял?..

— Красавица... Чудовище как всегда покорила Кра-са-ви-ца...

Озадаченный сержант помрачнел еще сильнее.

СОДЕРЖАНИЕ

Джон Беркли

ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА: МИЛЛИОНЫ ЛЕТ СПУСТЯ **5**

Эдгар Уоллес и Мэриан Купер

КИНГ КОНГ **257**

Редакция выражает благодарность журналам «БРАВО» и «Видео-Асс» за предоставленные фотоматериалы.

Художник — *В. Зорин*
Художник черно-белых иллюстраций — *Ю. Абрамов*
Корректор — *Т. Сологуб*

Подписано в печать 15.09.93г. Формат 84x108/32
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 24,36 п.л. Тираж 150.000 экз.
Заказ 2116. С20.

Издательство «Эрика»: 115408, г. Москва, а/я 10, «Эрика».

Отпечатано с оригинал-макета издательства «Эрика» в издательско-полиграфическом предприятии «Янтарный сказ».
236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

СКОРО

в серии

БС БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

знаменитый роман
всемирно известного
писателя

Джеймса Клавелла

«СЁГУН»

Джеймс Клавелл — неотразим! Перевернув первые страницы его романов, вы прочтете их не отрываясь до самого конца. Сюжет захватывает вас настолько, что вы забываете, кто вы и где находитесь.

Нью-Йорк Таймс Бук Ревью

«Сёгун» это...
приключения, интрига, любовь...
смерть, кровопролитие и секс...
Это колоссальный роман, который понравится всем.

Лайбрери Джорнал

«Сёгун» сделал для Востока то же, что «Унесенные ветром» для Запада.

Тайм Мэгэзин

Романы Клавелла — ...устрашают своей загадочностью. Это лучшее, что я когда-либо читал.

Ян Флеминг

В этой серии будут изданы все сочинения Джеймса Клавелла, вошедшие в его знаменитый «Азиатский цикл».

Частный издательский дом «Видео-Асс» выпускает шесть журналов:

«Видео-Асс», «Видео-Асс» ЭКСПРЕСС, «Видео-Асс» ПРЕМЬЕР, «Видео-Асс» САТЕЛЛИТ, «Видео-Асс» ФАВОРИТ, «Видео-Асс» ДЕНДИ.

«Видео-Асс» САТЕЛЛИТ издается в сотрудничестве с французским журналом «Telesatellite».

«Видео-Асс» ПРЕМЬЕР издается в сотрудничестве с французским журналом «Premiere».

Общий тираж наших периодических изданий — 1 миллион экземпляров.

«Видео-Асс» специализируется на кино- и видеопроблематике, выпуске справочников, каталогов, технической и прочей литературе.

«Видео-Асс» ДЕНДИ — журнал для любителей фантастики и приключений в играх и в кино.

«Видео-Асс» вошел в международные структуры центров, архивов и фестивалей по проблемам кино и видео.

Издательский дом «Видео-Асс» представляет на территории России и стран Содружества интересы пресс-группы АШЕТТ.

Мы готовы:

связать Вас с нашими многочисленными зарубежными партнерами;

предоставить страницы наших изданий для Вашей рекламы;

отпустить оптовые партии наших изданий для реализации со значительной торговой скидкой.

Наш адрес:

Москва, 109280, Велозаводская, 6А.

Гл. Редактор: Владимир Борев.
Телефоны редакции и отдела реализации — 118-89-55, 118-89-47.

В СЕРИИ

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

ВЫШЛИ:	ВЫЙДУТ:
Чужой Бегущий по лезвию бритвы Вспомнить все	Скалолаз
Кошмар на улице Вязов Молчание ягнят	Последний киногерой
Универсальный солдат Чужой-3	Чернокнижник
Привидение Попутчик Ребенок Розмари	Индиана Джонс и Храм Рока
Роман о камне Жемчужина Нила	Робокоп II
Робокоп Другие 48 часов Полуночный ковбой	Робокоп III
Искатели потерянного Ковчега Индиана Джонс и последний Крестовый поход	Крепкий орешек II
	Хищник I
	Хищник II
	Палач
	Дерево Джошуа
	Честь семьи Прицци
	Шесть дней Кондора
	Конвой
	Дикие гуси

В СЕРИИ

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

ВЫШЛИ:	ВЫЙДУТ:
Коммандо Золото Маккенны Мыс страха	Некуда бежать
Чужие Крепкий орешек Конан-варвар	Горец I
Бэтмэн Бэтмэн возвращается Бэтмэн: по следу Спектра	Горец II
Кобра Семейная тайна	Горец III
Хищник III Кокон	Инопланетянин
Дракула Пятница, 13-е	Жажда смерти
Основной инстинкт Крамер против Крамера	Психоз
Красная жара Военные игры Поезд-беглец	Восставшие из Ада I
	Восставшие из Ада II
	Восставшие из Ада III
	Сёгун
	Трюкач
	Невезучие
	Смертельное оружие I
	Смертельное оружие II
	Смертельное оружие III

А также многие другие произведения.

ПОПУЛЯРНЕЙШИЙ

ЕВРОПЕЙСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ

«BRAVO»

В

РОССИИ!

Русское издание популярнейшего европейского молодежного журнала «BRAVO» выходит в России с марта 1993 года, объемом 32 красочно иллюстрированные страницы отличного полиграфического качества, тиражом 500.000 эк.

Журнал охватывает весь спектр интересов современной молодежи: поп- и рок-музыка, кино, сексуальное воспитание и т.д.

По вопросам приобретения журнала обращайтесь по телефонам:

(095) 971-55-25,
(095) 971-55-71.

Факс.: (095) 975-365-58.

ПОПУЛЯРНЕЙШИЙ

ЕВРОПЕЙСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ

«BRAVO»

на русском языке!